

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П. Средний палеолит Леванта	3
Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И., Лозей Р.Дж., Новиков А.Г., Вебер А.В. Кости животных из ранних комплексов многослойного поселения Саган-Заба II (9 120–7 880 кал. л.н.) в Прибайкалье: планиграфия, хозяйственная деятельность и сезонность использования стоянки	37

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Мыльников В.П., Тишкун А.А. Жесткие деревянные основы седел с памятника Яломан II на Алтае: междисциплинарный анализ	47
Фролов Я.В. Меч скифского времени – новая находка с территории лесостепного Алтая	56
Адаев В.Н., Зимина О.Ю. Каркасно-столбовые жилища наземного типа в Западной Сибири: археолого-этнографические параллели	63
Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М. Новые материалы по конскому снаряжению раннесакского времени из Восточного Казахстана	72
Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. «Клад литейщика» позднекротовской (черноозерской) культуры памятника Тартас-1 в лесостепной Барабе	79
Бородовский А.П., Табарев А.В. Моделирование процессов деформации костяных наконечников по данным археологии и эксперимента	87
Глушкова Т.Н., Сенюрина Ю.А., Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тканые, вязаные и плетеные изделия XVII–XVIII веков из Тарской крепости	93
Кирюшин К.Ю., Степанова Н.Ф. Керамика эпохи энеолита с поселения Новоильинка III (Северная Кулуんだ)	101

ЭТНОГРАФИЯ

Арзютов Д.В. <i>Шатра и юрт</i> : «обратный адрес» в ритуале у алтайцев	111
Иванов В.А. Расселение башкирских племен накануне и в период вхождения Башкирии в состав Русского государства	121
Ансимова О.К., Голубкова О.В. Мифологические персонажи домашнего пространства в народных верованиях русских (этнографический и лексикографический аспекты)	130

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

Зубова А.В. Состав мезолитического и неолитического населения лесостепной полосы Восточно-Европейской равнины по одонтологическим материалам	139
Чикишева Т.А., Слепченко С.М., Зубова А.В., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Дроздов Н.И., Лысенко Д.Н. Антропологическая характеристика нижней челюсти и первого шейного позвонка (атланта) с местонахождения Афонты Гора II	150

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	158
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	159

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

A.P. Derevianko. The Middle Paleolithic of the Levant	3
T.Y. Nomokonova, O.I. Goriunova, R.J. Losey, A.G. Novikov, and A.W. Weber. Faunal Remains from the Early Complexes of the Sagan-Zaba II Multilayered Habitation Site (9120–7880 cal. BP) in the Cis-Baikal: Planigraphy, Subsistence Patterns, and Seasonality	37

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

V.P. Mylnikov and A.A. Tishkin. Wooden Saddle Trees from Yaloman II in the Altai: An Interdisciplinary Analysis	47
Y.V. Frolov. A Scythian Age Sword from the Forest-Steppe Altai	56
V.N. Adayev and O.Y. Zimina. Above-Ground Frame Buildings in Western Siberia: Archaeological and Ethnographic Parallels	63
B.B. Besetayev and E.M. Kariyev. New Evidence on the Early Saka Horse Harness from Eastern Kazakhstan	72
V.I. Molodin, I.A. Durakov, and L.S. Kobeleva. “Caster’s Cache” from Tartas-1, Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Culture, Baraba Forest-Steppe	79
A.P. Borodovsky and A.V. Tabarev. Modeling the Deformation of Bone Points: Archaeological and Experimental Data	87
T.N. Glushkova, Y.A. Senyurina, S.F. Tataurov, and S.S. Tikhonov. Woven, Knitted, and Wattled 17th–18th Century Textiles from Tara Fortress, Western Siberia	93
K.Y. Kiryushin and N.F. Stepanova. Ceramics from Novoilyinka III, a Chalcolithic Site in Kulunda, Western Siberia	101

ETHNOLOGY

D.V. Arzyutov. <i>Shatra</i> and <i>Jurt</i> : The “Return Address” In the Altaian Ritual	111
V.A. Ivanov. The distribution of Bashkir tribes before and during their integration into the Russian State	121
O.K. Ansimova and O.V. Golubkova. Mythological Characters of the Domestic Space in Russian Folk Beliefs: Lexicographic and Ethnographic Aspects	130

ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS

A.V. Zubova. Dental Anthropology of the Mesolithic and Neolithic Populations of the Eastern European Forest-Steppe Zone	139
T.A. Chikisheva, S.M. Slepchenko, A.V. Zubova, V.S. Slavinsky, A.A. Tsybankov, N.I. Drozdov, and D.N. Lysenko. An Upper Paleolithic Human Mandible and a First Cervical Vertebra from Afontova Gora II	150

ABBREVIATION	158
CONTRIBUTORS	159

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.003-036
УДК 903.2

А.П. Деревянко

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Средний палеолит Леванта*

*В статье рассматриваются особенности становления и развития культуры среднего палеолита в Леванте, в одном из ключевых районов первобытной ойкумены. Технокомплексы на этой территории имели много общих технико-типологических показателей, что позволяет рассматривать их в рамках единой левантской среднепалеолитической индустрии, заметно отличающейся от синхронных технокомплексов в Африке и Евразии. Общность выражается прежде всего в использовании сходных приемов обработки камня, связанных с появлением и распространением леваллуазского и пластинчатого расщепления, которое сложилось на автохтонной ашело-ябрудийской основе. Создателями этой индустрии являлись люди современного физического типа и палестинские неандертальцы, формирование которых происходило на протяжении среднего плейстоцена на основе метисного таксона, образованного в результате гибридизации *Homo heidelbergensis* и автохтонных популяций.*

Ключевые слова: ашело-ябрудийская индустрия, средний палеолит, мустье, плеистоцен, леваллуа, пластинчатая индустрия, *H. heidelbergensis*, *H. neanderthalensis*, *H. sapiens*.

A.P. Derevianko

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

The Middle Paleolithic of the Levant

*The study explores the origin and development of the Middle Paleolithic in the Levant—a region critical for understanding the dispersal of anatomically modern humans. Technological and typological features of the regional Middle Paleolithic industry indicate its distinctiveness, opposing it to other contemporaneous industries of Africa and Eurasia. Peculiarities concern reduction techniques related to the emergence and spread of the Levallois and blade technique, which had local Acheulo-Yabrudian roots. The Levantine Middle Paleolithic industry was associated with both anatomically modern humans and Palestinian Neandertals, who had originated during the Middle Pleistocene from a taxon that was an outcome of hybridization between *Homo heidelbergensis* and local archaic hominins.*

Keywords: Acheulo-Yabrudian industry, Middle Paleolithic, Moustierian, Pleistocene, Levallois, blade industry, *H. heidelbergensis*, *H. neanderthalensis*, *H. sapiens*.

Введение

На Ближнем Востоке наиболее хорошо изученным является средний палеолит Леванта, к его исследованию обращались многие крупные специалисты Европы и Америки. Это имело большое положительное значение, потому что в результате полевых изысканий на многослойных хорошо стратифицированных

пещерных и открытого типа местонахождениях был получен огромный материал, обобщенный впоследствии в крупных монографиях и сотнях статей. Отрицательным является то, что находки из одних и тех же местонахождений рассредоточены в научных учреждениях разных стран, а часть их, видимо, безвозвратно утеряна. Печальным примером может быть судьба одного из уникальных местонахождений открытого

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

типа Кзар-Акил, которое исследовалось различными специалистами. Его богатейшие коллекции хранятся в разных научных учреждениях, но некоторые артефакты, вероятно, утрачены [Marks, Volkman, 1986].

В данной работе мы проанализировали опубликованные результаты исследований среднего палеолита Леванта и сформулировали гипотезы по ключевым аспектам культурогенеза и антропогенеза на этой территории. При построении обобщений мы исходили из следующих базовых предположений. Средний палеолит Леванта принципиально отличался от среднекаменного века Африки и мустье Европы. Истоки среднего палеолита Леванта уходят в ашело-ябрудийскую индустрию, поэтому необходимо отказаться от термина «мустье Леванта». Создателями мустьевской индустрии были европейские неандертальцы. В Леванте в среднем плейстоцене* с приходом на эту территорию *H. heidelbergensis* происходил эволюционный процесс, в результате которого сформировались *H. sapiens* (Схул и Кафзех) и палестинские неандертальцы (Амуд, Кебара, Табун).

Археологический аспект

Среднепалеолитические технокомплексы Леванта являются одними из ярких и оригинальных среди индустрий Африки и Евразии. Эту особенность подчеркивали многие исследователи [Bar-Yosef, 2006; Hovers, Belfer-Cohen, 2013; и др.]. Одна из первых исследователей среднего палеолита Израиля Д. Гаррод в пещере Табун в слоях D, C, B выявила индустрию, которая включала изделия как леваллуазские, так и типологически близкие к мустьевским ретушированным орудиям. Она назвала эту индустрию леваллуа-мустьевской, разделив ее на раннюю (слои D, C), которая представлена треугольными отщепами и удлиненными заготовками, а также большим количеством орудий верхнепалеолитических типов, и позднюю (слой B и верхняя галерея) с большим количеством скребел и довольно редкими леваллуазскими остриями [The Stone Age..., 1937]. Причем и ранние, и поздние материалы, с точки зрения технологии, составляли определенное единство и отличались от синхронных европейских коллекций. Мнение Д. Гаррод по проблеме градации среднего палеолита Леванта находит поддержку у большинства исследователей до конца 1940-х гг., а ее технологический подход к изучению каменных индустрий используется и сегодня.

*Мы рассматриваем плейстоцен в хронологических границах европейской схемы. Деление МИС 5 приводится в соответствии с указанными в ссылках работами ученых, в которых используются буквенные и цифровые обозначения периодов.

С 1950-х гг. леваллуа-мустье исследователи называют левантским мустье.

Л. Коуплэнд разделила средний палеолит Леванта на три стадии – Табун D, C, B в соответствии с основной стратиграфической последовательностью в пещере Табун, являющейся уникальным палеолитическим памятником, материалы которого представляют единую линию развития каменных индустрий от ашеля до финала среднего палеолита [Copeland, 1975]. Это, конечно, не исключает возможность больших перерывов в осадконакоплении и заселении пещеры человеком.

Важно отметить, что пластины и орудия верхнепалеолитических типов спорадически обнаруживаются во всей стратиграфической последовательности отложений. Нижние слои пещеры (G и F) содержат тэйякскую индустрию развитого ашеля. В вышележащем слое E найдены нелеваллуазские изделия из пластин в сочетании с ашело-ябрудийской индустрией с бифасами. Верхние слои пещеры (D, C, B) отнесены к среднему палеолиту [Монигал, 2001].

Исследователи среднего палеолита Леванта при изучении каменного инвентаря опираются в основном на его технологические характеристики. А. Маркс обращает внимание на то, что в процессе типологического анализа все специалисты выделяют определенные типы орудий: продольные скребла, концевые скребки; отмечают различия между ножами с обушком и плохо ретушированными скреблами. Однако такие орудия, как рекле и псевдолеваллуазские острия, выемчатые орудия и мустьевские транше не всегда определимы и не всеми исследователями включаются в типологические списки. Технологические характеристики данных орудий более показательны, чем их типологическая классификация [Marks, 1992].

Средний палеолит Леванта занимает особое место среди палеолитических индустрий второй половины среднего – первой половины верхнего плейстоцена. Во-первых, Левант был связан постоянным сухопутным переходом с Африкой, по которому беспрепятственно могли передвигаться популяции людей и животных. Во-вторых, существенные изменения природно-климатических условий в период 400–50 тыс. л.н. обусловливали частую смену адаптационных стратегий и способствовали появлению инноваций или возвращению старых способов в первичной и вторичной обработке камня. В-третьих, природно-климатические флуктуации вызывали миграции как внутри Аравийского полуострова, так и за его пределами. В-четвертых, палеолит Леванта, особенно Израиля, является одним из хорошо изученных в Евразии. В-пятых, на территории Леванта в среднем палеолите обитали два таксона: люди современного анатомического вида и палестинские неандертальцы.

Среднепалеолитические слои в пещере Табун датировались разными методами, и для них имеется доста-

Таблица 1. Даты для пещеры Табун, тыс. л.н.*

Слой (по Гаррод)	Подразделение Елинека	EU-, ESR-даты (средние значения)	LU-, ESR-даты (средние значения)	Усредненная дата (ESR- и US-методы)	TL-дата (средние значения)	Осадочный материал
Расщелина	—	—	—	—	—	Краснозем
B	—	82 ± 14	92 ± 18	90 ⁺³⁰ ₋₁₆	—	Почва
C	I	102 ± 17	122 ± 16	104 ⁺³³ ₋₁₈	—	»
D	II	120 ± 16	140 ± 21	135 ⁺⁶⁰ ₋₃₀	165 ± 16	Ил
	V	133 ± 13	203 ± 26	143 ⁺⁴¹ ₋₂₈	196 ± 21	»
	IX	—	—	—	222 ± 27	»
		—	—	—	256 ± 26	»

*По: [Zviely et al., 2009].

точно много хронологических определений (табл. 1). Для отложений в пещере Табун, кроме указанных в таблице, имеются и другие даты. С учетом определений для других местонахождений, обнаруженных в регионе, этапы среднего палеолита Леванта можно датировать следующим образом: ранний – 260 (250)–165 (150) тыс. л.н., средний – 165 (150)–100 (90) тыс. л.н., поздний – 100 (90)–55 (50) тыс. л.н.

Ранний этап в развитии среднепалеолитической индустрии Леванта отличается высоким индексом пластин, удлиненными остриями, большим разнообразием орудий верхнепалеолитических типов (резцы, скребки, проколки, усеченные орудия, ножи со спинкой), которые встречаются в сочетании с более типичными для среднего палеолита скреблами различной модификации и зубчато-выемчатыми орудиями; некоторые типы изделий были характерны для ашело-ябрудийской индустрии.

Л. Мейгнен с учетом собственных моделей операционной цепочки и реконструкций Э. Боёды [Boëda, 1995] разделяет среднепалеолитические нуклеусы на две группы: для получения удлиненных заготовок (пластин и острия) и относительно удлиненных заготовок (пластин и удлиненные отщепы) [Meignen, 1994, 2000]. Для раннего этапа среднего палеолита Леванта наиболее типична технология первичного расщепления, прослеживаемая по материалам местонахождений Табун D, Рош-эйн-Мор [Marks, Monigal, 1995], Хайоним, Абу-Сиф [Meignen, 1998, 2000; и др.]. Для этих и других местонахождений, расположенных в прибрежных и окраинных районах Леванта, характерна индустрия с высоким индексом пластин (рис. 1).

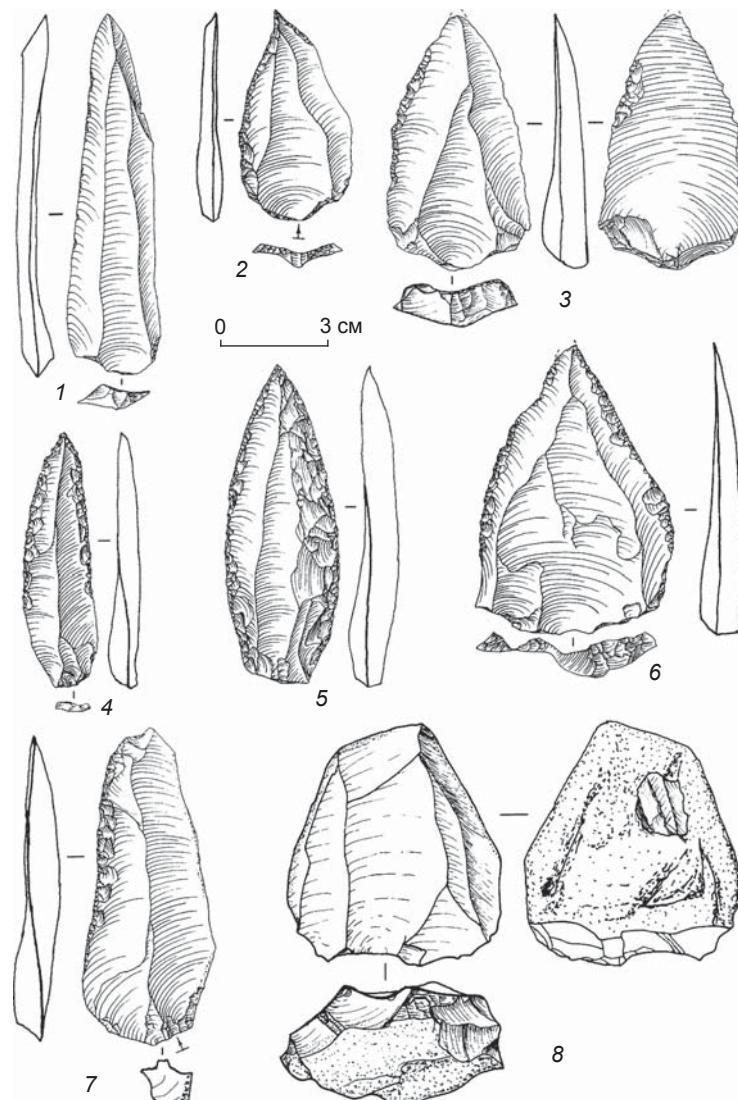

Рис. 1. Находки из местонахождения Табун IX [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2015].

1 – леваллуазский остроконечник; 2, 3, 6 – леваллуазские остроконечники с ретушью; 4, 5 – ретушированные пластины; 7 – скребло с естественно притупленной спинкой; 8 – леваллуазский нуклеус.

Среди материалов левантинского раннего среднего палеолита преобладают одноплоскодочные конвергентные, биполярные и объемные нуклеусы, в т.ч. призматические и пирамидальные для изготовления пластин одно-, двухнаправленного и центростремительного расщепления, а также ядрища, у которых в качестве рабочей площадки использовалась как вся поверхность, так и ее часть [Marks, Monigal, 1995; Монигал, 2001].

Р. Шимельмитц и С.М. Кун, анализируя находки из слоя Табун D, выявили еще одну очень важную особенность систематического расщепления ядрищ. В рамках одной последовательности обработки разных участков поверхности нуклеуса леваллуа изготавливались пластины, отщепы леваллуа и леваллуазские острия, одновременно использовалась односторонняя техника, предусматривавшая редукцию ядрища [Shimelmitz, Kuhn, 2013]. Эта техническая традиция хорошо прослеживается на более раннем этапе

в амудийской индустрии, обнаруженной в пещере Кесем [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011].

Подобное разнообразие технических систем оформления нуклеусов для получения различных заготовок было прослежено по ашельским комплексам Леванта [Goren-Inbar, Belfer-Cohen, 1998]. Указанными исследователями выдвинуто предположение о том, что каждый морфологический тип является отражением специфической стратегии расщепления нуклеуса.

Артефакты раннего этапа среднего палеолита из слоя Табун D отражают также использование нескольких технических систем изготовления каменных орудий [Meignen, 2000]. На территорию Леванта в раннем плейстоцене и первой половине среднего не проникали мигранты с другой технико-типологической индустрией, поэтому дальнейшее развитие среднепалеолитической индустрии типов Табун С и В основывалось на уже сформировавшейся индустрии раннего этапа среднего палеолита. Следует признать справедливым вывод Л. Мейгнен о том, что технология изготовления пластинчатых лезвий, распространенных в верхнем палеолите, базировалась на мустерьских (среднепалеолитических. – А.Д.) знаниях, которые сформировались 150–200 тыс. л.н., задолго до появления морфологически современного человека [Ibid., p. 166].

С самого раннего этапа среднего палеолита на некоторых местонахождениях преобладали пластинчатые заготовки. Так, на местонахождении Табун D индекс пластин среди целых заготовок составляет 50,1. Индекс пластин в раннем среднем палеолите Леванта варьирует в пределах 20, хотя и скальвавшиеся с нуклеусов отщепы, и острия часто использовались в качестве заготовок при изготовлении каменных орудий [Монигал, 2001]. Это предопределяло разнообразие стратегий первичного расщепления для получения заготовок. Удлиненные заготовки, обнаруженные в нижних горизонтах пещеры Хайоним (215–180 тыс. л.н.), на местонахождении Рош-эн-Мор (210 тыс. л.н.), в ранне-, среднепалеолитических горизонтах пещеры Мислия (250–160 тыс. л.н.), – результат расщепления нуклеусов, напоминающих верхнепалеолитические и сосуществовавших с леваллуазскими ядрищами, которые служили для скальвания укороченных заготовок (рис. 2). Пластины

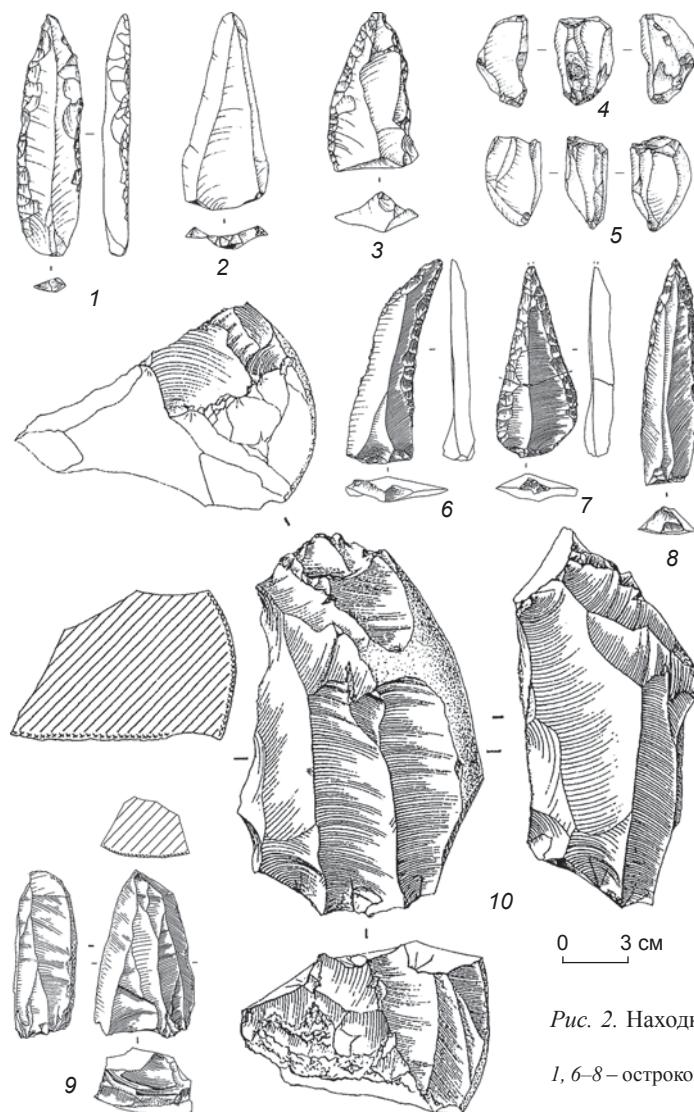

Рис. 2. Найдены из пещер Мислия (1–5) [Weinstein-Evron et al., 2015] и Хайоним (6–10) [Meignen, 2000].
1, 6–8 – остроконечники типа абу-сиф; 2 – остроконечник леваллуа; 3 – боковое скребло; 4, 5, 9, 10 – нуклеусы.

и пластинчатые заготовки часто использовали для различных операций без дополнительного оформления ретушью. Среди изделий со следами вторичной обработки преобладают скребла, удлиненные остроконечники, проколки, орудия усеченной формы, ножи со спинкой и др.

В целом ранне-, среднепалеолитическую индустрию Табун D характеризуют однополярные суживающиеся (подтреугольные в плане) нуклеусы, с которых скальывали заготовки в виде пластин и удлиненные острия. Правильные в плане пластины получали также из нелеваллуазских нуклеусов. Отщепы и более короткие остроконечники с широким основанием скальывали с биполярных нуклеусов. В этой индустрии воплощены различные леваллуазские способы расщепления, в т.ч. снятие отщепов с овальных, радиально подготовленных нуклеусов. В ней нашла отражение не только доминировавшая леваллуазская система расщепления, но и другие стратегии редукции. Индустрии раннего этапа среднего палеолита существовали на протяжении 100–90 тыс. лет. Этому длительному периоду соответствуют разное соотношение приемов леваллуазского и нелеваллуазского расщепления, а также использование в качестве заготовок пластин и отщепов, что, видимо, было связано со сменой адаптационных стратегий. По основным технико-типологическим показателям индустрия раннего периода левантского среднего палеолита близка к индустрии верхнего палеолита. Сходство проявляется в способах первично-го расщепления и наличии скребков, резцов, проколок и некоторых других изделий.

Примечательно, что материалы раннего этапа среднего каменного века Африки, MSA I, принципиально отличающиеся от синхронных левантийских коллекций, также включают заметное количество верхнепалеолитических изделий и представляют стратегии первичного расщепления, которые исчезают на следующем этапе – MSA II. Подобное прослеживается по более поздней среднепалеолитической индустрии Табун C, которую ориентировано следует отнести к 165 (150)–100 (90) тыс. л.н. На этапе левантийского среднего палеолита индустрия Табун C в значительной степени утратила пластинчатый характер (рис. 3). Почти исчезли нуклеусы, с которых производились однонаправленные снятия пластин и леваллуазских остроконечников. Леваллуазских остроконечников и верхнепалеолитических орудий очень мало. В первичном расщеплении доминирующим приемом было снятие классических овальных

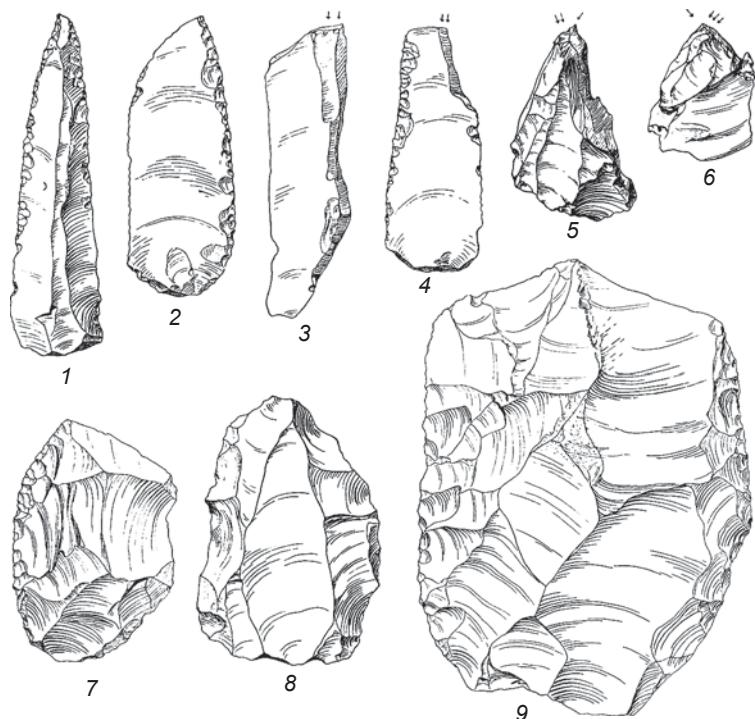

Рис. 3. Найдки из местонахождения Табун С [The Stone Age..., 1937].
1 – остроконечник; 2 – скребло; 3–6 – резцы; 7, 9 – скребла; 8 – нуклеус.

леваллуазских отщепов с радиально подготовленных нуклеусов. Для этой индустрии характерно радиальное и биполярное расщепление. Среди орудийного набора преобладают скребла, зубчато-выемчатые изделия, остроконечники типа мустьеcких, ножи с обушком, имеются резцы и др. изделия, изготовленные на отщепах. Среди скребел почти полностью отсутствуют орудия с прямыми краями, преобладают простые выпуклые, двойные и конвергентные [The Stone Age..., 1937; Garrod, 1962; Marks, 1983, 1992; Jelinek, 1982a, b; и др.].

По мнению А. Маркса, различия между индустриями Табун D и Табун C были обусловлены использованием разных стратегий расщепления: в первом случае остроконечники и пластины снимались с одноплощадочных треугольных в плане леваллуазских нуклеусов, во втором – заготовки скальывались методом радиального расщепления. Некоторые различия в орудийном наборе определялись тем, что ретушировались заготовки разного типа. Изменения в технике расщепления могли быть следствием специфической адаптации [Marks, 1992].

Хронологически к среднему палеолиту типа Табун C относятся находки из пещер Схул и Кафзех, в которых обнаружены погребения людей современного вида. Пещера Схул представляет собой углубление под сравнительно небольшим навесом. Глубина пещеры 6 м, ширина 14 м у входа, ориентированного на северо-запад [The Stone Age..., 1937]. Мощность

рыхлых отложений в пещере составляет ок. 3 м, хотя брекчия, прикипевшая к стенам пещеры и находящаяся выше современного уровня отложений, в которой содержится среднепалеолитический материал, свидетельствует о том, что верхняя часть культуроносившего отложений не сохранилась.

Сохранившаяся часть культуроносившего горизонта А имеет мощность 20–25 см. Горизонт перекрывает плотную толщу пещерных отложений (горизонт В₁). Вдоль стен и у входовой части пещеры эту толщу подстилает пачка брекчиевидных прослоек, у стен переслаиваемая сталагмитовыми линзами (горизонт В₂). На отдельных участках, где отсутствует брекчия, расчленить горизонты В₁ и В₂ было практически невозможно. На скальном дне пещеры залегал слой серого песка, содержащего окатанный материал. В карстовой трубе грота выявлен слой песка темно-коричневого цвета (горизонт С).

При раскопках пещеры Схул, а она была раскопана полностью, обнаружено свыше 10 тыс. изделий из кремня, которые составляли единый комплекс. Найдки из горизонта В₁ были патинизированы, а изделия из горизонта В₂ не несли следов патины и имели «свежий» вид (рис. 4). Для индустрии Схул характерны широкие леваллуазские отщепы, которые скрывали с радиальных нуклеусов, одинарные скребла, изготовленные из отщепов, реутилизованные четырехугольные леваллуазские нуклеусы для пластин, леваллуазские треугольные остроконечники с широ-

ким основанием и фасетированной ударной площадкой, резцы. Важно подчеркнуть, что леваллуазских остроконечников в нижнем горизонте по количеству было значительно больше, чем в верхнем, а необработанных леваллуазских широких отщепов в горизонте В₁ по удельному весу больше, чем в слое С.

Даты для культуроносивших горизонтов пещеры Схул относятся к большому временному диапазону. Первые определения выполнены ЭПР-методом по инициативе К. Стингера по двум зубам жвачных животных: EU-даты от 54,6 до 101 тыс. л.н., среднее значение 81 ± 15 тыс. л.н., LU-даты от 77,2 до 119 тыс. л.н., среднее значение 101 ± 12 тыс. л.н. [Stringer et al., 1989]. Методом TL-датирования по шести образцам обожженного кремния установлены такие даты: 166,8–99,0 тыс. л.н., среднее значение 119 ± 18 тыс. л.н. [Mercier et al., 1993]. Ф. МакДермот, используя ЭПР-метод, датировал два образца, которые были отобраны К. Стингером, а также еще три образца из слоя В, и выявил большие различия [McDermott et al., 1993].

По мнению Ф. МакДермута, в пещере Схул, вероятно, были представлены разные по хронологической принадлежности группы людей [*Ibid.*], что подтверждало выводы первых исследователей пещеры Т. МакКона и А. Кейса [McCown, Keith, 1939]. А. Ронен также считал, что погребения в 2-метровой толще пещеры Схул мог разделять значительный промежуток времени [Ronen, 1976].

На основе дат Ф. МакДермута можно выделить раннюю группу гомининов, относящихся к интервалу 110–90 тыс. л.н., и позднюю – 60–40 тыс. л.н. Позднее А. Ронен, опираясь на результаты прямого датирования ЭПР-методом по изотопам урана [Grün et al., 2005], пришел к выводу, что останки людей современного вида следует датировать временем 102 ± 26 тыс. л.н. [Ronen, 2012].

Среди местонахождений на Ближнем Востоке и в Евразии в целом пещера Схул, безусловно, занимает особое место в связи с открытием в ней погребений людей современного вида. Найденные в пещере останки 10 чел. разного возраста постоянно привлекают внимание антропологов. Мы поддерживаем мнение Д. Джохансона о том, что этот антропологический материал является ключом к пониманию процессов сапиентации в мире [Johanson, Blake, 1996], и считаем необходимым проведение в ближайшее время секвенирования ДНК как останков из пещер Схул и Кафзех, так и палестинских неандертальцев.

В пещере Кафзех на территории Израиля также обнаружены останки людей совре-

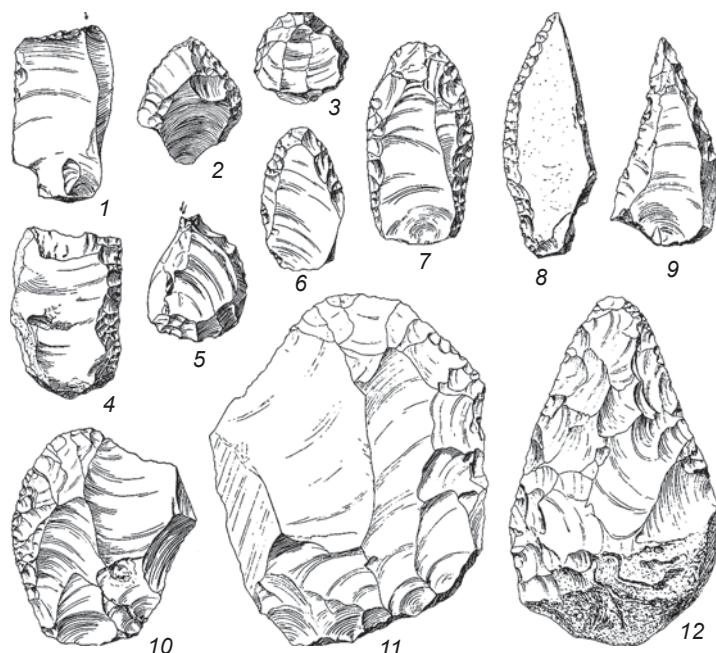

Рис. 4. Найдки из пещеры Схул, слои В₂ (1–7, 10, 12) и В₁ (8, 9, 11) [McCown, 1934].

1, 5 – резцы; 2, 9 – остроконечники с ретушью; 3, 11 – нуклеусы; 4, 6, 7, 10 – скребла; 8 – нож с обушком; 12 – бифас.

менного анатомического вида [Neuville, 1951; Vandermeersch, 1981; Коробков, 1978]. Пещера расположена в 2,5 км к юго-востоку от г. Назарет, ориентирована на юго-запад. Ее ширина 20 м, глубина 12 м. В пещере кроме зала с высоким сводом, к которому примыкает вход, ограниченный с двух сторон каменными стенами и отделенный от грота порогом высотой 1,5 м, имеется т.н. вестибюль, в котором были обнаружены палеоантропологические остатки. Раскопки проводились в 1930–1936 гг. Р. Невиллем и М. Штекелисом, а в 1965–1980 гг. – Б. Вандермеершем во внешней части «вестибюля». Исследователи по-разному маркировали слои: Р. Невилль обозначал их снизу вверх от М до А, а Б. Вандермеерш – от XXIV до I.

К среднему палеолиту по Р. Невиллю относятся слои от М до F, а по Б. Вандермеершу – от XXIV до XI. Р. Невилль характеризует среднепалеолитическую индустрию Кафзеха как леваллуазскую, с обилием леваллуазских острий. Среди них мало удлиненных образцов. Леваллуазские острия в большинстве своем имеют широкое основание и фасетированную ударную площадку. Эти острия без ретуши или с преимущественно однорядной ретушью по одному краю. Скребла изготавливались из отщепов, сколотых с радиальных нуклеусов, и составляли 15–20 % от всех орудий. Отмечено значительное количество зубчато-выемчатых изделий. Обнаружены также анкоши, резцы, ножи с естественной спинкой. В некоторых культурных слоях горизонтах зафиксированы очаги. Р. Невилль всю индустрию из Кафзеха объединял в единый технико-типологический комплекс и считал, что она развивалась на местной основе.

В 1930 г. при раскопках Р. Невилль и М. Штекелис обнаружили останки семи индивидуумов, а в 1934 г. им же удалось найти многочисленные фрагменты скелетов гомининов, в частности четыре черепа. Б. Вандермеерш в ходе раскопок обнаружил скелеты еще 14 индивидуумов. Среди них одним из наиболее полных и хорошо сохранившихся был Кафзех IX – скелет женщины возрастом ок. 20 лет, которая была захоронена с подогнутыми ногами. Всего в нескольких сантиметрах от Кафзех IX залегал скелет ребенка (Кафзех X), погребенного в сильно скорченном положении [Зубов, 2004]. Могильная яма у них была общей.

Средняя дата для Кафзех по всем слоям 92 ± 5 тыс. л.н. [Каuffman, 2002]. Для останков людей современного вида, датированных по зубам ЭПР-методом, имеются даты: 100 ± 10 и 120 ± 8 тыс. л.н. [Grün, Stringer, 1991].

Среднепалеолитическая индустрия Табун С в целом характеризуется преимущественно радиальным расщеплением, по определению Э. Боëды [Boëda, 1988]. Скалываемые с таких нуклеусов отщепы различных размеров являлись заготовками для многих изделий – скребел различных модификаций, зубчато-выемчатых изделий и др. Обнаружены леваллуазские треугольные остроконечники с широким основанием и фасетированной ударной площадкой в виде шляпы жандарма (*chapeau de gendarme*). Они часто не подвергались ретушированию, а если ретушь и наносилась, то была, как правило, односторонней и однорядной.

Финальному этапу среднего палеолита типа Табун В соответствуют преимущественно одноплощадочные однонаправленные леваллуазские нуклеусы, с которых скальвали короткие остроконечники с широким основанием (такие же представлены в нижележащем горизонте), а также пластины и радиальные нуклеусы для скальвания отщепов. В орудийном наборе преобладают скребла боковые и других модификаций, ножи с обушком, зубчато-выемчатые изделия (рис. 5). Л. Коуплэнд рассматривала финальный этап среднего палеолита Леванта как позднейшее сочетание индустрий типа Табун D и Табун C [Copeland, 1975].

Рис. 5. Найдены из местонахождения Табун В [McCown, 1934].
1–3 – ретушированные остроконечники на треугольных отщепах; 4–6 – резцы;
7 – скребло; 8 – остроконечник типа абу-сиф; 9, 10 – нуклеусы.

На территории Леванта исследовались многослойные местонахождения Ракефет, Кебара, Амуд, Эмирех, Кзар-Акил, Бокер-Тактит и др., где культуросодержащие горизонты финала среднего палеолита перекрываются верхнепалеолитическими слоями. Полевые исследования в пещере Кебара, расположенной на горе Кармель, проводились в 1930-е гг. Д. Гаррод и Т. Мак-Куоном. Тогда были выделены горизонты раннего натуфа, позднего периода верхнего палеолита и среднего палеолита. Повторные раскопки позволили уточнить стратиграфию и выявить четыре верхнепалеолитических горизонта, перекрывавших слои финального среднего палеолита [Bar-Yosef et al., 1992; Sarel, Ronen, 2003; Мейгнен, Бар-Йозеф, 2005].

Среди находок из пещеры Кебара, относящихся к позднему этапу среднего палеолита, преобладали отщепы, полученные в результате леваллуазского ресурсного снятия. Скалывание заготовок производилось односторонне конвергентно с нуклеусов, имеющих выпуклый фронт расщепления. По находкам из всех горизонтов можно сделать вывод о том, что первичное снятие заготовок было почти одинаковым. В нижних слоях XII и XI пластины составляли 30 % от числа леваллуазских заготовок. В вышележащих горизонтах X и IX часто встречались леваллуазские острия с широким основанием. Материалы слоев VIII–VI свидетельствуют о сохранении тенденции к получению подтреугольных форм, которые сочетались с подпрямоугольными. В коллекции каждого культуросодержащего горизонта ретушированные изделия составляют ок. 3–4 %.

Л. Мейгнен и О. Бар-Йозеф провели сравнительный анализ среднепалеолитической индустрии Кебара с технокомплексами некоторых других стоянок Леванта [Meignen, Bar-Yosef, 1992]. Главной особенностью индустрии из пещеры, по их мнению, были отщепы и короткие острия с широким основанием, ко-

торые соответствуют индустрии Табун В. Индустрия Кебара близка также к находкам из слоя XXVIII Кзар-Акил, Амуд и особенно слоя В пещеры Сефуним.

Для среднепалеолитических слоев Кебара TL- и ЭПР-методами определены даты, которые укладываются в интервал 48–66 тыс. л.н. [Porat et al., 1994] (табл. 2).

В пещере Кебара обнаружены фрагменты скелета ребенка (Кебара I) и достаточно хорошо сохранившиеся кости нижней части скелета мужчины 25–35 лет [Arensburg et al., 1985; Vandermeersch, 1969, 1981]. Человек был захоронен в неглубокой яме на спине. Рост мужчины ок. 170 см. Антропологи отмечают наличие у него подъязычной кости (*os hyoideum*), по строению практически не отличающейся от подъязычной кости современного человека, что свидетельствует о высоком уровне развития речи. Морфологически гоминин имел сходство с индивидуумами из пещеры Схул, но был более массивен. В культуросодержащем слое вместе с антропологическими останками залегали многочисленные каменные орудия, относящиеся к финалу среднего палеолита типа Табун В.

Антропологические находки, морфологически близкие к Кебара I, обнаружены в небольшой пещере Амуд [Watanabe, 1968; Rak, Kimbel, Hovers, 1994; Ohnuma, 1992]. Для индустрии этого местонахождения в целом характерны основные технико-типологические показатели, типичные для технокомплексов финального этапа среднего палеолита типа Табун В. Нуклеусы в основном двух типов: подтреугольной в плане формы, односторонние для скалывания коротких остроконечников с фасетированной ударной площадкой (*chapeau de gendarme*) и радиальные для снятия отщепов. Небольшое количество нуклеусов можно отнести к нелеваллуазским для снятия пластин. В числе заготовок – ок. 55 пластинчатых отщепов, 750 подтреугольных и треугольных сколов и ок. 200 пластин, длина которых в 2 раза больше ширины, с параллельными краями.

Среди ретушированных орудий выделяются остроконечники с мелкой ретушью преимущественно с дорсальной стороны, концевые и боковые скребки на пластинах и пластинчатых сколах, скребла на отщепах, в основном двойные и конвергентные, а также отщепы и пластины с мелкой ретушью по краю.

В категории орудий следует отметить артефакты верхнепалеолитического типа: изделия с поперечной фаской (*pièces à chanfrein*), проколки, изделия типа сверл, скребки. Некоторые остроконечники имеют основание, оформленное мелкой ретушью; они напоминают эмирейские изделия этого типа. К. Онума, сравнив индустрию из основных позднепалеолитических горизонтов B_4 и B_2 Амуда, пришел к выводу, что, несмотря на некоторые различия, инвентарь обо-

Таблица 2. Даты для пещеры Кебара, тыс. л.н.*

Слой	TL-метод	ЭПР-метод	Другие методы
	Обожженный кремень	Эмаль зубов	
VI	48,3 ± 3,5	53,9 ± 4,6	–
VII	51,9 ± 3,4	66,7 ± 6,0	–
VIII	57,3 ± 4,0	58,2 ± 5,4	–
IX	58,4 ± 4,0	–	–
X	61,6 ± 3,6	–	60 ± 6,0 (EU) 64 ± 6,0 (LU)
XI	60,0 ± 3,5	65,1 ± 5,1	–
XII	59,5 ± 3,5	58,9 ± 5,5	–

*По: [Porat et al., 1994].

их слоев обнаруживает значительное сходство и в целом может быть отнесен к левантийскому мусье типа Табун В [Ohnuma, 1992, р. 103].

Особый интерес вызывает найденное в пещере Амуд захоронение молодого мужчины (Амуд I). Он выделяется среди всех неандертальцев ростом (более 180 см) и объемом мозга (по одним данным 1 740 см³, по другим – 1 800 см³). Наряду с типично неандертальскими чертами (хорошо выраженный надглазничный валик, покатый лоб, низкий свод черепа и др.) у этого индивидуума имеются признаки, отличающие его от классических европейских неандертальцев: свод черепа выше; затылок округлый, без шиньона; зубы небольших размеров, намечается подбородочный выступ, сосцевидные отростки височной кости массивны и др. Амуд I многие антропологи относят к палестинским неандертальцам, близким к представителям группы Схул–Кафзех.

Еще одно местонахождение с антропологическими находками исследовалось на территории Сирии в пещере Дедерьех, в 60 км на северо-запад от Алеппо [Akazawa et al., 1993, 1995a, b; 1999]. Пещера представляет собой большую полость (ширина у входа ок. 15 м, глубина 60 м, максимальная ширина 40 м) со сводчатым куполом высотой более 10 м. Она находится на высоте 450 м над ур. м. на левом берегу вади Дедерьех. Раскопки проводились у входа, где были найдены натуфийские орудия, и в глубине пещеры – индустрия финала среднего палеолита и два погребения. В одном из них обнаружен хорошо сохранившийся скелет ребенка. Всего при раскопках пещеры найдены останки не менее четырех детей и шести взрослых и молодых людей. Результаты раскопок в пещере Дедерьех в российской научной литературе представлены не столь широко, по сравнению с материалами исследований среднего палеолита в Израиле, поэтому остановимся на них несколько подробнее.

На основном участке раскопок в глубине пещеры, где обнаружены неандертальские погребения и индустрия финала среднего палеолита, была выделена последовательность из 15 геологических слоев. С учетом насыщенности археологическими материалами исследователи разделили слои на несколько подуровней. Стратиграфическая последовательность отложений в пещере в целом хорошо выражена: границы между слоями четкие, за исключением пристеночных участков. Все 15 слоев были объединены в четыре пачки снизу вверх: четвертая пачка – слои 15–12, третья – слои 11–7, вторая – слои 6–4, первая – слои 3–1.

В нижней пачке найдено небольшое количество изделий: два леваллуазских нуклеуса с негативами односторонних сколов остроконечников и один радиальный нуклеус для снятия отщепа, конвергентные

и двойные скребла на отщепах и пластинах, ретушированные пластинчатые сколы. Таким образом, в нижних слоях представлена немногочисленная индустрия, типичная для финального среднего палеолита типа Табун В. В слое 13 обнаружена коронка первого моляра верхней челюсти.

В вышележащих слоях третьей пачки было значительно больше орудий, которые полностью соответствовали находкам из нижних горизонтов. Нуклеусы представлены леваллуазскими типами для снятия коротких леваллуазских остроконечников с широким основанием и фасетированной ударной площадкой, а также радиальными формами для скальвания отщепов. В дебитаже преобладали леваллуазские снятия. Большой процент составляют острия, пластины и отщепы с ретушью. Имеются ножи с притупленной спинкой с галечной коркой, зубчато-выемчатые изделия, ретушированные остроконечники с широким основанием, одно- и двухрядные скребла с прямым и выпуклым лезвием на отщепах и пластинах, концевые скребки на пластинах, ретушированные пластины и отщепы. В слое 11 обнаружено захоронение ребенка возрастом ок. 2 лет. Кости в анатомическом порядке находились в специально вырытой яме. На костях грудного отдела лежал отщеп. Рядом с погребением были остатки очага.

Во второй пачке также обнаружены каменные изделия, типичные для финального этапа среднего палеолита. Нуклеусы в основном леваллуазского типа для снятия укороченных острий и отщепов. Материалы слоев этой пачки и нижележащих слоев представляют одну технику оформления ядрищ и утилизации отщепов и пластин. Значительна доля ретушированных пластин, остроконечников и отщепов. Найдены скребла двойные, одинарные и конвергентные с прямым и выпуклым лезвием на отщепах и пластинах, ножи с притупленной спинкой и корковым покрытием, концевые скребки и резцы, ретушированные отщепы и пластины. В слое 6 выявлено несколько очажных пятен и костей диких животных вокруг них. Из слоев 5 и 4 извлечено несколько фрагментов останков гомининов.

В самой верхней пачке по обилию находок выделяется слой 3. Каменный инвентарь залегал в нескольких подуровнях и по технико-типологическим показателям не отличался от инвентаря нижележащих слоев. В слое 3 также прослежены очаги, вокруг которых находились фрагменты костей животных и обугленные остатки растений. В этом слое обнаружен неполный скелет с хорошо сохранившимся лицевым отделом черепа.

Весь каменный инвентарь финального этапа среднего палеолита из пещеры Дедерьех по технико-типологическим показателям составлял единый комплекс, типичный для Табун В. Среди нуклеусов

преобладали леваллуазские формы для снятия укороченных остроконечников и радиальных отщепов. Ретушированию подвергались остроконечники, отщепы и пластины. В коллекции орудий доминировали скребла. По типу рабочего лезвия они делятся на две основные группы: прямые и выпуклые или вогнутые. Лезвие интенсивно обрабатывалось ретушью. Доля скребел увеличивалась снизу вверх. Во всех слоях представлены верхнепалеолитические орудия. Типичны резцы и скребки. Их количество также увеличивалось снизу вверх.

Местонахождение в пещере Дедерьех на основании радиоуглеродного анализа шести образцов датируется периодом от $48\ 100 \pm 1\ 200$ до $53\ 600 \pm 1\ 800$ л.н. Исследователи отмечают, что нижняя дата является предельной для радиоуглеродного метода, и не исключают более древний возраст нижних слоев. По гуминовым кислотам также определен период от 48 до 55 тыс. л.н.

При раскопках пещеры были обнаружены останки представителей разнообразной фауны. В нижней пачке залегали кости дикого козла и муфлона. В третьей пачке кости этих животных преобладали, по сравнению с нижележащими слоями увеличилась численность остатков обитателей степи – газели, носорога, лошади, а также умеренного пояса – благородного оленя, кабана, дикого быка. В верхних слоях доминирующими по количеству костных остатков становятся представители видов, характерных для умеренного пояса, кости оленей составляют ок. 30 % от всех фаунистических находок. Сравнение фаунистических материалов выявило значительные различия между животными, останки которых представлены в четвертой и первой пачках. Исследователи объясняют это тем, что верхние слои накапливались в более влажных условиях и в районе пещеры Дедерьех были распространены лесные массивы. Возможно, с этим связано увеличение количества скребел в верхних культуро-содержащих горизонтах.

Хорошо известная пещера Шанидар на территории Ирака, в которой также были обнаружены погребения неандертальцев, исследовалась в течение четырех сезонов Р. Солецким [Solecki, 1953, 1960, 1975; и др.]. Пещера находится в ущелье, которое прорезает склоны Барадоста, на высоте ок. 360 м над уровнем р. Большой Заб. Вход ориентирован на юг, его ширина 25 м, высота 8 м; длина пещеры 40 м, максимальная ширина 53 м. В рыхлых отложениях в пещере мощностью 14 м выделено четыре культуро-содержащих слоя. Три слоя (A, B, C) относятся к неолиту – позднему палеолиту. Слой D мощностью более 8 м относится к финалу среднего палеолита. Его вскрытие показало, что было пять обрушений потолка, свидетельствующих о землетрясениях. Под грудиной камней обнаружены останки *H. neanderthalensis*.

Заселение пещеры гомининами началось в самом начале процесса заполнения полости рыхлыми отложениями – каменные изделия были найдены на самом дне. Представления о первичном расщеплении позволяют составить немногочисленные сильно сработанные нуклеусы и дебитаж. Среди нуклеусов выделяются истощенные нуклеусы типа радиальных. Помимо отщепов обнаружены остроконечники небольших размеров с расширенным основанием и удлиненные, а также пластины. Очевидно, что в первичном расщеплении наряду с радиальными использовались леваллуазские нуклеусы для снятия остроконечников и пластин, а также нелеваллуазские формы для получения пластинчатых заготовок. Среди орудий преобладали скребла одинарные с прямым, выпуклым и изогнутым лезвием, а также конвергентные, выполненные на пластинах и пластинчатых отщепах. Много орудий, оформленных крутой ретушью, на пластинах и отщепах. Р. Солецкий обнаружил четыре небольших по размерам острия с подтеской, которые отнес к эмирейскому типу. К сожалению, каменный инвентарь из пещеры Шанидар опубликован частично. В целом он имеет сходство с изделиями как позднего этапа среднего палеолита Леванта, так и позднего периода среднего палеолита западной части Переднеазиатского нагорья.

Среднепалеолитическая индустрия Шанидара не имеет твердо установленных дат. Р. Солецкий полагал, что заселение пещеры началось в раннем вюрме, ориентировочно 100–80 тыс. л.н. Для верхней части слоя D имеется радиоуглеродная дата $46\ 900 \pm 1\ 500$ л.н. [Bar-Yosef, 1998].

Неандертальцы из пещеры Шанидар по морфологическим характеристикам несколько отличаются от европейских неандертальцев и от палестинских неандертальцев, останки которых представлены на местонахождениях Амуд, Кебара и Табун. Всего в Шанидаре обнаружены останки девяти неандертальцев (семь взрослых особей и два ребенка), в т.ч. пять черепов. О морфологии этой группы наибольшую информацию удается получить по скелетным остаткам и черепу Шанидар I. В морфологии черепа четко прослеживается ряд архаичных особенностей: сильно развитый, непрерывный надглазничный валик; выступающий шиньонообразный затылок, низкий лоб, выступающая средняя часть лица, отсутствие подбородочного выступа, уплощенная область клыковых ямок и др. А.А. Зубов отмечает, что некоторые черты позволяют отдельным исследователям констатировать сходство этой группы гомининов с классическими западно-европейскими неандертальцами, противопоставляя их гомининам Схул и Кафзех. Однако шанидарцы имели ряд прогрессивных характеристик, что свидетельствует об их отклонении от европейских неандертальцев в сторону сапиентных форм.

А.А. Зубов подвергал сомнению возможность сближения неандертальцев из Шанидара с классическими западно-европейскими неандертальцами [2004, с. 299].

Заслуживает внимания точка зрения Э. Тринкауса на проблему шанидарских неандертальцев [Trinkaus, 1983]. Исследователь отмечает, что по многим анатомическим особенностям шанидарские находки демонстрируют эволюционный застой. У них отмечается индивидуальная изменчивость, но в целом их можно сгруппировать в два основных подварианта. По большей части анатомических особенностей важно отметить гомогенность этой группы. Только в лицевом скелете отмечается некая динамика признаков: появление прогнатизма на среднем уровне лица на фоне более уплощенной и архаичной формы более древних шанидарцев.

Проведенный детальный анализ по разным системам анатомических признаков шанидарских неандертальцев и других представителей верхнеплейстоценовых ближневосточных популяций выявил эволюционные преобразования, которые проходили на этой территории. Они проявляются в изменчивости ряда признаков посткраниального скелета при сравнении ранних неандертальцев с классическими европейскими неандертальцами и не исключают индивидуальную массивность скелетов. У ближневосточных неандертальцев отмечаются незначительные изменения в пропорциях зубов при очевидной изменчивости их абсолютных размеров. Отмеченная изменчивость зубов, сохранение массивности скелета у ряда представителей, как и архаичности некоторых частей черепа дают возможность отличать эти находки от останков синхронных людей современного анатомического вида. Однако особенности лицевого скелета ближневосточных гомининов демонстрируют четкое направление изменчивости от ранних неандертальцев к людям современного анатомического вида, что позволяет провести линию от массивных среднеплейстоценовых гомининов с мощным жевательным аппаратом к грацильным формам, близким к сапиенсам. Шанидарские неандертальцы по признакам посткраниального скелета и передним зубам уступают в прогрессивности людям современного анатомического вида, однако редукция части признаков лица делает их ключевыми в понимании эволюционных преобразований, связанных, в частности, с влиянием культурных инноваций.

Шанидарские гоминины интересуют ученых и с другой точки зрения: тело Шанидар I, погибшего, как полагал Р. Солецкий, от удара обломком горной породы во время землетрясения, сородичи присыпали крупными кусками известняка и более мелкими камнями. По мнению антропологов, этот индивидуум при жизни лишился одной руки. Однорукий человек в то время не мог бы выжить без поддержки и помощи

других членов коллектива. О социальных отношениях внутри популяции свидетельствует и погребение Шанидар IV. После захоронения умершего в специальном углублении сородичи засыпали могилу цветами и лекарственными растениями [Solecki, 1975; Lietava, 1992]. Финальный этап среднего палеолита Леванта связан с проживавшими на этой территории палестинскими неандертальцами, которые морфологически существенно отличались от классических западно-европейских. Индустрия типа Табун В, по заключению Л. Мейгнен и О. Бар-Йозефа, также значительно отличалась от мустерьерских индустрий Европы [Мейгнен, Бар-Йозеф, 2002].

Технико-типологические особенности левантийского мустье освещаются в многочисленных публикациях, поэтому мы остановились только на некоторых местонахождениях среднего палеолита Леванта и не рассматриваем такие важные памятники, как пещера Нахр-Ибрагим, местонахождение Наама, финальные среднепалеолитические комплексы Кзар-Акил, Бокер-Тактит и др. Все среднепалеолитические местонахождения Леванта, в соответствии с тремя стадиями (фазами) Табун D, C, B, различаются по инвентарю, но по основным технико-типологическим показателям составляют единый технико-типологический комплекс, который эволюционировал на протяжении более 200 тыс. лет. Он изменялся под влиянием экологических условий и в ходе контактов с популяциями сопредельных территорий. Но в целом, с нашей точки зрения, развитие среднепалеолитической индустрии Леванта происходило преимущественно на местной основе и было связано с популяциями людей современного вида и палестинскими неандертальцами.

Почти 80 лет не прекращается дискуссия о том, как происходило развитие раннего, среднего и верхнего палеолита Леванта – последовательно или прерывисто. Решение вопроса затруднено тем, что на многослойных палеолитических местонахождениях не всегда удается четко проследить всю последовательность залегания культуросодержащих горизонтов, несмотря на совершенствование методов геохронологии, а также провести корреляцию данных, полученных различными методами при технико-типологическом и сравнительном анализе археологических материалов Леванта; исследователи уделяют основное внимание технологическому анализу в ущерб типологическому; сравнивают материалы полевых исследований памятников, отличающиеся по степени изученности (это особенно влияет на результат при сравнении процентного соотношения тех или иных типов орудий); материалы исследований одного и того же местонахождения находятся в разных местах хранения (примером может быть стоянка Кзар-Акил) и т.д.

Существуют две основные точки зрения на истоки левантийского среднего палеолита. Гипотезу о своеобразии левантийского среднего палеолита (ашело-мустье) и его отличии от западно-европейского, пожалуй, первой высказала Д. Гаррод [The Stone Age..., 1937]. Мы считаем справедливым вывод О. Бар-Йозефа о том, что среднепалеолитические комплексы Леванта составляют особое единство в рамках среднепалеолитической индустрии Африки и Евразии [Bar-Yosef, 2006]. Важная роль технологии получения пластин с помощью леваллуазской и нелеваллуазской систем расщепления – одна из главных особенностей, отличавшая ранне- и среднепалеолитические индустрии Леванта от синхронных индустрий Африки.

В среднекаменном веке Африки леваллуазское расщепление получило широкое распространение, но, как показал Х. Кру [Crew, 1975], оно отличалось от леваллуазского расщепления, использовавшегося в Леванте. Леваллуазская (протолеваллуазская) технология первичного расщепления на территории Леванта впервые появляется в Гешер Бенот Яаков на стадии МИС 18–20 [Goren-Inbar, 2011, III. 8, I]. Если говорить о преемственности в палеолите Леванта, то прежде всего необходимо обратиться к уникальной последовательности культуроодержащих слоев в пещере Табун. В самом нижнем культуроодержащем слое G пещеры наряду с другими орудиями залегали зубчато-выемчатые изделия, обработанные крутой ретушью, одинарные скребла, единичные аморфные резцы, чопперовидные орудия. Нуклеусы представлены укороченными пирамидальными односторонними формами для снятия аморфных пластин и пластинчатых отщепов, а также со следами бессистемного расщепления. В вышележащем слое F наиболее распространеными типами орудий были резцы и скребки. Среди одно- и двухплощадочных нуклеусов выделено четыре леваллуазских.

Материалы нижних слоев G и F пещеры Табун свидетельствуют о том, что в первичном расщеплении использовались леваллуазское и пластинчатое раскалывание, но в целом технология получения заготовок для изготовления орудийного набора была ориентирована на скальвание с ядрищ отщепов. В технологической характеристике индустрии двух нижних горизонтов А. Елинек отмечал минимальную роль леваллуазской техники [Jelinek, 1975]. Однако наличие в индустрии верхнепалеолитических орудий – резцов, скребков – позволило считать ее значительно продвинутой.

В материалах вышележащего слоя E были выделены три фации, или три индустриальных комплекса: 1) ябрудийский, ориентированный в основном на получение отщепов и изготовление скребел типа кина; 2) ашельский, связанный с изготовлением преимуще-

ственno бифасов, скребел и отщепов; 3) амудийский, предназначенный для изготовления пластин и орудий верхнепалеолитического типа [Copeland, 2000]. В начале 1980-х гг. А. Елинек с учетом данных своих раскопок пришел к выводу о том, что все сменяющие друг друга фации индустрии слоя E, включая амудийскую, относятся к мугаранской индустриальной традиции. Наличие разных фаций он объяснял адаптацией древних популяций к различным экологическим условиям [Jelinek, 1981, 1982a, b]. По мнению исследователя, амудийская традиция развивалась постепенно на основе предшествующих местных культурных традиций, а леваллуа-мустьевская индустрия произошла от мугаранской.

Материалы ашельских местонахождений Леванта, с нашей точки зрения, позволяют утверждать, что пластинчатое и леваллуазское расщепление играло не ведущую, но важную роль в получении заготовок для изготовления орудий в индустрии древних популяций региона. На ашело-ябрудийском этапе финального ашеля значение пластинчатых технологий значительно возрастает. И с этим связано появление уже в раннем палеолите нуклеусов, подготовленных для последующего получения заготовок. Их можно разделить на четыре типологические группы: унифасиальные, радиальные, комбева и леваллуазские для получения отщепов. Строго говоря, они были достаточно близки по технологии изготовления от этапа первичного оформления заготовки и до скальвания с них отщепов. Поэтому можно бесконечно дискутировать о том, где впервые появляется тот или иной тип нуклеусов, каким образом и когда он появляется в других районах Евразии [Деревянко, 2016а, б]. Сравнивая финальную ашельскую индустрию Леванта с африканскими и европейскими, О. Бар-Йозеф отмечает, что ашело-ябрудийская группа может рассматриваться как локальная группа, географически ограниченная в своем распространении одним регионом [Bar-Yosef, 1994, р. 257]. В позднеашельской амудийской индустрии пластинчатые заготовки играли большую роль в изготовлении орудий. Яркие свидетельства этого получены при исследовании в пещере Кесем в Израиле [Barkai, Gopher, Shimelmitz, 2005; Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011; и др.].

На базе амудийской индустрии, начальный этап развития которой относится ориентировочно к 400 тыс. л.н. [Shimelmitz, Barkai, Gopher, 2011], сформировался средний палеолит Леванта. Среднепалеолитические индустрии типа Табун D, B, C, по нашему мнению, эволюционно развивались вплоть до верхнего палеолита. Естественно, что за 200 тыс. лет смена палеоэкологических условий в Леванте, изменение адаптационных стратегий, кратковременные контакты с популяциями людей сопредельных территорий и др. причины вносили

некоторые инновации в среднепалеолитический технокомплекс. Причем уже в раннем палеолите могли появляться, а затем со временем исчезать верхнепалеолитические приемы в оформлении нуклеусов и изделия верхнепалеолитического типа; в течение столь продолжительного периода так же могли появляться и исчезать леваллуазские системы.

Противники вывода о преемственности в развитии палеолита в Леванте от ашеля до финала среднего палеолита при доказательстве своей позиции привлекают различные аргументы. Приведем некоторые из них: стоянки среднего палеолита типа Табун D находятся в аридных зонах глубинных территорий Леванта, а стоянки типа Табун C – преимущественно вдоль побережья; мустье типа Табун C исчезло в связи с приходом на юг региона неандертальца, принесшего ок. 75 тыс. л.н. традиции мустье типа Табун B, или продолжало существовать и после появления этого вида до периода миграции в Левант популяции *H. sapiens* с верхнепалеолитическими технологиями; технологии первичного и вторичного расщепления изменились в определенные периоды на протяжении второй половины среднего и первой половины верхнего плейстоцена. Гипотеза о том, что линия развития индустрий финального этапа ашеля и среднего палеолита прерывалась, обосновывается также различиями в процентном соотношении пластин, отщепов и других типов каменных орудий.

Для всех исследователей, в т.ч. для нас, очевидна проявлявшаяся на протяжении всего ашеля и среднего палеолита в Леванте некоторая мозаичность в технологиях первичного расщепления и оформления отдельных типов орудий, в процентном соотношении изделий. Например, на раннем этапе среднего палеолита типа Табун D имеются пирамидальные нуклеусы верхнепалеолитического типа и верхнепалеолитические орудия, на среднепалеолитических местонахождениях типа Табун C они почти не встречаются и вновь появляются на финальном этапе среднего палеолита типа Табун B. С нашей точки зрения, некоторые различия в палеолитической индустрии Леванта были обусловлены изменениями природно-климатических условий, которые заставляли человека разрабатывать новые адаптационные стратегии. Такое же разнообразие палеолитических индустрий наблюдается в Африке, Европе, на Алтае и в других регионах. Как отмечают К.А. Трион и С. МакБриарти, изменения адаптационных стратегий гомининов в переходный период от ашеля к среднему каменному веку в Африке были постепенными и разнохарактерными [Трюон, McBrearty, 2006]. Подобная ситуация фиксируется и в Леванте [Goren-Inbar, 2011], но это не означает, что прерывалась единая линия развития палеолитической индустрии.

Изучение процесса возникновения пластинчатых технологий в Африке и Евразии и особенностей их распространения показывает, что на одних и тех же территориях в среднем и позднем плейстоцене пластинчатые технологии и леваллуазское расщепление неоднократно появлялись и исчезали, сосуществовали с отщепными, доминировали или не играли заметной роли в изготовлении орудий. Сложность характера развития индустрий не всегда была связана с миграционными процессами. Вследствие прихода на территорию, заселенную автохтонной популяцией, людей с другой индустрией могла происходить или диффузия культур, или замещение коренного населения пришлым, что, возможно, приводило к смене всего технокомплекса. В Леванте, с нашей точки зрения, т.н. прерывистость в среднепалеолитических индустриях типа Табун D, C, B не была связана с появлением другого населения, это результат эволюции индустрии в течение 200 тыс. лет. Археологи не могут проследить данный процесс во всех деталях.

Все исследователи среднего палеолита Леванта считают, что 130–100 тыс. л.н. в регион мигрировали популяции людей современного физического типа из Африки. Свидетельством этого процесса являются антропологические останки, обнаруженные в пещерах Схул и Кафзех. Кратко рассмотрим развитие индустрии на юге, востоке и севере Африки, откуда могли мигрировать в Левант люди современного анатомического вида в интервале 200–80 тыс. л.н.

Наиболее раннее проявление пластинчатой технологии в Африке выявлено в Кении в формации Каптурин. В отложениях этой формации в секции K¹³ исследовались стоянки GnJh 42 и 50, которые датируются по ⁴⁰Ar/³⁹Ar 545 ± 3 и 509 ± 9 тыс. л.н. [Johnson, McBrearty, 2010]. Более 95 % всех заготовок на обеих стоянках относились к отщепам (включая фрагменты и угловатые сколы), 2,7 % составляли пластины и их фрагменты. В более поздних литологических горизонтах на стоянках GnJh 3, 15, 17 также была представлена пластинчатая индустрия, которая по технологическим показателям не имела преемственной связи с более древней [McBrearty, Bishop, Kingston, 1996; McBrearty, 1999; McBrearty, Brooks, 2000; Деревянко, 2015].

В Африке преемственность не прослеживается не только между ашельскими местонахождениями в формации Каптурин, но и между ними и местонахождениями среднекаменного века. Последние, пожалуй, лучше всего изучены на юге континента, где имеется много многослойных стоянок в пещерах, под скальными навесами, а также открытого типа. Начало среднего каменного века, или MSA, фиксируется по исчезновению на палеолитических местонахождениях бифасов, кливеров и других изделий, типичных для позднего ашеля. Хронологическая граница пере-

хода определяется по-разному: от 250 до 200 тыс. л.н. Р. Сингер и И. Уаймер, основываясь на материалах раскопок на р. Класиес, выделили несколько стадий развития среднепалеолитической индустрии на юге Африки: MSA I, MSA II, ховисонс порт, MSA III [Singer, Wymer, 1982].

Для раннего этапа MSA I характерно пластинчатое расщепление, но технологически оно никак не связано с индустрией, обнаруженной в формации Каптурин.

Ранний этап MSA I по основным технико-типологическим показателям существенно отличается от предшествующего и последующего. На стадии MSA I пластины снимались мягким отбойником, а на стадии MSA II применялся жесткий отбойник и были типичны фасетированные ударные площадки. По мнению С. Вурц, заготовки, скользившиеся с нуклеусов на этих двух стадиях, существенно различались. На более раннем этапе по сравнению с поздним ширина площадок пластин и остроконечников значительно меньше, а значения отношения длины заготовки к длине площадки выше. Остроконечники на стадии MSA III намного короче, чем на стадиях MSA II и MSA I [Wurz, 2005, р. 433]. В пещере Бломбас из средней части культуросодержащих отложений, обозначенных как фаза М2, были извлечены несколько бифасиально обработанных каменных изделий и более 20 костяных орудий, которые использовались, возможно, в качестве наконечников и шильев [Henshilwood et al., 2001]. Для них TL-методом получены даты: 76 ± 7 и 105 ± 7 и 105 ± 9 тыс. л.н. [D'Errico et al., 2005]. Выше залегал культуросодержащий слой, в котором выявлены артефакты культуры стилбэй. В слое обнаружены ок. 400 двусторонне обработанных наконечников, в т.ч. с хорошо оформленным насадом, более 10 костяных орудий, фрагмент кости с выгравированными продольными линиями. Они датированы TL-методом: от 67 ± 7 до 82 ± 8 тыс. л.н. [Ibid.] и OSL-методом: $75,2 \pm 3,9$ тыс. л.н. [Jacobs, Wintle, Duller, 2003]. Типичными для стадии ховисонс порт, как и для стадии MSA I, являются пирамидальные нуклеусы. На местонахождениях ховисонс порт пластины более мелкие, геометрической формы, с притупленной ретушью спинкой и небольшой ударной площадкой, технологические характеристики которой указывают на снятие заготовки с нуклеуса мягким отбойником. Предназначались они, по мнению исследователей, для изготовления составных орудий.

Орудия геометрической формы с притупленной спинкой – специфика среднего палеолита Африки. Они появились в южной части континента в индустрии форсмит, переходной от ранне- к среднепалеолитическим, и в центральной в индустрии лупембан в самом начале среднего каменного века. Но наибольшее распространение такие орудия получили

на стадии ховисонс порт. Орудия геометрической формы использовались, вероятно, в качестве вкладышей для составных орудий типа остроконечников, ножей и кинжалов, у которых была, скорее всего, деревянная основа, как у более поздних верхнепалеолитических и мезолитических. Индустрию ховисонс порт многие исследователи датируют интервалом 80 (70)–50 тыс. л.н.

В материалах, которые относятся к этапу MSA III, отсутствуют орудия геометрической формы; индустрия в целом характеризуется многими исследователями как более архаичная. Пластинчатое расщепление верхнепалеолитического типа на юге Африки проявляется ок. 30 тыс. л.н. Таким образом, в развитии индустрий на этой территории не прослеживается определенная преемственность: пластинчатая технология появляется в ашеле (ее связь с раннесреднепалеолитической пока не выявлена), затем она исчезает и возникает вновь в верхнем палеолите. Объяснить это только сменой населения невозможно. Появление и исчезновение пластинчатых технологий могли быть обусловлены не только приходом новых популяций, но и сменой адаптационных стратегий, вызванной изменением экологических условий и предполагавшей разработку новых приемов первичной и вторичной обработки камня [Деревянко, 2015]. В коллекциях среднего этапа каменного века юга Африки нет технокомплексов, которые хоть в какой-то мере соответствовали бы технологии первичной и вторичной обработки камня или типам орудийного набора индустрии среднего палеолита Леванта.

Другая линия развития индустрии среднекаменного века прослеживается на севере и северо-востоке африканского континента. На севере наиболее яркой является индустрия атер. В предыдущих номерах журнала мы уже давали краткую характеристику атера [Деревянко, 2015, 2016б].

Для атера наиболее характерно леваллуазское расщепление [McBurney, 1967]. Его основные стратегии: получение острий, отщепов и пластин. Диагностирующий элемент индустрии – изделие с черешком. Прежде всего это наконечники с оформленными ретушью острием и черешком. Ретушь могла быть одно- и двухрядной. Черешок имели скребла, скребки, проколки и резцы, что свидетельствует о широком использовании многофункциональных составных орудий и наличии надежных приемов крепления. На атерийских местонахождениях наиболее многочисленны скребла различной модификации, представлены и зубчато-выемчатые изделия, ножи с обушком. На позднем этапе данной культуры широкое распространение получили острия: с округлым и приостренным черешком, с треугольным и асимметричным основанием, бифасиально обработанные листо-видные. Верхнепалеолитических орудий – скребков,

резцов, пластин с притупленным краем и др., по сравнению со среднепалеолитическими, немного.

Сложной проблемой является датировка атера. В прошлом веке радиоуглеродным методом эта индустрия датировалась 40–20 тыс. л.н. Применение новых методов кардинально изменило взгляд на проблему. Для местонахождения Дар-эс-Солтан в окрестностях г. Рабата получена OSL-дата 110 тыс. л.н. [Barton et al., 2009]. Возраст памятников с аналогичной индустрией в районе г. Темара близок к этому значению. Образец из нижних атерийских слоев в пещере Мугарет-эль-Алия датирован в пределах от 62 ± 5 до 81 ± 9 тыс. л.н. [Wrinn, Rink, 2003]. Атерийская индустрия формировалась, видимо, ок. 112–110 тыс. л.н. и существовала длительное время. Ее какое-либо влияние на среднепалеолитические индустрии Леванта не прослеживается. Единичные атерийские местонахождения известны на территории Аравии. Одно такое местонахождение с поверхностным залеганием культуро-содержащего горизонта открыто на юго-западной окраине пустыни Рубаль-аль-Хали. Здесь собрано 300 атерийских изделий [McClure, 1994], которые, по мнению Х. Макклюра, относятся к 30–20 тыс. л.н.

На севере африканского континента наиболее полно динамику индустрии среднего и раннего верхнего палеолита отражают находки из пещеры Xaya Фтеа в Киренаке, расположенной между Магрибом и Египтом. Мощность рыхлых отложений в ней достигает 14 м. Ч. МакБерни по технико-типологическим характеристикам материалов выделил отложения трех периодов – преориньяка, леваллуа-мустье и верхнего палеолита [McBurney, 1967]. Самому раннему, по его определению, преориньяку соответствует нижняя толща (ок. 0,5 м). Среди каменного инвентаря Ч. МакБерни выделяет плоские призматические нуклеусы с одним фронтом снятия, одно- и двухплощадочные. Орудийный набор (ок. 80 экз.) включает бифасиально обработанные и чопперовидные изделия, резцы, скребки, скребла, фрагменты листовидного остряя, проколки и др. Индустрию из нижнего культуро-содержащего горизонта в пещере Xaya Фтеа по всем основным показателям нельзя отнести к ближневосточному ориньяку. Она, вероятно, имеет отношение к раннему или среднему этапу среднекаменного века Северной Африки; ввиду малочисленности материалов сделать окончательные выводы невозможно. Индустрия свидетельствует об использовании пластинчатого расщепления в изготовлении орудий из пластин.

В Северо-Восточной Африке в долине Нила выделены две разные индустрии: ранненубийская, относящаяся к стадии МИС 5e (~130–115 тыс. л.н.), и поздненубийская, датированная МИС 5a (~85–74 тыс. л.н.) [Mercier et al., 1999; Van Peer, Vermeersch, Paulissen, 2010]. Для первой характерны бифасы лупембанского типа. Они имели преимущественно кольцевидную

и удлиненно-треугольную форму. Для орудийного набора типичны зубчатые и зубчато-выемчатые изделия, которые изготавливались из пластин и отщепов. Среди орудий наибольшую долю составляют скребла различной модификации. Главными признаками, отличающими ранненубийскую индустрию от поздненубийской, являются наличие бифасов, особое оформление леваллуазских нуклеусов.

Между ранней и поздней нубийскими индустриями существует большой временной разрыв. Так, на местонахождении Тарамса-1 в долине нижнего Нила эти два комплекса были изолированы друг от друга слоем песка, относящимся к МИС 5d (117 ± 10 тыс. л.н.) [Van Peer, Vermeersch, Paulissen, 2010]. В пещере Содмейн в Египте поздненубийский горизонт залегает выше ранненубийского. Исследователи считают, что эти две индустрии разделены интервалом ~115–85 тыс. лет. В Африке не известны относящиеся к данному хронологическому диапазону местонахождения с нубийским технокомплексом [Usik et al., 2013; Rose, Marks, 2014; и др.]. В это время на юге Аравии, на территории Омана и Йемена, появилась нубийская индустрия. Возраст нубийского технокомплекса стоянки Айбут-аль-Ауваль в Дхофаре (Южный Оман) ок. 106 тыс. лет [Usik et al., 2013], что, по мнению исследователей, соответствует времени миграции носителей данной индустрии на Аравийский полуостров.

Нубийская леваллуазская технология не оказала большого влияния на индустрию Леванта [Rose, Marks, 2014]. Однако нам представляется, что не следует исключать возможность контактов левантайского населения с более южными популяциями – создателями нубийской леваллуазской технологии – и дрейфа генов между ними. Слабое влияние нубийской технологии на индустрию среднего палеолита Леванта можно объяснить тем, что популяции людей двигались из Африки в Аравию по южному маршруту, а с установлением на Ближнем Востоке аридного климата миграционные потоки значительно уменьшились. Мигрантов с нубийской индустрией из Африки исследователи ассоциируют с людьми современного анатомического вида [Vermeersch et al., 1998; Agmttage et al., 2011; Van Peer, 1998; Usik et al., 2013; Rose, Marks, 2014; и др.].

Рассмотренные нами индустрии раннего и среднего этапов среднекаменного века Африки убедительно свидетельствуют о том, что не было мощного потока мигрантов с этого континента, которые бы принесли в Левант другую технологию и заместили бы там автохтонное население. Вероятно, какие-то группы людей из Африки, например, создатели нубийской индустрии (люди современного вида), проникнув в Аравию, начали контактировать с левантайскими популяциями, между ними могли происходить асси-

миляционные процессы, но заметного влияния на индустрию среднего палеолита это не оказалось. Люди современного вида (Схул и Кафзех) сформировались в Леванте, а не мигрировали из Африки.

Вторая миграционная волна из Западной Европы в Левант двигалась, по мнению многих исследователей, в конце среднего палеолита (80–60 тыс. л.н.), что не находит подтверждения, с нашей точки зрения, при сравнении индустрий финала среднего палеолита региона с мостью Европы.

Индустрия финального этапа среднего палеолита Леванта типа Табун В происхождением была связана с индустрией типа Табун С. Л. Мейгнен и О. Бар-Йозеф, изучив последовательность изготовления орудий в Кебаре, пришли к выводу: леваллуазская техника одностороннего расщепления, распространенная на Ближнем Востоке, отличалась от приемов леваллуа, которые наиболее часто использовались на территориях Египта, Нубии и Ливии. Эти различия выявляются и при сравнении левантинских индустрий с технико-типологическими комплексами, получившими распространение в среднем палеолите Западной Европы [Meignen, Bar-Yosef, 1992, р. 144]. Мы полагаем, что палестинские неандертальцы также сформировались на Ближнем Востоке и морфологически отличались от западно-европейских неандертальцев.

На различных стоянках финала среднего палеолита Леванта применялась в основном леваллуазская система расщепления камня с некоторыми модификациями, тогда как на синхронных местонахождениях Европы – разные техники раскалывания: леваллуа, кина, дисковидная [Мейгнен, Бар-Йозеф, 2002]. Это заключение, на наш взгляд, является еще одним основанием для отказа от отнесения среднего палеолита Леванта к мостьюской индустрии и причисления палестинских неандертальцев к западно-европейским [Деревянко, 2016б].

Антрапологический аспект

За последние 80 лет в Леванте – в пещерах Табун, Схул, Кафзех, Кебара, Шанидар, Дедерьех и др. – найдено значительное количество останков гомининов периодов МИС 5 и 4. Начиная с первых открытий палеоантропологических материалов в пещерах Табун и Схул среди исследователей ведутся оживленные дискуссии относительно их стратиграфического положения, даты, таксономической принадлежности и др. Первые исследователи местонахождений Табун и Схул по-разному интерпретировали костные остатки. Т. МакКоун считал, что палеоантропологические находки из пещеры Схул представляют два разных антропологических типа [McCown, 1934]. Одна

группа (захоронения III, VI–X) является более ранней, другая (I, IV и V) – более поздней. Впоследствии эту точку зрения поддерживал А. Ронен [Ronen, 1976]. Он полагал, что 2-метровая толща отложений слоя В, в котором найдены захоронения, накапливалась в течение длительного времени. А. Кейс, также исследовавший палеоантропологические находки, относил их к неандертальцам, но отмечал, что по сравнению с неандертальцами Европы они более современны. Т. МакКоун и А. Кейс объединяли гомининов Схула с видом *Paleoanthropus palestinensis* [McCown, Keith, 1939]. Морфологические различия между палеоантропологическими находками из пещеры Табун и Схул они объясняли возможной гибридизацией между неандертальцами и кроманьонцами.

Несколько другая точка зрения на эти находки была высказана Ф. Хаузлом. Гомининов из пещер Схул и Кафзех он рассматривал в качестве промежуточного звена в антропогене между неандертальцами Табуна и людьми современного анатомического вида и определял их как протокроманьонцев [Howell, 1958]. Позднее исследователь высказал предположение о принадлежности нижней челюсти из слоя С в пещере Табун *H. sapiens* [Howell, 1999]. В настоящее время специалисты придерживаются единого мнения: в среднем палеолите Леванта обитали два таксона – люди современного антропологического вида (Схул и Кафзех) и неандертальцы (Табун, Амуд, Кебара). В связи с накоплением археологических и палеоантропологических материалов, относящихся к среднему и верхнему плейстоцену Леванта, развернулась дискуссия о последовательном или прерывистом развитии индустрии раннего, среднего и верхнего палеолита, а также о процессе заселения этой территории человеком.

Взгляды ученых на проблему преемственности в индустриях среднего палеолита в Леванте и судьбу людей современного анатомического вида и неандертальцев различны [Stringer, Andrews, 1988; Arensburg, Belfer-Cohen, 1998; Shea, 2001; Мейгнен, Бар-Йозеф, 2002; Кауфман, 2002; Hovers, 2006; Hovers, Belfer-Cohen, 2013; и др.]. Одни исследователи считают, что оба таксона синхронно проживали на территории Леванта в течение непрерывного периода, и пытаются проследить их эволюцию по чертам преемственности в среднепалеолитических индустриях. Другие отвергают возможность происхождения комплексов среднего палеолита Леванта от ашело-ябрудийской индустрии и допускают, что люди современного анатомического вида пришли из Африки, а неандертальцы со своими индустриями – из Европы.

Наиболее последовательным сторонником концепции прерывистого развития среднего и верхнего палеолита, а также замещения людей современного

анатомического вида (Схул, Кафзех) неандертальцами и последующего замещения их *H. sapiens*, пришедшего 50–40 тыс. л.н. из Африки в Левант, является Д. Ши. Он предложил сценарии конкурентного вытеснения и вымирания вследствие климатических изменений, основанных на данных о наличии у *H. sapiens* более совершенных, чем у неандертальцев, культурных, биологических и социальных связей [Shea, 2001, 2003, 2006, 2007, 2008; и др.]. Нельзя не согласиться с его утверждением, что в настоящее время отсутствуют надежные свидетельства параллельного существования неандертальцев и людей современного анатомического вида в Леванте. Но у исследователей нет уверенности, что все среднеплейстоценовые местонахождения в этом регионе уже открыты и полностью изучены. Здесь, несомненно, будут обнаружены новые местонахождения, хотя, может быть, не такие уникальные, как Схул, Кафзех, Табун, Амуд, Кебара. По нашему мнению, археологический материал из среднепалеолитических местонахождений в Леванте позволяет предположить одновременное расселение в регионе людей современного анатомического вида и неандертальцев. Мы не считаем необходимым дискутировать с проф. Д. Ши, но попытаемся кратко изложить свою точку зрения, свое видение процессов расселения гомининов в Леванте в среднем и позднем плеистоцене, хотя понимаем, что многие положения нашей гипотезы могут вызвать резкую критику.

Наша концепция основана на том, что в индустриях Леванта раннего этапа, среднего и верхнего палеолита прослеживается преемственность, на этой территории на протяжении раннего и среднего палеолита расселялось автохтонное население. Конечно, это не исключало контактов с популяциями, мигрировавшими на Ближний Восток и Аравийский полуостров с сопредельных территорий Африки, Ирана и др. в связи с изменениями климата или другими причинами. Во время кратковременных контактов мог происходить обмен генетическим материалом. Если бы в раннем и среднем палеолите в Леванте пришли популяции из Африки или с других территорий, то произошла бы аккультурация, а в случае формирования антагонистических отношений – полное замещение автохтонного населения, что получило бы отражение в материалах палеолитических местонахождений. Возможные кратковременные контакты автохтонного населения с популяциями сопредельных территорий могли приводить к некоторой диффузии культур. В этом случае могли происходить и генный дрейф, и обмен некоторыми инновациями в обработке камня. Допустимо, что такие связи возникали, например, между обитателями Леванта и популяциями людей современного анатомического вида, создателями афро-арабского нубийского тех-

нокомплекса, зафиксированного в Омане на Аравийском полуострове [Rose, Marks, 2014].

Обнаруженная в районе палеоозера Джаббах в Аравии индустрия с радиальной системой первичного расщепления технологически близка к среднепалеолитической индустрии Леванта типа Табун С, а короткие с широким фасетированным основанием леваллуазские остряя, сколотые с односторонними конвергентными рабочих поверхностей нуклеусов в Джебель Катефех 1, близки к технологически леваллуазским остроконечникам типа Табун В [Crassard, Hilbert, 2013]. Д. Роуз и Э. Маркс объясняют это либо культурной диффузией, либо вторжением левантийских мусульманских (неандертальских. – А. Д.) групп с юга во время оптимальных климатических условий. Эти исследователи допускают наличие и других сходных демографических и культурных проявлений [Rose, Marks, 2014, p. 75]. Кратковременные контакты с мигрантами не приводили к замещению коренного населения, а только способствовали генному дрейфу и обмену некоторыми инновациями в технологии обработки камня.

Многие исследователи среднего палеолита Леванта придерживаются мнения о миграции на эту территорию двух таксонов: людей современного анатомического вида из Африки и неандертальцев с юга Европы. Время миграции людей современного анатомического вида из Африки в Левант исследователи определяют по-разному. Один из крупнейших исследователей палеолита О. Бар-Йозеф их выход с африканского континента относил к интервалу 110–90 тыс. л.н. [Bar-Yosef, 1987, 2000; и др.]. В одной из последних работ, написанной им в соавторстве, с учетом изменений климатических условий в Африке и на Аравийском полуострове предлагается более ранняя дата распространения этих популяций в Леванте – 140 ± 10 тыс. л.н. [Frumkin, Bar-Yosef, Schwarcz, 2011]. Такой разброс значений объясняет трудности корреляции дат, полученных разными методами. Использование даже одного и того же метода часто не дает равнозначных результатов. Многие исследователи придерживаются точки зрения, что люди современного анатомического вида проникли из Африки в Левант ок. 120 тыс. л.н. [Stringer, 2012; Shea, 2007; и др.].

В Эфиопии было обнаружено некоторое количество палеоантропологических останков, и, хотя в Восточной Сахаре и на Аравийском полуострове, как отмечают О. Бар-Йозеф и его соавторы, такие материалы не выявлены, присутствие здесь гомининов можно вычислить по наличию каменных индустрий вдоль предполагаемого пути их следования [Frumkin, Bar-Yosef, Schwarcz, 2011, p. 448]. По нашему мнению, археологические свидетельства миграции людей современного антропологического вида в Левант в это время пока не найдены.

Могло быть два маршрута проникновения человека в Левант из Африки: через Левантийский коридор и при понижении уровня океана по суше и шельфу Баб-эль-Мандебского пролива. На северо-востоке Африки развивались две индустрии – атерийская и леваллуа-нубийская. Выше мы уже рассматривали возможность связи между индустриями среднего палеолита Леванта и северо-востока Африки и пришли к выводу, что это были различные технико-типологические комплексы. Популяции анатомически современных людей – создатели нубийско-леваллуазской индустрии – действительно пришли из Африки в Аравию в период МИС 5e и сформировали афро-аравийский нубийский технокомплекс [Usik et al., 2013; и др.]. В это время в Аравии были наиболее благоприятные условия для обитания, произошло «озеленение» этой территории, а в Сахаре, как и в целом в Северной Африке, позднее 115 тыс. л.н. происходила сильная ариализация [Drake, Breeze, Parker, 2013].

Нубийский леваллуазский технокомплекс мог оказывать только опосредованное влияние на средний палеолит Леванта. Индустрия среднего палеолита Леванта типа Табун С истоками была связана с технокомплексом раннего периода среднего палеолита типа Табун D и в своем развитии не претерпела коренных изменений, что должно было произойти при аккультурации с приходом популяции людей современного анатомического вида и тем более при замещении автохтонного населения пришлым.

Синхронная миграция создателей леваллуа-нубийского индустриального комплекса и популяции людей современного анатомического вида с другой индустрией из Африки в Левант, с нашей точки зрения, маловероятна. Никаких археологических свидетельств такого процесса нет.

В связи с находками в пещере Мислия в Леванте предложена еще одна гипотеза. Пещера Мислия дислоцируется на западных склонах горы Кармель. При ее раскопках были выявлены культуросодержащие горизонты финала нижнего – раннего этапа среднего палеолита [Zaidner, Weinstein-Evron, 2012]. Из среднепалеолитических горизонтов с площади 20 м² было извлечено большое количество каменных артефактов. Каменная индустрия характеризуется пластинчатым расщеплением, в т.ч. леваллуазским. Технику леваллуа представляют в основном односторонние подтреугольные в плане нуклеусы, с которых скальвали преимущественно подтреугольные острия и отщепы. Орудийный набор составляют острия и ретушированные пластины. Индустрия в этой пещере была близка к индустрии, обнаруженной в пещере Хайоним.

Среднепалеолитический горизонт содержал антропологические материалы: часть верхней челюсти, четыре отдельных зуба, фалангу и коленную чашеч-

ку. Эти находки относятся, вероятно, к людям современного анатомического вида [Hershkovitz, Zaidner, Weinstein-Evron, 2013]. Для среднепалеолитического слоя мощностью 2,5–3,0 м термолюминесцентным методом определен большой диапазон дат. Исследователи солидарны во мнении, что даты для находок из пещеры Мислия и материалов раннего периода среднего палеолита из пещер Табун и Хайоним укладываются в интервал от 250 тыс. и до приблизительно 165 тыс. л.н. [Valladas et al., 2013]. Финал среднепалеолита пещеры Мислия соответствует началу среднего палеолита типа Табун C – 165 ± 16 тыс. л.н. [Mercier, Valladas, 2003].

С учетом некоторых различий индустрий финального этапа раннего палеолита и раннего этапа среднепалеолита из пещеры Мислия специалисты сделали вывод о приходе ок. 250 тыс. л.н. в Левант новой популяции. Она могла быть связана либо с неандертальцами из Европы, либо с людьми современного анатомического типа из Африки [Valladas et al., 2013].

Для такого заключения, с нашей точки зрения, нет достаточных оснований. В первой части данной статьи рассматривалась позднеашельская пластинчатая индустрия периода ок. 280 тыс. л.н., выявленная в формации Каптурин. Индустрия отличается от более ранней пластинчатой индустрии возрастом свыше 500 тыс. лет, которая залегала в более древних отложениях этой же формации вместе с останками *H. rhodesiensis* и не имеет никаких аналогий с ашело-ябрудийской индустрией Леванта. Средний каменный век (MSA I) также совершенно отличается от среднепалеолита Леванта. Среднепалеолитические индустрии северо-востока Африки не имели ничего общего с синхронными комплексами Леванта. Следовательно, нет оснований считать возможным проникновение ок. 250 тыс. л.н. в Левант из Африки людей современного антропологического вида и связывать среднепалеолитическую индустрию из пещеры Мислия с африканскими. Нам не известны мустерьерские индустрии в Европе, которые могли послужить основой для формирования комплексов раннего этапа среднего палеолита Леванта. Поэтому гипотезу о возможной миграции людей современного анатомического вида из Африки или неандертальцев из Европы 250 тыс. л.н. в Левант, куда они могли принести индустрию среднего палеолита, мы, учитывая имеющийся археологический и антропологический материал, считаем недостаточно обоснованной. Гораздо больше свидетельств того, что истоком среднепалеолитического технокомплекса Леванта являлась ашело-ябрудийская индустрия.

Преемственность в развитии среднего палеолита Леванта позволяет выдвинуть гипотезу о заселении этой территории в среднем и первой половине верхнего плейстоцена популяциями, которые эволюциони-

ровали в сторону сапиентации, в результате чего здесь сформировались два таксона, представленные людьми современного анатомического вида и палестинскими, или переднеазиатскими, неандертальцами.

Около 0,9–0,8 млн л.н. в Африке, по мнению ряда антропологов, на основе *Homo erectus* sensu lato происходил процесс видеообразования: *H. erectus* дал начало новому виду, который получил разные названия – *H. heidelbergensis*, *H. rhodesiensis*, архаичный *H. sapiens* [Rightmire, 1996, 1998; Bräuer, 2008, 2010, 2012; Hublin, 2001, 2009; и др.]. Рассмотрим схематично судьбу нового таксона *H. heidelbergensis/rhodesiensis* в Африке и Европе, которого многие ученые связывают с происхождением людей современного анатомического вида*. Антропологические находки из Африки и Евразии среднего и первой половины верхнего плейстоцена характеризуются большой мозаичностью таксономических признаков и вариативностью. Поэтому многие краинальные и посткраинальные материалы совершенно по-разному интерпретируются исследователями, и рассмотреть точку зрения каждого антрополога совершенно невозможно.

Единого сценария эволюции от *H. heidelbergensis* к людям современного анатомического вида и палестинским неандертальцам не существует. Антропологи зачастую по-разному оценивают видовую принадлежность одних и тех же находок. Это естественный и объяснимый исследовательский процесс. Однако трудно понять, почему останки гомининов из одного местонахождения, сравнительно близких по времени и использовавших одну индустрию, относят к разным видам? Многообразие мнений обусловлено большой мозаичностью в морфологии среднеплейстоценовых гомининов и неразработанностью критериев оценки важности тех или иных морфологических признаков черепов и посткраинальных скелетов для внутривидовой дефиниции. Например, Дж. Шварц и А. Таттерсall считают, что в серии антропологических находок Кафзех 1, 2, 9 и 11 являются представителями *H. sapiens*, но остальные определенно таковыми не являются [Schwartz, Tattersall, 2005, р. 600].

С точки зрения археологии, трудно допустить возможность одновременного проживания на одной стоянке двух разных видов (подвидов?) с одной индустрией, поскольку каждому таксону соответствует своя индустрия. Наличие на одном местонахождении антропологических находок разной «таксономической» принадлежности логично объяснить морфологическим полиморфизмом в популяции.

Кратко изложим гипотезу эволюционного развития *H. heidelbergensis/rhodesiensis* в Африке и Европе. В Африке эволюция этого вида прослеживается по антропологическим находкам Бодо, Каб-

ве 1, 2, Салданха, Ндуту, Эяси 1, 2, Сале, Салданья, Эландсфонтейн и др., которые относятся к интервалу 600–200 тыс. л.н. В этом материале нашла отражение мозаика эректоидных и сапиентных особенностей. Антропологи по-разному таксономически оценивают данные находки и их роль в формировании родословной человека: выделение *H. sapiens* sensu lato; деление полиморфного вида *H. sapiens* на несколько отдельных видов; выделение трех различных сообществ или групп и т.д. [Bräuer, 2010, 2012]. С нашей точки зрения, разумеется весьма спорной, *H. heidelbergensis* и *H. rhodesiensis* представляют один политипический вид, сыгравший большую роль в эволюции человека: в Европе от него произошел *H. neanderthalensis*, в Африке – *H. sapiens*, на Ближнем Востоке – *H. sapiens* и морфологически близкий к нему палестинский неандертальец.

Антропологические останки ранних архаичных сапиенсов обнаружены в основном в Восточной Африке, они известны также в Северной и Южной Африке. Переход от ранних архаичных к анатомически современным *H. sapiens* на этой территории проходил в виде непрерывной анагенетической эволюции без событий видеообразования [Bräuer, 2008, 2012; Mbuia, Bräuer, 2012].

У антропологов нет солидарного мнения по вопросу о формировании человека современного анатомического вида. Г. Брайер связывает находки, относящиеся к периоду 300–200 тыс. л.н., с поздней переходной архаической группой сапиенсов. С этой группой он ассоциирует череп KNM-ER 3884 со стоянки Иллерет (270 тыс. л.н.), Летоли 18 (250 тыс. л.н.), Элие Спрингс (дата не определена), Флорисбад (260 тыс. л.н.), Джебель Ирхуд 1, 2 (190–170 тыс. л.н.). О возможной преемственности между ранними и поздними архаичными людьми свидетельствует, по его мнению, находка в Рабате (250 тыс. л.н.), а о переходе от архаичного к раннему *H. sapiens* анатомически современного вида – Омо 1 и Омо 2, Херто, Синга и др. [Bräuer, 2008, 2012; Mbuia, Bräuer, 2012]. Г.Ф. Райтмайер считает, что ок. 800 тыс. л.н. после возникновения вида *H. heidelbergensis* эволюционное развитие этого таксона происходило в двух направлениях – неандерталоидном и сапиентном. В конце среднего плейстоцена на основе гейдельбергского человека сформировались *H. neanderthalensis* и *H. sapiens*. В качестве подтверждения гипотезы о появлении в Африке первых людей современного анатомического вида исследователь указывает находки Флорисбад, Летоли, Джебель Ирхуд. В начале верхнего плейстоцена в процессе видеообразования появились люди современного вида (находки на р. Класиес, Схул, Кафзех) [Rightmire, 2001, 2009; и др.].

В Европе ашельская индустрия появляется ок. 600 тыс. л.н. вместе с *H. heidelbergensis*. Видимо,

*Этой проблеме посвящен большой пласт литературы.

с этого времени происходит эволюционное развитие данного таксона в сторону формирования морфологии неандертальца. Данный процесс датирован ориентировочно 450 тыс. л.н. или несколько более ранним временем [Hublin, 1998]. В результате секвенирования митохондриальной ДНК было установлено, что гоминины местонахождения Сима де лос Уэсос, жившие ок. 430 тыс. л.н. [Arsuaga et al., 2014] (по другим данным, 530 тыс. л.н.), связаны общим предком с денисовцами, а не с неандертальцами, хотя морфологически они имели много сходных черт с последними* [Meyer et al., 2014]. В дальнейшем выявление последовательности ядерной ДНК из двух образцов позволило предположить, что обитатели Сима де лос Уэсос, скорее всего, были связаны с неандертальцами, а не с денисовцами [Meyer et al., 2016]. Последовательности ядерной ДНК, извлеченной из бедра AT-5431 и резца обитателя Сима де лос Уэсос, показали, что популяции этого таксона относятся к ранним неандертальцам или группе, тесно связанной с предками неандертальцев периода после расхождения от общего их предка с денисовцами. Как предполагают исследователи, генофонд митохондриальной ДНК неандертальцев обновился после начального этапа их истории. Полигеномное секвенирование показало, что неандертальцы и денисовцы отделились от общей предковой популяции между 381 и 473 тыс. л.н.

Результаты секвенирования ДНК позволяют сделать два осторожных вывода. Первый: в генофонде таксона, который пришел в Западную Европу с Ближнего Востока с ашельской индустрией (*H. heidelbergensis*) ок. 600 тыс. л.н., спустя какое-то время митохондриальная ДНК была более связана с денисовцами, а ядерная ДНК – с неандертальцами. Второй: таксон, представленный в Сима де лос Уэсос, на основании секвенирования ядерного генома можно отнести к неандертальскому хроновиду, в генофонде которого могли сохраняться гены денисовца.

В 1993 г. около г. Альтамура в Южной Италии были обнаружены останки индивидуума, покрытые слоем кальцита [Lari et al., 2015]. Секвенирование митохондриальной ДНК этой особи показало ее полное соответствие mtДНК неандертальцев. Для особи из Альтамура Th/U-методом получены даты: 130 ± 20 и 172 ± 15 тыс. л.н. Следовательно, к этому времени у нее уже не было mtДНК денисовца. Около 270–250 тыс. л.н. в Западной Европе появилась леваллуазская стратегия первичного расщепления. С нашей точки зрения, это было связано с миграцией популяции людей с Ближнего Востока в финале нижнего или на раннем этапе среднего палеолита. Левал-

луазская система расщепления в Европе также могла появиться в результате кратковременных контактов или эстафетной передачи инновационной технологии. Поэтому не исключено, что мистерская индустрия Западной Европы развивалась под влиянием ашель-ябрудийской индустрии финального или раннего этапа среднего палеолита Леванта.

Иначе проходил процесс эволюции *H. heidelbergensis* в Леванте. Здесь обнаружено не очень много антропологических материалов, в основном в Израиле. Наиболее ранними на территории Леванта являются останки, открытые в Убейдии. На этой раннепалеолитической стоянке в Израиле возрастом ок. 1,4 млн лет были выявлены двусторонне обработанные орудия – древнейшие в Евразии свидетельства первой волны мигрантов с бифасиальной индустрией. При раскопках Убейдии найдены также несколько фрагментов черепа (UB 1703, 1704, 1705, 1706), резец (UB 1700) и коренной зуб (UB 1701). Р. Тобиас отнес их к роду *Homo* [Tobias, 1966], а Е. Чернов – к подвиду *H. cf. erectus* [Tchernov, 1987]. Позднее среди фаунистических материалов удалось обнаружить изношенный правый боковой нижний резец (UB 335), который специалисты предварительно связали с *H. ergaster* [Belmaker et al., 2002]. По нашему мнению, археологические материалы позволяют заключить, что стоянка принадлежала *H. erectus*.

Другое местонахождение в Израиле, где прослежена уникальная стратиграфическая последовательность мощностью более 34 м, формировавшаяся не менее 50 тыс. лет, – Гешер Бенот Яаков. Его исследованиям посвящена обширная литература (см.: [Деревянко, 2016а]). Ранний этап формирования культуросодержащих горизонтов датируется временем ок. 0,78 млн л.н., а в целом стоянка относится к МИС 20–18 [Feibel, 2004]. На этом местонахождении обнаружен многочисленный и разнообразный инвентарь. Исследователи выделяют орудия четырех основных разновидностей: бифасы (ручные топоры), кливеры, отщепы и орудия на отщепах, нуклеусы и орудия на нуклеусах. С нашей точки зрения, стоянка Гешер Бенот Яаков по происхождению, возможно, связана со стоянкой Убейдия, хотя их отделяет друг от друга большой промежуток времени. Одна из основных исследователей стоянки Гешер Бенот Яаков Н. Горен-Инбар считает, что индустрию стоянки нельзя причислить к африканским или азиатским комплексам. Это феномен с палеолитическими хартистиками и широким спектром особенностей, многие из которых обусловлены местным происхождением и лишь отдельные могут быть результатом влияния извне [Goren-Inbar, 1992, р. 67].

Местонахождение Гешер Бенот Яаков, как нам представляется, принадлежало *H. heidelbergensis*. Около 800 тыс. л.н. он вышел из Африки и начал рас-

*К сожалению, в Денисовой пещере не найдено краниальных и посткраниальных костей, по которым можно было восстановить облик денисовцев.

селяться в Евразии. *H. rhodesiensis* продолжал на территории Африки эволюционное развитие и на этой основе 180–150 тыс. л.н. сформировал *H. sapiens*. *Homo heidelbergensis* мигрировал из Африки в Левант и мог быть наиболее удаленным предком трех дочерних филогенетически близких, но явно различимых аллотаксонов: *H. sapiens*, *H. neanderthalensis* и денисовец [Stringer, 2012].

Сформировавшиеся в Африке популяции, представлявшие вид *H. heidelbergensis*, мигрировав на территорию Леванта, встретили там автохтонное эркотидное население. В дальнейшем произошел процесс аккультурации, в результате которого пришли группы, восприняли многие технико-типологические элементы индустрии автохтонного населения. В результате индустрия Гешер Бенот Яаков приобрела много черт, отличающих ее от ашельской африканской индустрии. Антропологических материалов в Леванте обнаружено немного, и наша гипотеза дальнейшей эволюции гейдельбергского человека на Ближнем Востоке нуждается, безусловно, в подтверждении археологическими, антропологическими и генетическими исследованиями.

Разнообразие и мозаичность в эволюционной трансформации плейстоценовых гоминин в Африке и Евразии рассматриваются в многочисленных исследованиях. Центральным является вопрос о том, как развивались эти гоминины в сторону сапиентации – в рамках одного хроновида *H. sapiens* sensu lato с дальнейшим разделением на подвиды, палеопопуляции и т.д. или, распавшись на два или несколько видов: *H. heidelbergensis*, *H. helmei*, *H. sapiens* [Bräuer, 2012].

В Израиле обнаружены три среднеплейстоценовых местонахождения с палеоантропологическими материалами. Еще в 1925 г. в пещере Мугхарат-эль-Эмирех были найдены лобная, правая скуловая и частично сохранившаяся клиновидная кости. Эти палеоантропологические находки вошли в литературу как останки гоминина Зуттиех. Ученые по-разному определяли их видовую принадлежность.

Б. Вандермеерш относил Зуттиех к архаичным *H. sapiens*. Г.Ф. Райтмайер считал, что лобная кость Зуттиех связывает его как с ранними неандертальцами, так и с прямыми предками людей из Схул и Кафзех. Наличие в пещере Мугхарат-эль-Эмирех артефактов ашело-ябрудийского комплекса (350–300 тыс. л.н.) позволяет отнести Зуттиех к архаичной популяции, населявшей Африку, т.е. к таксону, которому принадлежат находки Бодо, Эландсфонтейн, Броукен-Хилл, Эяси, Ндуту [Rightmire, 2009]. Г. Бройер ассоциировал Зуттиех с ранней архаичной группой *H. sapiens* [Bräuer, 2008].

С.Е. Фрейдлин с соавторами с учетом всех мнений исследователей о морфологии костных остатков

Зуттиех разработали четыре гипотезы эволюции гомининов [Freidline et al., 2012, p. 237–238]. По времени останки Зуттиех совпадают с амудийской индустрией.

Первая гипотеза: Зуттиех являлся локальным представителем среднеплейстоценового вида с широким диапазоном распространения в Африке и Европе. Этот вид – *H. heidelbergensis/rhodesiensis* – вероятно, был предком неандертальцев и людей современного вида.

Вторая гипотеза: в соответствии с аккреционной моделью длительной эволюции неандертальцев в Западной Европе Зуттиех был связан с юго-западными представителями данной группы, которые определялись как *H. neanderthalensis* или *H. heidelbergensis* *sensu stricto*, предшествовавшие неандертальцам хроновиды.

Третья гипотеза: был регулярный генообмен между популяциями Африки и Западной Азии в среднем – верхнем плейстоцене. При этом Зуттиех являлся таксоном, предшествовавшим сапиенсу в Африке.

Четвертая гипотеза: Зуттиех и западно-азиатские гоминины (Схул, Кафзех и неандертальцы) либо представляли региональную эволюционную линию *H. sapiens*, либо вместе с африканскими средневековыми позднеплейстоценовыми людьми составляли линию *H. sapiens* «с глубокими корнями». Согласно этой гипотезе, Зуттиех должен характеризоваться признаками, указывающими на родство с гомининами Юго-Западной Азии [Ibid., p. 238].

Исследователи приходят к выводу о морфологическом сходстве Зуттиех и ближневосточных неандертальцев (Шанидар V), среднеплейстоценовых гомининов (Араго XXI) и ближневосточных ранних людей современного типа (Схул V). Как отмечают С.Е. Фрейдлин с соавторами, их результаты не позволяют дать четкого таксономического определения останков Зуттиех, но морфология Зуттиех типична для популяции, явившейся предковой для неандертальцев и людей современного типа или же популяции, существовавшей сразу после расхождения этих двух видов [Ibid.].

В пещере Табун в слое Е удалось обнаружить бедренный диафиз и изношенный нижний моляр, которые были отнесены Э. Тринкаусом к архаичным людям [Trinkaus, 1995].

Более информативные палеоантропологические материалы были найдены в пещере Кесем [Hershkovitz et al., 2011]. При раскопках в ней обнаружили большое количество каменных изделий, относящихся к амудийской индустрии, по мнению исследователей, местного происхождения, не связанных с комплексами Африки и Европы [Barkai, Gopher, Shimelmitz, 2005; Gopher et al., 2005]. Были найдены как верхнечелюстные, так и нижнечелюстные зубы. И. Хершковитц с соав-

торами предложили три гипотезы, объясняющие морфологию зубов из пещеры Кесем.

Первая гипотеза: обитатели пещеры относятся к местной архаичной популяции *Homo*, жившей в Юго-Западной Азии 400–200 тыс. л.н.; зубы, несмотря на некоторую плезиоморфность, указывают на большую степень их родства с популяциями Схула и Кафзеха, нежели с неандертальцами [Hershkovitz et al., 2011]. В пользу этой гипотезы, по мнению ее авторов, свидетельствуют археологические материалы: леваллуазские комплексы с большим количеством заготовок в виде пластин и орудий, оформленных на пластинах, подтверждающие местные истоки амудийской индустрии.

Вторая гипотеза: эволюция *H. neanderthalensis* в Юго-Западной Азии была длительной, как и в Европе, где неандертальская эволюционная линия восходит к среднему плейстоцену. Этому противоречит, по мнению авторов, тот факт, что останки современных архаичных людей Схула и Кафзеха датируются более поздним временем, чем находки из пещеры Кесем, но они старше большинства неандертальских образцов в Леванте.

Третья гипотеза: по сравнению с верхнечелюстными нижнечелюстные зубы находились в более нижних горизонтах, были меньше по размерам, они не обладали плезиоморфными чертами, характерными для более поздних верхнечелюстных. Как хронологические, так и морфологические различия между зубами могут отражать межпопуляционные различия на уровне видов и свидетельствовать о смене популяций в данном регионе.

В пещере Мислия с орудийным набором раннего среднего палеолита (250–165 тыс. л.н.) обнаружены часть верхней челюсти с неповрежденными I²–M², четыре отдельных зуба, фаланга и коленная чашечка, принадлежавшие ранним людям современного анатомического вида или неандертальцам [Valladas et al., 2013].

Таким образом, немногочисленные антропологические материалы из Леванта, относящиеся ориентировочно к периоду 350–150 тыс. л.н., не дают четкой информации об их принадлежности какому-то определенному виду; в них сочетаются апоморфные и плезиоморфные признаки. Не исключено, что эти находки представляют следующий этап эволюции *H. heidelbergensis* и этот таксон сочетал в себе признаки как ранних *H. sapiens*, так и *H. neanderthalensis*.

Рассматривая версию возможного расселения *H. heidelbergensis* в Леванте, мы допускаем, что у популяций, представлявших линию дальнейшего развития этого таксона, как и у *H. heidelbergensis* из Симаде лос Уэсес, была ДНК денисовцев. В пользу такого предположения свидетельствуют данные о миграции ок. 350–300 тыс. л.н. части левантинской по-

пуляции на восток и ее появлении ок. 280 тыс. л.н. на Алтае [Деревянко, 2001]. В антропологическом материале из слоя 22 Денисовой пещеры выделена ДНК денисовца. Следы его присутствия в пещере имеются во всей палеолитической последовательности до слоя 9.

Большое значение, с нашей точки зрения, имеют результаты секвенирования ДНК гомининов из Симаде лос Уэсес [Meyer et al., 2014]. Поскольку в их генофонде выявлены гены неандертальцев и денисовцев, можно предположить, что *H. heidelbergensis*, вышедший из Африки ок. 800 тыс. л.н. и мигрировавший в Левант, участвовал в процессах гибридизации с местными популяциями и аккультурации. В результате дальнейшей эволюции на основе гейдельбергцев сформировалось три близких таксона: *H. sapiens*, неандертальцы и денисовцы. В геноме денисовцев выявлены гены от неизвестного гоминина, который отделился от общего генетического ствола ок. 1 млн л.н. [Prüfer et al., 2014]. Возможно, этот неизвестный гоминин был представителем популяций с ашельской индустрией, которые мигрировали из Африки в Левант ок. 1,4 млн л.н. Свидетельством их расселения является местонахождение Убейдия. В результате генного дрейфа от этих гомининов гейдельбергцы получили гены, которые были выявлены у денисовцев.

Относительно палеоантропологических материалов из Леванта, принадлежащих более позднему времени – хронологическому интервалу МИС 5 и 4, существуют две точки зрения. Одни исследователи считают, что все находки представляют единую популяцию, близкую к анатомически современным людям [Kramer, Crammert, Wolpoff, 2001; Arensburg, Belfer-Cohen, 1998; и др.], другие относят скелетные остатки из Табуна, Амуда и Кебары к неандертальцам, а из Схула и Кафзеха – к ранним *H. sapiens* [Tchernov, 1992; Jelinek, 1992; Vandermeersch, 1992, 1997; Stringer, 1992, 1998; и др.].

Дискуссионными являются вопросы, связанные с определением стратиграфического положения, дат и таксономической принадлежности палеоантропологических находок, особенно из пещеры Табун. Найденные из слоя С пещеры включают неполный женский скелет (Табун I), полную нижнюю челюсть (Табун II), основную часть бедра (Табун III), кости запястья и пальцев (Табун IV–VI). Женский скелет отнесен к верхней части слоя С, хотя он находился на 85 см выше нижней челюсти, и Д. Гаррод не исключает, что он мог быть переотложен из слоя В [The Stone Age..., 1937]. Этого мнения придерживаются и другие исследователи [Bar-Yosef, Callander, 1999; и др.].

Неполный скелет Табун I и нижнюю челюсть Табун II одни исследователи связывают с неандертальцами [Stefan, Trinkaus, 1998; Trinkaus, 1987; и др.], а друг-

гие сближают с гомининами из пещер Схул и Кафзех и относят к анатомически современным людям [Quam, Smith, 1998; Rak, 1998]. Эти расхождения в позициях ученых обусловлены тем, что до конца нерешенным в эволюционной антропологии остается вопрос о выборе таксономических паттернов, отсутствуют единые критерии определения вида, в т.ч. *H. sapiens*.

Различия в таксономической оценке особенно ярко проявляются при интерпретации исследователями палеоантропологических находок из Леванта, относящихся к последнему межледниковью и первой половине последнего похолодания. Отчасти это можно объяснить тем, что за последние 50–70 лет многое изменилось в трактовке антропогенеза, что связано с расширением корпуса археологических и антропологических находок, удревнением сапиенса и включением в решение проблем антропогенеза результатов палеогенетического анализа.

До середины прошлого века господствовала гипотеза линейной эволюции человека: австралопитек – архантроп (*Homo ergaster*, *habilis*, *erectus*) – палеоантроп (*Homo neanderthalensis*) – неоантроп (*Homo sapiens*). Многие ученые считали всех гомининов возрастом более 150 тыс. лет, останки которых были найдены в Африке и Евразии, палеоантропами. Во второй половине XX в. в Европе были выделены довюрмские (атипичные), «классические» вюрмские и отчасти палестинские неандертальцы. Ученые отказались от отнесения поздне-, средне- и ранневерхнеплейстоценовых гомининов к неандертальцам, хотя их индустрию, представленную в Северной Африке, продолжали называть мустьерской.

В конце XX в. при секвенировании ДНК неандертальца и современного человека в геноме последнего не было выявлено неандертальских последовательностей, неандертальцы оказались вычеркнутыми из родословной современного *H. sapiens*. Некоторые ученые даже предложили исключить из антропогенеза *H. erectus*. Возник хиатус между австралопитеками и *H. sapiens*.

Были разработаны две основные гипотезы антропогенеза. Первая гипотеза – моноцентрическая – предполагает происхождение современного человека в Африке и его расселение 80 (70)–50 тыс. л.н. в Евразии с замещением автохтонных популяций или с некоторой гибридизацией в отдельных регионах. Вторая гипотеза – мультирегиональной эволюции – подкрепляется результатами секвенирования ДНК неандертальца и выявлением нового сестринского ему таксона – денисовца. Они позволяют сделать вывод о том, что в позднем плейстоцене происходило скрещивание, хотя и в незначительной степени, между несколькими группами гомининов, которые можно считать подвидами. По мнению С. Паабо, это была «метапопуляция», или сеть популяций, включавшая неандер-

тальцев, денисовцев, людей современного анатомического вида и другие группы, которые участвовали в нерегулярном, а иногда и в постоянном обмене генами [Pääbo, 2014].

Нами предлагается новая гипотеза, учитывающая данные секвенирования генома, новые открытия в области археологии и антропологии, а также мнения других ученых, работающих по проблеме антропогенеза. Около 800 тыс. л.н. на африканском континенте в процессе видеообразования сформировался политипический вид *Homo heidelbergensis/rhodesiensis*. В среднем плейстоцене в Африке в результате эволюции и дивергенции *H. rhodesiensis* (о чем свидетельствуют различия между индустриями, представленными на юге, востоке и севере континента) и генного дрейфа 200–150 тыс. л.н. формируется человек современного вида. В Европе *H. heidelbergensis* эволюционирует в таксон *H. neanderthalensis*, обладающий большой вариативностью. На Ближнем Востоке, преимущественно в Леванте, на основе *H. heidelbergensis* формируются три генетически и таксономически близких таксона: люди современного анатомического вида, палестинские неандертальцы и денисовцы. Около 300 тыс. л.н. популяции с пластинчатой/леваллуазской технологией (предки денисовцев) мигрируют из Леванта на восток Евразии. На Алтае и, судя по индустрии, в Центральной Азии мигранты (денисовцы) с Ближнего Востока, генофонд которых содержал некоторую долю неандертальской ДНК, приняли участие в формировании *H. sapiens altaiensis*. В Восточной и Юго-Восточной Азии с периода первоначального заселения этой территории *H. erectus* происходят конвергентное технологическое развитие каменной индустрии и эволюционное развитие рода человека в сторону сапиентации. Часть потока двигавшихся с Ближнего Востока популяций проникла в Юго-Восточную и Восточную Азию, вследствие чего в геноме некоторых современных народов в разной степени проявляются денисовские и неандертальские гены, унаследованные от поздних гейдельбергских форм гомининов, мигрировавших ок. 300 тыс. л.н. из Леванта. Согласно последним данным, формирование человека современного вида, с нашей точки зрения, произошло на основе *H. sapiens africanensis* (стволовая линия). Представители этой линии мигрировали в Евразию. В Европе они участвовали в гибридизации с популяциями *Homo sapiens neanderthalensis*, в южной части Северной и Центральной Азии – с *Homo sapiens altaiensis* и в Восточной и Юго-Восточной Азии – с *Homo sapiens orientalensis* [Деревянко, 2011]. Эти процессы сопровождались аккультурацией [Там же]. Не исключено, что в будущем в антропологическом материале в Евразии будут выделены новые подвиды сапиенса, которые также внесли вклад в генофонд ныне живущего населения планеты.

Для подтверждения этой гипотезы, конечно, необходимы новые археологические и антропологические свидетельства. Очень важно в ближайшее время попытаться секвенировать ДНК из антропологических материалов из пещер Схул, Кафзех, Амуд, Кебара, Манот и, если возможно, из более ранних антропологических находок из пещер Зуттиех, Кесем и Мислия.

На наш взгляд, имеется уже достаточно материалов, подтверждающих гипотезу не только о преемственности в развитии ранне- и среднепалеолитических индустрий, но и о генетической преемственности между популяциями гомининов, расселявшихся на этой территории в среднем и верхнем плейстоцене.

Несмотря на малочисленность палеоантропологических находок периода МИС 11–6 из Леванта, с учетом предложенных исследователями гипотез, а также данных о том, что на эту территорию не вторгались популяции с другой индустрией, можно сделать следующее предположение. Популяции с ашельской индустрией (*H. heidelbergensis*), мигрировавшие ок. 800 тыс. л.н. из Африки в Левант, расселялись на этой территории в течение нескольких сотен тысяч лет. В результате дивергенции, адаптации, генного дрейфа и других эволюционных процессов, а также кратковременных контактов с популяциями сопредельных территорий здесь сформировались люди современного типа, которых представляют палеоантропологические находки из пещер Схул и Кафзех, и палестинские неандертальцы, ассоциируемые с материалами из пещер Табун, Амуд и Кебара. Об этом свидетельствует и гомогенная каменная индустрия Леванта интервала 400–40 тыс. л.н.

На ашело-ябрудийском этапе на этой территории появился новый таксон, известный по находкам из пещеры Кесем. Его представители похожи на позднее население данного региона (Схул и Кафзех) [Ben-Dor et al., 2011]. Исследователи делают вывод о появлении в Леванте нового вида человека. Многочисленность останков гомининов левантийского среднего палеолита (Кафзех, Схул, Зуттиех, Табун) и то, что ашело-ябрудийский комплекс не имеет аналогов в Африке, дают основание предполагать, что развитие культуры происходило в автохтонной биологической среде [Ibid., р. 9]. Это заключение подтверждает нашу осторожную гипотезу дальнейшего эволюционного развития *H. heidelbergensis* на территории Леванта в период МИС 5–4.

Палеоантропологические материалы из Схул, Кафзех, Табун, Амуд, Кебара свидетельствуют об увеличении числа апоморфных сапиентных признаков, близких к таковым современного человека, и о сокращении плезиоморфных черт. Причем в находках из Схул и Кафзех апоморфность проявляется в большей степени, чем в антропологическом материале

из других пещер. Но и внутри каждой из этих групп людей анатомически современного вида и палестинских неандертальцев наблюдается большая мозаичность морфологических комплексов и их вариабильность. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Сложность таксономической дифференциации, несовпадение позиций исследователей объясняются не только тем, что при оценке антропологического материала используются разные критерии, но и отсутствием четкой стратиграфической и хронологической привязки находок. Опираясь на последние обобщенные данные, Р. Грюн с соавторами приходят к выводу: имеющиеся даты позволяют отнести три местонахождения Схул, Кафзех и Табун к одному времени, диапазону 130–100 тыс. л.н. Присутствие в Леванте в период МИС 5 ранних представителей современных людей и неандертальцев затрудняет разделение этих популяций во времени и пространстве [Grün et al., 2005, р. 332]. Вместе с тем ESRAJ-методом удалось установить возраст зубного материала из Табун C1 – 120 ± 16 тыс. лет и то, что фрагмент, скорее всего, попал из слоя В в слой С [Grün, Stringer, 2000]. Последнее подтверждается повторными исследованиями полевого журнала [Bar-Yosef, Callander, 1999].

Среди специалистов нет единства по вопросу о стратиграфическом положении антропологических находок из пещеры Табун, их возрасте и таксономической принадлежности. Исследователи относят Табун I как к неандертальцам, так и к людям современного анатомического вида. Нижняя челюсть, которая загадала на 85 см ниже Табун II и бесспорно относится к слою С, по мнению одних ученых, близка к антропологическим находкам из пещер Схул и Кафзех [Quam, Smith, 1998; Rak, 1998], а по мнению других – принадлежит неандертальцу [McCown, Keith, 1939; Trinkaus, 1987, 1993; Ronen, 2012; и др.].

К. Стингер и его соавторы считают, что все антропологические находки из пещеры Табун происходят в основном из слоя С и относятся к неандертальцам [Schwartz, Simpson, Stringer, 1998]. Для слоя С в пещере Табун определены TL-дата – ок. 150–190 тыс. л.н., ЭПР-дата – ок. 105–160 тыс. л.н., но наиболее правильной является дата в пределах 130 тыс. л.н. Следовательно, неандертальцы не мигрировали в Левант из Западной Европы 75 тыс. л.н., а заселили пещеру Табун несколько раньше, чем *H. sapiens* пещеры Схул и Кафзех. Это не означает, что неандертальцы появились в Леванте раньше людей современного анатомического вида, просто их останки оказались в более ранних горизонтах. По мнению некоторых специалистов, люди современного вида, скелеты которых обнаружены в Схул и Кафзех, и неандертальец Табун I принадлежат одному периоду [Grün et al., 2005; Ronen, Gisis, Tchernikov, 2011].

Бесспорные, как считают многие исследователи, костные материалы людей современного антропологического вида обнаружены в пещерах Схул и Кафзех. В пещере Схул находились останки десяти человек разного возраста – восьми мужчин и двух женщин.

При раскопках в пещере Схул было выделено три культуроодержащих слоя. Слой А включал смешанные натуфийские, ориньякские и позднесреднепалеолитические индустрии. Из слоя В, разделенного на верхний подгоризонт В1 и нижний В2, были извлечены все антропологические материалы и среднепалеолитические изделия. В слое С найдено небольшое количество артефактов [McCown, 1934]. По мнению исследователей, если исходить из предположения о том, что отложения с останками сформировались в течение относительно непродолжительного времени, то их наиболее точная дата – интервал 135–100 тыс. л.н. [Grün et al., 2005].

Краниальная и посткраниальная морфология людей из Схул мозаична. Поэтому неслучайно, что до недавнего времени их останки связывали с неандертальцами, которые могли мигрировать в Левант из Европы [Vandermeersch, 1981] или Африки [Andrews, 1984].

Исследователи с учетом различий в стратиграфической позиции останков предлагали разделить гомининов, представленных в пещере Схул, по хронологическому признаку на две группы: более ранняя группа (III и VI–X) и более поздняя (I, IV, V) [McCown, Keith, 1939]. Этую точку зрения поддерживал и А. Ронен [Ronen, 1976]. По мнению Д. Кауфмана, выделение двух таких групп не обязательно подразумевает, что между ними был большой промежуток времени [Кауфман, 2002].

В характеристике антропологического типа обитателей пещеры Схул прослеживаются признаки *Homo sapiens*: высокий рост (173–179 см), очень низкие орбиты, большая ширина лица [Зубов, 2004]. Вместе с тем имеется немало особенностей, сближающих людей из пещеры с неандертальцами.

Наиболее хорошо сохранился скелет Схул V. Это был мужчина 30–40 лет, высокого роста, грацильного телосложения. Объем его головного мозга составлял 1 518 см³, череп отличался большой высотой свода, малой высотой орбит, довольно высоким лицом при большой ширине*. Надорбитная область Схул V по ряду описательных и измерительных характеристик сходна с таковыми Младич V и Брюни I и имеет неандерталоидно-сапиентную морфологию. Скуловая область характеризуется сапиентностью, угол между лобным и височным отростками скуловой кости, равный 115°, также является маркером совре-

менного человека. Форма лобного отростка сближает Схул V с особями Оберкассель 1 и Броукен-Хилл. Сравнительный анализ по формообразующим углам мозговой коробки выявил близость Схул V к экземплярам Амуд, Броукен-Хилл и Нгадонг XI. По ряду параметров нижняя челюсть Схул V сходна с таковой Амуд, Ле Мустье 1 и 2, Оберкассель 1 и 2 и других представителей неандертальской группы.

В краниальном и посткраниальном скелете Схул V сохранилось немало неандертальских признаков. Причем у разных особей сочетание эволюционно трансформированных и предковых черт выражалось по-разному в лицевом, мозговом отделах черепа и посткраниальном скелете. Как отмечает С.В. Васильев, результаты статистического анализа подтверждают вывод о том, что в антропогене формирование признаков лицевого скелета происходило быстрее, чем мозговой коробки. В филогенезе метрические признаки изменялись интенсивнее, чем структурные (описательные) [2006, с. 163].

В пещере Кафзех обнаружен более крупный некрополь, чем в пещере Схул: там находились погребения 15 людей современного вида [Ronen, 2012]. Для них имеется дата, установленная TL-методом по обожженному кремнию, 92 ± 5 тыс. л.н. Прямое датирование по зубам ЭПР-методом дало более надежные определения: 100 ± 10 и 120 ± 8 тыс. л.н. [Grün, Stringer, 1991].

Наиболее хорошо сохранились останки Кафзех IX – женщины возрастом ок. 20 лет. Рядом с ней погребен ребенок. Видимо, это было парное захоронение. Женщину характеризуют высокий свод черепа, небольшой наклон лобной кости, относительно слабо выраженный рельеф надглазничной области, сильно выступающий, отчетливо выраженный подбородок, округлый без шиньона и перегиба затылок, современное строение скуловой области, клыковая ямка, тонкие стенки черепа, объем которого 1 554 см³ [Зубов, 2004, с. 348]. У хорошо сохранившегося черепа Кафзех VI также четко выражены признаки, соответствующие современному человеку. У погребенных в пещере Кафзех по сравнению с особями из пещеры Схул больше сапиентных признаков.

При раскопках пещеры Рас-эль-Кельб, расположенной в одноименном горном массиве, обнаружена индустрия, типичная для среднего палеолита типа Табун C, с отщепами, сколотыми с дисковидных нуклеусов, скреблами различных модификаций, зубчато-выемчатыми изделиями, небольшим количеством леваллуазских острый и пластин [Copeland, 1978]. В слое, где залегали эти изделия, найдены три зуба человека. Один, принадлежавший молодому человеку 16–20 лет, определен как крупный премоляр с сапиентными и неандертальскими признаками [Vallois, 1962]. Два других зуба – верхний второй моляр

*Краткое описание Схул V дается по: [Зубов, 2004; Васильев, 2006].

человека возрастом ок. 23 лет и верхний второй молочный зуб ребенка – отличались более современными, чем у неандертальцев, признаками.

Наряду с сапиентной в Леванте развивалась линия палестинских неандертальцев. Западно-европейские неандертальцы периода 120–40 тыс. л.н. полиморфны по чертам строения черепа и посткраниального скелета. Неандертальцы Леванта отличались от них большим количеством апоморфных признаков и сапиентностью. В Леванте погребения неандертальцев найдены в пещерах Табун, Амуд, Кебара (Израиль), Шанидар (Ирак), Дедерьех (Сирия).

Выше мы останавливались на характеристике женской особи из пещеры Табун. Рост женщины Табун I составлял 154 см, объем эндокрана 1 271 см², череп низкий, наклон чешуи лобной кости значительный, сильно развит надбровный валик, почти не выражен подбородочный выступ. Восходящая ветвь нижней челюсти широкая и массивная, с высоким и широким венечным отростком и неглубокой выемкой. Эти и другие признаки позволяют считать череп Табун I наиболее неандерталоидным среди всех антропологических находок на горе Кармель. С неандертальцами ассоциируются и другие фрагментарные антропологические материалы из пещеры Табун.

В пещере Амуд обнаружены останки нескольких особей, среди которых выделяется скелет молодого мужчины Амуд I, захороненного по обряду. Сравнить другие находки из этой пещеры по морфологическим признакам невозможно ввиду их фрагментарности.

Амуд I описывался многими антропологами. Они выделяли как плезиоморфные, так и апоморфные признаки, сравнивая таксономический статус этой особи и других находок из Африки и Европы. У Амуд I ростом ок. 180 см был грацильный скелет, объем головного мозга составлял 1 740–1 800 см³. По описательным характеристикам его надорбитная область обладает неандерталоидными чертами (приспущеная область глабеллы и практическое отсутствие в зоне офориона надорбитального желобка) [Васильев, 2006, с. 150–151]. По ряду метрических параметров Амуд I обнаруживает сходство с находками Шанидар I, Схул IV, Араго XXI, Табун I. У Амуд I имеется скуловая вырезка, не характерная для неандертальцев, а также отсутствует вздутие в области основания лобного отростка верхней челюсти. По метрическим параметрам и индексам зигомаксиллярной области находка близка к Оберкассель 1, Сунгирь 1, Фиш Хук и Схул V. По тригонометрии лицевого скелета она имеет сходство с Схул V, Флорисбад, Сунгирь 1, Гибралтар 1. Нижняя челюсть по ряду параметров сапиентна (даже намечается подбородочный выступ). С.В. Васильев отмечает еще ряд других признаков, которые сближают Амуд I как с неандертальцами, так и с сапиенсами. По шкале Г. Брайера эта находка мо-

жет занять место среди «поздних архаичных сапиенсов» [Bräuer, 1984].

С учетом описаний Амуд I, которые приводятся другими антропологами, можно сделать вывод о том, что в его краинуме и посткраниальном скелете сочетаются особенности, присущие классическим западно-европейским неандертальцам, а также ранним людям современного анатомического вида Африки, Израиля и Восточной Европы. Такую мозаичность невозможно объяснить гибридизацией или метисацией. С нашей точки зрения, это отражение эволюционных процессов, обусловленных адаптацией и дивергенцией одного полиморфного вида (*H. heidelbergensis*) в Африке и Европе.

Особь Амуд I была найдена в верхней части стратиграфической последовательности, которая относится к 70–53 тыс. л.н. [The Amud Man..., 1970]. Вероятный ее возраст – немногим более 50 тыс. лет.

Наиболее острую дискуссию среди ученых вызывает особь Кебара 2. Останки принадлежали взрослому человеку 25–35 лет, который был захоронен в неглубокой яме на спине, со сложенными на груди руками. Череп отсутствовал, но найдены нижняя челюсть и хорошо сохранившийся посткраниальный скелет. Это был высокий для неандертальцев мужчина (более 170 см), с более массивным скелетом, чем у Амуд I. У особи Кебара 2 сохранилась подъязычная кость, не отличающаяся от таковой современного человека, что предполагает способность индивидуума говорить. Подбородочный выступ находился в зачаточном состоянии. Большая часть посткраниального скелета имела современное строение. Возраст Кебара 2 ок. 60 тыс. лет.

В пещере Шанидар были найдены пять черепов вместе с фрагментами посткраниального скелета различной степени сохранности. Наиболее хорошо сохранившийся череп Шанидар I, как и другие скелетные остатки в Шанидаре, имеет много морфологических признаков неандерталоидного типа. Индивидуумы из Шанидара занимают, с нашей точки зрения, промежуточное положение между палестинскими и западно-европейскими неандертальцами.

В пещере Дедерьех найдены останки 15 особей, некоторые находились в интрузивных слоях. Два скелета из погр. 1 и 2 представляют детей ок. 2 лет. Помимо них, более половины останков также принадлежали детям юного возраста [Akazawa et al., 1999]. В детских погребениях 1 и 2 наиболее хорошо сохранились скелеты: они демонстрируют сочетание неандертальских и сапиентных признаков, а также некоторые различия между собой. У Дедерьех 2 в отличие от Дедерьех 1 в строении черепа и зубной системы более выражены особенности, характерные для западно-европейских неандертальцев, полностью отсутствует подбородочный выступ. В зубной системе Дедерьех 1

обнаружены лопатообразность и бугорок Карабелли. Дедерьех 1 по сравнению с Дедерьех 2 имеет более грацильное строение посткраниального скелета. Останки из Шанидар и Дедерьех, как и из пещер на территории Израиля, характеризуются сочетанием неандертальских и сапиентных признаков.

На основе краткого обзора антропологического материала Леванта, относящегося к среднему и первой половине верхнего плеистоценена, можно сделать несколько выводов.

1. В настоящее время археологические данные не позволяют уверенно говорить о формировании в Леванте на основе *H. heidelbergensis* двух линий: людей современного анатомического вида и неандертальцев, но такой сценарий не исключен, если учитывать непрерывность развития ашельских и среднепалеолитических индустрий.

2. Останки гомининов возрастом 0,3–0,2 тыс. лет (Зуттиех, Кесем, Мислия) обнаруживают развитие апоморфных признаков сапиенса и сокращение племиоморфных предковых.

3. На рубеже 130–120 тыс. л.н. в Леванте уже можно выделить сапиентную линию развития (Схул, Кафзех) и неандертальскую (Табун, Амуд, Кебара); представители обоих направлений эволюции имеют ряд общих апоморфных признаков, которые отличают левантийских неандертальцев от западно-европейских.

4. В ашело-ябрудийской и среднепалеолитической индустриях Леванта на всем протяжении их развития не прослеживаются признаки миграций в регион популяции людей с другой индустрией из Африки или Европы. На территории Леванта проживали одновременно два таксона, представлявшие две линии эволюции и имевшие по основным технико-типологическим показателям близкую индустрию. Это, конечно, не исключало их кратковременных контактов с популяциями сопредельных территорий и генетического дрейфа между ними.

5. Люди современного вида, как и неандертальцы, сформировались на территории Леванта. Может быть, в этот процесс были включены и другие территории Ближнего Востока. Морфологически и в социально-культурном плане палестинские неандертальцы были более близки к людям современного анатомического вида Леванта, чем к западно-европейским неандертальцам. Об этом свидетельствуют не только каменная индустрия, но и захоронения с элементами обрядности, а также другие проявления социальных отношений (погребение однорукого человека в Шанидаре).

6. У популяций Леванта, представляющих две линии развития, прослеживается большая мозаичность и вариабильность, чем у неандертальцев Европы.

Сложным является вопрос о судьбе людей современного анатомического вида и левантийских

неандертальцев после 50 тыс. л.н. Можно согласиться с выводами Б. Аренсбурга и А. Бельфер-Коэна, сделанными на основе сравнения результатов анализа среднепалеолитических останков в Израиле: у «неандертальцев» отсутствовали специфические неандертальские черты, а у анатомически современных людей были неандертальские признаки. В группе ранних людей, как и в группе «неандертальцев», можно проследить широкий спектр морфологических вариантов. Материалы свидетельствуют о том, что «неандертальцы» и люди анатомически современного вида жили на одной территории и иногда в одних и тех же пещерах [Arensburg, Belfer-Cohen, 1998, р. 320]. Поэтому трудно согласиться с гипотезой о том, что люди современного анатомического вида встретили в Леванте свою смерть от неандертальцев или, наоборот, истребили неандертальцев [Shea, 2001, 2007, 2008; и др.].

Антропологические останки людей современного антропологического типа относятся ориентированно к периоду 130–75 тыс. л.н., а самые древние неандертальские материалы (Табун I, II и др.) – ко времени ок. 130 (125) тыс. л.н., т.е. в самом начале верхнего плеистоценена в Леванте проживали два близких таксона. Все исследователи отмечают высокую вариативность и большую мозаичность по многим морфологическим признакам, что подтверждает нашу гипотезу о возможности формирования в среднем плеистоцене на территории Леванта двух близких таксонов. Они проявляли сходство не только по антропологическим характеристикам, но и по технико-типологическим показателям каменного инвентаря, наличию погребального обряда.

На территории Леванта не найдено массовых останков людей современного вида периода после 75 тыс. л.н., как и останков палестинских неандертальцев, относящихся ко времени существования Табун I, Кебары и Амуда. Но в регионе открыты палеолитические местонахождения, свидетельствующие о том, что более раннее автохтонное население не покидало его на протяжении всего верхнего плеистоценена и, судя по гомогенности индустрий среднего и позднего палеолита, на данную территорию не проникали мигранты из Африки и Европы. Нельзя утверждать, что в Леванте уже открыты и полностью исследованы все пещерные и открытого типа местонахождения. В будущем обязательно будут обнаружены новые антропологические материалы, которые позволят заполнить информационный пробел. С нашей точки зрения, верхнепалеолитический технокомплекс на территории Леванта формировался преимущественно на основе автохтонной индустрии, возможно, с участием людей современного анатомического вида – создателей позднего варианта нубийского технико-типологического комплекса [Деревянко, 2011].

Надежду на новые антропологические открытия дает обнаружение частично сохранившегося черепа в пещере Манот, которая исследовалась в 2010–2014 гг. [Hershkovitz, 2015]. В позднем среднепалеолитическом горизонте пещеры удалось найти череп человека современного анатомического вида, датированный $54,7 \pm 5,5$ тыс. л.н. И. Хершковиц с соавторами, учитывая морфологические различия между данной находкой и большинством останков из пещер Схул и Кафзех, считают, что обитатель пещеры Манот вряд ли мог быть прямым потомком последних. Вместе с тем ученые отмечают большое разнообразие внутри- и межгрупповых вариаций в этих популяциях, что делает все выводы, основанные на морфологических признаках, условными. Хронологические различия между находками из пещер Схул, Кафзех и Манот, на которые ссылаются исследователи, также условны, поскольку в дальнейшем могут быть найдены и другие останки потомков обитателей пещеры Схул, живших на территории Леванта после 75 тыс. л.н. Предположение исследователей о приходе в Левант из Африки популяции типа Манот I не находит подтверждения в археологических материалах. В Леванте не фиксируется появление какой-то новой африканской индустрии в интервале 70–50 тыс. л.н.

Антропологическая находка из пещеры Манот, возможно, является результатом дальнейшего процесса гибридизации, когда на территорию Леванта из Аравии пришли люди современного вида – создатели позднего варианта нубийского леваллуазского комплекса. Чтобы проверить это предположение, необходимо провести секвенирование ДНК останков ранних людей современного вида, палестинских неандертальцев, обитателей пещеры Манот и верхнепалеолитического человека из Кзар-Акил.

Заключение

1. В раннем среднем плейстоцене ок. 800 тыс. л.н. на территории Африки сформировался новый вид *Homo heidelbergensis/rhodesiensis*. *H. rhodesiensis* остался на этом континенте и явился основой для формирования 200–150 тыс. л.н. раннего человека современного анатомического вида.

2. Первая волна мигрировавших из Африки *H. heidelbergensis* достигла Леванта ок. 800 тыс. л.н. На этой территории в ходе гибридизации пришлых популяций с автохтонным населением произошла аккультурация, свидетельством которой являются материалы местонахождения Гешер Бенот Яаков.

3. Вторая волна мигрировавших *H. heidelbergensis* с ашельской индустрией достигла Европы ок. 600 тыс. л.н., и на основе этого вида там сформировался западно-европейский неандерталец.

4. У *H. heidelbergensis* из местонахождения Симадесос были выявлены гены мкДНК денисовцев и ядерной ДНК неандертальцев. Генофонд денисовцев содержал также гены, восходящие к неизвестному гоминину, отделившемуся от общего генетического ствола ок. 1 млн л.н. [Prüfer et al., 2014]. Они были переданы денисовцу через *H. heidelbergensis*. Последний получил эти гены, когда мигрировал из Африки в Левант при гибридизации с автохтонным населением на этой территории ок. 800 тыс. л.н.

5. На протяжении всего среднего плейстоцена в Леванте на основе метисного таксона (*H. heidelbergensis* + автохтонные популяции) происходило формирование двух эволюционных линий: раннего человека современного анатомического вида и палестинских неандертальцев, обладающих большой мозаичностью в морфологии и многими общими признаками в краниальном и посткраниальном скелете. Около 300 тыс. л.н. часть популяций Леванта мигрировала на восток Азии. Около 280 тыс. л.н. эта волна мигрантов достигла Алтая, о чем свидетельствуют находки из самого нижнего культурного слоя 22 Денисовой пещеры [Деревянко и др., 2003]. На основании секвенирования ДНК из антропологических материалов, обнаруженных в слоях 22, 12 и 11 Денисовой пещеры была экстрагирована ДНК, по результатам секвенирования которой выделен новый таксон человека современного анатомического вида – денисовец, проживавший на Алтае в среднем и верхнем плейстоцене. Миграционная волна из Леванта достигла не только Алтая, но и части районов Восточной и Юго-Восточной Азии. В результате генного дрейфа между мигрантами и эректоидным коренным населением этих территорий в генофонд их потомков попал небольшой процент генов денисовцев и неандертальцев.

6. В Леванте в среднем палеолите развивалась индустрия, отличающаяся по многим показателям от африканской и европейской. Она принадлежала людям современного анатомического вида и палестинским неандертальцам, культуры которых невозмож но четко разграничить по технико-типологическим показателям.

7. В среднем и верхнем плейстоцене в Леванте не произошло формирование нового вида *Homo*. Эволюция раннего человека современного анатомического вида и палестинского неандертальца от *H. heidelbergensis* не была связана с видообразованием. Мы согласны с Г. Бройером: в среднем плейстоцене в Африке и Евразии имел место один процесс видообразования (*H. heidelbergensis*) [Bräuer, 2008, 2010; и др.], а не с Г.Ф. Райтмайером, выделившим в среднем и верхнем плейстоцене две эволюционные линии *H. heidelbergensis* и *H. sapiens* [Rightmire, 2001, 2009]. С нашей точки зрения, формирование *H. sa-*

piens, точнее его подвидов, произошло в результате дивергенции, генного дрейфа, адаптации к экологии места расселения в четырех крупных регионах – Африке (*H. sapiens africanensis*), Европе (*H. sapiens neanderthalensis*), Северной и Центральной Азии (*H. sapiens altaiensis*), а также в Восточной и Юго-Восточной Азии (*H. sapiens orientalensis*) [Деревянко, 2011].

8. Человек современного вида, останки которого обнаружены в пещере Манот, сформировался в результате гибридизации автохтонного населения Леванта и популяции современных людей – создателей позднего варианта нубийского леваллуазского технико-типологического комплекса.

Мы понимаем, что предложенные гипотезы нуждаются в подтверждении новыми археологическими, антропологическими и генетическими исследованиями. Ответы на ряд поставленных вопросов может дать секвенирование ДНК антропологических находок из Зуттиех, Кесем, Табун, Схул, Амуд, Кебара, Манот и др. Статья, конечно, дискуссионная и, возможно, вызовет острую критику и неприятие, но это результат наших долгих размышлений над имеющимися материалами, не всегда полными, и они имеют право быть опубликованными.

Список литературы

Васильев С.В. Неандертальцы и неандерталоидность // Доисторический человек. Биологические и социальные аспекты. – М.: Оргсервис, 2006. – С. 121–170.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70–103 (на рус. и англ. яз.).

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 559 с.

Деревянко А.П. Пластиначатая и микропластиначатая индустрии в Северной, Восточной и Центральной Азии [Ч. 1]. Возникновение пластиначатой индустрии в Африке и распространение ее на Ближний Восток // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 2. – С. 3–22 (на рус. и англ. яз.).

Деревянко А.П. Пластиначатые индустрии Леванта в среднем плейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016а. – Т. 44, № 1. – С. 3–26 (на рус. и англ. яз.).

Деревянко А.П. Олдованская или галечно-отщепная индустрия? Левантское мустье или средний палеолит Леванта? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016б. – Т. 44, № 2. – С. 3–18 (на рус. и англ. яз.).

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 447 с.

Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. – 551 с.

Кауфман Д. Вопросы преемственности эволюции человека современного анатомического типа на материалах Леванта // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 53–61 (на рус. и англ. яз.).

Коробков И.И. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит мира. – Л.: Наука, 1978. – Т. 2: Палеолит Ближнего и Среднего Востока. – С. 9–195.

Мейгнен Л., Бар-Йозеф О. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита Леванта: последовательность или прерванная линия развития? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 1–21 (на рус. и англ. яз.).

Мейгнен Л., Бар-Йозеф О. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита Леванта: последовательность или прерванная линия развития? // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: Гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 166–175.

Монигал К. Пластиначатые индустрии нижнего, среднего и начала верхнего палеолита в Леванте // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 11–24.

Akazawa T., Dodo S., Muhsen S., Abdul-Salam A., Abe Y., Kondo O., Mizoguchi Y. The Neanderthal Remains from Dederiyeh Cave, Syria: Interim Report // Anthropol. Sci. – 1993. – Vol. 101 (4). – P. 361–387.

Akazawa T., Muhsen S., Dodo Y., Kondo O., Mizoguchi Y. Neandertal infant burial // Nature. – 1995a. – Vol. 377. – P. 386–387.

Akazawa T., Muhsen S., Dodo Y., Kondo O., Mizoguchi Y., Abe Y., Nishiaki Y., Ohta S., Oguchi T., Haydal J. Neanderthal infant burial from the Dederiyeh Cave in Syria // Paléorient. – 1995b. – Vol. 21. – P. 77–86.

Akazawa T., Muhsen S., Ishidda H., Kondo O., Yoneda M., Griggo Ch. New Discovery of a Neanderthal Child Burial from the Dederiyeh Cave in Syria // Paléorient. – 1999. – Vol. 25 (2). – P. 129–142.

Andrews P. The descent of man // New Scientist. – 1984. – Vol. 102. – P. 24–25.

Arensburg B., Bar-Yosef O., Chech M., Goldberg P., Laville H., Meignen L., Rak Y., Tchernov E., Tillier A.M., Vandermeersch B. Une sépulture néandertalienne dans la grotte de Kébara (Israël) // Comptes-Rendus de l'Academie des Sciences de Paris. Sér. D. – 1985. – Vol. 300. – P. 227–230.

Arensburg B., Belfer-Cohen A. Sapiens and Neandertals: Rethinking the Levantine Middle Palaeolithic Hominids // Neanderthals and Modern Humans in Western Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N. Y.: Plenum Press, 1998. – P. 311–322.

Armitage S.J., Jasim S.A., Marks A.E., Parker A.G., Usik B.I., Uerpmann H.-P. The Southern Route “Out of Africa”: Evidence for an Early Expansion of Modern Humans into Arabia // Science. – 2011. – Vol. 331. – P. 453–456.

Arsuaga J.L., Martínez I., Arnold L.J., Aranburu A., Gracia-Téllez A., Sharp W.D., Quam R.M., Falguères C., Pantoja-Pérez A., Bischoff J., Poza-Rey E., Parés J.M., Carretero J.M., Demuro M., Lorenzo C., Sala N., Martinón-Torres M., García N., Alcázar de Velasco A., Cuénca-Bescós G., Gómez-Olivencia A., Moreno D., Pablos A., Shen C.-C., Rodríguez L., Ortega A.I., García R.,

- Bonmatí A., Bermúdez de Castro J.M., Carbonell E.** Neandertal roots: Cranial and chronological evidence from Sima de los Huesos // *Science*. – 2014. – Vol. 344. – P. 1358–1363.
- Barkai R., Gopher A., Shimelmitz R.** Middle Pleistocene blade production in the Levant: an Amudian assemblage from Qesem Cave, Israel // *Eurasian Prehistory*. – 2005. – Vol. 3. – P. 39–74.
- Barton R.N.E., Bouzouggar A., Collcutt S.N., Schwenninger J.-L., Clark-Balzan L.** OSL dating of the Aterian levels at Dar es-Soltan I (Rabat, Morocco) and implications for the dispersal of modern *Homo sapiens* // *Quaternary Science Rev.* – 2009. – Vol. 28. – P. 1914–1931.
- Bar-Yosef O.** Pleistocene connections between Africa and Southwest Asia: an archaeological perspective // *African Archaeol. Rev.* – 1987. – Vol. 5. – P. 29–38.
- Bar-Yosef O.** Middle Paleolithic Human adaptation in the Mediterranean Levant // *The evolution and dispersal of Modern Humans in Asia*. – Tokyo: Hokusei-Sha Publ. Co., 1992. – P. 189–215.
- Bar-Yosef O.** The Lower Palaeolithic of the Near East // *J. of World Prehistory*. – 1994. – Vol. 8, N 3. – P. 211–265.
- Bar-Yosef O.** The chronology of the Middle Paleolithic in the Levant // *Neandertals and modern humans in Western Asia*. – N. Y.: Plenum Press, 1998. – P. 39–56.
- Bar-Yosef O.** The Middle and Early Upper Paleolithic in Southwest Asia and neighboring regions // *The Geography of Neanderthals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean*. – Cambridge: Peabody Museum, 2000. – P. 107–156.
- Bar-Yosef O.** Between observation and models: an eclectic view of Middle Paleolithic archaeology // *Transitions before the transition: evolution and stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age* / eds. E. Hovers, S.L. Kuhn. – N. Y.: Springer, 2006. – P. 305–325.
- Bar-Yosef O., Callander J.** The Woman from Tabun: Garrod's Doubts in Historical Perspective // *J. of Hum. Evol.* – 1999. – Vol. 37, N 6. – P. 879–885.
- Bar-Yosef O., Vandermeersch B., Arensburg B., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Laville H., Meignen L., Rak Y., Speth J.D., Tchernov E., Tillier A.M., Weiner S.** The Excavations in Kebara cave, Mt. Carmel // *Anthropology*. – 1992. – Vol. 33, N 5. – P. 497–550.
- Belmaker M., Tchernov E., Condemi S., Bar-Yosef O.** New evidence for hominid presence in the Lower Pleistocene of the Southern Levant // *J. of Hum. Evol.* – 2002. – Vol. 43. – P. 43–50.
- Ben-Dor M., Gopher A., Hershkovitz I., Barkai R.** Man the Fat Hunter: The Demise of *Homo erectus* and the Emergence of a New Hominin Lineage in the Middle Pleistocene (ca. 400 kyr) Levant // *PloS One*. – 2011. – Vol. 6. – URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0028689>
- Boëda É.** Le concept Levallois et l'évaluation de son champ d'application // *L'homme de Néanderthal*. – Liège: Univ. de Liège, 1988. – Vol. 4: La Technique / ed. M. Otte. – P. 13–26. – (Études et Rech. Archéol. de l'Univ. de Liège).
- Boëda É.** Levallois: a volumetric construction, methods, a technique // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 41–68. – (Monogr. in World archaeol.; N 23).
- Bräuer G.** Präsapiens-Hypothese oder afro-europäische Sapiens-Hypothese? // *Ztschr. für Morphol. und Anthropol.* – 1984. – Bd. 75, H. 1. – S. 1–25.
- Bräuer G.** The origin of modern anatomy: By speciation or intraspecific evolution? // *Evolutionary Anthropol.* – 2008. – Vol. 12. – P. 22–37.
- Bräuer G.** The Out-of-Africa model for modern human origins: Basics and current perspectives. Where did we come from? // *Current views on human evolution*. – Ljubljana: Univ. of Ljubljana, 2010. – P. 127–157.
- Bräuer G.** Middle Pleistocene Diversity in Africa and the Origin of Modern Humans / eds. J.-J. Hublin, S.P. McPherron // *Modern Origins: A North African Perspective*. – [S. l.]: Springer, 2012. – P. 221–240. – (Vertebrate Paleobiol. and Paleoanthropol.).
- Copeland L.** The Middle and Upper Palaeolithic in Lebanon and Syria in the light of recent research // *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant* / eds. F. Wendorf, A. Close. – Dallas: Southern Methodist Univ. Press, 1975. – P. 317–350.
- Copeland L.** The Middle Palaeolithic of Adlun and Ras el Kelb (Lebanon): First results from a study of the flint industries // *Paléorient*. – 1978. – Vol. 4. – P. 33–57.
- Copeland L.** Forty-Six Emireh Points From the Lebanon in the Context of the Middle to Upper Paleolithic Transition in the Levant // *Paléorient*. – 2000. – Vol. 26. – P. 73–92.
- Crassard R., Hilbert Y.H.** A Nubian Complex Site from Central Arabia: Implications for Levallois Taxonomy and Human Dispersals during the Upper Pleistocene // *PloS One*. – 2013. – N 8 (7). – URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0069221>
- Crew H.L.** An Evaluation of the Relationship between the Mousterian Complexes of the Eastern Mediterranean: A technological perspective // *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant*. – Dallas: Univ. Press, 1975. – P. 427–437.
- D'Errico F.C., Henshilwood Ch., Vanhaeren M., Van Niekerk K.** Nassarius kraussianus shell beads from Blombos Cave: evidence for symbolic behavior in the Middle Stone Age // *J. of Hum. Evol.* – 2005. – Vol. 48. – P. 3–24.
- Drake N.A., Breeze P., Parker A.G.** Paleoclimate in the Saharan and Arabian deserts during the Middle Paleolithic and the potential for hominin dispersals // *Quaternary Intern.* – 2013. – Vol. 300. – P. 48–61.
- Feibel C.S.** Quaternary lake margins of the Levant Rift Valley // *Human Paleoecology in the Levantine Corridor*. – Oxford: Oxbow Books, 2004. – P. 21–36.
- Freidline S.E., Gunz P., Janković I., Harvati K., Hublin J.-J.** A comprehensive morphometric analysis of the frontal and zygomatic bone of the Zuttiyeh fossil from Israel // *J. of Hum. Evol.* – 2012. – Vol. 62. – P. 225–241.
- Frumkin A., Bar-Yosef O., Schwartz H.P.** Possible paleohydrologic and paleoclimatic effects on hominin migration and occupation of the Levantine Middle Paleolithic // *J. of Hum. Evol.* – 2011. – Vol. 60. – P. 437–451.
- Garrod D.A.E.** The Middle Paleolithic of the Near East and the Problem of Mount Carmel Man // *J. of the Royal Anthropol. Inst.* – 1962. – Vol. 92. – P. 232–251.
- Gopher A., Barkai R., Shimelmitz R., Khalaly M., Lemorini C., Hershkovitz I., Stiner R.** Qesem Cave an Amudian site in Central Israel // *J. Israel Prehistoric Soc.* – 2005. – Vol. 35. – P. 69–92.

- Goren-Inbar N.** The Acheulian site of Gesher Benot Ya'aqov: An African or Asian entity? // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. – Tokyo: Hokusei-Sha, 1992. – P. 67–82.
- Goren-Inbar N.** Behavioral and Cultural Origins of Neanderthals: A Levantine Perspective // Continuity and Discontinuity in Peopling of Europe: One Hundred Fifty Years of Neanderthal Study. – [S. l.]: Springer, 2011. – P. 89–100. – (Vertebrate Paleobiol. and Paleoanthropol.).
- Goren-Inbar N., Belfer-Cohen A.** The Technological Abilities of the Levantine Mousterians: Cultural and Mental Capacities // Neandertals and Modern Humans in Western Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N. Y.: Plenum Press, 1998. – P. 205–222.
- Grün R., Stringer Ch.** Electron spin resonance dating and the evolution of modern humans // Archaeometry. – 1991. – N 33. – P. 231–248.
- Grün R., Stringer Ch.** Tabun revisited: revised ESR chronology and new ESR and U-series analyses of dental material from Tabun CI // J. of Hum. Evol. – 2000. – Vol. 39, iss. 6. – P. 601–612.
- Grün R., Stringer Ch., McDermott F., Nathan R., Porat N., Robertson S., Taylor L., Mortimer G., Egginis S., McCulloch M.** U-series and ESR analyses of bones and teeth relating to the human burials from Skhul // J. of Hum. Evol. – 2005. – Vol. 49. – P. 316–334.
- Henshilwood Ch., D'Errico F., Marean C.W., Milo R.G., Yates R.** An early bone tool industry from the Middle Stone Age at Blombos Cave, South Africa: implications for the origins of modern human behavior, symbolism and language // J. of Hum. Evol. – 2001. – Vol. 41, iss. 6. – P. 631–678.
- Hershkovitz I., Smith P., Sarig R., Quam R., Rodriguez L., Garcia R., Arsuaga J.L., Barkai R., Gopher A.** Middle Pleistocene Dental Remains from Qesem Cave (Israel) // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2011. – Vol. 144, iss. 4. – P. 575–592.
- Hershkovitz I., Marder O., Ayalon A., Bar-Matthews M., Yasur G., Boaretto E., Caracuta V., Alex B., Frumkin A., Goder-Goldberger M., Gunz Ph., Holloway R.L., Latimer B., Lavi R., Matthews A., Slon V., Bar-Yosef Mayer D., Berna F., Bar-Oz G., Yeshurun R., May H., Hans M.G., Weber G.W., Barzilai O.** Levantine cranium from Manot Cave (Israel) foreshadows the first European modern humans // Nature. – 2015. – Vol. 520. – P. 216–219.
- Hershkovitz I., Zaidner Y., Weinstein-Evron M.** Early Middle Paleolithic Human Remains from Misliya Cave (Israel) and the Quest for Early Anatomical Modern Humans. – 2013 (in prep.).
- Hovers E.** Neandertals and modern humans in the Middle Paleolithic of the Levant: what kind of interaction? // When Neanderthals and Moderns Met. – Tübingen: Kerns Verl., 2006. – P. 65–86.
- Hovers E., Belfer-Cohen A.** On Variability and Complexity: Lessons from the Levantine Middle Paleolithic Record // Current Anthropol. – 2013. – Dec. – Vol. 54 (Suppl. 8). – P. 337–357.
- Howell F.C.** Upper Pleistocene men of the Southwest Asian Mousterian // Hundert Jahre Neanderthaler / ed. von G.H.R. Koenigswald. – Utrecht: Utrecht kemink en zoon, 1958. – P. 185–198.
- Howell F.C.** Paleo-Demes, Species Clades, and Extinctions in the Pleistocene Hominin Record // J. of Anthropol. Res. – 1999. – Vol. 55. – P. 191–243.
- Hublin J.J.** Climatic changes, paleogeography, and the evolution of the Neanderthals // Neanderthals and modern humans in Western Asia. – N. Y.: Plenum Press, 1998. – P. 293–310.
- Hublin J.-J.** Northwestern African Middle Pleistocene hominids and their bearing on the emergence of Homo sapiens // Human roots. Africa and Asia in the Middle Pleistocene / eds. L. Barham, K. Robson-Brown. – Bristol: Western Academic and Specialist Press, 2001. – P. 99–121.
- Hublin J.-J.** Out of Africa: modern human origins special feature: the origin of Neanderthals // Proc. Nat. Acad. Sci. – 2009. – Vol. 106. – P. 16022–16027.
- Jacobs Z., Wintle A.G., Duller G.A.T.** Optical dating of dune Sand from Blombos Cave, South Africa: 1 – multiple grain-data // J. of Hum. Evol. – 2003. – Vol. 44. – P. 599–625.
- Jelinek A.J.** A preliminary report on some Lower and Middle Palaeolithic industries from the Tabun Cave (Mount Carmel), Israel // Problem Prehistory North Africa and the Levant. – Dallas: SMU Press, 1975. – P. 297–315.
- Jelinek A.J.** The Middle Palaeolithic in the Southern Levant from the Perspective of the Tabun Cave // Préhistoire du Levant. – P.: Centre Nat. de la Recherche Sci. Press, 1981. – P. 265–280.
- Jelinek A.J.** The Middle Palaeolithic in the Southern Levant, with Comments on the Appearance of Modern *Homo sapiens* // The Transitions from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man / ed. A. Ronen. – Oxford: BAR, 1982a. – P. 57–104. – (BAR, Intern. Ser.; N 151).
- Jelinek A.J.** The Tabun Cave and Paleolithic man in the Levant // Science. – 1982b. – Vol. 216. – P. 1369–1375.
- Jelinek A.J.** Problems in the chronology of the Middle Paleolithic and the first appearance of early modern *Homo sapiens* in Southwest Asia // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. – Tokyo: Hokusei-Sha, 1992. – P. 253–275.
- Johanson D., Blake B.** From Lucy to Language. – N. Y.: Siemens and Schuster, 1996. – 272 p.
- Johnson C.R., McBrearty S.C.** 500 000 year old blades from the Kapthurin Formation, Kenya // J. of Hum. Evol. – 2010. – Vol. 58, N 2. – P. 193–200.
- Kramer A., Crummett T.L., Wolpoff M.H.** Out of Africa and into the Levant: Replacement in Western Asia? // Quaternary Intern. – 2001. – Vol. 75, N 1. – P. 51–63.
- Lari M., Divincenzo F., Borsato A., Ghirotto S., Micheli M., Balsamo C., Collina C., De Bellis G., Frisia S., Giacobini G., Gigli E., Hellstrom J.C., Lannino A., Modi A., Pietrelli A., Pilli E., Profico A., Ramirez O., Rizzi E., Vai S., Venturo D., Piperno M., Lalucea-Fox C., Barbujani G., Caramelli D., Manzi G.** The Neanderthal in the karst: First dating, morphometric, and paleogenetic data on the fossil skeleton from Altamura (Italy) // J. of Hum. Evol. – 2015. – Vol. 82. – P. 88–94.
- Lietava J.** Medical plants in a Middle Paleolithic grave Shanidar IV // J. of Ethnopharmacol. – 1992. – Vol. 35. – P. 263–266.
- Marks A.E.** The Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant // Advances in World Archaeology / eds. F. Wendorf, A.E. Close. – N. Y.: Academic Press, 1983. – Vol. 2. – P. 51–98.
- Marks A.E.** Typological variability in the Levantine Middle Paleolithic // The Middle Paleolithic: Adaptation, Behavior, and

Variability. – Philadelphia: The Univ. of Pennsylvania, 1992. – Vol. 72. – P. 127–142.

Marks A.E., Monigal K. Modeling the production of Elongated Blanks from the Early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor // The Definition and Interpretation of Levallois Technology / eds. H. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 267–278.

Marks A.E., Volkman P. The Mousterian of Ksar-Akil: levels XXVIA through XXIIIB // Paléorient. – 1986. – Vol. 12/1. – P. 5–20.

Mbua E., Bräuer G. Patterns of Middle Pleistocene hominin evolution in Africa and the emergence of modern humans // African Genesis: Perspectives on Hominin Evolution. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – P. 394–422.

McBrearty S. The archaeology of the Kapthurin Formation / eds. P. Andrews, P. Banham // Late Cenozoic Environments and Hominid Evolution: a Tribute to Bill Bishop. – L.: Geol. Soc., 1999. – P. 143–156.

McBrearty S., Bishop L.C., Kingston J.D. Variability in traces of Middle Pleistocene hominid behaviour in the Kapthurin Formation, Baringo, Kenya // J. of Hum. Evol. – 1996. – Vol. 30, N 6. – P. 563–580.

McBrearty S., Brooks A. The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior // J. of Hum. Evol. – 2000. – Vol. 39, N 5. – P. 453–563.

McBurney C.B.M. The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the South-East Mediterranean. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1967. – 387 p.

McClure H. A new Arabian stone tool assemblage and notes on the Aterian industry of North Africa // Arabian Archaeology and Epigraphy. – 1994. – Vol. 5, N 1. – P. 1–16.

McCown T.D. The oldest complete skeletons of man // Bull. of the Am. School of Prehistoric Res. – 1934. – Vol. 10. – P. 12–19.

McCown T.D., Keith A. The Stone Age of Mount Carmel. – Oxford: The Clarendon Press, 1939. – Vol. II: The Fossil Human Remains from the Levalloiso-Mousterian. – 390 p.

McDermott F., Grün R., Stringer C.B., Hawkesworth C.J. Mass-spectrometre U-series dates for Israeli Neanderthal/early modern hominid sites // Nature. – 1993. – Vol. 363. – P. 252–255.

Meignen L. Le Paléolithique moyen au Proche-Orient: Le phénomène laminaire / eds. S. Révillion, A. Tuffreau // Les Industries Laminaires au Paléolithique Moyen. – P.: Centre Nat. de la Recherche Sci., 1994. – P. 125–159.

Meignen L. Hayonim cave lithic assemblages in the context of the Near Eastern Middle Paleolithic // Neanderthals and Modern Humans in Western Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N. Y.; L.: Plenum Press, 1998. – P. 165–180.

Meignen L. Early Middle Palaeolithic Blade Technology in Southwestern Asia // Axta Anthropologica Sinica. – 2000. – Vol. 19. – P. 158–168.

Meignen L., Bar-Yosef O. Middle Paleolithic variability in Kebara Cave, Mount Carmel, Israel // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusei-Sha. – 1992. – P. 129–148.

Mercier N., Valladas H. Reassessment of TL age estimates of burnt flints from the Paleolithic site of Tabun Cave, Israel // J. of Hum. Evol. – 2003. – Vol. 45, N 5. – P. 401–409.

Mercier N., Valladas H., Bar-Yosef O., Vandermeersch B., Stringer C., Joron J.-L. Thermoluminescence date for the Mousterian burial site of es-Skhul, Mt. Carmel // J. of Archaeol. Sci. – 1993. – N 20. – P. 169–174.

Mercier N., Valladas H., Froget L., Joron J.-L., Vermeersch P.M., Van Peer P., Moeyersons J. Thermoluminescence dating of a Middle Palaeolithic occupation at Sodmein Cave, Red Sea Mountains (Egypt) // J. of Archaeol. Sci. – 1999. – Vol. 26, N 11. – P. 1339–1345.

Meyer M., Fu Q., Aximu-Petri A., Clocke I., Nickil B., Arsuaga J.-L., Martinez I., Gracia A., Bermudez de Castro J.M., Carbonell E., Pääbo S. A mitochondrial genome sequence of a hominin from Sima de Los Huesos // Nature. – 2014. – Vol. 505. – P. 403–406.

Meyer M., Arsuaga J.-L., de Filippo C., Nagel S., Aximu-Petri A., Nickel B., Martinez I., Gracia A., Bermudez de Castro J.M., Carbonell E., Viola B., Kelso J., Prüfer K., Pääbo S. Nuclear DNA sequences from the Middle Pleistocene Sima de los Huesos hominins // Nature. – 2016. – Vol. 531. – P. 504–507.

Neuville R. Le Paléolithique et le Mésolithique du désert de Judée. – P.: Masson, 1951. – Vol. 24. – 272 p. – (Archives Inst. Paléontol. Humaine).

Ohnuma K. The Significance of Layer B (Square 8–19) of the Amud Cave (Israel) in the Levantine Levalloiso-Mousterian: A Technology Study // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. – Tokyo: Hokusei-Sha Publ., 1992. – P. 83–106.

Pääbo S. Neanderthal Man: In Search of Lost Genoms. – N. Y.: Basic Books, 2014. – 288 p.

Porat N., Schwarcz H.P., Valladas H., Bar-Yosef O., Vandermeersch B. Electron spin resonance dating of burned flint from Kebara Cave Israel // Geoarchaeol. – 1994. – Vol. 9. – P. 393–407.

Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., de Filippo C., Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Onygerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. – 2014. – Vol. 505, N 7481. – P. 43–49.

Quam R.M., Smith F.H. A reassessment of the Tabun C 2 mandible // Neanderthals and Modern Human in Western Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N. Y.: Plenum Press, 1998. – P. 405–421.

Rak Y. Does any Mousterian cave present evidence of two hominid species? // Neanderthals and Modern Humans in Western Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N. Y.: Plenum Press, 1998. – P. 353–366.

Rak Y., Kimbel W.H., Hovers E. A Neanderthal infant from Amud Cave, Israel // J. of Hum. Evol. – 1994. – Vol. 26. – P. 313–324.

Rightmire G.P. The human cranium from Bodo, Ethiopia: Evidence for speciation in the Middle Pleistocene? // J. of Hum. Evol. – 1996. – Vol. 31. – P. 251–260.

- Rightmire G.P.** Human evolution in the Middle Pleistocene: the role of *Homo heidelbergensis* Evolutionary // Anthropol. – 1998. – Vol. 6. – P. 218–227.
- Rightmire G.P.** Morphological Diversity in Middle Pleistocene Homo // Humanity from African Naissance to Coming Millenia. – Florence: Florence Univ. Press, 2001. – P. 135–140.
- Rightmire G.P.** Middle and later Pleistocene hominins in Africa and Southwest Asia // Proc. Nat. Acad. Sci. – 2009. – Vol. 106, N 38. – P. 16046–16050.
- Ronen A.** The Skhul burials: An archaeological review // Colloque XII: Les Sépultures anderthalienennes: IX Congr. – Nice, 1976. – P. 27–40.
- Ronen A.** The oldest burials and their significance // African Genesis: Perspectives on Hominin Evolution. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – P. 554–570.
- Ronen A., Gisis I., Tchernikov I.** The Mugharan Tradition reconsidered // The Lower and Middle Paleolithic in the Middle East and Neighboring Regions / eds. J.-M. Le Tensorer, R. Jagher, M. Otte. – Liège: Univ. de Liège, 2011. – P. 59–66. – (Études et Rech. Archéol. de l'Univ. de Liège; N 126).
- Rose J.I., Marks A.E.** “Out of Arabia” and the Middle–Upper Palaeolithic transition in the Southern Levant // Quartär. – 2014. – Vol. 61. – P. 49–85.
- Sarel J., Ronen A.** The Middle/Upper Paleolithic transition in Northern and Southern Israel: A technological comparison // More Than Meets the Eye / eds. A.N. Goring-Morris, A. Belfer-Cohen. – Oxford: Oxbow Books, 2003. – P. 68–79.
- Schwarcz H.P., Simpson J.J., Stringer C.B.** Neanderthal skeleton from Tabun: U-series data by gamma-ray spectrometry // J. of Hum. Evol. – 1998. – Vol. 35. – P. 635–645.
- Schwartz J.H., Tattersall I.** Fossils attributed to genus *Homo*: some general notes // The Human Fossil Record: Craniodontal Morphology of Genus *Homo* (Africa and Asia). – 2005. – Vol. 2. – P. 587–603.
- Shea J.J.** Modern Human Origins and Neanderthal Extinction: New Evidence from the East Mediterranean Levant // Athena Rev. – 2001. – N 4. – P. 21–32.
- Shea J.J.** Neandertals, Competition, and the Origin of Modern Human Behavior in the Levant // Evol. Anthropol. – 2003. – Vol. 12. – P. 173–187.
- Shea J.J.** The origins of lithic projectile point technology: Evidence from Africa, the Levant, and Europe // J. of Archaeol. Sci. – 2006. – Vol. 33. – P. 823–846.
- Shea J.J.** Behavioral Differences between Middle and Upper Paleolithic *Homo sapiens* in the East Mediterranean Levant: The Roles of Intraspecific Competition and Dispersal from Africa // J. of Anthropol. Res. – 2007. – Vol. 64. – P. 449–488.
- Shea J.J.** Transitions or turnovers? Climatically-forced extinctions of *Homo sapiens* and Neanderthals in the east Mediterranean Levant // Quaternary Science Rev. – 2008. – Vol. 27. – P. 2253–2270.
- Shimelmitz R., Barkai R., Gopher A.** Systematic blade production at late Lower Paleolithic (400–200 kyr) Qesem Cave, Israel // J. of Hum. Evol. – 2011. – Vol. 61. – P. 458–479.
- Shimelmitz R., Barkai R., Gopher A.** Regional variability in late Lower Paleolithic Amudian blade technology: Analyzing new data from Qesem, Tabun and Yabrud // Quaternary Intern. – 2015. – Vol. 398. – P. 118–128.
- Shimelmitz R., Kuhn S.L.** Early Mousterian Levallois Technology in Unit IX of Tabun Cave // PaleoAnthropol. – 2013. – P. 1–27. – URL: <http://www.paleoanthro.org/media/journal/content/PA20130001.pdf>
- Singer R., Wymer J.** The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa. – Chicago: Chicago Univ. Press, 1982. – P. 194–199.
- Solecki R.S.** The Shanidar Cave sounding, 1953 season, with notes concerning the discovery of the first Paleolithic skeleton in Iraq // Sumer. – 1953. – Vol. 9, N 1. – P. 229–232.
- Solecki R.S.** Three adult Neanderthal skeletons from Shanidar Cave, Northern Iraq // Annual Report of the Smithsonian Institution for 1959. – 1960. – P. 603–635.
- Solecki R.S.** Shanidar IV, a Neanderthal flower burial in northern Iraq // Science. – 1975. – Vol. 190. – P. 880–881.
- Stefan V.H., Trinkaus E.** Discrete trait and dental morphometric affinities of the Tabun 2 mandible // J. of Hum. Evol. – 1998. – Vol. 34. – P. 443–468.
- Stringer C.B.** Replacement, continuity and the origin of *Homo sapiens* // Continuity of Replacement? Controversies in *Homo sapiens* Evolution / eds. G. Brauer, F.H. Smith. – Rotterdam: A.A. Balkema, 1992. – P. 9–24.
- Stringer C.B.** Chronological and biogeographic perspectives on later human evolution // Neanderthals and Modern Humans in Western Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N. Y.: Plenum Press, 1998. – P. 29–37.
- Stringer C.B.** The Status of *Homo heidelbergensis* // Evolutionary Anthropol. – 2012. – Vol. 21, iss. 3. – P. 101–107.
- Stringer C.B., Andrews P.** Genetic and fossil evidence for the evidence of modern humans // Science. – 1988. – Vol. 239. – P. 1263–1268.
- Stringer C.B., Grün R., Schwarcz H.P., Goldberg P.** ESR dates for the hominid burial site of es-Skhul in Israel // Nature. – 1989. – Vol. 338. – P. 756–758.
- Tchernov E.** The age of Ubeidiya Formation, an Early Pleistocene hominid site in the Jordan Valley, Israel // Isr. J. Earth Sci. – 1987. – Vol. 36 (1). – P. 3–30.
- Tchernov E.** Biochronology, Paleoecology, and Dispersal Events of Hominids in the Southern Levant. The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoiiki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusei-Sha, 1992. – P. 149–188.
- The Amud Man and His Cave Site** / eds. H. Suzuki, P. Takai. – Tokyo: Academic Press, 1970. – 439 p.
- The Stone Age of Mount Carmel** / eds. D.A.E. Garrod, D.M.A. Bate. – Oxford: Clarendon Press, UK, 1937. – Vol. 1: Excavations at the Wady el-Mughara. – P. 137–140.
- Tobias P.V.** A re-examination of the Kedong Brubus mandible // Zoologische Mededelingen. – 1966. – Vol. 41. – P. 307–320.
- Trinkaus E.** The Shanidar Neandertals. – N. Y.: Academic Press, 1983. – 524 p.
- Trinkaus E.** The Neanderthal face: evolutionary and functional perspectives on a recent hominid face // J. of Hum. Evol. – 1987. – N 16. – P. 429–443.
- Trinkaus E.** Comment // Current Anthropol. – 1993. – Vol. 34. – P. 620–622.
- Trinkaus E.** Near Eastern late archaic humans // Paleorient. – 1995. – Vol. 21. – P. 9–23.
- Tryon C.A., McBrearty S.** Tephrostratigraphy and the Acheulian to Middle Stone Age transition in the Kapthurin Formation, Baringo, Kenya // J. of Hum. Evol. – 2002. – Vol. 42, N 1/2. – P. 211–235.

- Tryon C.A., McBrearty S.** Thermostratigraphy of the Bedded Tuff Member (Kapturin Formation, Kenya) and the nature of archaeological change in the later middle Pleistocene // *Quaternary Res.* – 2006. – Vol. 65. – P. 492–507.
- Usik V.I., Rose J.I., Hilbert Y.H., Van Peer P., Marks A.E.** Nubian Complex reduction strategies in Dhofar, southern Oman // *Quaternary Intern.* – 2013. – Vol. 300. – P. 244–266.
- Valladas H., Mercier N., Hershkovitz I., Zaidner Y., Tsatskin A., Yeshurun R., Viatelettes L., Joron J.-L., Reyss J.-L., Weinstein-Evron M.** Dating the Lower to Middle Paleolithic transition in the Levant: A view from Misliya Cave, Mount Carmel, Israel // *J. of Hum. Evol.* – 2013. – Vol. 655, iss. 5. – P. 585–593.
- Vallois H.** La dent humaine levalloiso-moustérienne de Ras-el-Kelb, Liban // *Folia Primatologica*. – Basel, 1962. – Vol. 1. – P. 155–162.
- Vandermeersch B.** Découverte d'un objet en ocre avec traces d'utilisation dans le Moustérien de Qafzeh (Israël) // *Bull. Soc. Prehist. Francaise*. – 1969. – Vol. 66. – P. 57–80.
- Vandermeersch B.** Les Hommes Fossiles de Qafzeh (Israël). – P.: Centre Nat. de la Recherche Sci., 1981. – 319 p.
- Vandermeersch B.** The Near Eastern hominids and the origins of Modern Humans in Euroasia // Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-Sha, 1992. – P. 29–38.
- Vandermeersch B.** The Near East and Europe: Continuity or discontinuity? // Conceptual Issues in Modern Human Origins Research / eds. G.A. Clark, C.M. Willermet. – N.Y.: Aldine de Gruyter, 1997. – P. 107–116.
- Van Peer P.** The Nile corridor and the out-of-Africa model: An Examination of the Archaeological Record // *Current Anthropol.* – 1998. – Vol. 39. – P. 115–140.
- Van Peer P., Vermeersch P.M., Paulissen E.** Chert Quarrying, Lithic Technology and a Modern Human Burial at the Palaeolithic Site of Taramsa 1, Upper Egypt. – Leuven: Univ. Press, 2010. – 312 p.
- Vermeersch P.M., Paulissen E., Stokes S., Charlier C., Van Peer P., Stringer C., Lindsay W.** A Middle Palaeolithic Burial of a Modern Human at Taramsa Hill, Egypt // *Antiquity*. – 1998. – Vol. 72. – P. 475–484.
- Watanabe H.** Flake production in a transitional industry from the Amud Cave: A statistical approach to Paleolithic typology // *La préhistoire: Problèmes et tendances* / ed. F. Bordes. – P.: Centre Nat. de la Recherche Sci., 1968. – P. 499–509.
- Weinstein-Evron M., Bar-Oz G., Tsatskin A., Druck D., Porat N., Hershkovitz I.** Introducing Misliya Cave, Mount Carmel, Israel: a new continuous Lower: Middle Paleolithic sequence in the Levant // *Eurasian Préhist.* – 2015. – Vol. 1. – P. 31–55.
- Wrinn P.J., Rink W.J.** ESR dating of tooth enamel African levels at Mugharet et Alya (Tangier, Morocco) // *J. of Archaeol. Sci.* – 2003. – Vol. 30. – P. 127–133.
- Wurz S.** Exploring and Quantifying technological differences between the MSA I, MSA II and Howieson's Poort at Klasies River // *From Tools to Symbols: From Early Hominids to Modern Humans*. – Johannesburg: Witwatersrand Univ. Press, 2005. – P. 418–440.
- Zaidner V., Weinstein-Evron M.** Making a point: the Early Middle Paleolithic tool assemblage of Misliya Cave, Mount Carmel, Israel // *Before Farming*. – 2012. – Iss. 4. – P. 1–23.
- Zviely D., Galili E., Ronen A., Salomon A., Ben-Avraham Z.** Reevaluating the tectonic uplift of western Mount Carmel, Israel, since the middle Pleistocene // *Quaternary Res.* – 2009. – Vol. 71, iss. 2. – P. 239–245.

Материал поступил в редакцию 12.10.15 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.037-046
УДК 904(571.53)

Т.Ю. Номоконова¹, О.И. Горюнова², Р.Дж. Лозей³,
А.Г. Новиков², А.В. Вебер^{3,4}

¹Университет Британской Колумбии, Канада

University of British Columbia

1147 Research Road, V1V 1V7, Kelowna, Okanagan, BC, Canada

E-mail: tatiana.nomokonova@gmail.com

²Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия

E-mail: as122@yandex.ru

³Университет Альберты, Канада

University of Alberta

13-15 HM Tory Building, T6G 2H4, Edmonton, AB, Canada,

E-mail: rlosey@ualberta.ca; aweber@ualberta.ca

⁴Университет Экс-Марсель, Франция

Aix-Marseille University

5 rue du Château de l'Horloge – B.P. 647, 13094 Aix-en-Provence Cedex 2, France

E-mail: aweber@ualberta.ca

**Кости животных из ранних комплексов
многослойного поселения Саган-Заба II (9 120–7 880 кал. л.н.)
в Прибайкалье: планиграфия, хозяйственная деятельность
и сезонность использования стоянки***

Статья является первой публикацией, посвященной анализу костей животных из ранних комплексов многослойного поселения Саган-Заба II (VII и VI слои), расположенного на западном побережье оз. Байкал. Рассматриваются вопросы видового состава фауны, радиоуглеродное датирование костей животных, планиграфия их находок в слоях, определение пола и возраста животных, их выбор и сезонность использования стоянки. По сравнению с предыдущими работами по датированию слоев памятника Саган-Заба II в данном исследовании учитывается ранее определенная возможная разница между некалиброванными датами, полученными по костным остаткам копытных и нерпы, в связи с проблемой «старого» углерода в оз. Байкал. Для VII слоя она в среднем составляет 682 года, а для VI – 509 лет. С учетом пересчета дат, полученных по костям нерпы, VII и VI слои теперь датируются в промежутке между 9 120 и 7 880 кал. л.н. Анализ фаунистических материалов из ранних комплексов поселения Саган-Заба II показал, что население занималось охотой на нерпу, копытных и других млекопитающих, а также на птиц и рыбной ловлей, что говорит о комплексном использовании природных ресурсов. Вероятно, исследуемые стоянки носили кратковременный, сезонный характер, что подтверждается особенностями размещения очагов и скоплений материалов, незначительной мощностью кострищ, отсутствием специализированных производственных площадок. О сезонном их использовании (преимущественно в весенне-летнее время года) свидетельствуют результаты анализа слоев дентина на срезах клыков нерпы и наличие костей животных, присутствие которых в Прибайкалье ограничено теплыми месяцами года.

Ключевые слова: зооархеология, Прибайкалье, голоцен, хозяйство, радиоуглеродное датирование.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

**T.Y. Nomokonova¹, O.I. Goriunova², R.J. Losey³,
A.G. Novikov², and A.W. Weber^{3,4}**

¹*University of British Columbia,
1147 Research Road, V1V 1V7, Kelowna, Okanagan, BC, Canada
E-mail: tatiana.nomokonova@gmail.com*

²*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
Irkutsk State University,
Karla Markska 1, Irkutsk, 664003, Russia
E-mail: as122@yandex.ru*

³*University of Alberta,
13-15 HM Tory Building, T6G 2H4, Edmonton, AB, Canada
E-mail: rlosey@ualberta.ca*

⁴*Aix-Marseille University,
5 rue du Château de l'Horloge – B.P. 647, 13094 Aix-en-Provence Cedex 2, France
E-mail: aweber@ualberta.ca*

Faunal Remains from the Early Complexes of the Sagan-Zaba II Multilayered Habitation Site (9120–7880 cal. BP) in the Cis-Baikal: Planigraphy, Subsistence Patterns, and Seasonality

This article is the first publication to analyze faunal remains from early complexes (layers VII and VI) at the multilayer settlement of Sagan-Zaba II, situated on the western shore of Lake Baikal. We discuss species composition of fauna from the site as well as associated radiocarbon dates, age and sex designations, spatial distribution, and their overall selection as it relates to site seasonality. We address the previously-defined potential offset between uncalibrated dates from remains of ungulates and seals at the site, relating to the problem of “old” carbon in Lake Baikal. For layer VII, this offset is 682 years on average, and for layer VI it is 509 years. Taking the offset from nerpa bones into account, layers VII and VI now appear to date to the period between 9120 and 7880 cal BP. An analysis of faunal materials from the early complexes of the Sagan-Zaba II settlement indicates that inhabitants of this site hunted nerpa seals, ungulates, and other mammals as well as birds and fish, demonstrating a complex use of natural resources. Most likely, sites featured short-term, seasonal occupations, as indicated by the distribution of hearths and other materials, the thickness of hearth features, and the absence of specialized production areas. Results of an analysis of dentine layers from cross-sections of nerpa teeth as well as the presence of faunal bones that are only available during the hotter months of the year in the Cis-Baikal region, are consistent with a model of spring and summer site use.

Keywords: Zooarchaeology, Cis-Baikal, Holocene, subsistence, radiocarbon dating.

Введение

Многослойное поселение Саган-Заба II представлено несколькими комплексами, характеризующими древние культуры Прибайкалья в голоцене. Время существования стоянок определено на основании серийного радиоуглеродного датирования в интервале от ~9 000 до 900 кал. л.н. [Nomokonova et al., 2013]. Многообразные археологические и фаунистические материалы памятника предоставляют возможность проследить особенности хозяйственного освоения Приольхонья в разные хронологические срезы. Археологические комплексы ряда культурных слоев уже введены в научный оборот [Долганов и др., 2011, 2013; Горюнова и др., 2012; Новиков, Горюнова, Вебер, 2014; Nomokonova et al., 2010]. Однако многочисленные фаунистические остатки, полученные в ходе раскопок северо-восточной части бухты, и хозяйственные аспекты ранее не рассматривались. Предлагаемая статья является первой публикацией, посвященной анализу костей животных из ранних комплексов этой части поселения Саган-Заба II (VII и VI слои раскопов

2007–2008 гг.), включая видовой состав фауны, радиоуглеродное датирование костей животных, планиграфию их нахождения в слоях, выбор животных и сезонность использования данной стоянки.

Памятник находится в бухте Саган-Заба западного побережья оз. Байкал (рис. 1), в 154 км к северо-востоку от г. Иркутска и в 13,5 км к юго-востоку от пос. Еланцы (Ольхонский р-н Иркутской обл.). Он открыт отрядом Североазиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР, возглавляемым А.П. Окладниковым, в 1972 г. Раскопки были проведены тем же отрядом под руководством А.П. Окладникова и И.В. Асеева в 1974–1975 гг. Выделено пять культурных слоев [Окладников, 1975; Асеев, 2003, с. 51]. Раскопки, направленные на комплексное, междисциплинарное исследование стоянки, возобновились в 2006–2008 гг. Саган-Забинским отрядом Российско-Канадской археологической экспедиции (Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ и Отдел антропологии Университета Альберты, г. Эдмонтон, Канада) [Горюнова, Новиков, Воробьева и др., 2007; Горюнова, Новиков, Вебер и др., 2008].

Рис. 1. Карта-схема расположения стоянки Саган-Заба II на побережье оз. Байкал.

В результате работ в северо-восточной части бухты (наиболее перспективной для раскопок) выделено 11 культурных слоев (с VII по I, с учетом подразделения некоторых из них на нижний и верхний).

Стратиграфический разрез в месте раскопов представляет собой серию гумусированных супесчаных почв, разделенных прослойками светлой щебенистой супеси и грубообломочных отложений проливиально-делиювиального генезиса (рис. 2) [Горюнова, Новиков, Вебер и др., 2008; Воробьева, 2010]. Комплексы VII, VI нижнего и верхнего культурных горизонтов стратиграфически привязаны к слоям гумусированной супеси серовато-бурого (до бурого) и темного серовато-бурого цвета мощностью 0,12–0,18 м. Их деление хорошо выражено на фронтальной стенке раскопа (в глубь абразионного уступа); у берегового обрыва толщина слоев уменьшается до 0,05 м (рис. 3).

Методика полевых исследований включала послойное вскрытие раскопов, тщательное просеивание отработанной почвы всех культурных отложений через сито с ячейй 3 мм, фиксирование материала электронным теодолитом по трехмерным показателям, детальное стратиграфическое изучение разрезов, отбор образцов для исследования естественно-научными методами.

Радиоуглеродное датирование костей животных

Хронология VII, VI нижнего и верхнего слоев стоянки Саган-Заба II определена с помощью 16 радиоуглеродных AMS-дат (табл. 1), калиброванных с ис-

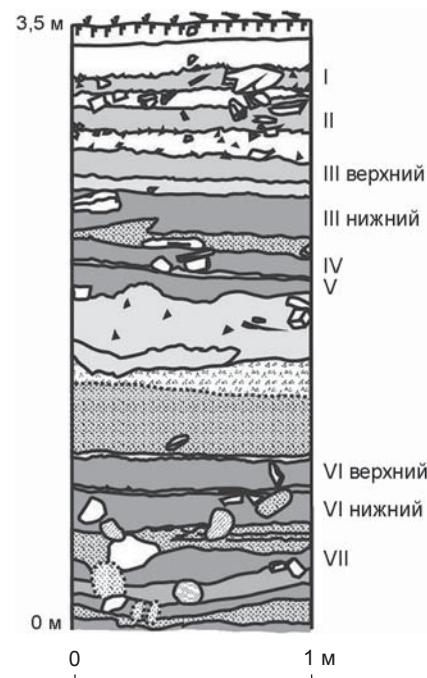

Рис. 2. Стратиграфический разрез северо-западной стенки раскопа 4с (кв. 4а).

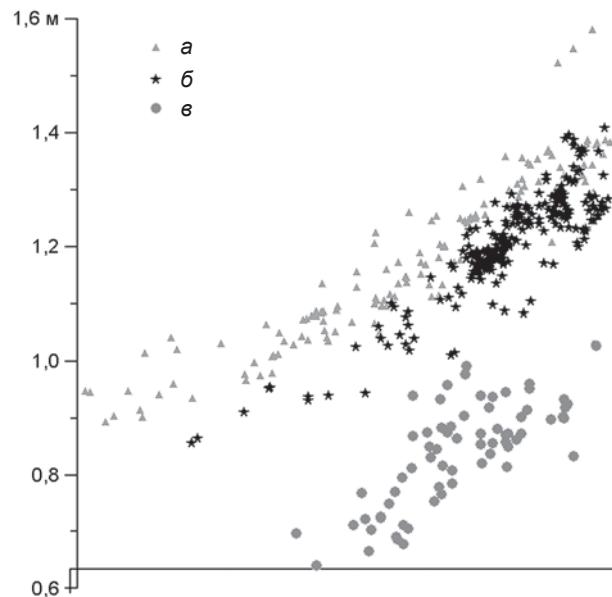
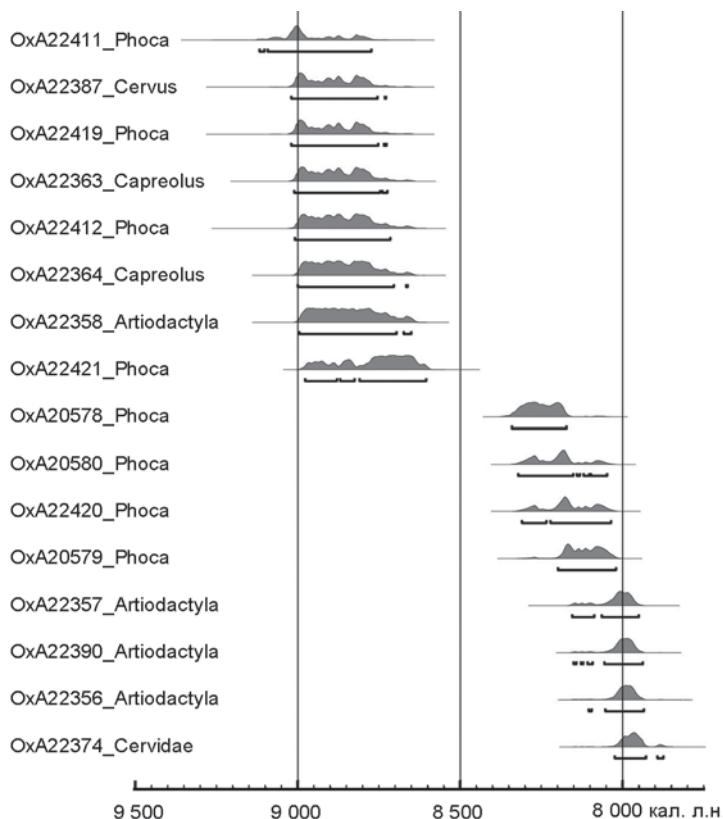

Рис. 3. Двухмерный вертикальный разрез раскопа 4с с плотностью археологического материала, найденного в VII и VI слоях.
а – VI верхний слой; б – VI нижний; в – VII слой.

пользованием программы Calib 7.0.1 [Stuiver, Reimer, 1993] по базе данных IntCal13 [Reimer et al., 2013]. Даты получены по костям копытных и нерп, отобранных в одинаковом количестве из каждого анализируемого слоя, и представлены по калиброванной кри-

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования костей животных

Номер образца	Таксон	^{14}C -дата	Дата с учетом «старого» углерода	Калиброванные значения л.н.	ETI (68 % вероятности)
<i>VII слой</i>					
OxA22387	<i>Cervus elaphus</i>	8 024 ± 40	—	9 020–8 730	1–257
OxA22363	<i>Capreolus pygargus</i>	8 010 ± 40	—	9 010–8 730	
OxA22364	»	7 986 ± 37	—	9 000–8 660	
OxA22358	<i>Artiodactyla</i>	7 971 ± 39	—	9 000–8 650	
OxA22411	<i>Phoca sibirica</i>	8 745 ± 45	8 063 ± 45	9 120–8 770	1–244
OxA22419	»	8 705 ± 40	8 023 ± 40	9 020–8 720	
OxA22412	»	8 680 ± 40	7 998 ± 40	9 010–8 660	
OxA22421	»	8 600 ± 40	7 918 ± 40	8 980–8 610	
<i>VI нижний и верхний слои</i>					
OxA22357	<i>Artiodactyla c.f.</i>	7 203 ± 37	—	8 160–7 950	1–79
OxA22390	<i>Artiodactyla</i>	7 188 ± 36	—	8 150–7 940	
OxA22356	»	7 179 ± 36	—	8 100–7 940	
OxA22374	<i>Cervidae c.f.</i>	7 147 ± 38	—	8 020–7 880	
OxA20578	<i>Phoca sibirica</i>	7 924 ± 40	7 415 ± 40	8 340–8 170	1–222
OxA20580	»	7 881 ± 37	7 372 ± 37	8 320–8 050	
OxA22420	»	7 865 ± 40	7 356 ± 40	8 310–8 040	
OxA20579	»	7 835 ± 37	7 326 ± 37	8 200–8 020	

вой на 95 % вероятности. В предыдущих публикациях мы использовали только результаты датирования образцов копытных, т.к. кости нерп содержат в себе «старый» углерод Байкала, в связи с чем радиоуглеродные даты, полученные по ним, удревнены на несколько столетий (подробно см.: [Nomokonova et al., 2013]). В данном исследовании учтена возможная разница между некалиброванными датами, полученными по костным остаткам копытных и нерп. Для VII слоя она составляет 682 года, для VI – 509 лет. С учетом пересчета и использования дат, полученных по костям нерпы, культурные остатки VII слоя датируются в интервале 9 120–8 610 кал. л.н., VI – 8 340–7 880 кал. л.н. (табл. 1; рис. 4).

В связи с тем, что для каждого слоя получено несколько радиоуглеродных дат, стало возможным использовать дополнительную функцию, доступную в программе BCAL [Buck, Christen, James, 1999],

Рис. 4. Радиоуглеродные даты, полученные по костям животных из VII и VI слоев.

под названием ETI (elapsed time intervals). Она позволяет в среднем прикинуть вероятность перекрывающихся временных интервалов по полученному набору дат, чтобы предположить, к какому промежутку времени относятся эти даты и когда могла использоваться стоянка. В табл. 1 приведены такие показатели, рассчитанные для дат, которые получены по костям копытных и нерп из каждого анализируемого слоя. Они демонстрируют, что, вероятно, промежуток времени, когда эти животные использовались на стоянке, более или менее одинаковый, за исключением копытных, остатки которых найдены в VI слое, где этот показатель меньше, до 80 лет.

Контекст находления костей животных

Фаунистические остатки в VII и VI слоях стоянки Саган-Заба II располагались преимущественно скоплениями в районах очагов, кострищ и каменных конструкций. Например, в VII слое зафиксированы одно кострище и шесть каменных выкладок, занимающих значительную часть вскрытой площади (рис. 5). Вероятно, все они служили очажными сооружениями. Конструкции овальной формы, кольцевые, как состоящие из разрозненных камней, так и сплошные. Размеры кладок $0,92 \pm 0,34 \times 0,71 \pm 0,28$ м. Мощность

зольников незначительная. Археологический материал VII слоя располагался скоплениями в районе очагов. В основном это фаунистические остатки. Совместно с ними залегали каменные и костяные изделия: призматические пластины, резчик, скобель, резцы, провертка, вкладыши и обломки костяных обойм составных орудий, гарпун и фрагменты расщепленного клыка кабана (рис. 6, 3–7). Состав скоплений позволяет характеризовать их как хозяйствственно-бытовые отбросы.

Планграфическое размещение костей животных в VI нижнем и верхнем слоях в целом подтверждает контекст расположения находок в районах очагов и каменных конструкций. В отличие от предыдущего слоя, в этих комплексах зафиксированы фрагменты керамики (более чем от 17 сосудов). Археологический материал VI нижнего слоя был сконцентрирован тремя скоплениями, аналогичными по составу и типологическому набору инвентаря [Горюнова и др., 2012]. Все они группировались в районе очага (к востоку и западу от него). Очажная кладка полукоильцевая, овальной формы, размерами $1,1 \times 0,8$ м. Мощность зольника небольшая. В составе скоплений преобладают фаунистические остатки, представлены фрагменты керамики от нескольких сосудов, призматические пластины, вкладыши, резцы, стерженек составного рыболовного крючка, обломки костяной иглы (рис. 6, 10)

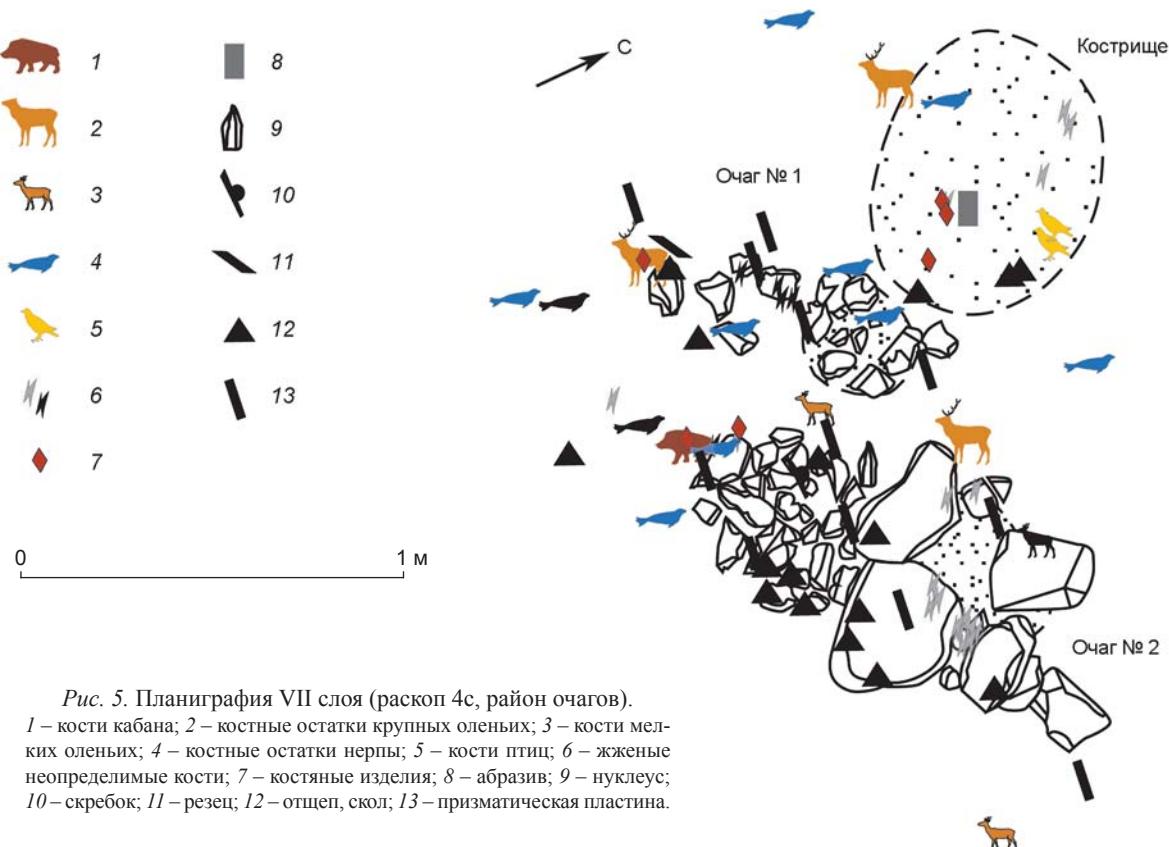

Рис. 5. Планграфия VII слоя (раскоп 4с, район очагов).
1 – кости кабана; 2 – костные остатки крупных олених; 3 – кости мелких олених; 4 – костные остатки нерп; 5 – кости птиц; 6 – жженые неопределенные кости; 7 – костяные изделия; 8 – абразив; 9 – нуклеус; 10 – скребок; 11 – резец; 12 – отщеп, скол; 13 – призматическая пластина.

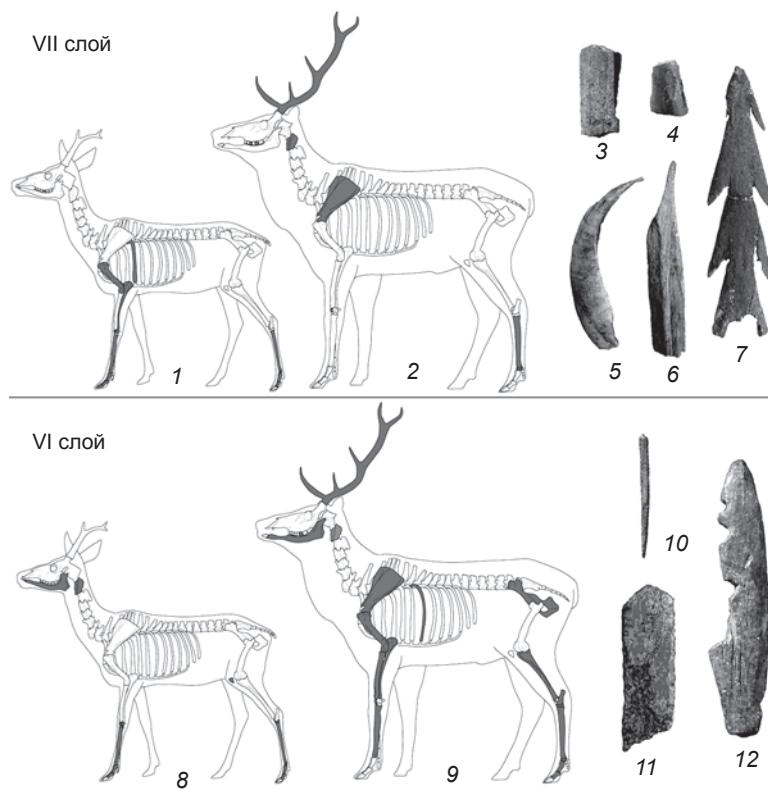

Рис. 6. Элементы скелета копытных (отмечены черным цветом) и орудия из кости.

и перламутровых бусинок. В месте одного скопления отмечена золистая почва.

В VI верхнем слое отмечено семь каменных конструкций, которые, возможно, служили очажными кладками [Там же]. Встречены полукольцевые и сплошные сооружения овальной формы, размерами $1,6 \times 0,8 \times 1,2 \div 0,5$ м. В некоторых из них зафиксированы размытые зольники. Возле очагов обнаружены фаунистические остатки, фрагменты керамики от разных сосудов, призматические пластины и вкладыши. Основная часть археологического материала VI верхнего слоя приурочена к скоплению, тяготеющему к береговой части раскопа. Почва в этом месте золистая. Скопление также составляли фаунистические остатки, фрагменты керамики от нескольких сосудов, каменные изделия (призматические пластины, вкладыши, резец, тесловидное орудие), гарпун и костяная обойма составного орудия (рис. 6, 11, 12). Набор и типология керамических и каменных изделий, найденных в VI нижнем и верхнем слоях, аналогичны, что дает основание говорить о формировании комплексов в рамках единой культурной традиции, в одном хронологическом срезе [Там же].

Количество очажных кладок, обнаруженных в VII и VI слоях, их близкое расположение между собой позволяют предположить, что система каменных кон-

струкций отражает несколько последовательных разносезонных ситуаций, а сравнительно незначительная мощность зольников свидетельствует о кратковременном использовании стоянок.

Судя по залеганию костей животных в очагах и кострищах, а также возле них, туши могли быть обработаны и частично употреблены непосредственно на стоянке. Это подтверждается следами на некоторых костях. В материалах VII слоя кости с порезами, жженые, с погрызами, а также костяные орудия составляют 299 экз., или 28 % от общего количества фаунистических остатков из этого слоя. Они принадлежат преимущественно млекопитающим. Преобладают жженые кости – 293 экз. (в т.ч. 15 – нерпы, несколько – парнокопытных, одна – птицы), что может ассоциироваться непосредственно с очагами и кострищами. Кости со следами обработки и в виде орудий представлены 10 экз. На одной трубчатой кости обнаружены погрызы хищников.

В комплексах VI слоя кости со следами обработки представлены 64 экз., что составляет 5 % от общего количества фаунистических остатков из этого

слоя. Среди них также преобладают жженые кости (53 экз., в т.ч. 15 – нерпы). Порезы обнаружены на большой берцовой кости нерпы, плечевой кости благородного оленя, ребре парнокопытного и неопределенном фрагменте кости млекопитающего. Кроме того, найдены пять костей с подработкой и в виде изделий, а также две с погрызами хищников. Наличие последних может указывать на то, что кости животных на стоянке поедались и хищниками, но, поскольку такие находки единичные, эти действия могут рассматриваться как минимальные.

Видовой состав животных

Фаунистические материалы, найденные в результате раскопок VII и VI слоев, представлены 2 351 экз. костей и зубов животных (табл. 2). Большинство из них принадлежат млекопитающим – 94 % от общего количества фаунистических остатков. Видовые определения в этой категории возможны по следующим таксономическим уровням (табл. 2): вид (косуля, благородный олень, лось, кабан и нерпа), семейство (оленни с подразделением на крупных и средних представителей), отряд (парнокопытные и хищники) и класс (крупные и средние млекопитающие). Осталь-

Таблица 2. Фаунистические материалы

Таксон	Название	VII слой		VI слой		Всего
		Кол-во костей	Число особей min	Кол-во костей	Число особей min	
Mammalia	Млекопитающие	711	...	886	...	1 597
Mammalia крупные		31	...	28	...	59
Mammalia средние		30	...	15	...	45
Artiodactyla	Парнокопытные	7	...	1	1	8
Artiodactyla крупные		—	—	4	...	4
Artiodactyla средние		5	...	5	...	10
Cervidae	Сем. оленевых	—	—	4	2	4
Cervidae крупные		5	1	11	2	16
<i>Cervus elaphus</i>	Благородный олень	19	1	13	2	32
<i>Alces alces</i>	Лось	—	—	1	1	1
Cervidae средние		7	1	7	2	14
<i>Capreolus pygargus</i>	Косуля	9	2	10	2	19
<i>Sus scrofa</i>	Кабан	2	1	2	1	4
Carnivora средние	Хищники	1	1	1	1	2
<i>Phoca sibirica</i>	Нерпа	101	5	296	9	397
Aves	Птицы	3	...	—	—	3
Anatidae	Сем. утиных	2	1	—	—	2
<i>Phalacrocorax carbo</i>	Баклан	9	2	—	—	9
<i>Haliaeetus sp.</i>	Род орланов	1	1	1	1	2
<i>Corvus c.f. corax</i>	Ворон	—	—	1	1	1
Pisces неопред.	Рыбы	107	...	1	1	108
<i>Thymallus articus</i>	Хариус	3	2	—	—	3
<i>Acipenser baeri baic.</i>	Осетр	—	—	1	1	1
Mollusca	Раковины	—	—	6	...	6
Неопределенные		4	...	—	—	4
Всего		1 057	...	1 294	...	2 351

ная фауна представлена 17 костями птиц и 112 остатками рыб, а также некоторыми фрагментами раковин (табл. 2).

Из костных остатков птиц найдены посткрайиальные элементы скелетов минимум двух бакланов, коракоид ворона, плечевая кость и коракоид птицы рода орланов, фаланга и фрагмент вилочки представителя семейства уток и неопределенные выше уровня класса остатки позвонков. Несколько элементов черепа рыб были отнесены минимум к двум особям хариуса и осетру. Другие остатки рыб, представленные чешуйей, ребрами и фрагментами черепа, неопределены.

Большинство фаунистических остатков принадлежит байкальской нерпе – 17 % от общего количества костей или 75 %, если учитывать только фауну, определимую до уровня отряда. Остатки этого вида принадлежат минимум 14 особям. Представлены элемен-

ты всех отделов скелета без какого-либо преобладания костей тех или иных частей туш животных. Вторую наиболее значимую группу составляют парнокопытные – 4,8 % от общего количества фаунистических остатков или 21 %, если учитывать только фауну, определимую до уровня отряда. Здесь преобладают кости косули и благородного оленя; также отмечены фрагмент лучевой кости лося и костные остатки кабана (фрагмент черепа, вторая фаланга и расщепленный клык).

Средние и крупные парнокопытные представлены элементами разных отделов скелета, но в основном костями конечностей и головы с фрагментами рогов (рис. 6, 1, 2, 8, 9). Насколько такая ситуация характерна для отбора определенных частей туш этих животных, остается неясным, т.к. среди костных остатков млекопитающих часто встречаются и элементы дру-

гих отделов скелета, например, обломки ребер и позвонков, фрагментарность которых затрудняет их видовое определение.

Определение пола и возраста животных

В связи с тем, что кости и зубы нерпы, а также парнокопытных преобладают среди фаунистических остатков на памятнике Саган-Заба II, были проведены дополнительные исследования для определения пола и возраста некоторых из этих животных. Возраст нерп определялся по двум методикам. Первая основана на отнесении индивидуальных элементов скелета к обобщенным возрастным категориям по степени прирастания проксимальных и дистальных эпифизов на костях (в основном конечностей) [Storå, 2000], вторая – на подсчете годовых структур в дентине на срезах клыков. Последняя была разработана и ранее применялась для анализа клыков нерп с ряда многослойных стоянок Прибайкалья [Weber, Gorunova, Kopatskii, 1993; Weber et al., 1998]. В отличие от предыдущих работ, заключительные подсчеты выполнялись с учетом минимального количества нерп для исключения повторного использования одних и тех же особей при интерпретации результатов.

Судя по степени прирастания эпифизов, нерпы в VII слое представлены костными остатками минимум одной особи до одного года и двух половозрелых (молодой и немолодой); в VI слое – двух особей до одного года, одной неполовозрелой и трех немолодых взрослых. Анализ слоев дентина на срезах 10 клыков показал, что они принадлежали двум нерпам до одного года в VII слое; двум особям до одного года, пяти возрастом 1–2 года и одной пяти лет в VI слое. Обобщенные данные по возрастным показателям нерп представлены на рис. 7.

Относительный возраст парнокопытных определялся по состоянию зубов и степени прирастания эпифизов некоторых трубчатых костей. Такие данные полу-

чены по четырем косулям [Tomé, Vigne, 2003]. В слое VII представлены остатки двух особей старше и младше 1,3 года, а в VI – животных до 12 месяцев и старше 1,3 года. В VI слое найдены кости благородного оленя, возраст которого между 2 и 4 годами. По наличию рогов представителей семейства оленевых можно предположить, что некоторые костные остатки принадлежали самцам. В VII слое найдены кабаны клыки взрослого самца (определение пола по: [Hillson, 2005, p. 131]).

Сезонность использования стоянки

Реконструкция сезонов использования стоянки Саган-Заба II по ранним комплексам была осуществлена с помощью упомянутого выше анализа слоев дентина на срезах клыков нерпы, а также по наличию или отсутствию тех видов животных, присутствие которых в Прибайкалье ограничено теплыми месяцами года, как, например, перелетных птиц. Результаты анализа слоев дентина на срезах 10 клыков нерп в целом свидетельствуют о гибели этих животных в весенне и летнее время (с марта по сентябрь): слой VII – две особи до одного года погибли в период с марта по июнь; слой VI – пятилетняя нерпа была добыта в марте–июне, три особи (1–2 года) – в мае–июне, остальные (до одного года и 1 год) – с июля по сентябрь (рис. 7). Таким образом, эти животные добывались в два сезона: весной, когда они выходят на лед и находятся возле лунок и отдушин, образуя скопления на тающем льду, и летом во время открытого Байкала, когда нерпы распространены по всему озеру и также выходят группами на берег [Пастухов, 1993].

Присутствие костей перелетных птиц тоже предполагает использование стоянки в теплое время года. Например, утки и бакланы, чьи остатки найдены в VII слое, и орланы, кости которых обнаружены в обоих исследуемых слоях, могли добываться в районе бухты Саган-Заба с конца марта до начала октября во время их прилета в Прибайкалье (рис. 7). Но необходимо

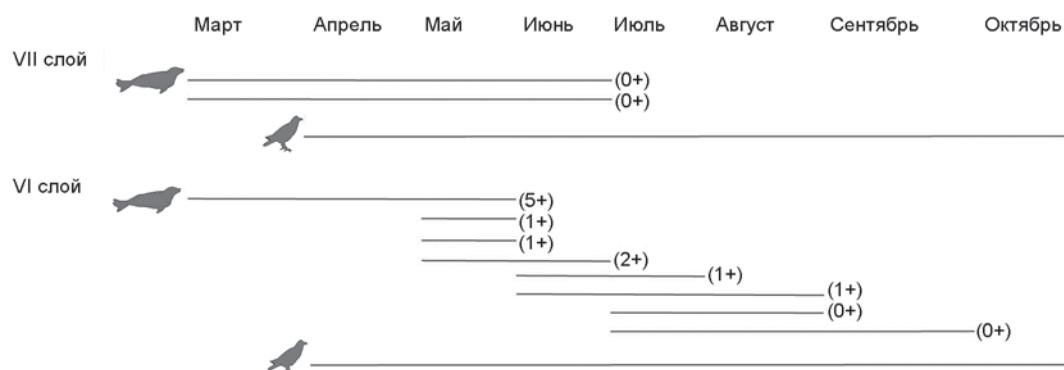

Рис. 7. Сезоны гибели нерп (в скобках указан возраст животного) и птиц на стоянке Саган-Заба II.

иметь в виду, что отдельные особи орланов иногда остаются на зимовку в этом регионе [Птицы Байкала, 2005]. Таким образом, имеющиеся данные по изученным комплексам позволяют предположить использование стоянки Саган-Заба II в основном весной и летом, что не исключает и другое время года.

Заключение

На основе анализа серии радиоуглеродных дат и вычисления показателей их объединенного усреднения стало возможным определить разницу между некалиброванными датами, полученными по костям копытных животных и нерп (для VII слоя – 682 года, для VI – 509 лет). В результате была уточнена датировка ранних комплексов поселения Саган-Заба II. С учетом коррекции дат, полученных по костям нерпы, VII слой датируется в интервале 9 120–8 610 кал. л.н., VI – 8 340–7 880 кал. л.н.

Планиграфический анализ показал, что фаунистические остатки в VII и VI слоях располагались преимущественно скоплениями совместно с каменными и костяными изделиями, а в VI слое и с керамикой в районах очагов и кострищ. Вероятно, они представляют собой недифференцированные хозяйствственно-бытовые отбросы. Самостоятельных скоплений фаунистических остатков в слоях не зафиксировано. Концентрация археологических материалов в районе очагов и кострищ характерна для всех комплексов раннего – среднего голоцене не только на побережье Байкала, но и в Прибайкалье в целом.

Вероятно, исследуемые стоянки носили кратковременный, сезонный характер, что подтверждается особенностью размещения очагов и скоплений материалов, незначительной мощностью кострищ, отсутствием специализированных производственных площадок, сравнительно небольшим общим количеством фаунистических остатков. О сезонном их использовании свидетельствуют результаты анализа слоев дентина на срезах клыков нерпы и наличие костей животных, присутствие которых в Прибайкалье ограничено теплыми месяцами года (например, перелетных птиц). Таким образом, можно предположить, что бухта Саган-Заба была обитаемой в период между 9 120 и 7 880 кал. л.н. преимущественно в весенне-и летнее время года.

Основу хозяйственной деятельности в указанный период, судя по видовому составу животных, составляли промысел нерпы и охота на копытных животных. Определенное значение имела и добыча птиц, а также рыболовство. Присутствие в комплексах большого количества битой кости («кухонные отбросы») и отходы производства костяных орудий), ее расположение в основном возле кострищ и очагов, нали-

чие костей со следами разделки и жженых позволяют предположить, что добыча, разделка и употребление некоторых животных производились в окрестностях или непосредственно в самой бухте. Следует отметить, что рога и кости парнокопытных использовались для изготовления орудий. Результаты анализа фаунистических материалов из слоев VII и VI многослойного поселения Саган-Заба II свидетельствуют о комплексном использовании природных ресурсов. Необходимо заметить, что на протяжении рассматриваемого промежутка времени (с 9 120 до 7 880 кал. л.н.) в исследованных комплексах не наблюдается какого-либо изменения в добывании животных того или иного вида.

Список литературы

- Асеев И.В.** Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.
- Воробьева Г.А.** Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 205 с.
- Горюнова О.И., Долганов В.А., Новиков А.Г., Вебер А.В.** Ранний неолит Приольхонья: по материалам VI культурных слоев геоархеологического объекта Саган-Заба II // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири: 100 лет Байкальской научной археологии. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012. – С. 86–93. – (Евразия в кайнозое: Стратиграфия, палеоэкология, культуры; вып. 1).
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., Воробьева Г.А., Орлова Л.А.** Завершение раскопок Российско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 32–35.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Вебер А.В., Лозей Р.Дж., Номоконова Т.Ю., Орлова Л.А.** Продолжение работ Российской-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 212–215.
- Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В.** Комплекс с пунктирно-гребенчатой керамикой и его место в неолите Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2011. – Вып. 2. – С. 75–81.
- Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В.** Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 125–132.
- Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В.** Мезолитический комплекс геоархеологического объекта Саган-Заба II (оз. Байкал) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филоло-

гия. – 2014. – Т. 13. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 117–124.

Окладников А.П. Отчет о раскопках многослойного неолитического памятника в бухте Заган-Заба в 1974 г. Новосибирск, 1975 // Архив ИА РАН. Р-1. № 5567. 60 с.

Пастухов В.Д. Нерпа Байкала. Биологические основы рационального использования и охрана ресурсов. – Новосибирск: Наука, 1993. – 261 с.

Птицы Байкала / В.Е. Егоров, А.А. Васильченко, Н.Г. Скрябин, В.А. Подковыров, С.В. Пыжанов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 200 с.

Buck C.E., Christen J.A., James G.N. BCal: an Online Bayesian Radiocarbon Calibration Tool // Internet Archaeol. – 1999. – N 7. – URL: <http://intarch.ac.uk/journal/issue7/buck/>

Hillson S. Teeth. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. – 388 p.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A Fresh Water Old Carbon Offset in Lake Baikal, Siberia and Problems with the Radiocarbon Dating of Archaeological Sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II Site // Quatern. Intern. – 2013. – N 290/291. – P. 110–125.

Nomokonova T., Losey R.J., Weber A., Goriunova O.I. Late Holocene Subsistence Practices among Cis-Baikal Pastoralists, Siberia: Zooarchaeological Insights from Sagan-Zaba II // Asian Perspectives: The Journal of Archaeology for Asia and the Pacific. – 2010. – Vol. 49, N 1. – P. 157–179.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk-Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hoffman D.L., Hogg A.G., Hughen K.A.,

Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55, N 4. – P. 1869–1887.

Storå J. Skeletal Development in Grey seal *Halichoerus grypus*, the Ringed seal *Phoca hispida botnica*, the Harbour seal *Phoca vitulina vitulina*, and the Harp seal *Phoca groenlandica*: Epiphyseal Fusion and Life History // Archaeozoologia. – 2000. – N XI. – P. 199–222.

Stuiver M., Reimer P.J. Extended ^{14}C Database and Revised CALIB Radiocarbon Calibration Program // Radiocarbon. – 1993. – Vol. 35. – P. 215–230.

Tomé C., Vigne J.-D. Roe Deer (*Capreolus capreolus*) Age at Death Estimates: New Methods and Modern Reference Data for Tooth Eruption and Wear, and for Epiphyseal Fusion // Archaeofauna. – 2003. – N 12. – P. 157–173.

Weber A.W., Goriunova O.I., Konopatskii A.K. Prehistoric Seal Hunting on Lake Baikal: Methodology and Preliminary Results of the Analysis of Canine Sections // J. of Archaeol. Sci. – 1993. – N 20. – P. 629–644.

Weber A., Link D.W., Goriunova O.I., Konopatskii A.K. Patterns of Prehistoric Procurement of Seal at Lake Baikal: A Zooarchaeological Contribution to the Study of Past Foraging Economies in Siberia // J. of Archaeol. Sci. – 1998. – N 25. – P. 215–227.

Материал поступил в редакцию 16.02.15 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.047-055
УДК 903.01/09

В.П. Мыльников¹, А.А. Тишкун²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

²Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: tishkin210@mail.ru

Жесткие деревянные основы седел с памятника Яломан II на Алтае: междисциплинарный анализ*

В статье представлены результаты междисциплинарного исследования деревянных основ седел из погребений могильника гунно-сарматского времени Яломан II. Снаряжение верхового коня является одним из наиболее значимых элементов традиционной культуры скотоводов-кочевников. В его создании и совершенствовании ключевую роль сыграли кочевые народы скифо-сакского, гунно-сарматского и тюркского времени. Анализ артефактов этой богатейшей цивилизации степей Евразии на примере археологических комплексов с захоронениями лошадей позволяет получать более объективное представление об этнической истории и культурогенезе народов обширного региона. Детали конского снаряжения на сегодняшний день являются одной из массовых категорий археологических находок. Элементы амуниции коня, найденные при раскопках курганов гунно-сарматского времени, стали достаточно надежным критерием для установления относительной хронологии памятников. Немаловажное значение в изучении развития форм и конструкций седел имеет генезис их деревянной основы. Накопленный в течение многих десятилетий материал по этой тематике в значительной мере проанализирован и введен в научный оборот. Технико-технологические исследования деревянных элементов конского снаряжения позволяют выявить новые дополнительные данные, которые делают информацию о первоисточнике более полной. Определены технологические особенности в изготовлении полок и лук седел, а также примерный состав деревообрабатывающего инструментария. Реконструированы стадии и операции в производстве одного из основных элементов снаряжения коня. Установлены способы соединения полок и лук в единое целое. Выполнена графическая реконструкция деревянной основы седла.

Ключевые слова: Алтай, гунно-сарматское время,nomады, конское снаряжение, жесткие основы седел.

V.P. Mylnikov¹ and A.A. Tishkin²

¹Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

²Altai State University,
Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia
E-mail: tishkin210@mail.ru

Wooden Saddle Trees from Yaloman II in the Altai: An Interdisciplinary Analysis

The equipment of a riding horse is a key element in the material culture of nomadic pastoralists, very informative in terms of the ethnic and cultural history of various nomadic groups of the Scythian, Hunno-Sarmatian, and Old Turkic periods, when horses were buried with their owners. This equipment is highly relevant to assessing the age of the burial. We describe wooden saddletrees from a Hunno-Sarmatian Age cemetery Yaloman II in the Altai and compare them with similar finds from other places. Technological features of cantle, front, and bars are assessed, the tools needed to make them are evaluated, technological operations involved in assembling the saddletree are listed, and a graphic reconstruction of the wooden saddletree is proposed.

Keywords: Altai, Hunno-Sarmatian period, nomads, horse equipment, saddle trees.

*Исследование выполнено за счет грантов Российского научного фонда (проекты № 14-50-00036 и 16-18-10033).

Введение

Предназначение седла для верховой езды состоит не только в создании максимального удобства для всадника и защите спины коня от постоянного трения и ударов тела наездника, но и в выработке правильной посадки всадника, достижении контакта с лошадью, умения воздействовать на лошадь во время езды. Существенное значение в этом плане имеет конструкция основы (каркаса) седла [Мюзеллер, 1980, с. 13; Губарев, 1970, с. 289; Боррис, 1998, с. 82–98].

Культура современных носителей традиций древних и средневековых кочевников представляет собой сложное гетерогенное явление, развивавшееся на протяжении нескольких тысячелетий на основе широких этнических и межкультурных контактов. Анализ артефактов этой богатейшей цивилизации евразийских степей (Алтай, Саяны, Сибирь) на примере археологических комплексов с захоронениями лошадей дает возможность получить более объективное представление об этнической истории и культурогенезе народов обширного региона. Детали конского снаряжения на сегодняшний день являются одной из массовых категорий археологических находок.

Немаловажное значение в изучении развития форм и конструкций одного из основных элементов конской амуниции имеет генезис седел «с твердой основой» [Кызласов, 1969, с. 135–139]. Накопленный в течение многих десятилетий материал по данной тематике в значительной мере проанализирован и введен в научный оборот. Это позволяет проводить специальные междисциплинарные и историко-этнографические исследования снаряжения верхового коня у кочевников Сибири и Центральной Азии в широком хронологическом диапазоне [Ткаченко, 2009].

Найденные в 2000-х гг. деревянные предметы различного функционального назначения, в т.ч. и жесткие основы седел из погребений второй половины IV – первой половины V в. на могильнике Яломан II (Российский Алтай)*, предоставили дополнительные возможности для проведения комплекса специальных междисциплинарных исследований с привлечением специалистов по деревообработке, дендрохронологии и ксилотомии [Тишкин, Мыльников, 2007, 2008; Мыльников и др., 2012]. Полученные результаты позволяют ввести в научный оборот некоторые новые данные об этих источниках.

В процессе раскопок кург. 33 памятника Яломан II в мог. 1 обнаружены практически полностью сохра-

нившиеся детали жесткой деревянной основы седла без стремян (кол. 181/301–303, 337–340), а также археологически целые полки и фрагменты других частей второго седла [Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 2, 4–7; Тишкин, 2005, с. 61; рис. 354–359; Тишкин, 2011, с. 175, рис. 5]. В могильной яме кург. 29 того же памятника выявлены многочисленные фрагменты древесины, анализ которых позволяет отнести их к элементам жесткой деревянной основы еще одного седла. Аналогичные находки зафиксированы в курганах 30 и 31 [Тишкин, Мыльников, 2008, с. 98–99; Тишкин, 2011, с. 174]. Обнаруженные изделия являются важными источниками в раскрытии этапов эволюции конского снаряжения [Савинов, 2005; Комиссаров, 2005; Худяков, Комиссаров, 2003].

Результаты исследования

Весь процесс изготовления жесткой деревянной основы седла восстанавливается при технико-технологическом анализе археологически целых артефактов одного комплекта изделия – двух полок и двух лук (передней и задней) из мог. 1 кург. 33 могильника Яломан II (рис. 1). На них сохранились все следы обработки и узлы, которые позволяют произвести технологическую и графическую реконструкции предмета. При окончательной сборке детали соединялись между собой при помощи рядов сквозных отверстий, выемок-желобков и кожаных ремешков в довольно жесткий прочный и удобный каркас-основу седла.

Дендрохронологический анализ позволил определить примерный возраст деревьев, из древесины которых были изготовлены полки и луки. Ксилотомический анализ показал, что все заготовки были сделаны из березовых стволов большого диаметра. Для изготовления каждой полки седла брали срединную часть ствола, скальвав с противоположных боков по трети его диаметра. Луки вырезали из сколотых боковин. Технологический анализ сохранившихся следов лезвий деревообрабатывающих инструментов и сопоставление их с найденными оригиналами в синхронных могильниках [Соёнов, Константинова, 2013] позволили выделить примерный инструментарий плотников гунно-сарматского времени: топор, тесло, набор стамесок, нож, сверлоперка (развертка).

Полки представляют собой две фигурно оформленные доски изогнутого профиля с широкими, выбранными стамесками углублениями-гнездами для крепления передней и задней лук (рис. 2). Длина левой полки 41,5 см, ширина возле прямоугольной выемки для крепления ремня подпруги 13,8 см. Длина правой полки 42 см, наибольшая ширина сохранившей-

*Все находки хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

ся части 11,2 см. Верхняя грань каждой полки имеет плавную дуговидную выемку глубиной 4–5 см. Ширина сохранившихся частей изделий у передней луки 12,8–13,9 см, у задней – 12,2–14,4 см. Толщина полок у места крепления передней луки 1,6–2,5 см, задней – 1,5–5,0 см. Ширина выемки под переднюю луку 8–10 см, глубина – 2,3–2,6 см, под заднюю – соответственно 2,8–3,7 и 0,5–0,8 см. На концах каждой полки у места крепления передней и задней лук просверлено по 10–12 отверстий диаметром от 3,6 до 7,9 мм, а за ними – по два маленьких (диаметр 2 мм). Полки имеют в продольном разрезе дуговидный профиль, соответствующий конфигурации бедер всадника (рис. 2, 1). Очевидно, мастер намеренно выбурбил выборочным теслом, а затем обтесал лицевым или выстрогал концом лезвия топора такую форму для более удобной посадки наездника. Слабые следы этих инструментов первичной обработки фиксируются на обратных сторонах полок, лицевые, прошедшие вторичную обработку, заглаженные. Луки крепились к полкам при помощи пар отверстий. Для более плотного прилегания плоскости основания лук подгонялись к дуговидному абрису посадочных мест (рис. 2, 2, 3) с помощью мелкого и частого строгания ножом.

На обратных (внутренних, прилегающих к спине коня) плоскостях полок между отверстиями для крепежных сыромнятых ремешков или сухожилий узколезвийной стамеской вырезаны желобки-гнезда, предназначенные для того, чтобы спрятать заподлицо ремешки и их узлы, которые могут повредить при скачке спину лошади (см. рис. 1, 2). Предположительно контуры этих желобков были прорезаны ножом.

На одной полке в косой выемке (ширина 25–30 мм, глубина 2 мм) для подпружных ремней на расстоянии 20 мм друг от друга просверлены четыре углубления диаметром 2 мм, в одном из которых сохранился маленький деревянный гвоздик с расплещенной шляпкой (рис. 3). С помощью пяти-шести таких гвоздиков

Рис. 1. Полный комплект жесткой деревянной основы седла: полки и луки.
1 – лицевая сторона; 2 – обратная.

Рис. 2. Профили полок (1) и фрагменты, демонстрирующие технологию изготовления посадочных мест и деталей на концах полок для крепления лук седла (2, 3).

с каждой стороны кожаные ремни подпруги прочно крепились к полкам, что позволяло само седло жестко крепить на спине коня.

На внутренней поверхности одной полки фиксируются слабые следы лезвий тесла и топора. Очевидно, изготовители жестких основ седел не всегда уделяли

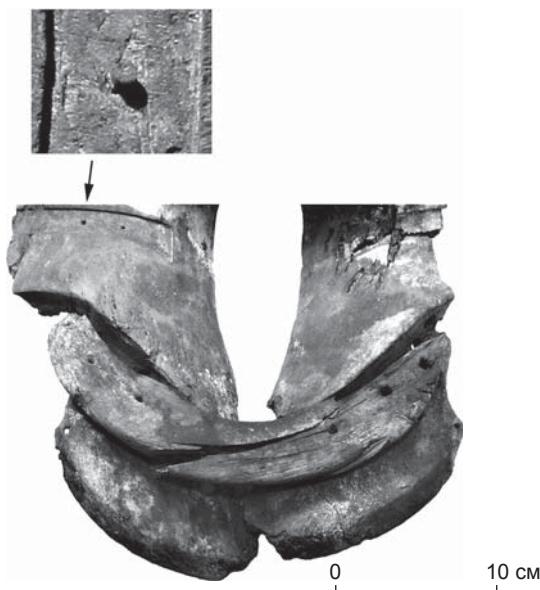

Рис. 3. Крепежные приспособления на концах полок внешней плоскости седла.

должное внимание тщательности вторичной обработки внутренних поверхностей полок. Вероятно, они надеялись, что войлочные потники, подстилавшиеся под седло коня, предохраняли его спину от травмирования отдельными небрежностями первичной обработки. Внешние поверхности полок и лук заглажены, видимо, в результате частого использования седел.

Передняя лука (рис. 4, 1) – пластина в форме арки в половину круга, в сечении вытянуто-овальная, с двумя уплощенными основаниями, подогнанными под профили посадочных мест на полках. Высота дуги 19,2 см, ширина у оснований 29 см. По краю каждого основания просверлено по два отверстия диаметром 6–7 мм для крепления луки к полкам. Они сильно заполированы, что свидетельствует о продолжительной эксплуатации седла. В одном отверстии сохранился обрывок сухожилия. Пластина посередине имеет арковидную выемку шириной 8 см, высотой 5,3 см. Ширина и толщина пластины в нижней части 2,5 см, в верхней – 1,6 см. Все заоваленные плоскости и грани передней луки сохранили следы вторичной обработки (заглаживание, лощение). С одного края пластину рассекает расширяющаяся трещина по годичному кольцу. Причиной ее образования стали природно-климатические воздействия на древесину в могильной яме.

Задняя лука (рис. 4, 2) представляет собой пластину в форме низкой арки в одну треть круга. Высо-

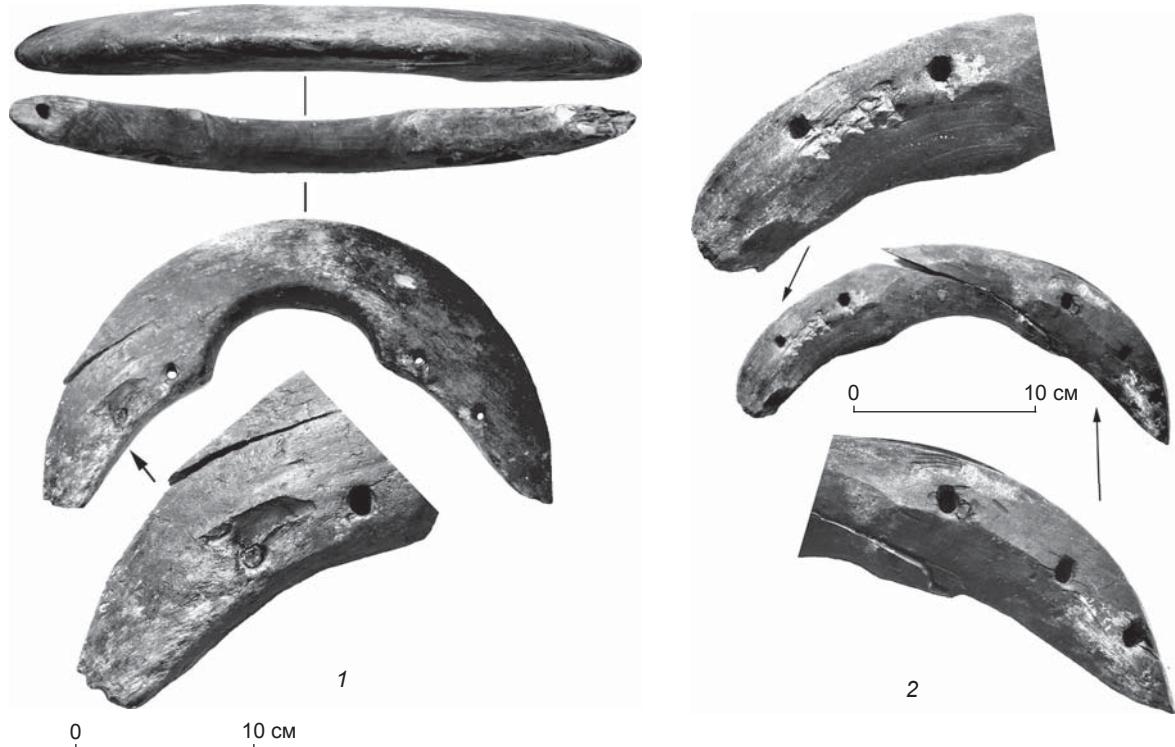

Рис. 4. Передняя (1) и задняя (2) луки.

та дуги 10,5 см, ширина у основания 24 см. С одной стороны пластины плоскость ровная с едва фиксируемой выпуклостью, с другой – две грани заструганы на ребро посередине. Ширина пластины 3,8–5,2 см, толщина в нижней части 1,4, в верхней – 1,6–2,1 см. Крепежные отверстия диаметром 6–7 мм на этой луке, в отличие от передней, просверлены со значительным смещением от края основания: справа – три практически посередине пластины, слева – два ближе к ее верхнему краю. Пластина практически полностью сломана наискось, по годовому кольцу. На изломе фиксируются следы трещины, причины образования которой могут быть теми же, что указаны выше. Левый конец луки затуплен в результате начавшегося процесса гниения и деградации древесины.

Полки жесткой основы второго седла (рис. 5) сохранились в разной степени: срединная и нижняя части одной хуже. Длина левой полки 40,6 см, правой – 41,0 см, ширина у выемок для крепления

ремня подпружи соответственно 14,5 и 10,0 см. Ширина концов полок у места крепления передней луки 11,5–12,8 см, задней – 12,2–13,2 см, толщина – соответственно 1,5–2,2 и 1,5–5,0 см. Выемки под переднюю и заднюю луки имеют глубину 2,0 и 0,5–0,7 см, ширину 7,5–10,0 и 3,2–4,8 см. На концах каждой полки у места крепления лук просверлено по 10–12 отверстий диаметром от 3,5 до 8,0 мм, а за ними – по два маленьких (диаметр 2 мм). На обратных (внутренних) плоскостях полок между отверстиями для крепежных сырмятых ремешков прорезаны глубокие желоба для ремешков и их узлов (рис. 5, 2). Можно констатировать, что в целом конструкция и параметры полок второго седла такие же, как первого. Это свидетельствует об определенной стандартизации в изготовлении жесткой деревянной основы седел.

Кроме описанных выше деталей, выявлены следующие фрагменты (рис. 6): больше половины задней луки и три части полок с выборками, где крепились

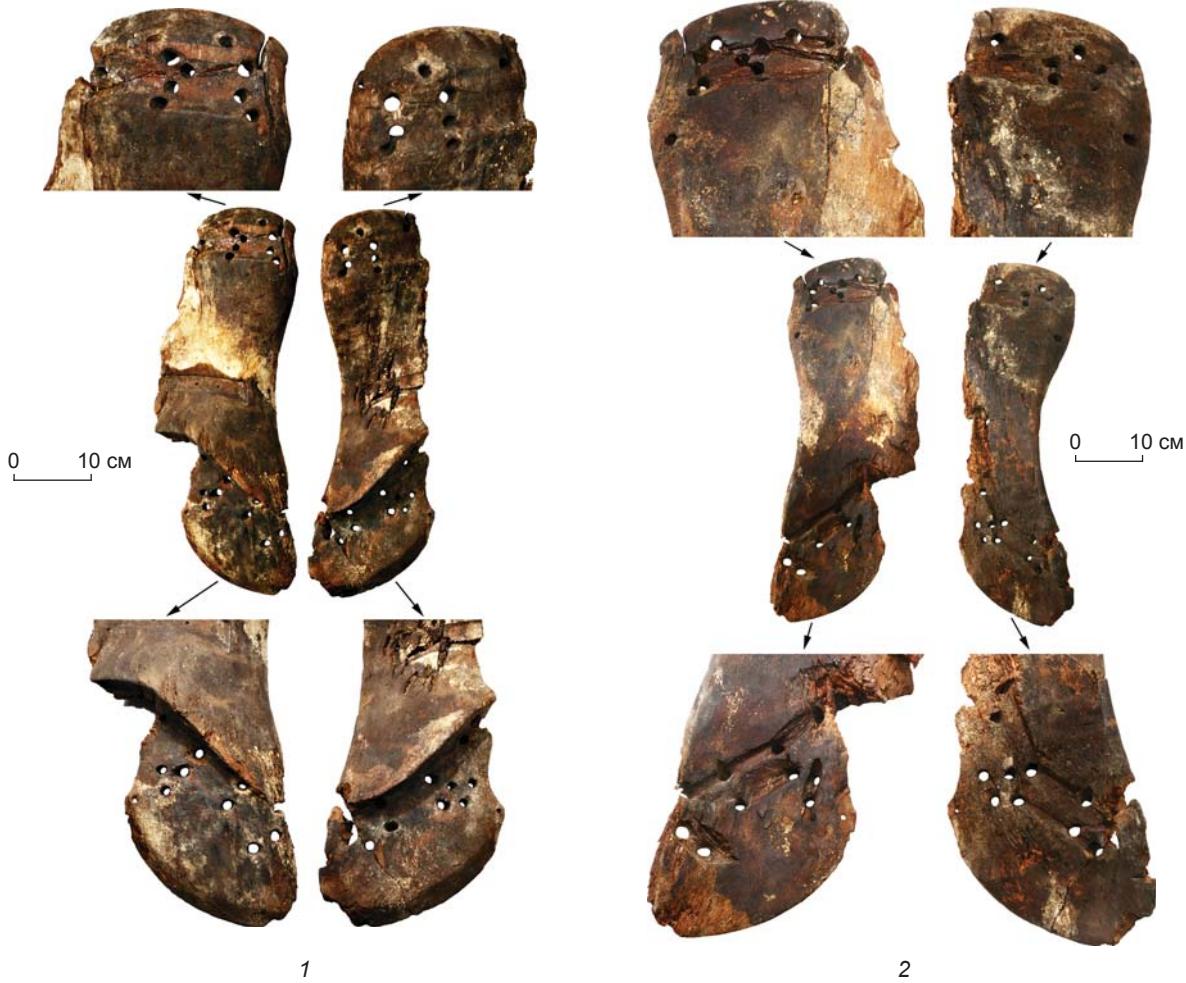

Рис. 5. Полки жесткой деревянной основы седла.
1 – лицевая сторона; 2 – оборотная.

Рис. 6. Фрагменты жесткой деревянной основы седла: задней луки (1) и полок (2–4).

луки седла. На этих фрагментах сохранились следы обработки, анализ которых позволил реконструировать технологию изготовления жесткой основы седла. Отверстия, с помощью которых к передней и задней частям полок крепились луки, в основном округлые (диаметр 5–6 мм), просверлены сверлом-перкой или разверткой. В результате длительной эксплуатации некоторые из них приобрели овальную форму. Отдельные отверстия прорезаны стамеской с прямоугольным лезвием. Круглые отверстия диаметром 4 мм и квадратные размерами 4 × 4 мм расположены на расстоянии 2,2 см друг от друга.

Фрагменты основы седла выявлены также в общей массе остатков деревянных артефактов из кургана 29 могильника Яломан II (кол. 621/269). Это предположительно мелкие обломки полок и лук со следами вторичной обработки и эксплуатации (заглажен-

ность), на что указывают результаты анализа конфигурации, толщины обломков и особенностей обработки их плоскостей. Сохранность древесины неудовлетворительная, тем не менее определена порода дерева – береза. В коллекции присутствуют плоские фрагменты и дугообразные осколки заостренных плашек. Размеры обломков колеблются в пределах 3,0–14,5 см. На многих фрагментах есть целые и частично сохранившиеся отверстия диаметром 4–6 мм. Большое количество обломков аморфные. Среди этих артефактов выделены крупные фрагменты предположительно от полок седла (рис. 7, 1). Следы вторичной обработки слабые. Сохранились небольшие заглаженные участки овального и приостренного ребер. Полки, вероятно, были сделаны из заготовки с сильно витиеватой структурой. На отдельных фрагментах сохранились небольшие участки со слабыми следами обтески. Достоверно атрибутировать можно четыре крупных обломка лук, представляющие собой половины дугообразных закругленных и приостренных на концах пластин со следами вторичной обработки и тремя отверстиями диаметром 4–6 мм (рис. 7, 2). С большой долей вероятности их можно реконструировать как переднюю и заднюю луки одного седла или как две задние двух седел.

Суммируя результаты исследований, следует констатировать, что в последние десятилетия при раскопках погребальных памятников т.н. гунно-сарматского времени в Южной Сибири было найдено существенное количество деревянных предметов достаточно хорошей сохранности. Наличие высококачественных деревянных конструкций и изделий разнообразного функционального назначения свидетельствует о довольно высоком уровне развития деревообработки на Алтае во II в. до. н.э.–V в. н.э. Многочисленные элементы снаряжения коня, выполненные из дерева, в частности детали жесткой основы седла хорошей сохранности, стали не только достаточно надежным критерием для установления относительной хронологии памятников, но и благодатным материалом для специальных междисциплинарных исследований по технологии деревообработки, ксилотомии и дендрохронологии.

Совместными усилиями ученых разных научных дисциплин определены породы и примерный возраст деревьев, из древесины которых были изготовлены жесткие основы седел. Выявлены технологические особенности отбора материала и изготовления полок и лук для каждого седла, способы их соединения в одно целое. На основании результатов анализа ранних источников, вариаций форм и особенностей конструкций «мягких», «полумягких» и «полужестких» седел разных типов [Грязнов, 1950, с. 54–58, табл. VII, VIII, XI, XVI, XXII; Руден-

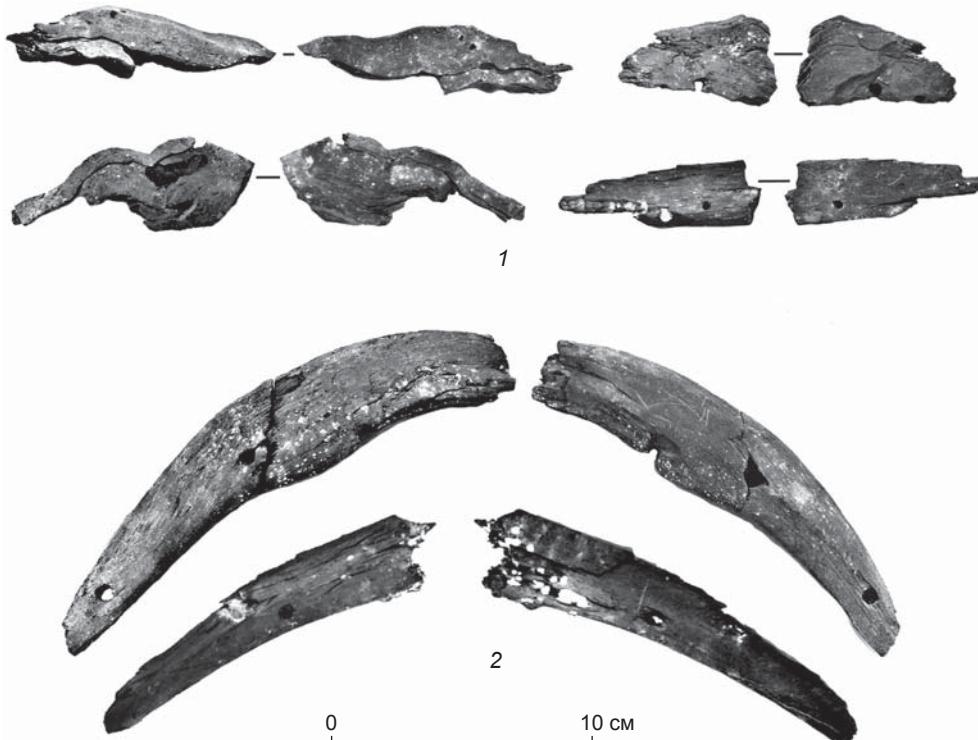

Рис. 7. Аморфные фрагменты полок (1) и обломки лук (2).

ко, 1948, с. 14–15; 1953, с. 164–214; 1960, с. 128–132, табл. LXIII, 1–5; Вайнштейн, Крюков, 1984, с. 122; Ткаченко, 2003; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 189; Степанова, 2006, 2012, 2014; Кушаев, 1978, с. 81, рис. 9, 9а; Brosseder, Miller, 2012, S. 118; Полосьмак, Богданов, Цэвэндорж, 2011, с. 92, рис. 4, 5; 2013; Богданов, 2014, с. 123; Полосьмак, Богданов, 2015, с. 55–56, рис. 3, 12, 13; и др.] с основой из дерева сделано предположение о том, что седла с такой основой появились в скифо-сакское время, были усовершенствованы в следующие периоды, а в тюркскую эпоху на Алтае окончательно оформился классический кочевнический тип седла с жесткой деревянной основой [Савинов, 1977, 1984, с. 36, 45–55; Ткаченко, 2003]. Все части ленчика стали изготавливать из цельного куска бревна и скреплять при помощи жесткого пазово-шипового соединения. Седла, деревянные основы которых найдены в погребениях курганов 29 и 33 могильника Яломан II, являются промежуточным вариантом между сюннуским (хуннуским) с полумягкой основой и тюркским с жесткой, наиболее ранний вариант последнего найден на Алтае [Там же].

Результаты комплексного анализа всех составляющих жесткой деревянной основы седла (две полки и две луки из мог. 1 кург. 33 могильника Яломан II) предоставляют возможность для ее графической реконструкции (рис. 8).

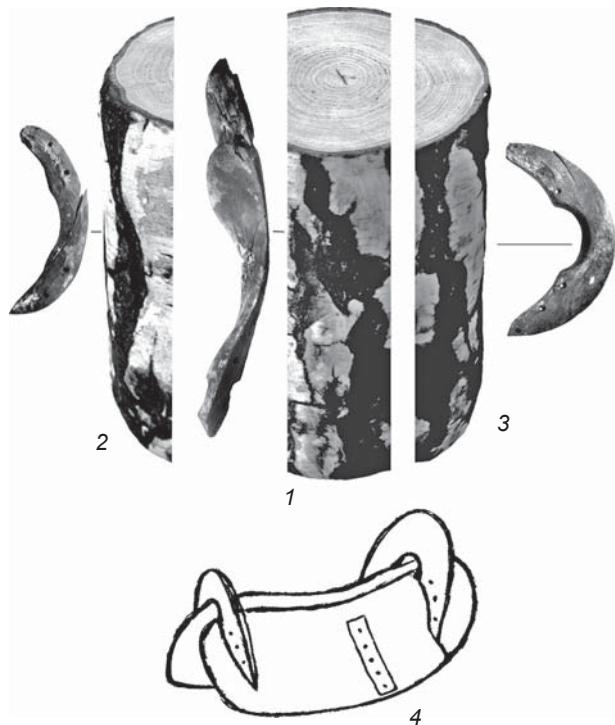

Рис. 8. Реконструкция жесткой деревянной основы седла из мог. 1 кург. 33 могильника Яломан II.
1 – срединная часть ствола, из которой изготовлены полки; 2, 3 – боковые части ствола, из которых сделаны луки; 4 – графическая реконструкция основы седла.

Заключение

Сравнительно-типологический анализ формы, внешнего вида деревянных основ седел, генезис элементов их конструкции и особенности изготовления на протяжении периода от скифо-сакского до тюркского времени показывают прогрессивное развитие и совершенствование этой важнейшей части снаряжения коня. В технологическом плане, в зависимости от функциональной нагрузки деревянной основы, известные на сегодняшний день седла можно условно подразделить на несколько типологических групп: 1) с кожаными подушками (полками), нашивными деревянными дужками (луками), распорками и бляхами с художественной резьбой – формообразующие *мягкие*, относятся к скифо-сакскому периоду; 2) с подвижным, не жестким каркасом из деревянных планок и реек под кожаными подушками, в зависимости от размеров и параметров материала основы – *половинно-мягкие, полужесткие*, датируются сюннуским (хуннуским) временем; 3) с основой из двух полок и лук, сделанных из цельного куска бревна и соединенных при помощи комбинаций рядов отверстий и толстых сыротяных ремешков или сухожилий, – *жесткие*, продукт племен Алтая жужанского (предтуркского) времени; 4) с ленчиком из двух деревянных полок и лук, скрепленных посредством пазово-шиповых соединений и крепежных деталей (костяные и металлические накладки, гвозди), – *жесткие*, усовершенствование кочевников тюркского периода.

Дальнейшее изучение материалов рассмотренного археологического комплекса позволит решить проблемы культурно-хронологического плана и осуществить реконструкцию системы жизнеобеспечения населения Алтая в предтуркское время.

Список литературы

Богданов Е.С. Верховые седла из ноин-улинских погребений // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 121–123.

Боррис А. Снаряжение для лошадей и пони. – М.: Аквариум, 1998. – 125 с.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // СА. – 1984. – № 6. – С. 114–130.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 92 с.

Губарев Г.В. Казачий исторический словарь-справочник. – Сан-Ансельмо: Издатель А.И. Скрылов, 1970. – Т. 3. – 341 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филол. фак. СПб. гос. ун-та, 2005. – 346 с.

Комиссаров С.А. Всадники Синьцзяна // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие):

мат-лы Междунар. науч. конф. / отв. ред. С.В. Данилов, П.Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 116–118.

Кушаев Г.А. Новые памятники железного века Западного Казахстана // КСИА. – 1978. – № 154. – С. 76–82.

Кызыласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 212 с.

Мыльников В.П., Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Тишкин А.А. Сравнительный анализ деревянных предметов из археологических памятников Алтая в свете междисциплинарного подхода // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 242–248.

Мюзелер В. Учебник верховой езды. – М.: Прогресс, 1980. – 213 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Курганы Сүцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). – Новосибирск: Инфолио, 2015. – Ч. 1. – 136 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый Ноин-Улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – 184 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Курган № 22 в пади Сүцзуктэ (Монголия): погребальный обряд // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 102–118.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 73 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // СЭ. – 1977. – № 1. – С. 31–48.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 174 с.

Савинов Д.Г. Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кузбассвязиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 19–24.

Соёнов В.И., Константинова Е.А. Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – № 2. – С. 42–57.

Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. – 2006. – № 13. – С. 102–150.

Степанова Е.В. Конское снаряжение кочевников Алтая скифского времени (по материалам курганов пазырыкской культуры) // Кочевники Евразии на пути к империи: каталог выставки. – СПб.: Славия, 2012. – С. 103–110.

Степанова Е.В. Китайские седла III в. до н.э.–III в. н.э. // Тр. IV (ХХ) Всерос. археол. съезда в Казани. – 2014. – Т. IV. – С. 235–240.

Тишкин А.А. Отчет о проведении археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай и в Первомайском районе Алтайского края летом и осенью 2003 года. Барнаул, 2005. 576 с. // Архив Музея археологии и этнографии Алт. гос. ун-та. № 220.

Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II на Алтае // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. – Вып. 6. – С. 165–176.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 488–493.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Начало изучения комплекса деревянных изделий булан-кобинской культуры Алтая // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 159–165.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 93–102.

Ткаченко И.Д. Упряжь и сбруя // Система научного описания музеиного предмета: Классификация. Методи-

ка. Терминология: справочник. – СПб.: Арт-Люкс, 2003. – С. 93–122.

Ткаченко И.Д. Снаряжение верхового коня у кочевников Сибири и Центральной Азии (опыт историко-этнографического исследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2009. – 26 с.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Особенности этнокультурогенеза кочевников Восточного Туркестана в древности и средневековье // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.С. Бойко. – Барнаул, 2003. – Вып. 4. – С. 314–321.

Brosseder U., Miller B.K. Reiterkrieger der Xiongnu // Steppenkrieger: Reiternomaden des 7–14 Jahrhunderts aus der Mongolei. – Bonn: LVR-Landes Museum, 2012. – S. 115–125.

*Материал поступил в редакцию 09.10.15 г.,
в окончательном варианте – 04.07.16 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.056-062
УДК 903.227

Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: frolov_jar@mail.ru

Меч скифского времени – новая находка с территории лесостепного Алтая*

В 2008 г. в окрестностях с. Ключи Тюменцевского р-на Алтайского края был найден длинный железный меч скифского времени. Он имеет почковидное перекрестье и навершие рукояти, выполненные в скульптурной манере в виде двух голов грифонов. Навершие украшено золотом, а рукоять имеет оплетку из золотой проволоки. Архаично оформленные перекрестье и рукоять, сочетающиеся с навершием в виде голов грифонов, позволяют датировать находку из с. Ключи не позднее VI – начала V в. до н.э. Наличие изображения голов грифонов, выполненного в реалистичной манере, может свидетельствовать о том, что подобные мечи в восточной части скифского мира появились, вероятно, несколько раньше, чем в западной, где с V–IV вв. до н.э. распространялись уже подражания таким изделиям, имеющие стилизованные когтевидные навершия. С территории лесостепного Алтая происходит большая серия клинового оружия скифского времени, представленная случайными находками. Клинки многих из этих мечей и кинжалов сломаны или согнуты в древности, что, вероятно, связано с проявлением традиций использования данного вида вооружения в ритуальных целях и существованием культовых мест. В южной части Обь-Иртышского междуречья известны еще три длинных железных меча, относящиеся к началу скифского времени. Довольно большая, по сравнению с другими регионами, серия предметов клинового оружия данного типа показывает, что этот район входит в зону раннего распространения подобных престижных изделий, являясь самой восточной ее частью.

Ключевые слова: меч, скифское время, навершие, перекрестье, грифон.

Y.V. Frolov

Altai State University,
Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia
E-mail: frolov_jar@mail.ru

A Scythian Age Sword from the Forest-Steppe Altai

In 2008, a long iron sword dating to the Scythian Age was found near Klyuchi, northern Altai. It has a kidney-shaped guard and a pommel sculptured as two griffin heads and decorated with gold. The grip is braided with gold wire. The archaic design of the guard and the grip as well as the zoomorphic pommel suggest that the sword is no later than 6th–early 5th centuries BC. The realistic way of rendering griffin heads evidently originated in the east of the Scythian world somewhat earlier than in the west, where their imitations with claw-shaped pommels circulated from the 5th–4th centuries BC onward. A large series of Scythian Age swords and daggers, found incidentally, comes from the forest-steppe Altai. Many of them have broken or bent blades, implying that they had a ritual function. Three more long iron swords dating to the early Scythian Age were found in the south of the Ob-Irtysh watershed. Because prestigious weapons of that type are more numerous in those regions than elsewhere, they probably originated in an area which included the northern Altai as its easternmost part.

Keywords: Swords, Scythian Age, pommel, guard, griffin.

*Работа выполнена в рамках проектов Алтайского государственного университета «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» (№ 14.Z50.31.0010), поддержанного Министерством образования и науки РФ (постановление № 220), и «Использование естественнонаучных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности» (№ 1006) базовой части государственного задания.

Летом 2008 г. в окрестностях с. Ключи Тюменцевского р-на Алтайского края местный житель нашел длинный железный меч начала скифского времени, пополнивший коллекцию подобных изделий из Обь-Иртышского междуречья (рис. 1). Это самая восточная часть территории, где обнаружены мечи данного типа. Нахождение еще одного экземпляра позволяет вновь поднять ряд вопросов, связанных с распространением и датировкой подобных изделий.

В ходе осмотра места обнаружения предмета летом 2009 г. выяснилось, что меч был найден на распахиваемом поле в 2 км к северо-востоку от с. Ключи на границе Тюменцевского и Каменского р-нов Алтайского края. Находчик не смог указать, где именно на пашне обнаружил меч, и очертил примерную зону размерами 100 × 200 м. Этот участок находится у подошвы северного склона гривы – водораздела между р. Медведка и широкой ложбиной древнего стока с котловинами соленых и пресных озер. В 200 м к северу проходит автотрасса с. Тюменцево – г. Камень-на-Оби, а вдоль нее располагается Кулундинский оросительный канал. Возможно, в конце XX в. на поле, где был найден меч, использовались оросительные системы, для функционирования которых поверхность часто выравнивалась с помощью бульдозера. В 12 км к юго-западу в сходных ландшафтных условиях располагаются курганные группы Грязново-1–4, где были раскопаны курганы раннего железного века и Средневековья [Могильников и др., 1980]. Поэтому не исключена вероятность того, что на участке обнаружения меча имелись курганные насыпи, не сохранившиеся к настоящему времени.

Место находки меча представляет собой ровную площадку с незначительным уклоном в северном направлении. С запада и востока от нее располагаются два сухих русла водотоков, в 500 м к северу соединяющихся с оз. Горьким. Поэтому привязать находку к какому-то конкретному археологическому контексту не представляется возможным.

Найденный в с. Ключи меч изготовлен из железа. Рукоять украшена оплеткой из золотой проволоки и накладками из золотой фольги. Меч имеет длинный двувзвийный клинок, сужающийся к острию, конец обломан. Длина сохранившейся части изделия 86 см. У перекрестья ширина клинка составляет 6,4 см, у обломанной части – 5,3 см. Лезвие имеет уплощенное ромбовидное сечение. Его максимальная толщина 0,6 мм (рис. 1, 1, 2).

Меч был обнаружен с согнутым клинком. Его выпрямил уже находчик предмета. Характерных царипин и сколов, обычно встречающихся у вещей, найденных на пашне, на мече нет. Окислы на месте слома позволяют предположить, что эта часть лезвия была отломлена еще в древности. Из-за повреждений на месте сгиба клинка видны полосы расслоившегося паке-

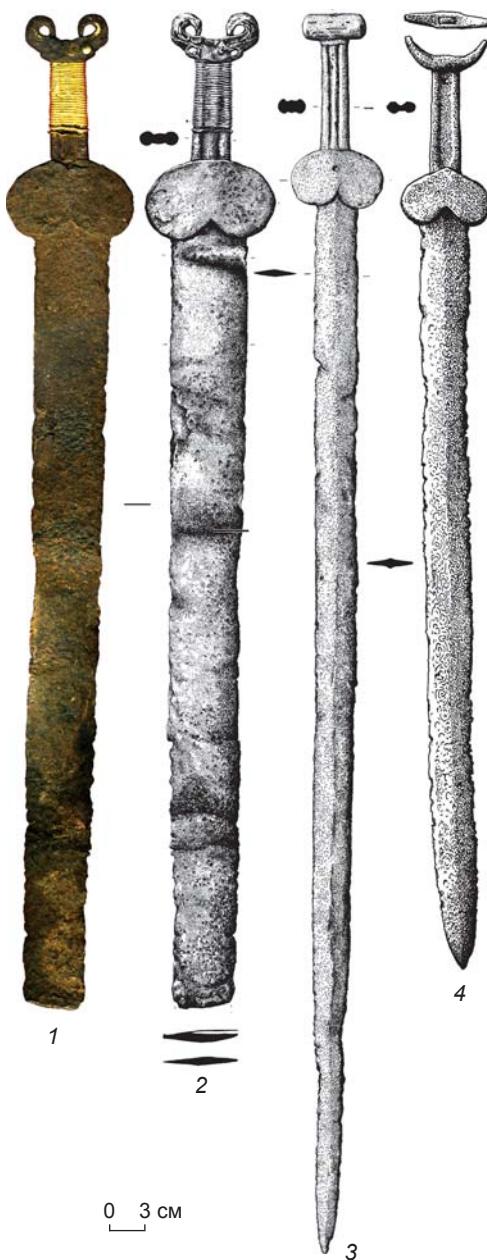

Рис. 1. Мечи с почковидными и сердцевидными перекрестьями с территории Алтайского края.
1, 2 – с. Ключи, Тюменцевский р-н; 3 – с. Новобинка, Петропавловский р-н; 4 – с. Горьковское, Шилпуновский р-н.
1–3 – железо, золото; 4 – железо.

та пластин (рис. 2, 1). Судя по ним, лезвие было изготовлено как минимум из трех пластин, по-видимому недостаточно качественно сваренных.

Меч имеет широкое почковидное перекрестье (рис. 3). Оно изготовлено отдельно из двух пластин. Одна из них плоская, а другая имеет сложное сегментовидное сечение. В средней части выпуклой стороны сделан паз для крепления перекрестья к рукояти. После установки перекрестья и соединения пластин

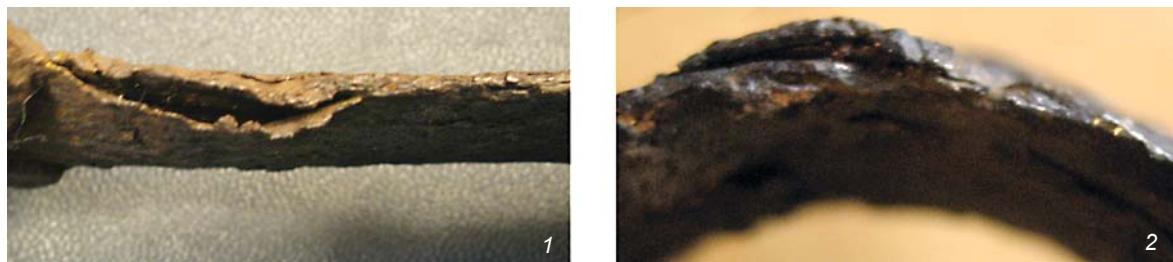

Рис. 2. Повреждения на лезвиях мечей (расслоившиеся пакеты пластин) из окрестностей сел Ключи (1) и Новообинка (2).

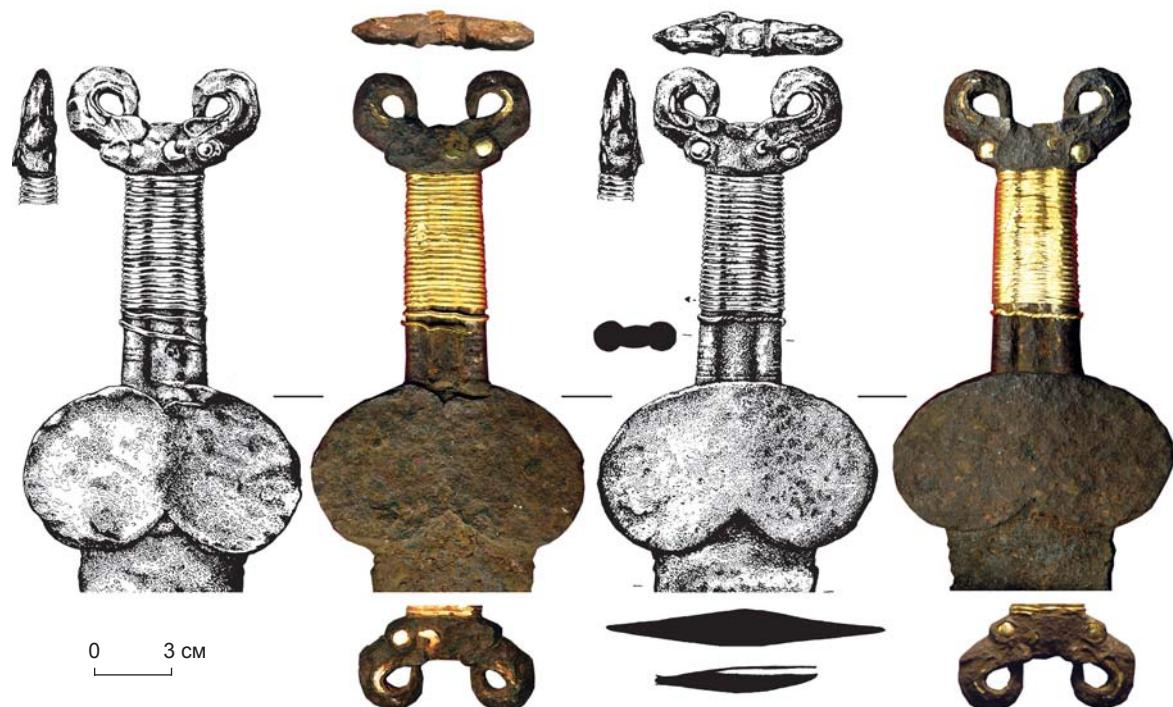

Рис. 3. Рукоять меча из окрестностей с. Ключи. Железо, золото.

с помощью кузнечной сварки между краем паза и рукоятью образовался зазор (рис. 4, 1).

Рукоять меча трехчастная. Обмотана золотой проволокой уголкового сечения с ребром на внешней поверхности (см. рис. 3). Оплетка сохранилась частично. Небольшая часть проволоки была снята находчиком предмета. Навершие рукояти выполнено в скульптурной манере в виде двух голов грифонов, обращенных в противоположные стороны. Обозначены загнутый в кольцо клюв с выделенной восковицей, крупный круглый глаз и за ним «ухо» – традиционная деталь изображений фантастических хищных птиц в скандинавском искусстве. Глаза, «ушки» и клювы грифонов плакетированы накладками из золотой фольги (см. рис. 3). Отдельные детали золотого оформления навершия утрачены, некоторые покрыты окислами железа. Навершие изготовлено отдельно

от рукояти и насажено на ее стержневидный выступ подчетырехугольного сечения.

Несмотря на то что длинные мечи с почковидным или сердцевидным перекрестьем встречаются довольно редко, в южной части Обь-Иртышского междуречья обнаружены еще три подобных изделия: в окрестностях сел Новообинка Петропавловского р-на Алтайского края [Иванов, Медникова, 1982; Могильников, 1997, с. 39–40, рис. 33, 5], Горьковское Шипуновского р-на Алтайского края [Кирюшин, Иванов, Бордаев, 1995, рис. 1, 1, с. 99–100; Могильников, 1997, с. 45, рис. 39, 1] и Зевакино Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан (случайные находки) [Могильников, 1997, с. 41] (см. рис. 1, 2, 3; 5). По оформлению перекрестьй и рукоятей, а также технологии изготовления клинов и крепления деталей к рукояти они сходны с мечом из с. Ключи. Особо-

Рис. 4. Кузнецкие швы в местах крепления пластин перекрестья к рукояти мечей из окрестностей сел Ключи (1, 2) и Новообинка (3).

бенно хорошо это видно на примере экземпляра из с. Новообинка. Его лезвие также изготовлено из пакета нескольких пластин, о чем свидетельствует расслоившийся клинок (см. рис. 2, 2). Перекрестье сделано из двух пластин, одна из которых имеет фигурный вырез на внутренней поверхности, как и у меча из с. Ключи (см. рис. 4, 3). Если в целом оформление перекрестьй и рукоятей рассматриваемых изделий сходно, то навершия демонстрируют разнообразие форм: у меча из с. Новообинка – брусковидное, из с. Горьковское – серповидное, из с. Зевакино – фигурное, с изображением сопоставленных голов животных с оскаленной пастью, по абрису близкое к брусковидному (см. рис. 5).

Обращает на себя внимание сочетание довольно архаичных деталей в оформлении рукоятей мечей из Обь-Иртышья, таких как почковидное или сердцевидное перекрестье, трехчастная рукоять, наличие петель или отверстий для темляка (см. рис. 5, 1, 2). Время их бытования не выходит за рамки VII – начала V в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 12, 16; Черненко, 1980, с. 12–13; Денисов, Мышкин, 2008, с. 67, 68; Скрипкин, 2007, с. 44–45]. В других регионах длинные мечи с почковидным или сердцевидным перекрестьем и трехчастной рукоятью относительно редки, хотя география их распространения довольно широка: два найдены в захоронениях саков Приаралья на могильнике Тагискан [Итина, Яблонский, 1997, рис. 44, 5; 55, 9], несколько известно в Приуралье и Поволжье [Смирнов, 1961, с. 23; Гор-

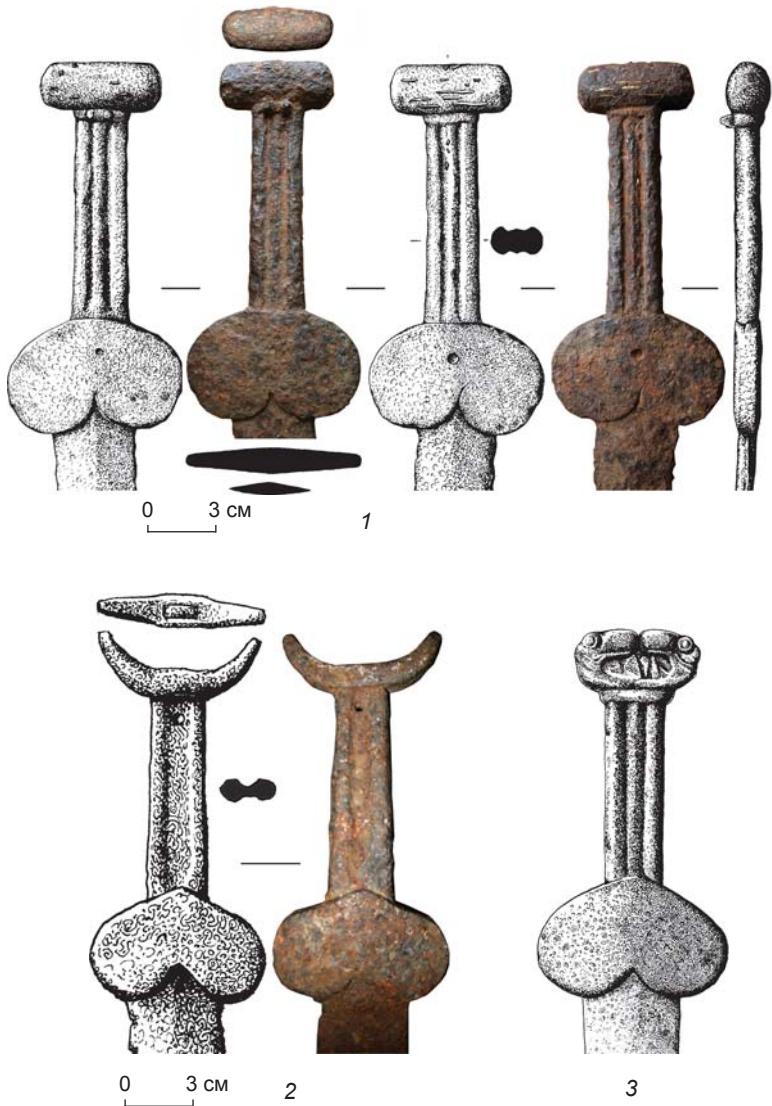

Рис. 5. Рукояти железных мечей.
1 – с. Новообинка, Петропавловский р-н, Алтайский край; 2 – с. Горьковское, Шипуновский р-н, Алтайский край; 3 – с. Зевакино, Восточно-Казахстанская обл., Республика Казахстан (прорисовка по фотографии).

бунов, Исмагилов, 1976, с. 235–236, рис. 1, 2; Скрипкин, 2007, с. 44–45, рис. 1, 7; 2, 12; Денисов, Мышкин, 2008, рис. 2, 2], два – в лесостепной части Скифии (с. Гришинцы и г. Чугуев) [Ильинская, 1968, с. 88–89; табл. I, 1; Ginters, 1928, Taf. 19, f; S. 42; Смирнов, 1961, с. 23], еще два – в Закавказье (Кармир-Блур) и Центральной Анатолии (Имирлер) [Ünal, 1982, Abb. 1, 1; Тереножкин, 1975, с. 28, рис. 20; Иванчик, 2001, с. 42, 59, 60, рис. 19, 1]. Длинные мечи, обнаруженные в хорошо датированных комплексах, относятся к VII в. до н.э. (Имирлер, Кармир-Блур) [Ünal, 1982, S. 81; Тереножкин, 1975, с. 28; Иванчик, 2001, с. 42, 59, 60], VII–VI вв. до н.э. (Тагискен, кург. 58) и VI – началу V в. до н.э. (Тагискен, кург. 53) [Итина, Яблонский, 1997, с. 67–69].

Довольно большая, по сравнению с другими регионами, серия из четырех длинных мечей, относящихся к началу скифского времени, из южной части Обь-Иртышского междуречья показывает, что этот район входит в зону распространения подобных изделий, являясь ее восточной периферией, где они бытовали довольно широко. Здесь, в отличие от западных территорий евразийских степей, эти мечи имеют архаичный облик.

Следует отметить, что юг Обь-Иртышского междуречья входит в зону, откуда происходит большая серия клинового оружия скифского времени, представленная случайными находками [Иванов, 1987, с. 15–17; Могильников, 1997, с. 36]. Исследователи связывают их с проявлением традиций использования мечей и кинжалов в ритуальных целях и существованием культовых мест [Бородовский, Ларичев, 2001, с. 226; Плетнева, Мец, 1999, с. 145; Васильев, Обыденнов, 1994, с. 98]. Возможно, об этом свидетельствуют и повреждения на данных предметах. Так, лезвия у всех длинных мечей скифского времени, обнаруженных в лесостепном Алтае (Ключи, Новообинка, Горьковское), были согнуты в древности, что может говорить об использовании их в каких-то ритуальных действиях.

Зооморфное навершие меча, найденного в с. Ключи, имеет широкий круг аналогий. Наиболее близким является навершие железного кинжала из Барнаульского окр., оформленное в виде двух противопоставленных голов грифонов [Могильников, 1997, рис. 36, 2, с. 42]. Самый восточный аналог – навершие бронзового кинжала, обнаруженного в Северном Китае в погребении могильника Бэйсиньбао в пров. Хэбэй (рис. 6, 4). Присутствие в этом погребении клевца «гэ» позволило датировать кинжал V – началом IV в. до н.э. [Чжун Сук-Бэ, 1998, с. 25, рис. 1, 5].

В регионах западнее Южной Сибири чаще встречаются навершия со стилизованными изображениями голов грифонов, получившие название «когтевидные» [Исмагилов, Скарбовенко, 1977, с. 90; Денисов,

Мышкин, 2008, с. 65]. Наиболее близкими по форме и оформлению голов грифонов, где еще до конца не утрачен первоначальный образ, являются навершия мечей и кинжалов из Башкирии [Васильев, Обыденнов, 1994, с. 96, рис. 1, 3] и имения Соловка Оренбургской обл. [Смирнов, 1961, с. 39–40, рис. 4, 1] (рис. 6, 5). Многие исследователи предполагают, что навершия с реалистичными изображениями голов грифонов – это сибирская традиция [Там же, с. 20; Васильев, 2001, с. 41]. В целом мечи и кинжалы с когтевидным навершием были достаточно широко распространены в западной части скифского мира и большинством исследователей датируются V–IV вв. до н.э. [Исмагилов, Скарбовенко, 1977, с. 90; Максимов, Полесских, 1971, с. 241–242; Смирнов, 1961, с. 21; Васильев, Обыденнов, 1994, с. 96; Милкова, 1964, с. 55–56, табл. 20, 8–11; Ильинская, 1968, с. 90, табл. VII, 18; XV, 1]. Следует отметить, что в Сибири они практически не известны. Здесь можно отметить обнаруженный в Якутии длинный железный меч с бронзовой рукоятью, который является самой северо-восточной находкой подобного рода. Само появление его в столь отдаленном от ареала распространения культуры скифского круга регионе вызывает много вопросов [Окладников, 1955, с. 190–191, рис. 64, 2].

Когтевидные навершия мечей интерпретировались как стилизованные изображения голов грифонов еще А.А. Бобринским, А.А. Миллером, В.А. Граковым, В.А. Ильинской [Мерперт, 1948, с. 76; Ильинская, 1968, с. 90]. Именно как «когтевидные» подобный тип наверший предложил рассматривать Н.Я. Мерперт [1948, с. 77–78]. И эта интерпретация изображений является в настоящее время наиболее распространенной среди исследователей [Денисов, Мышкин, 2008, с. 65]. Основными аргументами Н.Я. Мерперта при ее обосновании было указание на продольное членение «антенн», которое напоминает структуру когтя, а также на отсутствие более «реалистичных» прототипов стилизованных изображений, где бы хорошо читалась голова грифона [1948, с. 75–76]. Оформление навершия меча из с. Ключи снимает эти аргументы в пользу интерпретации подобных стилизованных изображений именно как «когтевидных», а не «грифоноголовых».

По-видимому, наличие «классического» изображения головы ушастого грифона говорит о несколько более раннем происхождении рассматриваемого меча, по сравнению с образцами, на которых представлены стилизованные варианты. По сути, это изображение – прототип последующих подражаний, преобразовавшихся позднее в «антенновидные», «когтевидные» и «когтевидные» с перекладиной навершия. На то, что когтевидные навершия являются, вероятно, стилизацией, производной от «грифоноголового», указывает обозначение на них глаза и петли

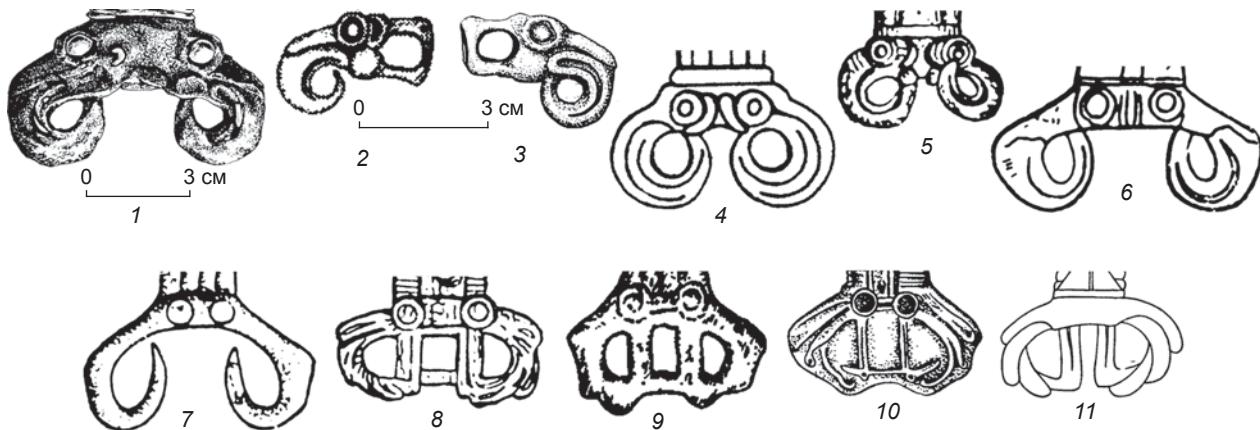

Рис. 6. Навершия мечей и детали конской упряжи скифского времени с изображениями голов грифона, а также их стилизованные варианты.

1 – с. Ключи, Алтайский край; 2 – Кырык-Оба II, Южное Приуралье (по: [Гуцалов, 2007, рис. 12, III, 8]); 3 – Обские Плесы II, Алтайский край (по: [Ведягин, Кунгурев, 1996, рис. 16, 9]); 4 – Бэйсиньбао, пров. Хэбэй (по: [Чжун Сук-Бэ, 1998, рис. 1, 5]); 5 – Соловка, Оренбургская обл. (по: [Смирнов, 1961, рис. 4, 1]); 6 – Грициныцы, Черкасская обл. (по: [Милокова, 1964, табл. 20, 10]); 7 – Екатеринославская губ. (по: [Там же]); 8 – Новая Богдановка, Оренбургская обл. (по: [Денисов, Мышкин, 2008, рис. 4, 6]); 9 – Стайкин Верх, Посулье (по: [Ильинская, 1968, табл. VII, 18]); 10 – Аксютиныцы, Сумская обл. (по: [Там же, табл. XV, 1]); 11 – р. Лена, Киренск, Якутия (по: [Окладников, 1955, рис. 64, 2]).

клюва-когтя. Причем складки (продольное членение) на «антенне»-clave имитируют, скорее всего, восковицу, представленную на «классических» изображениях клевов хищных птиц и грифонов (рис. 6). Следует подчеркнуть, что все аналоги изображения на навершии меча из с. Ключи имеют уже следы стилизации: отсутствует «ухо», восковица выделена выемкой. Узнаваемыми остаются только глаз и клюв (рис. 6, 4–6).

На навершии меча из с. Ключи проработаны все детали, типичные для иконографии головы ушастого грифона, – крупный круглый глаз, скобки за ним, «ушки» в виде дуги, и загнутый в кольцо клюв с акцентированной восковицей (рис. 6, 1). Это изображение имеет большое число аналогий среди предметов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, с памятников Южной Сибири [Членова, 1967, табл. 26; Шульга, 2002, с. 186–189]. Например, довольно близка иконография голов грифонов на бронзовых распределителях ремней из могильников Обские Плесы II (Барнаульское Приобье) и Кырык-Оба II (Южное Приуралье) (рис. 6, 2, 3), а также на бабочковидных бляхах из могильника Фирсово XIV [Ведягин, Кунгурев, 1996, рис. 16, 3, 9; Гуцалов, 2007, рис. 12, 8; Фролов, 2008, рис. 133, 3; 186, 1, 5].

Архаичное оформление перекрестья и рукояти, сочетающееся с навершием в виде голов грифонов, позволяет датировать меч из с. Ключи не позднее VI – начала V в. до н.э. Наличие изображения грифонов, выполненного в реалистичной манере, может свидетельствовать о том, что подобные мечи в восточной части скифского мира появились, вероятно, несколько

раньше, чем в западных районах, где с V–IV вв. до н.э. распространялись уже подражания этим изделиям, имеющие стилизованные навершия.

Список литературы

Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский кинжал и вопросы интерпретации кладов второй половины I тыс. до н.э. на юге Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 224–227.

Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. – Уфа: Гилем, 2001. – 153 с.

Васильев В.Н., Обыденнов М.Ф. Кинжалы предсавроматского и савроматского времени из Башкирии // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. – Уфа: Конкорд-Инвест, 1994. – С. 95–99.

Ведягин С.Д., Кунгурев А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 88–114.

Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени из Башкирии // СА. – 1976. – № 3. – С. 229–247.

Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 2. – С. 75–92.

Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII–IV вв. до н.э. // Нижневолж. археол. вестн. – 2008. – Вып. 9. – С. 62–75.

- Иванов Г.Е.** Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 6–27.
- Иванов Г.Е., Медникова Э.М.** Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1982. – С. 89–95.
- Иванчик А.И.** Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. – М.: Полиграф, 2001. – 324 с. – (Степные народы Евразии; т. II).
- Ильинская В.А.** Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). – Киев: Наук. думка, 1968. – 268 с.
- Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А.** Новые находки сарматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневолжская археологическая экспедиция. – Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1977. – С. 77–92.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Саки нижней Сырдарьи. – М.: РОССПЭН, 1997. – 188 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б.** Мечи из собрания Шипуновского музея // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 99–103.
- Максимов Е.К., Полесских М.Р.** Заметка об акинаках // СА. – 1971. – № 2. – С. 238–242.
- Мерперт Н.Я.** Акинак с когтевидным навершием // КСИИМК. – 1948. – Вып. XXII. – С. 74–79.
- Милюкова А.И.** Вооружение скифов. – М.: Наука, 1964. – 114 с. – (САИ; вып. Д1-14).
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: ИА РАН, 1997. – 196 с.
- Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С.** Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1980. – С. 106–130.
- Окладников А.П.** Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 432 с.
- Плетнева Л.М., Мец Ф.И.** Ритуальный комплекс раннего железного века в Томском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 145.
- Скрипкин А.С.** Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: сб. докл. и материалов VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск, 2007. – С. 38–50.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение сарматов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 163 с. – (МИА; № 101).
- Тереножкин А.И.** Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. – Киев: Наук. думка, 1975. – С. 3–34.
- Фролов Я.В.** Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э.–II в н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.
- Черненко Е.В.** Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. – Киев: Наук. думка, 1980. – С. 7–30.
- Чжун Сук-Бэ.** Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир: (мат-лы 6-го археол. семинара) / Краснодар. гос. академия культуры. – Краснодар, 1998. – Ч. 1. – С. 23–29.
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.
- Шульга П.И.** О стилизованных образах орла и грифона VII–IV вв. до н.э. в Южной Сибири // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. II. – С. 186–191.
- Ginters W.** Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. – B.: Verl. von Walter de Gruyter & Co, 1928. – 94 S.
- Ünal V.** Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nordlichen Zentralanatolien // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. – München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchh., 1982. – Bd. 4. – S. 65–81.

Материал поступил в редакцию 27.10.14 г.,
в окончательном варианте – 17.11.14 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.063-071
УДК 903.39

В.Н. Адаев, О.Ю. Зимина

Институт проблем освоения Севера СО РАН
а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: whitebird4@yandex.ru
o_winter@mail.ru

Каркасно-столбовые жилища наземного типа в Западной Сибири: археолого-этнографические параллели

В статье рассматриваются каркасно-столбовые постройки наземного типа в широкой исторической ретроспективе. Эти древние жилища встречаются на территории Западной Сибири от лесостепи вплоть до северной тайги и фиксируются с эпохи энеолита до Средневековья. Наиболее широкое распространение они получили на рубеже бронзового и железного веков. В настоящее время на поселениях остатки этих сооружений, как правило, имеют вид овальных или округлых приподнятых над поверхностью площадок, окруженных неглубокими ямками или канавками, а в некоторых случаях валообразными насыпями. Недавние этнографические исследования среди селькупов верховьев р. Таз (Красноселькупский р-н Ямalo-Ненецкого автономного округа) показали, что коренное население северотаежной зоны использовало постройки подобного типа вплоть до современности. Это не углубленные в почву жилища каркасной конструкции в виде усеченной пирамиды, которые покрывались сверху песком и дерном. По-селькупски они назывались пой-мат, что означает «деревянный дом». Пой-мат являлся сезонным жилищем, широко использовавшимся в XX в. охотниками и небогатыми оленеводами в зимнее время. Полученные данные позволяют провести параллели между селькупскими жилищами и постройками археологического времени, скорректировать представления о форме древних сооружений, строительном материале, деталях конструкции, а также практике их использования. Рассматриваемый тип построек обладал целым рядом выгодных параметров, благодаря которым он в течение нескольких эпох в полной мере отвечал адаптационным возможностям населения.

Ключевые слова: этноархеология, Западная Сибирь, селькупы, жилища наземного типа.

V.N. Adayev and O.Y. Zimina

Institute of Northern Development, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
POB 2774, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: whitebird4@yandex.ru; o_winter@mail.ru

Above-Ground Frame Buildings in Western Siberia: Archaeological and Ethnographic Parallels

The study examines above-ground frame buildings and their numerous parallels in various cultures. In Western Siberia, these structures occur throughout an area from the forest-steppe to the northern taiga and over a time span from the Chalcolithic to the Middle Ages. They were especially popular during the Bronze to Iron Age transition. On settlements, remains of these buildings usually look like oval or rounded areas raised above the ground and surrounded by shallow pits or grooves and sometimes by low earthen curbs. Recent ethnographic studies among the Selkups of the Upper Taz, Krasnoselkupsky District, Yamal-Nenets Autonomous District, demonstrate that natives of the northern taiga have been using such constructions until the present time. These frame dwellings, shaped like truncated pyramids, had no foundation pits and were covered with sand and turf. They were called poy-mat, which means "wooden house" in Selkup. Poy-mat was a seasonal dwelling which, in the 20th century, was used by hunters and poor reindeer herders in winter. Our findings reveal parallels between Selkup and archaeological dwellings and allow us to reconstruct the appearance of ancient buildings, their construction, materials, and usage. We show that this type of buildings had several adaptive advantages, which contributed to its viability over centuries.

Keywords: Ethno-archaeology, Western Siberia, Selkups, frame buildings.

Введение

Жилища наземного типа зафиксированы в археологических культурах Западной Сибири различных эпох: энеолита, позднего бронзового, раннего железного веков, Средневековья (рис. 1). Под термином «жилища наземного типа» мы подразумеваем постройки каркасно-столбовой конструкции без котлована, возведенные на древней дневной поверхности. В настоящее время на поселениях остатки этих сооружений имеют вид овальных или округлых приподнятых над поверхностью площадок, окруженных неглубокими ямками или канавками, иногда валообразными насыпями. Площадки слабо выражены в рельефе, их высота составляет 0,15–0,30 м, иногда 0,5–0,7 м. Размеры варьируют от небольших ($3 \times 4 \div 7 \times 7$ м) до более значительных (например, $7 \times 14 \div 12 \times 15$ м и т.п.). Остатки построек предоставляют очень мало данных для реконструкции наземной части и интерьера. По наличию плах и ям от столбов, их взаимному расположению и т.п. чаще всего предполагают каркасную или каркасно-столбовую конструкцию в форме пирамиды/усеченной пирамиды. Иногда эти объекты имеют слабую насыщенность культурного слоя на-

ходками, что дает основания для интерпретации части построек как сезонных [Очерки..., 1994, с. 284, 300 и др.; Чемякин, Каракаров, 2002; Чемякин, Зыков, 2004, с. 48–49, 53 и др.; Михалев, Корусенко, 2007; Зимина, Зах, 2009; и др.].

В большинстве случаев характеристика домостроительных традиций древнего населения приводит к поиску аналогий среди этнографических материалов – типов построек, которые бытовали у коренных народов Сибири. Летом 2013 г. в Красноселькупском р-не Ямalo-Ненецкого автономного округа в ходе работ археолого-этнографической экспедиции ИПОС СО РАН в окрестностях пос. Кикки-Акки (верховья р. Таз) были обнаружены два заброшенных полуразрушенных селькупских жилища каркасно-столбовой конструкции, крытые песком и дерном (рис. 2). Они близки каркасным жилищам в виде усеченной пирамиды по типологии этнографа-сибиреведа З.П. Соколовой [1998, с. 137–138]. Внешний вид обнаруженных построек, состояние в процессе «археологизации», возможность побеседовать с их хозяевами натолкнули на мысль рассмотреть жилища наземного типа в широкой исторической ретроспективе. А.В. Кениг, проводивший свои этноархеологические исследования в том же Красноселькупском р-не, особо подчеркивал, что «исследование процессов археологизации на функционирующих или недавно оставленных поселениях является важным источником информации для создания археологических реконструкций» [2001, с. 60].

Археологические материалы

Классификация построек Западной Сибири основана на показателях углубленности котлована. Существуют некоторые различия в классификации сооружений разных эпох. Так, например, для неолита – бронзового века выделены три типа: наземные (углублены в землю до 30 см от древней дневной поверхности), полуземлянки (30–150 см), землянки (свыше 150 см) [Очерки..., 1994, с. 245]. Сооружения раннего железного века подразделяются на наземные, полуназемные (20–150 см) и подземные (свыше 150 см). В одних случаях исследователи указывают, что «наземные постройки отличаются от полуназемных отсутствием котлована» [Там же, с. 299–300], в других – к наземным относятся сооружения «со слабо углубленным (до 25 см) котлованом» [Там же, с. 366]. В данной работе мы рассматриваем лишь постройки, не углубленные в почву.

Сооружения наземного типа, на наш взгляд, слабо изучены. Наиболее ранними из раскопанных жилищ этого типа являются постройки эпохи энеолита, исследованные В.А. Захом на поселении андреев-

Рис. 1. Ареалы культур Западной Сибири, в которых известны жилища наземного типа, и место расположения селькупских заброшенных жилищ XX в.
1 – современность; 2, 8, 9 – Средневековье; 3–5, 7 – поздний бронзовый – ранний железный века; 6 – энеолит.

Рис. 2. Заброшенное селькупское жилище в верховьях р. Таз. Фото О.Е. Пошехоновой, 2013 г.
1 – общий вид; 2 – детали покрытия; 3 – внутреннее пространство; 4 – соединение деталей конструкции.

ской культуры Средний Баклан-1 в подтаежной зоне Притоболья [Зах, Фомина, 1999, с. 15]. Широкое распространение такие жилища получили на рубеже бронзового и железного веков. Область их распространения охватывает подзону северной тайги – лесостепь.

В северной тайге постройки наземного типа в большинстве случаев относятся к раннему железному веку (Сугмутен-Ягун VI, VII, IX, Усть-Камчин-Ягун) или Средневековью (Питлярское городище – VI–VII и VIII–IX вв., Усть-Войкарское городище – XIV в. и др.) [Косинская, Федорова, 1994, с. 58–59, 79–81; История..., 2010, с. 31, 77–78, 82–83]. Поселения, открытые на р. Сугмутен-Ягун (бассейн р. Пур) и датированные ранним железным веком, включают от одного до пяти жилищ размерами от 2,5 × 3,5 до 8,5 × 10,5 м, окружены по периметру внешними ямами [Косинская, Федорова, 1994, с. 80–81].

В подзоне средней тайги Западной Сибири (Сургутское Приобье) жилища наземного типа появились в поздний период эпохи бронзы (барсовская культура). Более широкое распространение они получили в раннем железном веке в среде носителей белоярской, калинкинской, кулайской (раннего этапа) культур. Эти жилища составляли более обширные поселения, среди которых были и укрепленные, окруженные валом и рвом [Чемякин, Зыков, 2004, с. 18, 25, 29, 33, 48–49].

На рубеже бронзового и железного веков поселения с жилищами наземного типа вновь появились на юге Западной Сибири, в долине Тобола. Они были распространены в основном в подтаежной зоне и боровых массивах лесостепи. В целом этот вид построек не типичен для домостроительной традиции Притоболья, которая характеризуется преимущественно жилищами с котлованами. На данной территории постройки

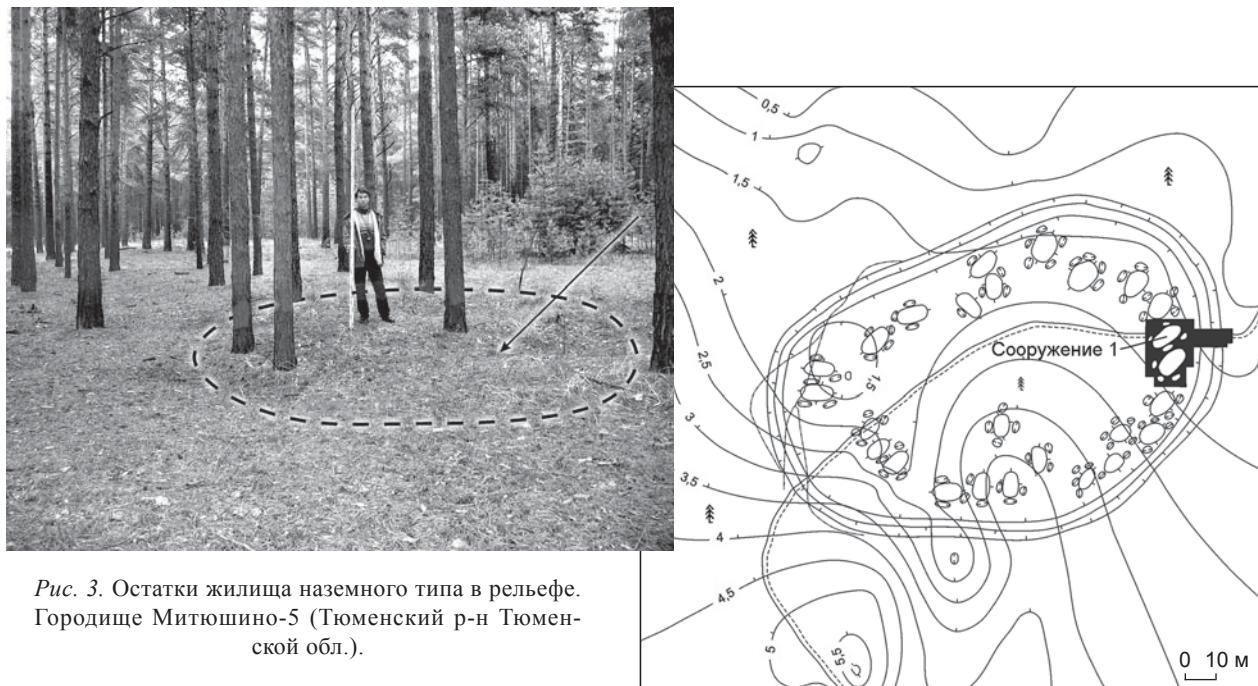

Рис. 3. Остатки жилища наземного типа в рельефе. Городище Митюшино-5 (Тюменский р-н Тюменской обл.).

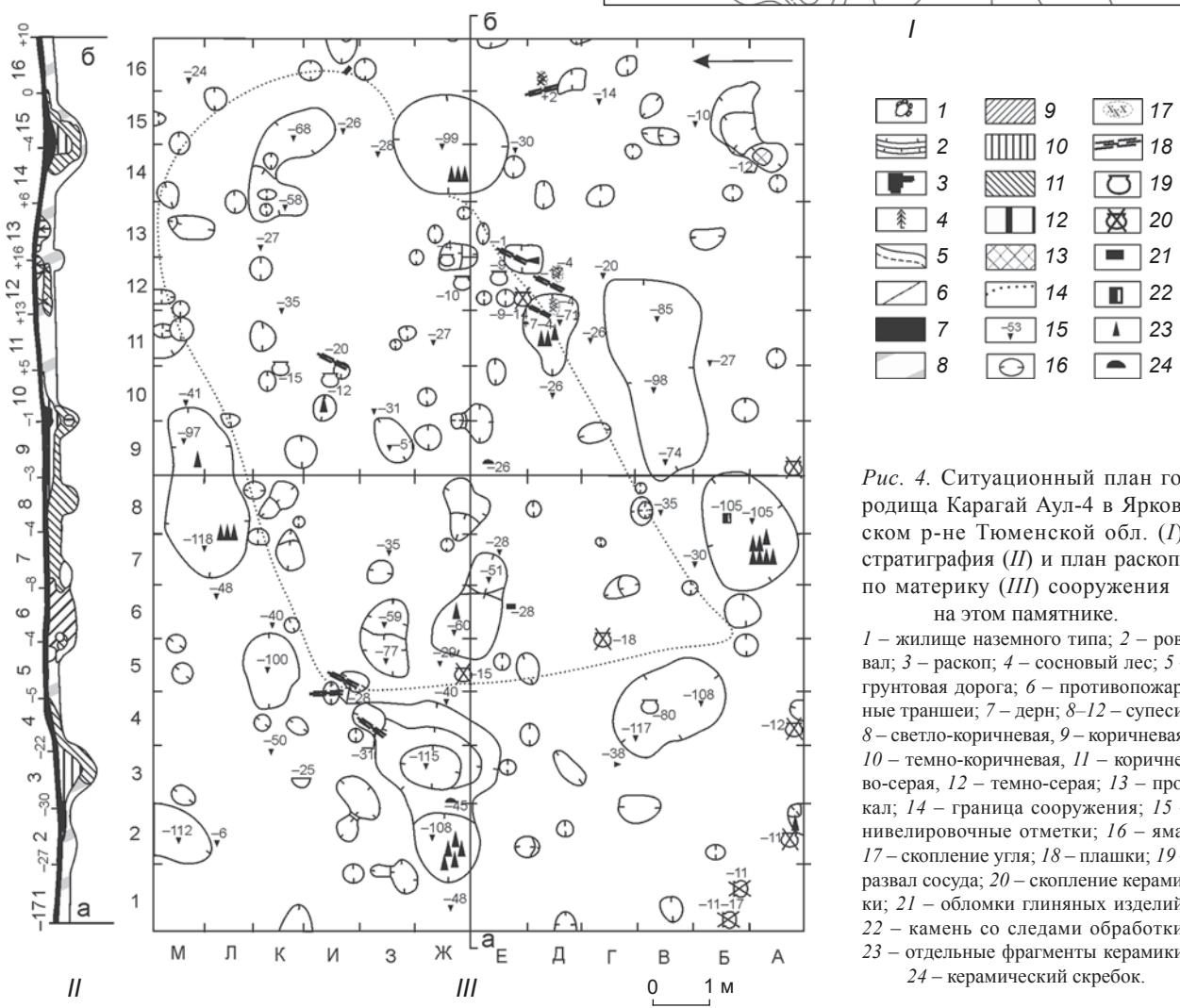

Рис. 4. Ситуационный план городища Карагай Аул-4 в Ярковском р-не Тюменской обл. (I), стратиграфия (II) и план раскопа по материку (III) сооружения 1 на этом памятнике.

I – жилище наземного типа; 2 – роввал; 3 – раскоп; 4 – сосновый лес; 5 – грунтовая дорога; 6 – противопожарные траншеи; 7 – дерн; 8–12 – супеси: 8 – светло-коричневая, 9 – коричневая, 10 – темно-коричневая, 11 – коричнево-серая, 12 – темно-серая; 13 – проекал; 14 – граница сооружения; 15 – нивелировочные отметки; 16 – яма; 17 – скопление угля; 18 – плашки; 19 – развал сосуда; 20 – скопление керамики; 21 – обломки глиняных изделий; 22 – камень со следами обработки; 23 – отдельные фрагменты керамики; 24 – керамический скребок.

наземного типа встречаются на укрепленных поселениях с круговой планировкой восточно-го варианта иткульской культуры (рис. 3; 4, I). На этих поселениях насчитывается от 4 до 40 жилищ. Неукрепленные селища включали от 3 до 82 построек [Зимина, Зах, 2009, с. 26–130]. Значительно реже остатки наземных сооружений встречаются на поселениях байтовской культуры [Цембалюк и др., 2011].

В Притоболье жилища наземного типа были исследованы на городищах восточно-го варианта иткульской культуры Карагай Аул-1, -4, Вак-Кур-2). В рельефе приподнятые площадки имели размеры от 8×8 до 9×14 м, высоту 0,25–0,35 м. Раскопки показали, что пол сооружений находился на уровне древней дневной поверхности. В пределах лишь одной из трех исследованных на городище Вак-Кур-2 построек у одной стены был зафиксирован аморфной формы котлован размером ок. $5,0 \times 3,5$ м, глубиной 0,25–0,30 м. Следы очагов в виде участков прокаленной супеси в жилищах располагались в центре (Карагай Аул-1) либо были несколько смешены от него (Вак-Кур-2, Карагай Аул-4); в некоторых постройках отсутствовали (Карагай Аул-1, -4). Остатки каркасно-столбовой конструкции прослеживались на фоне светло-коричневой супеси в виде пятен серой супеси, иногда с углистыми включениями (рис. 5, 1). В материке они фиксировались в виде ям диаметром 0,25–0,40 м. Границы сооружения маркируют ямки от столбов и большие внешние ямы по периметру (см. рис. 4, II, III; 5, 2). Примерные размеры построек от $7,5 \times 7,5$ м до 8×11 м, площадь 60–70 м². Одно сооружение имело в плане подтрапециевидную форму, размеры $5,5 \times 6,0 \times 6,5 \times 3,0$ м, площадь ок. 30 м². Размеры одной постройки на селище Вак-Кур-2 составляли $12,0 \times 8,5 \div 10,0$ м, однако расположение ям от столбов позволяет предположить, что она состояла из двух прилегающих друг к другу помещений 6×10 и 6×8 м. Внешние ямы, окружавшие сооружения, могли иметь значительные размеры ($3,5 \div 3,0 \times 2,3 \div 2,5$ м) и глубину (0,84–1,24 м). Предполагается, что при постройке жилища грунт из них использовался для присыпки стен. При этом внешние ямы вокруг сооружений иногда не содержали находок (Карагай Аул-4, Карагай Аул-1, площадка А), в других случаях (Вак-Кур-2, Карагай Аул-1, площадка Б) были заполнены артефактами, преимущественно фрагментами посуды. В целом насыщенность археологическим материалом культурного слоя памятников восточного варианта иткульской культуры раннего (иткульского) периода незначительная, на объектах позднего этапа находок гораздо больше.

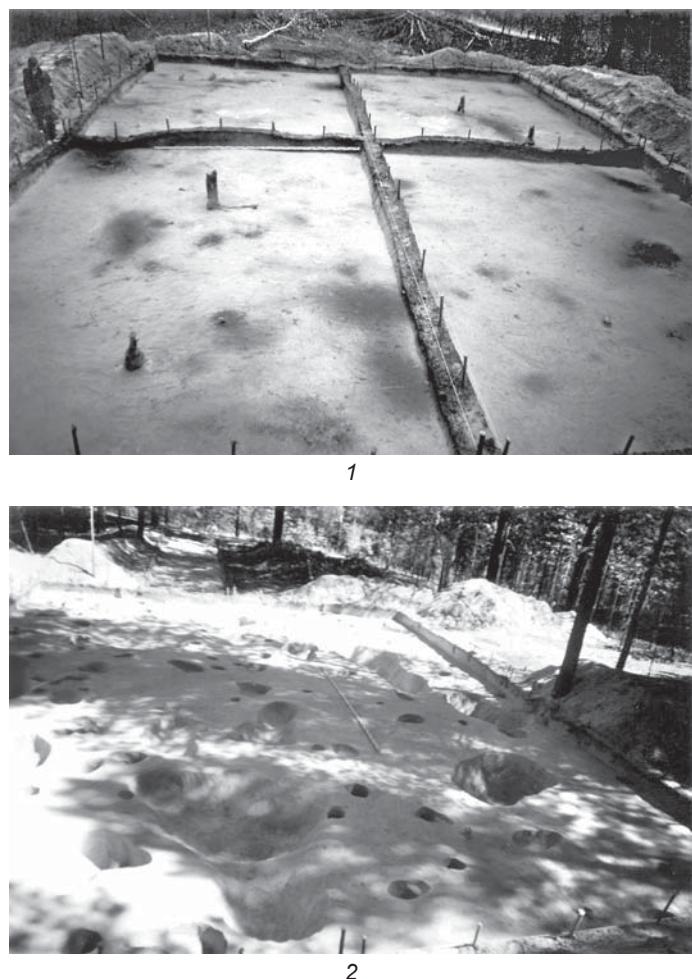

Рис. 5. Остатки конструкции жилища наземного типа в культурном слое на глубине 20 см от поверхности (1) и в материке (2). Сооружение 1 на городище Карагай Аул-4 (Ярковский р-н Тюменской обл.).

шее. В основном это фрагменты керамики, скребки из обломков сосудов, абразивы из камня, керамические прядильщики, единичные предметы бронзолитейного производства (обломки тиглей) и изделия из бронзы.

В Прииртышье и Барабе жилища наземного типа связаны с культурами Средневековья. На ряде потчевашских (Чеплярово-26, -28, Мурлинка-2, Ложка-4) и усть-ишимских (Алексеевка XIII, XXVI) поселений в нижнем течении р. Тары обнаружены остатки подобных построек в виде приподнятых площадок, окруженных ямами. Потчевашские поселения датируются VI–VIII вв., усть-ишимские – X–XI (XIII) вв. [Бараба..., 1988, с. 124–129; Михалев, Корусенко, 2007; Михалев, 2008]. На основе небольших размеров очагов, невысоких обваловок, оставшихся от подсыпки нижней части стен, исследователи делают вывод об использовании этих жилищ средневековым населением Прииртышья в относительно теплые времена года (осень?) [Михалев, Корусенко, 2007, с. 312].

В Новосибирском Приобье каркасные наземные постройки (сейчас в виде четырехугольных насыпей преимущественно со сторонами 6–7 м, высотой 0,4–0,5 м с ямами по краям) исследованы на поселениях X–XIV вв. Памятники располагаются в глубине террас, состоят из остатков небольшого количества сооружений, культурный слой практически отсутствует, находки сосредоточены в жилищах или ямах возле них. Считается, что эти поселения могли служить в качестве сезонных зимних [Адамов, 2000, с. 14–15].

Этнографические данные

Теперь приведем ту более детальную информацию, которую несут предполагаемые этнографические аналоги древних построек. Следует отметить, что обнаруженные в верховьях р. Таз заброшенные селькупские жилища довольно специфичны в силу своего наземного типа. Именно отсутвием сколько-нибудь существенного углубления в почву они ярко выделяются среди сходных по конструкции полуzemлянок, распространенных у соседних групп селькупов, кетов и восточных хантов. По-селькупски такая постройка именуется *пой-мат*, что означает «деревянный дом», на русском языке верхнетазовские селькупы нередко называют ее землянкой или засыпухой, причем второе название они отмечают как более точное, поскольку строение не углублено в почву. Жилище является сезонным, оно широко использовалось в XX в. владельцами небольших оленевых стад и безоленными охотниками для проживания в зимнее время: «*Кто в одном месте сидит – у того землянка. Они летом возле речки там живут, зимой – в землянках*» (ПМ* В.Н. Адаева, 2013 г.).

В некоторых публикациях встречаются описания *пой-мат*, несколько углубленного в почву [Кениг, 2010, с. 59–61; Ириков, 2002, с. 73–74]. Вероятно, такая постройка в варианте без котлована имеет лишь локальное распространение среди верхнетазовских селькупов. Вполне обоснованным выглядит заключение С.В. Лезовой о том, что конструкция этого жилища была перенесена в верховья Таза с юга (реки Нарым, Бах) в ходе миграции селькупов на северные таежные территории в XVII–XVIII вв. Причем с переходом селькупского населения от оседлого рыболовства к полукочевому охотничьему хозяйству произошло соответствующее упрощение конструкции жилища, а именно значительно уменьшилась (а в отдельных районах практически нивелировалась) жилищная яма [Лезова, 1991, с. 104–107]. Интересно, что настоящие землянки или, точнее, полуземлянки

(чуль-мат), хорошо известные на других территориях проживания северных селькупов, современные жители пос. Кикки-Акки считают неселькупскими и даже склонны сомневаться в практичности таких жилищ: «*Селькупы землянки не копали в землю. Если копать – сырость будет, заболеть можно*» (ПМ В.Н. Адаева, 2013 г.). По этой причине они неизменно трактуют встречающиеся вблизи их селений западины от древних построек как остатки жилищ ненцев – населения, жившего на этой территории до прихода селькупов.

Дальнейшая информация о жилищах основывается на полевых этнографических материалах, собранных во время экспедиции 2013 г. В.Н. Адаевым и О.Е. Пошехоновой. Последние случаи проживания в *пой-мат* в окрестностях пос. Кикки-Акки относятся к началу 2000-х гг. Одно жилище, расположенное в 2 км к западу от поселка, на мысу правой террасы р. Таз, было построено в 1996–1997 гг. и покинуто в 2001 г.; в нем проживали от одного до трех человек (хозяин и его гости, занимавшиеся сезонным промыслом). Второй *пой-мат*, вышедший из употребления около 1996 г. (дата постройки жилища не установлена), находится в 2 км к северо-востоку от пос. Кикки-Акки, на мысу, в 50 м от края правой террасы ручья Киккэоккэ; в нем жило около пяти человек (женщина зрелого возраста и ее дети – взрослые и подростки). Жилища были оставлены, т.к. их хозяева прекратили заниматься сезонным промыслом (первое) или оленеводством (второе). Несмотря на значительное осыпание земляного покрытия построек и частичное обрушение конструкции, детали деревянного каркаса долгое время остаются прочными, и, по заверению местных жителей, при необходимости ремонте оба жилища могут снова полноценно функционировать.

Для сооружения *пой-мат* очищалась от дерна площадка размером 4 × 3 м (либо пропорционально большего масштаба), по углам на глубину 0,7–1,0 м вкапывались четыре опорных столба высотой 2,5–3,0 м и диаметром 20–30 см, наклоненные внутрь под углом ок. 70°. В пазы на верхних концах столбов укладывали четыре горизонтальные балки (см. рис. 2, 3, 4). Таким образом создавался устойчивый каркас жилища в виде усеченной пирамиды. В более крупных постройках иногда добавлялись два дополнительных прямо стоящих столба для поддержания продольных балок в центральной части. По верху конструкции в направлении от задней стены ко входу укладывалось бревно (иногда два параллельных бревна на расстоянии ок. 0,5 м друг от друга), служившее в качестве балки перекрытия и создававшее необходимый уклон двускатной крыши. Полученный каркас по периметру плотно обкладывали колотыми плахами шириной 20–30 см (могли использоваться сосна, кедр, береза, листвен-

*ПМ – полевые материалы.

ница*), колотой частью внутрь. Их устанавливали на землю с наклоном внутрь жилища, на месте входа оставляли промежуток. Щели между плахами затыкали мхом, далее конструкцию покрывали пластами бересты или дерном: «*Сверху сперва дерном закрывали – с чернолесья**, там дерн толстый... Если бересты нет, то дерном закрывали*». Дерн и мох выкапывали в непосредственной близости от будущего жилища. Поверх полученного покрытия укладывали небольшие бревна с тремя сучками, расположенным так, чтобы по всему периметру постройки образовалось как бы три уровня параллельных ступенек, на которые потом укладывали жерди диаметром ок. 15 см. Жерди служили опорой для песчаной засыпки слоем 15–20 см, завершившей покрытие жилища. Песок для этого также брался в непосредственной близости от постройки, в результате чего по ее периметру образовывалась цепь небольших углублений (ровиков и ямок). Теми же материалами и в том же порядке покрывалась крыша, в центре которой оставляли квадратное отверстие (примерно 0,5 × 0,5 м) для дымохода. Высота жилища от пола до потолка в центральной части составляла ок. 1,8–1,9 м.

С целью обогрева в центре жилища сооружалась небольшая глинобитная печь каминного типа (широко известная на территории Западной Сибири как чувал). В качестве ее каркасной основы нередко использовалась старая долбленая лодка из кедра или осины, распиленная поперек и сложенная вдвое полостями внутрь. Вариант изготовления такой печи описывается местным жителем следующим образом: «*Лодку складывали, нос отпиливали, потом все обмазывали глиной. Ставили в центре под отверстием в крыше, разводили внутри огонь. Постепенно лодка выгорала, а глина обжигалась. Дрова в печку закладывали с крыши*». У привходовой части жилища иногда пристраивались сени. Для этого на расстоянии ок. 2 м от торца постройки вкапывались еще два опорных столба с развилкой. В нее укладывались балки, второй конец которых опирался на крышу жилища. Сооруженная таким образом рама точно так же, как постройка, покрывалась колотыми плахами, дерном и песком. Входное отверстие закрывали оленьей или лосиной шкурой.

Пол жилища выстипался лапником, на который укладывались колотые сосновые или кедровые доски шириной ок. 30 см. Для продления их службы примерно раз в две недели доски переворачивали. *Поймат* обычно изготавливался в течение трех – семи

дней, в строительстве принимали участие все трудоспособные члены семьи. Наиболее трудоемкая работа с деревом осуществлялась мужчинами. Общее число строителей обычно составляло два – пять человек (один – трое из них были способны выполнять тяжелую физическую работу). Основной используемый строительный инструмент – топор, пила и лопата. Каждую осень жилище ремонтировали, укладывая в появившиеся щели мох и подсыпая скатившийся песок, причем со временем грунтовое покрытие становилось все более устойчивым. Подобная постройка при небольшом ежегодном ремонте могла служить 20 лет и более.

В заключение этнографического описания приведем некоторые данные по эксплуатации *пой-мат*. В жилище размером 4 × 3 м могли проживать одна-две семьи, от 1 до 10 чел., включая детей. По воспоминаниям, такие постройки в прошлом могли располагаться небольшими группами, при этом расстояние между домами составляло не менее 20–30 м. Внутреннее пространство распределялось следующим образом: у входа перед столбами была женская половина, дальняя часть жилища являлась мужской (она же гостевая). Спальные места располагались у боковых сторон. Вещей в помещении обычно находилось немного (лишь повседневные), основная часть хранилась на улице под навесом, в лабазе или на оленых нартах. Внутри жилища вещи лежали преимущественно около столбов или были подвешены на них на крючках. Например, на двух столбах у входа обычно висели котлы и другие предметы, связанные с кухней. В углах по обе стороны от входа лежали дрова. У двух дальних столбов находились мужские вещи и инструменты. Учитывая малый объем помещения, его обитатели значительную часть времени проводили снаружи. В особенности это касалось мужчин, для которых *пой-мат* фактически являлся лишь местом сна, отдыха и приема пищи. Важно отметить, что оставшиеся после выемки песка углубления, расположенные по периметру жилища, использовались для сброса разнообразного мусора и отходов.

В настоящее время *пой-мат* уже вышел из употребления у верхнетазовских селькупов. Связано это прежде всего с повсеместным распространением у них практики использования небольших сезонных избушек срубного типа. Тем не менее традиция строительства *пой-мат* пока окончательно не умерла, т.к. сооружением их уменьшенных копий занимаются подростки и дети. На окраине пос. Кикки-Акки в 2013 г. были отмечены два подобных игровых жилища: одно строилось, другое было сооружено около трех-четырех лет назад подростками, которые «*куже ушли в армию*». Детские постройки довольно точно повторяют конструкцию прототипа и даже предусматривают установку внутри печки-буржуйки. Кроме уменьшенного разме-

*Ель считалась неподходящей породой дерева из-за недостаточной прочности.

**Селькупы понимают под этим термином особый вид ландшафта – смешанный лес в низинах, поймах, отличный от сухих боровых участков.

ра, их существенным отличием является упрощение крепежа элементов постройки – большинство деталей скрепляется с помощью гвоздей.

Заключение

Таким образом, древние сооружения наземного типа известны повсеместно на территории лесной зоны Западной Сибири. Приведенные выше примеры демонстрируют отсутствие какой-либо связи между ними и наводят на предположение о конвергентном возникновении аналогичных типов построек у различных групп населения в разное время. Однако большое количество уже известных поселений с остатками наземных жилищ не датировано. Без исследований трудно сказать, к каким периодам могут относиться постройки наземного типа, остатки которых массово отмечены в окрестностях Тюмени у слияния Туры и Пышмы или в Сургутском Приобье и т.д. [Зах и др., 2014, с. 73, 111, 112–114, 154–155; Чемякин, Зыков, 2004, с. 112–115, 117–120].

Сохранение некоторых типов сооружений на протяжении длительного времени свидетельствует об их универсальности. Рассматриваемый здесь тип построек, доживший до современности, обладал целым рядом параметров, благодаря которым он в течение нескольких эпох в полной мере отвечал адаптационным возможностям населения. Это простота и скорость возведения, доступные материалы и технологии, невысокие трудозатраты. Обнаруженные современные полуразрушенные жилища позволяют провести параллели с аналогичными постройками древних периодов, скорректировать представления о форме сооружения, материале, деталях конструкции. В особенности это важно для тех элементов, которые не сохраняются с течением времени и восстанавливаются по большей части гипотетически (кровля, ее форма и покрытие, способы соединения деталей конструкции и т.п.). Данные, предоставленные населением, еще недавно пользовавшимся каркасно-столбовыми постройками наземного типа, позволяют скорректировать представления о числе проживавших в таком жилище людей, их образе жизни и предназначении подобного рода сооружений, особенностях интерьера и делении внутреннего пространства помещения.

Сопоставление информации по остаткам раскопанных древних сооружений и заброшенным селькупским постройкам свидетельствует об их вероятном сходном устройстве. Интересно, что подобные, «легкие» в нашем представлении, конструкции использовались обитателями Севера в зимних условиях. Продолжением данной темы является и некоторая удаленность *пой-мат* верхнетазовских селькупов

от крупных рек (на расстояние от нескольких десятков до нескольких сотен метров). Это вполне объяснимо, ведь жители зимних поселений в меньшей степени зависели от водоемов: они могли легко получать воду из снега, а помимо рыбной ловли зимой для них приобретали актуальность и другие занятия (охота, выпас транспортных оленей). Примечательно, что подобная удаленность жилищ от водоемов наблюдается и в древности. Так, иткульские поселения Притоболья в большинстве случаев расположены в глубине террас. Среди белоярских поселений выделяются лесные (расположенные в глубине леса) и береговые [Чемякин, Каракаров, 2002, с. 35]. В Новосибирском Приобье в X–XIV вв. сезонные поселки с наземными постройками также располагались в глубине террас [Адамов, 2000, с. 11].

В представленном этнографическом очерке обращает на себя внимание сама история постепенной смены домостроительных традиций в верхнетазовском регионе, выраженный локальный характер процесса: население, строящее жилища наземного типа, окружено близкими ему по культуре соседями, у которых подобные же постройки углублены в почву. Этнографические данные позволяют увидеть вероятную подоплеку произошедших изменений: переселение на новую территорию с последовавшей перестройкой хозяйственного комплекса. Данный пример локализации домостроительной традиции без труда находит параллели в археологических материалах. Например, в Притоболье на рубеже бронзового и железного веков иткульские группы, расселившиеся в долине Тобола, строили только наземные дома, в то время как у обитавших в горно-лесной части Зауралья (основная территория распространения иткульской культуры) коллективов встречались три типа сооружений: наземные неуглубленные постройки, полуземлянки и жилища со слабоуглубленными котлованами в центре [Очерки..., 1994, с. 256].

Безусловно, прямая экстраполяция данных этнографии на археологические материалы неправомерна. Однако полученные этнографические сведения позволяют по-новому взглянуть на некоторые привычные археологические трактовки, касающиеся каркасно-столбовых жилищ наземного типа, и выдвинуть на этой основе отдельные предположения, наметить перспективные для разработки параллели.

Список литературы

- Адамов А.А.** Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – 256 с.
Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, В.А. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков,

А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю. Древности Андреевской озерной системы. – Новосибирск: Наука, 2014. – Т. 1: Археологические памятники. – 225 с.

Зах В.А., Фомина Е.А. К вопросу о происхождении андреевской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – № 2. – С. 14–21.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. – Новосибирск: Наука, 2009. – 232 с.

Ириков С.И. Жилище // Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры. – СПб.: Просвещение, 2002. – С. 72–80.

История Ямала: в 2 т. – Екатеринбург: Баско, 2010. – Т. 1: Ямал традиционный. – Кн. 1: Древние культуры и коренные народы. – 416 с.

Кениг А.В. Этноархеологическая модель сезонности селькупских стойбищ (накопление и образование культурного слоя) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2001. – С. 60–62.

Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во АМБ, 2010. – 128 с.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямalo-Ненецкого автономного округа. – Препр. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 114 с.

Лезова С.В. Жилище северных селькупов // Экспериментальная археология. – Тобольск: Тобол. гос. пед. ин-т, 1991. – Вып. 1. – С. 101–107.

Михалев В.В. Городища с кольцевой системой обороны в Среднем Прииртышье (предварительное сообщение) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – С. 223–224.

Михалев В.В., Корусенко М.А. Домостроительные традиции населения Нижнего Притарья в эпоху средневековья (к вопросу о сезонных поселениях) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2007. – С. 310–313.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 1: Поселения и жилища. – Кн. 1. – 485 с.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: ТриЛ, 1998. – 288 с.

Цембалюк С.И., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Комплексное исследование байтовского городища Боровушка 2 (лесостепное Притоболье) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 2. – С. 98–107.

Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова гора: археологическая карта. – Сургут; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2004. – 208 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 7–74.

*Материал поступил в редакцию 18.02.14 г.,
в окончательном варианте – 19.05.14 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.072-078
УДК 903'14

Б.Б. Бесетаев¹, Е.М. Кариев²

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: besetaev86@mail.ru

²Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана
пр. Республики, 24, Астана, 010000, Казахстан
E-mail: eldos.82@mail.ru

Новые материалы по конскому снаряжению раннесакского времени из Восточного Казахстана*

Общеизвестно, что Восточный Казахстан в силу своего географического расположения являлся контактной зоной в различные исторические периоды. В частности, можно отметить взаимодействие древних культур Южной Сибири, Саяно-Алтая, Северного, Центрального Казахстана, Семиречья и др. в скифо-сибирскую эпоху, что в большинстве случаев выражается в материалах «скифской триады». Один из ее ключевых элементов – конское снаряжение – рассмотрен в статье на основе новых находок раннесакского времени, выявленных в Уланском р-не Восточно-Казахстанской обл. Они позволяют уточнить некоторые аспекты развития материальной культуры на восточной периферии скифо-сако-сибирского мира в начале эпохи ранних кочевников. Конское снаряжение тех или иных этапов этой эпохи может существенно различаться. Интересно то, что различия имеются между материалами, казалось бы, одновременных объектов одного могильника. При сравнительно-типологическом анализе вышеуказанных находок выявлен круг аналогий, которые позволяют с определенной долей уверенности говорить о синхронности Герасимовского могильника с архансским этапом раннескифского времени в Евразии и о том, что Восточный Казахстан на заре эпохи ранних кочевников играл важную роль в миграционных и диффузионных процессах скифо-сибирского мира. Исследования последних лет, посвященные становлению скифо-сибирских культур, показали необходимость определения хронологии памятников и более обстоятельного изучения межкультурных связей. Детали конского убранства, наряду с другими идентифицирующими элементами скифоидных культур, играют немаловажную роль в решении проблем датирования, а также реконструкции этнокультурных процессов на заре эпохи раннего железа.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, раннесакское время, скифо-сако-сибирский мир, конское снаряжение.

B.B. Besetayev¹ and E.M. Kariyev²

¹Novosibirsk State University,
Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: besetaev86@mail.ru

²A.K. Margulan Institute of Archaeology, Astana Division
Pr. Respublik 24, Astana, 010000, Kazakhstan
E-mail: eldos.82@mail.ru

New Evidence on the Early Saka Horse Harness from Eastern Kazakhstan

Owing to its geographic position Eastern Kazakhstan has long been a cultural crossroads region. During the Scytho-Siberian Age, it was a place where cultures of southern Siberia, Sayan-Altai, Northern and Central Kazakhstan, Zhetysu, etc., interacted, as evidenced by the “Scythian triad”—weapons, horse harness, and animal style. Here we address one of its key elements, horse harness, specifically new finds from Gerasimovka in the Ulan District of Eastern Kazakhstan. They are relevant to certain aspects of the early nomadic material culture in the eastern fringes of the Saka-Siberian world. These items show significant variation, sometimes within

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

one and the same cemetery. Parallels to the Gerasimovka find suggest that it is contemporaneous with the Arzhan stage of the early Scythian culture, and that during that time Eastern Kazakhstan played a major role in migratory processes. Recent findings relating to early Scytho-Siberian cultures indicate the critical importance of chronology and cultural ties for reconstructing ethno-cultural processes in Early Iron Age Eurasia.

Keywords: Eastern Kazakhstan, early Saka period, Scythians, Saka, Siberia, horse harness.

Введение

Как показывают результаты полевых исследований, предметы конского снаряжения являются одними из наиболее массовых в вещевых комплексах ранних кочевников. Захоронения коней в полной амуниции, а также отдельные сбруйные наборы и детали в погребениях и кладах фиксируются на большей части скифо-сако-сибирского ареала, в т.ч. и на территории Восточного Казахстана, в пределах довольно значительного временного диапазона. Детали конского убранства широко используются в построении хронологических шкал, реконструкции миграционных процессов в древности и т.д. В этой связи весьма важна роль новых материалов, которые дают возможность существенно дополнить или скорректировать имеющиеся взгляды.

В представленном исследовании рассматриваются принадлежности конского снаряжения раннего этапа скифо-сакской культуры, происходящие из разрушенного кургана на территории с. Герасимовка Уланского р-на Восточного Казахстана. Данные материалы вводятся в научный оборот впервые*. Вышенназванный разрушенный объект историко-культурного наследия однозначно относится к курганному могильнику Герасимовка, но в ходе предыдущих обследований не был учтен. Он последовательно пронумерован нами – кург. 31. Сам могильник расположен на северной окраине упомянутого села, у оконечности первой надпойменной террасы левого берега Иртыша – на ровной площадке между террасой и автотрассой Усть-Каменогорск – Таврия. Южная часть памятника разрушена этой дорогой и лесопосадкой. Среди деревьев прослеживаются отдельные слабовыраженные курганные насыпи. По всей видимости, территория могильника в недавнем прошлом активно использовалась под сельхозугодья, вследствие чего насыпи большей части малых курганов распаханы. На момент раскопок насчитывалось 30 насыпей в двух курганных группах, вытянутых цепочками по линии СВ – ЮЗ. Первая группа состоит из 24 объектов, вторая – из шести (№ 25–30). В центре большинства из них имеются

поросшие кустарником глубокие грабительские воронки, по окружности насыпей фиксируются рвы шириной 3–4 м, глубиной 0,3–0,5 м. Диаметры всех объектов могильника варьируют в пределах 15–20 м, высота от 0,5 до 1,0 м. Самый крупный кург. 30 имеет диаметр 40 м, высоту 1,5 м [Свод..., 2006, с. 218].

Первые археологические исследования могильника Герасимовка осуществлены в 1998 г. экспедицией Восточно-Казахстанского государственного университета под руководством А.А. Ткачева. Было изучено два объекта (№ 22, 28). При раскопках кург. 22 выявлен набор конской узды раннескифского времени [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 141–142, рис. 3; Ткачев, Тиштин, 1999], о котором будет упомянуто ниже.

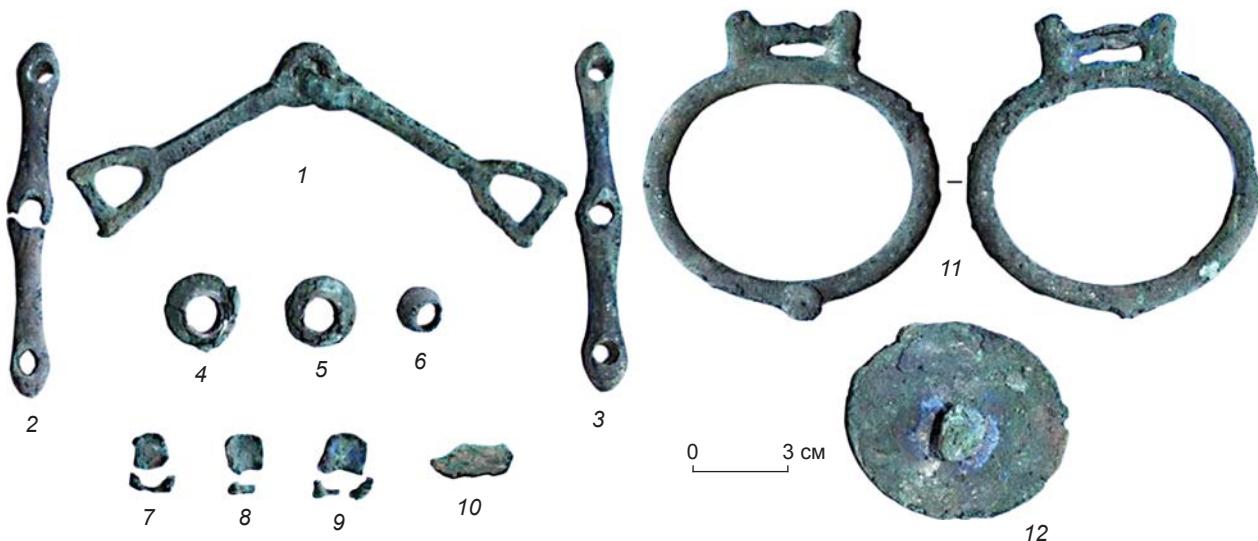
Описание находок

Детали конского снаряжения были обнаружены в ходе земляных работ в северной части с. Герасимовка. Все вещи вместе с фотографиями переданы учителем средней школы Е. Сансызыбаевым в Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (г. Усть-Каменогорск). Согласно акту № 10 приема предметов на постоянное хранение от 31.03.2005 г. (Архив ВКОИКМ. Д. 1-50. Л. 28–29) и рассказам выезжавших на место научных сотрудников музея, памятник был частично разграблен, выявлены каменные плиты (вероятно, фрагменты каменного ящика) и кости лошади в анатомическом порядке. Каких-либо данных о человеческих останках нет.

Детали узды. Лошадь была взнуждана двухсоставными бронзовыми удилами со стремечковидными окончаниями (рис. 1, 1). Длина каждого звена 9,5 см. Псаллии бронзовые, прямые, трехдырчатые, отверстия выполнены в одной плоскости. Длина изделий 11,5 см, ширина в районе отверстий до 1,5 см. Визуальный анализ псалиев позволяет предположить, что они отлиты в одной форме. Одно изделие обломано по серединному отверстию (рис. 1, 2, 3).

Среди находок есть бронзовые ворворки: две – суголовных и холочных ремней, одна – подбородочного (рис. 1, 4–6). Первые имеют усеченно-конусовидную форму, последняя – конусовидную. У двух больших отверстия цилиндрические, а у малой коническое. Диаметр первых 2,5 см, третьей – 1,5 см. Так же имеются три обломка уздечных распределителей (рис. 1, 7–9), которые представляют собой несколько

*Выражаем признательность сотрудникам Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея Г.И. Суворовой и Г.А. Кущ за предоставленную возможность опубликовать данные материалы.

*Рис. 1. Бронзовые детали снаряжения верхового коня из курга 31 могильника Герасимовка (фотограф К.В. Чугунов).
1 – удила; 2, 3 – псалии; 4, 5 – ворврорки суголовных и холочных ремней; 6 – ворврорка подбороночного ремня; 7–9 – уздечные распределители ремней; 10 – фрагмент наносной подвески (?); 11 – подпружные пряжка и блок; 12 – подпружная бляха-застежка.*

уплощенные с четырех сторон цилиндры небольших размеров (в основании ок. 1×1 см), что отличает их от сравнительно крупных нагрудных и холочных распределителей. Среди находок есть фрагмент предмета из бронзы (рис. 1, 10), плоский, размерами $1,7 \times 1,0$ см. Возможно, это обломок наносной подвески. В указанном акте приема предметов данная вещь не значится.

Детали седельных ремней. Обнаружены подпружные пряжка со шпеньком и блок (рис. 1, 11), арочные в сечении, с прямоугольными рамками, имеющими выступы-фиксаторы. Размеры пряжки и блока ок. $8,5 \times 9,5$ см. Имеется также бляха-застежка правого подпружного ремня. Ее размеры $6,5 \times 7,0$ см (рис. 1, 12). В акте приема предметов обозначения некоторых деталей указаны ошибочно.

Обсуждение

Относительно хорошая археологическая изученность конского снаряжения VII–VI вв. до н.э. в Восточном Казахстане и сопредельных регионах позволяет с большой долей вероятности определить назначение каждого изделия из разрушенного курга 31 Герасимовского могильника и очеркнуть примерный хронологический диапазон их бытования.

В VII – начале VI в. до н.э. на территории Казахстана наряду с традиционными видами удил в комплексе с трехдырчатыми псалиями появились усовершенствованные в функциональном отношении формы этих элементов. Выделены четыре основных способа их соединения. Выявленный в разрушенном кургане

уздечный комплекс относится к первому – традиционному типу, где внешние окончания удил прихватывались кожаным ремешком к срединному отверстию трехдырчатых псалиев [Шульга, 2008, с. 74–75]. Большинство исследователей считает, что данный тип бытовал в пределах VIII–VI вв. до н.э [Кадыбаев, 1968, с. 30; Грязнов, 1980, с. 58; Горбунова, 2001, с. 193; Шульга, 2008, с. 54–56].

По мнению М.К. Кадыбаева, стремечковидные удила с дополнительным отверстием появились в VIII в. до н.э [1968, с. 30]. Следует отметить взаимовстречаемость в погребениях VII–VI вв. до н.э. двух типов стремечковидных удил – с дополнительным отверстием и без него, которые, как правило, сочетаются с трехдырчатыми роговыми и бронзовыми псалиями разнообразных форм [Шульга, 2008, 68–74]. Следовательно, можно предположить, что эти типы возникли синхронно или же второй появился в результате трансформации первого в процессе усовершенствования элементов управления конем.

Стремечковидные удила без дополнительных отверстий, по мнению Н.А. Боковенко, широко бытовали почти на всей территории скифо-сако-сибирского мира, но в сочетании с трехдырчатыми псалиями они встречаются на сравнительно небольшой территории (Казахстан, Алтай, Тыва) [1979, с. 68–69]. Так или иначе, трехдырчатые бронзовые псалии и стремечковидные удила с дополнительным отверстием или без него большинством исследователей относятся к числу наиболее ранних (VIII–VII вв. до н.э.) элементов конского убранства скифо-сакского ареала [Вишневская, Итина, 1971, с. 201–203; Грязнов, 1980, с. 58; Горбунова, 2001, с. 193].

Герасимовские удила со стремечковидными окончаниями (рис. 2, 1), боковые стороны которых несколько выгнуты наружу, близки седьмому типу по классификации П.И. Шульги [2008, рис. 56]. Подобные удила с псалиями часто встречаются в памятниках Восточного [Арсланова, 1972, с. 255], Центрального [Кадырбаев, 1966, с. 316, рис. 7], Северного [Грязнов, 1956, с. 12, рис. 3] Казахстана, Саяно-Алтая [Членова, 1967, с. 218–219], Тувы [Грязнов, 1980, рис. 30], Синьцзяна [Шао Хуйцю, 2005, с. 100, рис. 2; Шульга, 2010, с. 222, рис. 76] и датируются VIII–VI вв. до н.э.

Следует отметить, что герасимовские псалии (рис. 2, 2, 3) имеют некоторое сходство с остроконечными аржанскими из камеры 26 кургана Аржан-1 [Грязнов, 1980, с. 37, рис. 23]. Отличие заключается в петлевидном расширении у среднего отверстия за счет выступа с одной стороны. Этот признак можно отнести к более раннему времени. Подобный псалий найден в камере 13 кургана Аржан-1. В то же время он имеет признаки псалиев аржанского типа [Там же, с. 48, рис. 30, 18]. В других камерах этого кургана псалии по форме несколько иные [Чугунов, 2005, с. 106, рис. 1]. Согласно последним публикациям, Аржан-1 датируется концом IX в. до н.э. [Евразия..., 2005, с. 68]. На сегодняшний день малоизученность куртуско-маймерского этапа в Восточном Казахстане создает существенные сложности при реконструкции этнокультурных связей в контексте скифо-сакского ареала.

П.И. Шульга выделяет четыре хорошо различаемых типа ворврок, распространенных на данной территории [2008, с. 85]. Вышеописанные большие ворвроки суголовных и холочных ремней (рис. 2, 4, 5) можно отнести к первому типу наиболее массивных, а малую для соединения подбородочных ремней (рис. 2, 6) – к третьему [Там же, с. 251, рис. 59]. Аналоги зафиксированы в маймерском кург. 2. В могильной яме *in situ* относительно хорошо сохранилась узда в виде фрагментов ремней с бронзовыми принадлежностями, расположение которых позволяет определить место и функциональное назначение аналогичных деталей из других памятников [Промежуточный отчет..., 2009, с. 25, фото 52, 53; Samašev, Ongar, 2013, S. 558, Abb. 3]. Схожие ворвроки уздечных ремней были найдены в кургане Аржан-2 [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010, S. 158, Abb. 138, 6, Taf. 28, 4, 5]. Стоит отметить, что ворвроки не могут служить основным индикатором в определении относительно точной хронологии, т.к. бытовали все скифское время и использовались не только в конском снаряжении, но и в воинских поясах.

Три обломка цилиндрических уздечных распределителей ремней (рис. 2, 7–9) относятся к первому из двух выделенных П.И. Шульгой типов – «высокоцилиндрическим» [2008, с. 81]. Предназначались они для фиксации двух ремней в местах пересечения, так же как украшение самой сбруи. В Восточном Казахстане аналогичные уздечные распре-

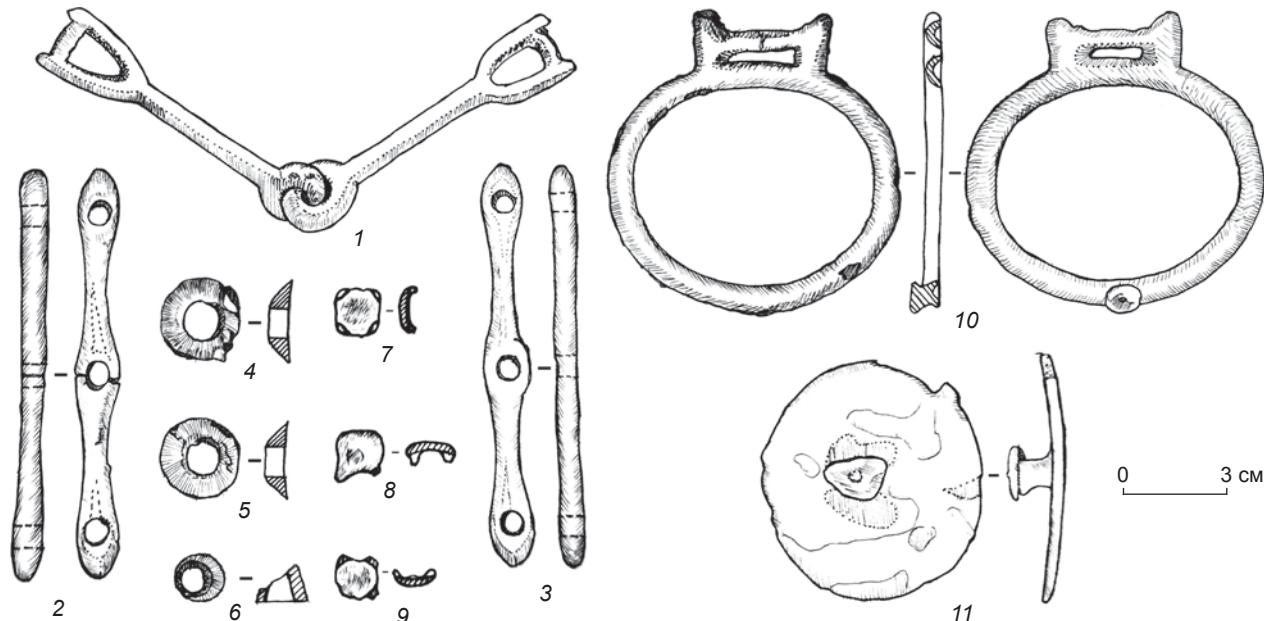

Рис. 2. Прорисовка бронзовых предметов конского снаряжения из кург. 31 Герасимовского могильника (художник Е. Печенегова).

1 – удила со стремечковидными окончаниями; 2, 3 – трехдырчатые псалии; 4, 5 – ворвроки суголовных и холочных ремней; 6 – ворврок подбородочного ремня; 7–9 – уздечные распределители ремней; 10 – подпружные пряжка и блок; 11 – подпружная бляха-застежка.

делители выявлены в Камышинском комплексе [Арсланова, 1972, с. 255, рис. 1] и Кондратьевском кург. 21 [Алехин, Шульга, 2003, с. 62–63, рис. 2]. Анализ имеющихся аналогов позволяет говорить, что, вероятно, они появились в майемерское время, однако наличие подобных изделий в Зевакинском комплексе [Арсланова, 1974, с. 57, табл. 3, 24], по мнению П.И. Шульги, может указывать на более раннее происхождение такого рода уздечных распределителей [2008, с. 82].

Детали седельных ремней и собственно само седло довольно подробно рассмотрены П.И. Шульгой [Там же, с. 93–103]. Происходящие из разрушенного Герасимовского кургана подпружную пряжку со шпенеком и блок (рис. 2, 10) можно отнести к первому из семи выделенных им типов [Там же, с. 96–97] – с арочным в сечении блоком и сегментовидной пряжкой. Стоит обратить внимание на то, что шпенек не оформлен в виде копыта, а имеет несколько отогнутый наружу штифт с простой шляпкой. Подобное оформление, возможно, относится к несколько более раннему времени. В Восточном Казахстане аналоги выявлены в Камышинском комплексе [Арсланова, 1972, с. 255, рис. 1] и Кондратьевском кург. 21 [Алехин, Шульга, 2003, с. 62–63, рис. 1]. Как известно, подпружные пряжки-застежки и блоки являются одними из наиболее часто встречающихся деталей в бронзовых сбруйных наборах начала VII в. до н.э. на территории Саяно-Алтая и Казахстана [Шульга, 2008, с. 97]. Во многих классификациях и реконструкциях подпружная пряжка со шпенеком в большинстве случаев рассматривается в паре с блоком: через него пропускается левый конец подпружного ремня, а пряжка со шпенеком выступает в качестве фиксатора требуемого натяжения подпружи. Пряжки и блоки такого типа были широко распространены на всей территории скифо-сако-сибирского ареала в VIII–VI вв. до н.э. [Там же, с. 254, рис. 62; Ермолаева, 2012, с. 188, рис. 58].

Вышеописанную бляху-застежку (рис. 2, 11) можно отнести ко второму варианту первого типа по классификации П.И. Шульги [2008, с. 97]. В Восточном Казахстане такие бляхи-застежки встречаются редко. Вероятно, это объясняется тем, что они могли заменяться ременным соединением [Там же, с. 254, рис. 62]. Одна из них в Восточном Казахстане была зафиксирована еще в 1911 г. А.В. Адриановым [1916, с. 58]. Такого рода бляхи-застежки располагались на правом боку лошади, о чем свидетельствуют материалы могильника Гилево-10, где выявлены остатки седла вместе с довольно хорошо сохранившимися фрагментами кожаных подпружных ремней со слепдами крепления на бляху-застежку с правой стороны [Шульга, 2008, с. 97, рис. 66]. Период их бытования VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 330–332,

рис. 24, 26; Вишневская, 1973, с. 137, табл. 5]. Учитывая конструкцию анализируемого уздечного набора, можно утверждать, что бляха-застежка из Герасимовского кургана относится к разряду ранних. В представленном комплексе остальные детали конского снаряжения отсутствуют. Это может быть объяснено деятельностью грабителей или тем, что часть сбруйных принадлежностей была утрачена вследствие хозяйственных работ, при которых обнаружен памятник.

Остановимся кратко на вышеупомянутом кург. 22 Герасимовского могильника. При его исследовании удила и псалии были обнаружены в специальном отсеке в северном углу каменного ящика. Предположительно тут имел место т.н. обряд *pars pro toto*, т.е. замена сопроводительного погребения коня захоронением части снаряжения. Псалии, относящиеся к категории дырчато-шпенековых с Т-образным выступом для соединения с удилами, отличаются от других этого типа своей формой [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 141–142, рис. 3]. Авторы отмечают идентичность парных псалий и подчеркивают, что они были отлиты в одной форме или по одному образцу. По их мнению, такое производство свидетельствует об ограниченности этих серий. Выявленные А.А. Ткачевым элементы конского снаряжения и сам памятник датированы им серединой VII в. до н.э. [Ткачев, Тишкин, 1999, с. 198].

Все вышеупомянутые обстоятельства обнаружения разрушенного Герасимовского кургана делают невозможным полную реконструкцию его погребальных сооружений. Сравнение отдельных элементов погребального обряда, таких как сопроводительное захоронение коня, и вещевого материала указывает на довольно существенные отличия от исследованных А.А. Ткачевым курганов того же могильника. Это, во-первых, говорит о слабой перспективности попытки реконструировать погребальные конструкции, обряд и другие составляющие разрушенного кургана на основе ранее изученных на Герасимовском могильнике, к которому он, несомненно, относится; во-вторых, может указывать на то, что могильник оставлен синкretичным населением, о чем в определенной степени свидетельствует анализ самих материалов: аналоги имеются на обширной территории скифо-сако-сибирского ареала. Признавая крайне слабую фактическую базу, тем не менее на основании вышеизложенного предположим, что данный регион в начальный период эпохи ранних кочевников был зоной контактов разных по этнокультурным параметрам общностей на восточной периферии скифо-сако-сибирского мира. В то же время дифференцированность погребального обряда и инвентаря может быть следствием социального и имущественного расслоения общества. К примеру, самодостаточ-

ные в имущественном плане или имеющие достаточно высокий социальный статус (воины) погребались вместе с конем в полном снаряжении, низшие и рядовые члены общества сопровождали своих покойных лишь отдельными деталями сбруи.

Еще одно предположительное объяснение наличия разных по характеристикам элементов конского снаряжения в пределах одного могильника заключается в возможных процессах модернизации сбруйного набора, что, в свою очередь, может указывать на формирование могильника во время переходного этапа динамического развития конского снаряжения.

Заключение

На сегодняшний день, несмотря на множество изученных могильников, южные районы Восточного Казахстана не исследованы в достаточной степени для того, чтобы дать значительную информацию о культуре ранних кочевников. Появление новых материалов и новые комплексные подходы к их анализу позволят существенно продвинуться в этом направлении. Выявленные в разрушенном Герасимовском кургане детали сбруи представляют собой классический образец конского снаряжения начального этапа эпохи ранних кочевников. Суммируя все вышеупомянутые хронологические показатели, мы датируем этот комплекс второй половиной VII – VI в. до н.э.

Территория Восточного Казахстана – своеобразный центр различных культур скифо-сако-сибирского мира. Можно говорить о политической консолидации здесь больших культурных регионов-лидеров, которые были очень тесно связаны между собой. Определение хронологии погребальных памятников, а также выявление культурных связей между синхронными этническими группами открывают новые горизонты в исследовании ключевых атрибутов культур скифо-сакского круга. Тем не менее вопрос об истоках раннего этапа «скифо-сакской триады» и ее развитии на всем пространстве евразийского культурного континуума весьма сложен и требует тщательного сравнительного изучения всех материалов. Хотелось бы лишь отметить, что возникновение в раннесакское время отдельных элементов материальной культуры является результатом обширного культурного обмена на огромной территории Евразийского степного пояса в начале I тыс. до н.э.

Все вышеизложенное будет подтверждено или опровергнуто в ходе запланированных в ближайшем будущем работ на территории Герасимовского могильника. Они более чем актуальны и необходимы с учетом крайне малой изученности этой территории и региона в целом. В свете изложенного следует отметить особую важность вводимых в научный оборот новых

материалов, которые, несомненно, в той или иной степени могут способствовать реконструкции ряда важнейших аспектов жизни населения восточного ареала скифо-сакского мира на начальном этапе эпохи ранних кочевников.

Список литературы

- Адрианов А.В.** К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г. – Пг.: [б. и.], 1916. – 94 с. – (Изв. Археол. комиссии; вып. 62).
- Алехин Ю.П., Шульга П.И.** Курган Кондратьева XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. – 2003. – Вып. 10. – С. 62–70.
- Арсланова Ф.Х.** Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // СА. – 1972. – № 1. – С. 253–258.
- Арсланова Ф.Х.** Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глубь веков: археол. сб. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – С. 46–60.
- Боковенко Н.А.** Ранние формы скифо-сибирской узды // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1979. – С. 67–70.
- Вишневская О.А.** Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгара). – М.: Наука, 1973. – 160 с. – (Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции; т. 8).
- Вишневская О.А., Итина М.А.** Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 197–208. – (МИА; № 177).
- Горбунова Н.Г.** Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии: История и культура. – М.: Вост. лит., 2001. – С. 179–200.
- Грязнов М.П.** Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. – 1956. – № 61. – С. 8–16.
- Грязнов М.П.** Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 64 с.
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, С.С. Васильев, В.А. Дергачев, Г.И. Зайцева, Н.Н. Ковалюх, Г.Кук, Й. ван дер Плихт, Г. Посснерт, А.А. Семенцов, Е.М. Скотт, К.В. Чугунов. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.**
- Ермолаева А.С.** Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы: Изд-во ИА КН МОН РК, 2012. – 238 с.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – С. 303–433.
- Кадырбаев М.К.** Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннекорабельного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – С. 21–36.
- Промежуточный отчет** о научно-исследовательской работе в Восточном Казахстане за 2009 г. // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2285. 62 с.
- Свод археологических памятников Восточно-Казахстанской области.** – Усть-Каменогорск: Изд-во Гос. фонда поддержки культуры и искусства, 2006. – 264 с.

Ткачев А.А., Тишкин А.А. Курганы раннескифского времени на могильнике Герасимовка в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и со-пределных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 194–198.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – № 2. – С. 136–145.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Чугунов К.В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 103–109.

Шао Хуйцю. Изучение металлических элементов конского снаряжения в северных районах Китая до династии Цинь // Бяньцзянь каогу яньцзю. – 2005. – Вып. 3. – С. 96–114 (на кит. яз.).

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Барнаул: Азбука, 2008. – Ч. I: Раннескифское время. – 276 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (пограничные комплексы, хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2010. – 238 с.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. – Mainz: Verl. Philipp von Zabern, 2010. – 330 S., 289 Abb., 153 Taf., 7 Beil. – (Archäologie in Eurasien; N 26). – (Steppenvölker Eurasiens; N 3).

Samašev Z., Ongar A. Die Nomaden der kasachischen Steppe in der Früheisenzeit // Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. – Bd. 2. – S. 555–573.

*Материал поступил в редакцию 16.04.14 г.,
в окончательном варианте – 06.11.14 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.079-086
УДК 902.01

В.И. Молодин^{1,2}, И.А. Дураков¹, Л.С. Кобелева^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; Idurakov@yandex.ru; LilyaKobeleva@yandex.ru

²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

«Клад литейщика» позднекротовской (черноозерской) культуры памятника Тартас-1 в лесостепной Барабе*

Статья посвящена «кладу литейщика», обнаруженному при раскопках грунтового могильника Тартас-1 в Барабинской лесостепи. Представлена характеристика кладов литейщиков как археологических объектов. Отмечено, что на территории Сибири клады встречаются крайне редко; поскольку полное описание таких находок отсутствует, подсчитать их общее количество невозможно. Определен состав «клада литейщика» некрополя Тартас-1 и описан контекст его обнаружения на территории могильника. Установлено, что «клад» располагался в прямоугольной яме, в непосредственной близости с погребениями позднекротовской (черноозерской) культуры. В заполнении ямы выявлены нижняя челюсть, часть лопатки и резец лошади, обломок ребра и фрагменты черепа коровы, а также обломки не менее чем трех сосудов. В состав «клада» входили 15 предметов: каменный абразив, костяной наконечник стрелы, 2 медных слитка, обломок браслета со спиралевидным окончанием, бронзовая игла, 6 «гофрированных» цилиндрических бусин и 3 бронзовых ножевидных подвески. В статье дается детальный анализ каждого из предметов, указываются их аналоги. Особое внимание уделено входившим в состав «клада» стандартным медным слиткам, которые использовались для хранения и транспортировки металла при торгово-обменных операциях. Сделано предположение, что металлические артефакты, входящие в состав «клада», являются «ремесленным» или «коммерческим» запасом для дальнейшей переработки. Выдвинута гипотеза о ритуальном характере клада. Установлено, что все изделия «клада литейщика» характерны для вещевого материала позднекротовской (черноозерской) культуры и датированы первой половиной – серединой II тыс. до н.э.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, позднекротовская культура, могильник, клад.

V.I. Molodin^{1,2}, I.A. Durakov¹, and L.S. Kobeleva^{1,2}

¹Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; Idurakov@yandex.ru;

LilyaKobeleva@yandex.ru

²Novosibirsk State University,

Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia

“Caster’s Cache” from Tartas-1, Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Culture, Baraba Forest-Steppe

A “caster’s cache” discovered at Tartas-1 cemetery in the Baraba forest-steppe is described and compared with other similar finds. Caches are very rare in Siberia. Because descriptions are incomplete, their total number is unknown. The Tartas-1 cache was found in a rectangular pit close to Late Krotovo (Cherno-Ozerye) burials. The infill of the pit contained a mandible, part of a scapula and an incisor of a horse, a rib fragment and fragments of cranium of a cow, and potsherds from at least three vessels. The cache consisted of fifteen items: a whetstone, a bone arrowhead, two copper ingots, a fragment of a bracelet with spiral end, a bronze needle, six fluted cylindrical beads, and three bronze knife-like pendants. Parallels to each artifact are discussed. Especially

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

noteworthy are standard copper ingots used for storing and transporting metal during trade operations. Evidently, metal items in this cache were laid in for future use in manufacture or trade. The cache might as well have been ritual. All its items are typical of Late Krotovo (Cherno-Ozerye) culture of early or mid-2nd millennium BC.

Keywords: Western Siberia, Baraba forest-steppe, Bronze Age, Late Krotovo culture, cemetery, cache.

Введение

Клады литейщиков являются одним из интереснейших и, в сущности, мало изученным типом археологических памятников. Впервые такие объекты были выделены в отдельную категорию Э. Шантром еще во второй половине XIX в. [Chantre, 1875–1876, p. 68]. В разработанных позже классификациях Ж. Дешлете и Г. Чайлда они представлены как отдельный вид клада [Childe, 1930, p. 43–45]. Вопросов интерпретации кладов литейщиков в той или иной степени касались О.А. Кривцова-Гракова, В.С. Бочарев, С. Хансен и др. исследователи [Кривцова-Гракова, 1955, с. 132–150; Семенов, 1977, с. 27–28; Бочарев, 2002, с. 46–47; Hansen, 1994, p. 370–371].

Археологические объекты этого типа изучены слабо, несмотря на достаточно рано проявившееся к ним внимание. На территории Сибири «клады» встречаются крайне редко и ввиду отсутствия полного описания их общее количество неизвестно, поэтому «клад» бронзовых вещей, обнаруженный в ходе археологических исследований на территории некрополя Тартас-1, вызывает большой интерес.

Археологический контекст «клада»

«Клад» найден в яме № 109 [Молодин, 2006], которая имела форму вытянутого по линии СЗ – ЮВ прямоугольника с сильно скругленными углами (рис. 1, 1). Верхний край восточной стенки поврежден – здесь был кювет проходившей по территории памятника дороги XVIII–XX вв. Стенки ямы наклонные, дно чащевидное, плавно углубляющееся к центру. Размеры ямы по верхнему контуру 2,8 × 1,7 м, по нижнему – 2,30 × 1,18, глубина 0,83–0,96 м.

Отложения в яме имеют сложную стратиграфию, что свидетельствует о их постепенном накоплении (рис. 1, 2). В центральной части обнаружены: нижняя челюсть, часть лопатки и резец лошади, обломок ребра и фрагменты черепа коровы. Выявлены также обломки не менее чем трех сосудов (рис. 2), один из них находился в развале и прекрасно реконструируется (рис. 2, 2).

В северо-западном углу ямы в слое серой супеси на глубине 0,71 м от поверхности материка обнаружены 15 предметов, сосредоточенных в двух компактных кучках. Видимо, изначально они находились в какой-то несохранившейся емкости. Первое скопле-

ние включало шесть изделий: каменный абразив, kostяной наконечник стрелы, два медных слитка, обломок браслета со спиралевидным окончанием и иглу из бронзы (см. рис. 1, 4). Во второе скопление, расположенное чуть в стороне, входили выполненные из бронзы шесть «гофрированных» цилиндрических бусин и три ножевидные подвески.

Можно предположить, что яма № 109 планиграфически была связана с несколькими позднекротовскими (черноозерскими) погребениями; ее соорудили с ритуальными целями. Ближе всего к ней расположены погр. № 74 и 85, остальные могилы находятся в 10–15 м. Оба погребения разрушены еще в древности, однако они типичны для своего культурного образования.

В погребальном обряде кротовской и последующей позднекротовской (черноозерской) культуры могилам, сопровождающим яму, отводилась особая роль. Нередко в них помещали основную часть сопроводительного инвентаря, погребальной и жертвенной пищи. Это отмечено на всех крупных могильниках кротовской и позднекротовской (черноозерской) культур.

Определить культурную принадлежность рассматриваемого комплекса позволяет реконструируемый сосуд (см. рис. 2, 1, 2). Это небольшая горшковидная плоскодонная емкость с четко выраженным ребром по тулowi. По венчику и в придонной части сосуд украшен композицией в виде подтреугольных фестонов, по тулowi – ромбами, выполненными грубыми вдавлениями гребенчатого штампа. Сосуд ассоциируется с андроновскими изделиями. Вместе с тем грубость исполнения не позволяет отнести его даже к поселенческой андроновской посуде, не говоря уже о ритуальной. Перед нами емкость, несомненно, имеющая отношение к посуде позднекротовской (черноозерской) культуры, захоронения которой хорошо известны в Прииртышье [Молодин, 2014]. К ближайшим аналогам рассматриваемого сосуда можно отнести некоторые емкости, обнаруженные на могильнике Черноозерье I в Среднем Прииртышье [Генинг, Стефанова, 1994, рис. 13, 1; 18, 1; 25, 2]. С анализируемым керамическим изделием имеет сходство и фрагмент придонной части другого сосуда, украшенной «гладкой качалкой» [Там же, рис. 4, 2].

Таким образом, рассматриваемый комплекс можно уверенно определить как позднекротовский (черноозерский). В пользу этого вывода свидетельствуют и входящие в него металлические предметы.

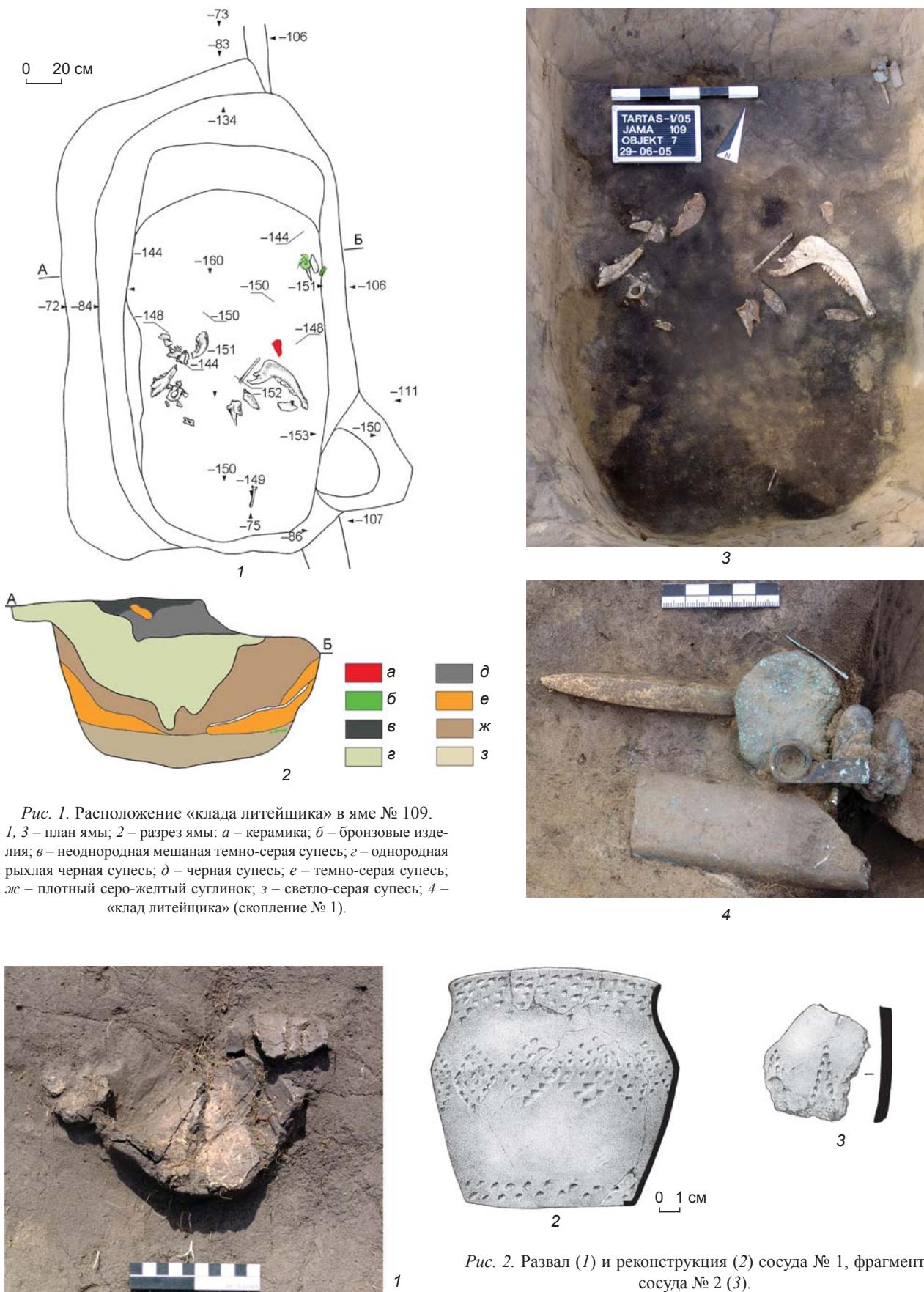

Рис. 1. Расположение «клада литейщика» в яме № 109.
1, 3 – план ямы; 2 – разрез ямы: а – керамика; б – бронзовые изделия;
в – неоднородная мешаная темно-серая супесь; г – однородная
рыхлая черная супесь; д – черная супесь; е – темно-серая супесь;
ж – плотный серо-желтый суглинок; з – светло-серая супесь; 4 –
«клад литейщика» (скопление № 1).

Рис. 2. Развал (1) и реконструкция (2) сосуда № 1, фрагмент
сосуда № 2 (3).

Описание и анализ предметов «клада»

Значительный интерес представляют входившие в состав «клада» медные слитки. Слиток № 1 имеет форму дискообразной лепешки (рис. 3, 1). Его размеры $4,8 \times 4,4$ см, толщина у края слитка 0,5, в центре – 0,9 см; вес 88 г. На выпуклой поверхности изделия прослеживаются газовые раковины и отпечаток крупнозернистой формовочной массы (рис. 3, 1, а). На другой поверхности, слегка вогнутой в результате объемной усадки, имеются следы кристаллизации поверхностного натяжения жидкого металла. Хорошо заметна дендритная структура, характерная для застывания металла в открытой форме (рис. 3, 1, б). По всей видимости, слиток был изготовлен в открытой рабочей камере в виде полусферического углубления. На то, что изделие отлито, а не сформировано в тигле, указывает застывший концевой поток металла, сохранившийся в газовой полости (рис. 3, 1, а).

Подобные изделия хорошо известны и считаются исследователями стандартными слитками, которые

использовались для хранения и транспортировки металла при торгово-обменных операциях. В литературе их чаще всего называют *plano-convex ingot* (плосковыпуклый слиток) или *bun-shaped ingot* (булкообразный слиток) [Tylecote, 1987, p. 37, fig. 19; Авилова, Терехова, 2006, с. 153; Авилова, 2008, рис. 41, 1–18].

Слитки такого типа, встречающиеся на значительной территории Евразии, представляют широкий хронологический диапазон. Наиболее ранние образцы происходят с Ближнего Востока и датируются началом III тыс. до н.э. [Pigott, 1999]. В Анатолии они найдены в комплексах, датированных серединой III тыс. до н.э. (Махметлар) [Авилова, Терехова, 2006, с. 18–19, рис. 3, 1–18; Авилова, 2008, рис. 41, 1–18]. К этому же периоду относят подобные находки из Ирана [Tallon, 1987].

К концу бронзового века плосковыпуклые слитки распространились по всей Передней и Малой Азии [Tylecote, 1987, p. 194–209]. Такие предметы известны и на территории Киргизии [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, с. 141, 150, рис. 1, 14]. В Западной Европе

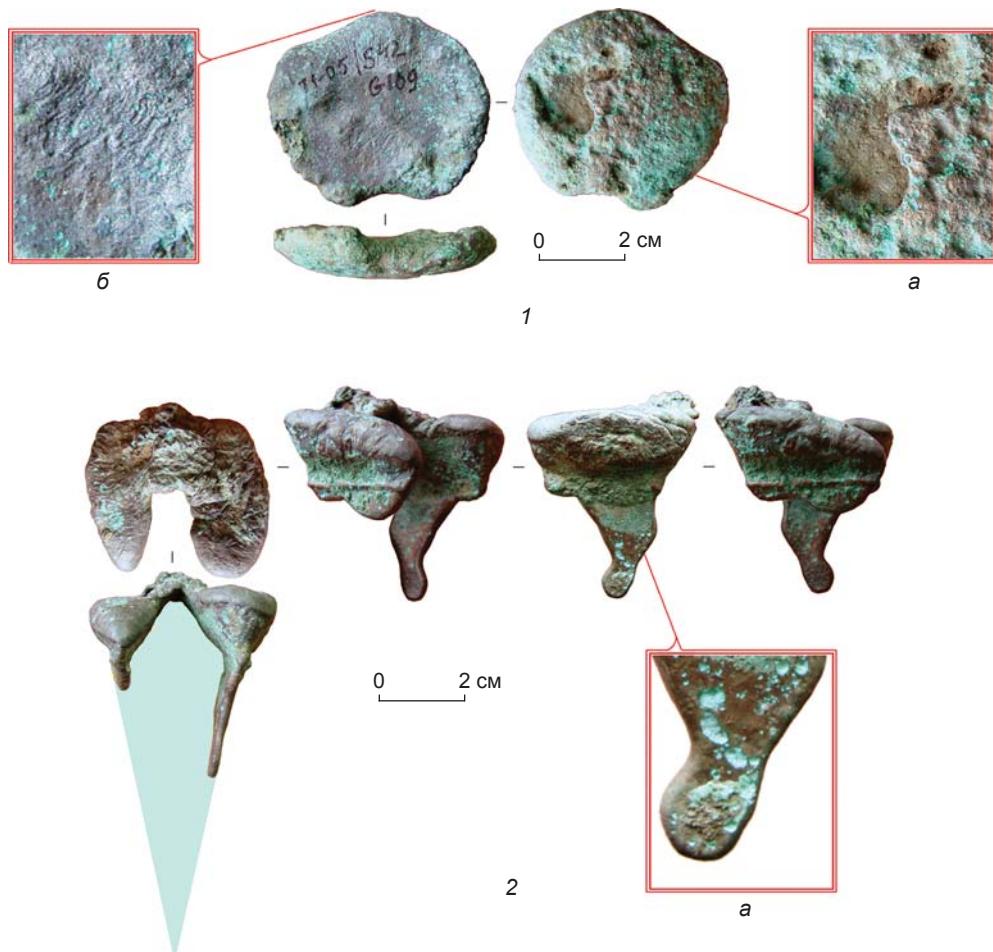

Рис. 3. Медные слитки из «клада».

1 – плосковыпуклый медный слиток № 1: а – газовая раковина и застывший концевой поток металла, б – дендритная структура поверхности слитка; 2 – слиток № 2 (литник): а – следы кристаллизации на конце потока металла.

они встречаются в Словакии, Венгрии и Центральной Франции [Mozsolics, 1985, Taf. 1, 1–3; 4, 2; 17, 1a, b; Cordier, 2009, р. 331, fig. 250].

Часто слитки этого типа рассматриваются как продукты первичной выплавки, произведенной на месте добычи металла. Например, на Южном Урале они найдены в районе Каргалинского горно-металлургического центра [Черных, 2007, с. 108, рис. 7, 8]. С этим же центром связывают семь крупных плосковыпуклых слитков, обнаруженных в Оренбургской обл., два из них относят предположительно к андроновской (алакульской) культуре [Пазухин, 1969, с. 239, 244, рис. 1–7].

Плосковыпуклые слитки с территории Сибири представлены в основном случайными находками, которые входят в состав слабо документированных музейных коллекций, сформированных еще в конце XIX – начале XX в. Например, несколько таких изделий хранится в Минусинском музее [Сунчугашев, 1975, с. 123–124, рис. 49]. Все они относятся к материалам, собранным в районах древних горных выработок, и не датированы.

Найдение плосковыпуклого слитка в закрытом, хорошо датированном комплексе позволяет предположить, что стандартные слитки этого типа в Центральной Барабе получили распространение достаточно рано: не позднее первой половины – середины II тыс. до н.э. Причем наличие форм для отливки мелких слитков этого же типа на целом ряде поселений предшествующей кротовской культуры не позволяет считать таргасскую находку однозначно импортной [Молодин и др., 2012, с. 116–118, рис. 13, 14]. Видимо, включение населения Барабы в дальние товарообменные операции, связанные с доставкой цветного металла, который составлял основу экономики бронзового века, способствовало распространению стандартных слитков наиболее популярной формы.

Следует отметить, что в кротовской культуре был известен и другой тип распространенных на востоке слитков – в виде круглого или полукруглого в сечении стержня (см.: [Авилова, 2008]). Формы для изготовления таких изделий обнаружены на поселениях кротовской культуры [Молодин, 1977, табл. LXI, 1, 2], а также в погребальном комплексе позднекротовской (черноозерской) культуры могильника Сопка-2/5 [Молодин, 1985, рис. 28, 5].

Слиток № 2 представляет собой литник, состоящий из двух заполненных металлом литейных чащ с рассекателем и двумя стояками (рис. 3, 2). Вес слитка 56 г. Литейные чаши имеют вид овальных воронок. На их поверхности хорошо заметны следы кристаллизации пленки натяжения жидкого металла.

Первая литейная чаша размерами (по верхнему краю) $3,0 \times 1,2$ см, высотой 1 см переходит в щелевидный стояк шириной 1,5 и толщиной 0,15 см; на внешней поверхности канала прослеживается рельефный

валик стенки рабочей камеры. Вторая чаша размерами $3,1 \times 1,4$ см, высотой 1 см переходит в щелевидный канал стояка шириной 2,1 и толщиной 0,15 см.

В процессе заливки металл застыл в движении, на что указывают следы кристаллизации на концах остановившихся потоков в обоих каналах стояков (рис. 3, 2, a). Брак, видимо, вызван недостаточным нагревом заливающегося металла. С учетом схождения стенок отливки можно предположить, что мастер пытался изготовить клиновидное орудие высотой 9,2 см с втулкой шириной 3,2 и длиной не менее 4 см (рис. 3, 2). Судя по параметрам, предполагалось создать кельт. По верхнему краю втулки орудие должен был украшать рельефный валик, остатки которого можно проследить на бракованной отливке.

«Гофрированные» бусины в комплексе представлены 6 экз. (рис. 4, 6). Находки такого типа встречаются на всей территории распространения андроновской культуры и датируются чаще всего временем ее существования [Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 42, 54, рис. 11, 6, 11, 15, 19; 16, 14, 15].

Игла круглая в сечении, с ушком на конце, слегка уплощенном ковкой (рис. 4, 5). Имеет следы длитель-

Рис. 4. Бронзовые изделия из «клада литецщика». 1–3 – ножевидные подвески; 4 – обломок браслета с конусовидным окончанием; 5 – игла; 6 – бусины.

ного использования; поверхность залощена, острие и верхняя часть ушка обломаны. Диаметр иглы 1, длина сохранившейся части 3,3 см. Подобные изделия бытовали на очень широкой территории продолжительное время. В Центральной Барабе они найдены как в кротовских погребениях могильника Сопка-2/4Б, В, так и на андроновских (федоровских) памятниках Абрамово-4 и Погорелка-1 [Молодин, 1985, с. 64, 104; Наглер и др., 2012, с. 51, рис. 1, 6].

Обломок браслета представляет собой намеренно отломленное от основной части коническое спиралевидное окончание (рис. 4, 4). Подобные браслеты обнаружены в позднекротовских (черноозерских) погребениях могильника Сопка-2/5 [Молодин, 2014] и памятника Тартас-1 [Молодин и др., 2006, с. 423–424, рис. 1]. Следует иметь в виду, что нахождение подобных украшений в позднекротовских комплексах обусловлено влиянием со стороны андроновских популяций: украшения этого типа характерны для их этнографического костюма [Молодин, 2014]. По мнению некоторых исследователей, такие браслеты относятся к андроновской (федоровской) культуре, хотя их находили на алакульских и петровских памятниках [Аванесова, 1991, с. 69; Виноградов, 2011, рис. 52, 17–19; Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 55]. Известны они и на позднекротовских (черноозерских) памятниках Прииртышья [Генинг, Стефанова, 1994, рис. 8, 5].

Украшения этого типа наибольшее распространение получили на территориях, находящихся к западу и юго-западу от месторасположения изучаемого нами объекта. Они найдены на ряде андроновских памятников Северного Казахстана [Сорокин, 1960, табл. XL, 1–4; XLII, 14, Ермолова, 2001, с. 105, рис. 3], Алтая [Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 44–45, 55–56, рис. 7, 1–3; Зимина, Адаменко, 1963, с. 58, рис. 3, 3], Среднего Прииртышья и Южного Зауралья [Кривцова-Гракова, 1948, с. 109, 111, рис. 37, 1, 2, 4].

Браслеты с коническим спиралевидным концом чаще всего датируют первой половиной – серединой II тыс. до н.э. [Ковтун, 2014, с. 30]. Радиоуглеродные даты для андроновских памятников юга Западной Сибири, содержащих подобные украшения, также укладываются в интервал XVIII–XIV вв. до н.э. [Кирюшин и др., 2007, с. 256–258].

Ножевидные подвески представлены 3 экз. Они различаются по размерам, форме и орнаментации. Первая (самая крупная) подвеска лавролистной формы (рис. 4, 1). Ее длина 7,1, максимальная ширина 1,6 см. В верхней части имеются два сквозных отверстия: круглое диаметром 0,2 и овальное размерами 0,3 × 0,1 см. Отверстия пробиты с оборотной стороны тонким и круглым в сечении инструментом. Образовавшийся вокруг отверстия ободок зачищен абразивом. На лицевой поверхности прослеживаются следы грубой шлифовки в виде длинных и глубоких продольных царапин.

Вторая подвеска ромбовидной формы (рис. 4, 2). Ее длина 4,6, наибольшая ширина 1,5 см. У верхнего края имеются два отверстия: круглое диаметром 0,1 и овальное размерами 0,3 × 0,1 см. Отверстия пробиты с лицевой стороны, образовавшийся вследствие этого ободок прокован. Лицевая поверхность отшлифована.

Третья подвеска лавролистной формы орнаментирована рядами паусонных вдавлений (рис. 4, 3). Ее длина 4, ширина 1,2 см. У верхнего края имеется овальное отверстие размерами 0,25 × 0,15 см. Отверстие, как и орнамент, сделано с помощью тонкого квадратного в сечении инструмента. Украшение с лицевой и обратной стороны было отшлифовано после нанесения орнамента, поэтому все углубления и вмятины остались необработанными.

Таким образом, все подвески различаются по форме, отделке и манере исполнения. Они изготовлены с использованием разных инструментов при выполнении одних и тех же производственных операций. В состав «клада» подвески попали, вероятно, из различных комплектов, созданных разными мастерами.

Подвески описанного типа довольно часто встречаются на позднекротовских (черноозерских) памятниках Барабы [Молодин, 2014], однако они более характерны для андроновской (фёдоровской) культуры, в материалах которой представлены очень широко [Молодин, 1985, рис. 54, 22, 25; Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 38–39, рис. 16, 3–7; 20, 3; Кривцова-Гракова, 1948, рис. 39; Сорокин, 1960, табл. X, 1–4]. Подобные подвески находят, как правило, на памятниках, расположенных к западу от Барабы; на территории к востоку они обнаружены на могильнике Еловка-2 [Матющенко, 2004, с. 42, рис. 43, 2, 12]. Уже приходилось отмечать, что украшения этого вида, как и характерные браслеты, попали к носителям позднекротовской культуры еще на ее раннем этапе, благодаря торговым контактам с соседними андроновскими (фёдоровскими) племенами [Молодин, 2014].

Костяной наконечник стрелы имеет квадратное в сечении ланцетовидное перо, плавно переходящее в черешок (рис. 5, 1). Кончик острия обломан. Длина сохранившейся части 10,2, ширина черешка 1 см. Перо в сечении размерами 0,9 × 1,2 см своеобразной формы. Аналогичные изделия имеются в захоронениях одиновской культуры с сейминско-турбинскими металлическими изделиями [Молодин, 2013, рис. 2, 1–3], а также в погребальных комплексах классической кротовской культуры памятника Сопка-2/4Б, В [Молодин, 1985, рис. 21, 1–9].

Точило представляет собой обломок слоистого мелковернистого аркозового песчаника (рис. 5, 2). Имеет форму вытянутого сужающегося бруска со скругленными верхними боковыми гранями, уплощение которого параллельно слоистости слагающей

Рис. 5. Костяной наконечник стрелы (1) и точило (2).

его породы. Длина орудия 10, максимальная ширина 4 см. Оба его конца были отбиты еще в древности, видимо, первоначально изделие являлось частью более крупного предмета и только после повреждения стало использоваться в качестве абразива.

Заключение

«Клад» содержал комплекс изделий, характерных для вещевого материала позднекротовской (черноозерской) культуры. Его дата не вызывает сомнений: все датирующие вещи относятся к периоду от первой половины до середины II тыс. до н.э. Предварительные радиоуглеродные даты, полученные для могильника Тартас-1, также укладываются в интервал XVIII–XIV вв. до н.э. [Молодин и др., 2008; Молодин, Марченко, Гришин, 2011].

Бронзовые изделия комплекса предназначались для переплавки. Их общий вес составлял 162 г. Местное металлообрабатывающее производство от сырьевой базы отделяло значительное расстояние, что обусловливало необходимость организации доставки сырья. Система и характер снабжения отчасти реконструируются при анализе состава «клада» из ямы № 109. Он включает стандартный слиток, литник и лом изделий андроновского культурного круга. Состав «клада» указывает на связь литейного производства позднекротовского населения и обитателей территории, расположенных к западу и юго-западу от Тартаса-1.

Металл доставлялся, вероятно, в стандартных слитках и в изделиях, что способствовало распространению вещей андроновских типов в кротовской среде, прежде всего среди самих литейщиков. Подтверждением этого предположения можно считать находке-

ние в погребении литейщиков могильника Тартас-1 сразу трех браслетов с конусовидным окончанием.

Непросто определить назначение «клада». По условиям и месту залегания предметов «клад» может рассматриваться как ритуальный, однако по составу (слитки и металлический лом) он ассоциируется с «ремесленным» или «комерческим» запасом, предназначенным для дальнейшей переработки. Видимо, предполагалось, что именно таким образом владелец «клада» будет использовать его в потустороннем мире.

Список литературы

- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 202 с.
- Авилова Л.И.** Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. – М.: Памятники ист. мысли, 2008. – 226 с.
- Авилова Л.И., Терехова Н.Н.** Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века // Археология и естественнонаучные методы. – М.: Наука, 2006. – С. 14–33. – (КСИА; № 220).
- Бочкарев В.С.** Проблемы интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2002. – С. 46–54.
- Виноградов Н.Б.** Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). – Челябинск: Абрис, 2011. – 175 с.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К.** Черноозерье I – могильники эпохи бронзы Среднего Прииртышья. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1994. – 66 с.
- Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М.** Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. – Барнаул: Алт. гос. пед. академия, 2011. – 128 с.

Ермолаева А.С. Погребения эпохи бронзы могильников Малое Карасы и Ковалевка левобережного Иртыша // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок», 2001. – Вып. 2. – С. 102–111.

Зимина В.М., Адаменко О.М. Новый памятник культуры эпохи бронзы у села Ново-Александровка // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1963. – № 9: Сер. обществ. наук, вып. 3. – С. 53–59.

Кириюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Орлова Л.А., Папин Д.В. Хронология бронзового века на Алтае (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 255–259.

Ковтун И.В. Типология и хронология андроновских браслетов с конусовидными спиральами на окончаниях // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2014. – Вып. 2. – С. 25–30.

Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. – 1980. – № 4. – С. 140–153.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. – М.: Гос. Ист. музей, 1948. – Вып. XVII. – С. 59–172.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. – М.: АН СССР, 1955. – 164 с. – (МИА; № 46).

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. – Ч. II. – 468 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 199 с.

Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях в Венгеровском и Чановском районах Новосибирской области в 2006 г. // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 281.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиночной культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 309–324.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2014. – № 1. – С. 49–54.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5. – С. 104–119.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (федоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.: Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 251–252.

Молодин В.И., Новикова О.И., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В., Пилипенко А.С., Лабецкий В.П. Изучение памятника эпохи бронзы Тар-

тас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 422–427.

Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиенчикова Х., Орлова Л.А., Кузьмин В.Я., Гришин А.Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмыслиения) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 325–328.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновские (федоровские) курганы могильника Погорелка-2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 249–253.

Пазухин В.А. Медные слитки из Оренбургского музея // СА. – 1969. – № 4. – С. 239–245.

Семенов Ю.И. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений // СЭ. – 1977. – № 2. – С. 15–28.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак-1 в Западном Казахстане. – М.; Л.: АН СССР, 1960. – 208 с. – (МИА; № 120).

Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. – М.: Наука, 1975. – 172 с.

Черных Е.Н. Каргалы. – М.: Языки славян. культуры, 2007. – Т. V. – 200 с.

Chantre E. Etudes paléoethnologiques dans le bassin du Rhône, Âge du Bronze. – P.: Librairie polytechnique J. Baudry, 1875–1876. – Vol. 1: Industrie de l'Âge du Bronze. – 258 p.

Childe V.G. The Bronze Age. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1930. – 452 p.

Cordier G. L'Age du Bronze dans les pays de la Loire moyenne. – Joué-lès-Tours: La Simarre, 2009. – 702 p.

Hansen S. Studien zu den Metaldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit im Rhein-Main-Gebiet. – Bonn: In Kommission bei Habelt, 1994. – 406 S.

Mozsolics A. Ein Beitrag zum Metallhandwerk der ungarischen Bronzezeit // Bericht der Römisch-Germanischen Komission. – Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1985. – Bd. 65. – S. 20–96.

Pigott V.C. The Development of Metal Production on the Iranian Plateau: An Archaeometallurgical Perspective // The Archaeometallurgy of the Asian Old World / ed. V.C. Pigott. – Philadelphia (PA): Univ. of Pennsylvania, Univ. Museum, 1999. – P. 73–106. – (MASCA Res. Pap. in Sci. and Archaeol.; vol. 16).

Tallon F. Métallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIII-e siècle avant J.-C. – P.: Ministère de la culture et de la communication, 1987. – Vol. 1. – 418 p.

Tylecote R.F. The Early History of Metallurgy in Europe. – L.: Longman Group United Kingdom, 1987. – 424 p.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.087-092
УДК 903.222

А.П. Бородовский, А.В. Табарев

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: altaicenter2011@gmail.com; olmec@yandex.ru

Моделирование процессов деформации костяных наконечников по данным археологии и эксперимента*

Орудия из кости и рога – одна из интереснейших и высокоинформационных категорий инструментов в мировой археологической науке. Особое место среди них занимают разнообразные по форме и размерам наконечники копий, стрел и дротиков, которые датируются в самом широком хронологическом диапазоне (палеолит, неолит, эпоха бронзы, железный век, этнографическое время). В настоящей статье авторы приводят обзор наиболее интересных направлений исследований зарубежных (европейских, американских) специалистов XX – начала XXI в., результаты собственных экспериментов по использованию костяных наконечников, а также обращаются к кругу аналогий в археологических материалах древних культур Сибири и европейской части России. В своих экспериментальных исследованиях (с применением спортивного лука) специальное внимание они уделили способам крепления наконечника к древку и особенностям структуры исходного материала (кость, рог). Деформация костяного наконечника, по мнению большинства специалистов-экспериментаторов, является одним из надежных признаков искусственного происхождения этого предмета, а ее характер – основанием для предположений об использовании наконечников в охотничьей (поражение дичи, обработка шкур), военной (межплеменные столкновения и конфликты) или ритуальной практике. К ритуалам, в частности, относятся символическое поражение наскальных изображений перед предстоящей охотой, стрельба по специфическим целям или элементам ландшафта (расщелинам скал, деревьям). В качестве примера такого применения приведен культовый объект индейцев в Калифорнии (Северная Америка).

Ключевые слова: археология, эксперимент, костяные наконечники, деформация, охота, ритуал.

A.P. Borodovsky and A.V. Tabarev

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: altaicenter2011@gmail.com; olmec@yandex.ru

Modeling the Deformation of Bone Points: Archaeological and Experimental Data

Bone and horn tools are a highly informative category of artifacts. Variously sized and shaped projectile (spear, harpoon, arrow, and dart) points spanning the periods from the Paleolithic to the recent centuries are of special importance. In this article, we review the most noteworthy directions in Western (European and North American) experimental research done in the 20th and early 21st century, outline the results of our own experiments in using bone points, and discuss parallels among Siberian and Eastern European prehistoric cultures. In our experiments with an archery bow, special attention was paid to fastening the arrowhead to the shaft and to properties of the material (bone and horn). Most experimenters believe that deformation of bone points is a reliable indicator of their artificial nature and of the ways they were used in hunting (projectile versus skin dressing), warfare, or ritual activities. The latter include symbolic shooting at rock drawings before hunting and at landscape features such as crevices and trees, as exemplified by a ritual practiced by Californian Native Americans.

Keywords: Archaeology, experiment, projectiles, bone points, deformation, hunting, ritual.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Введение

Костяные орудия – уникальная категория инструментов, получивших распространение практически во всех регионах мира и сохранявших свою значимость и эффективность на протяжении всех археологических эпох (палеолит, неолит, эпоха бронзы, железный век). Следует также отметить высокую информативность костяного (рогового) материала, возможность детально реконструировать технологии обработки, определить функциональное назначение, а также причины повреждения и износа. Ведущую роль в данных исследованиях играет экспериментальный метод. Разнообразный опыт по моделированию процесса разрушения каменных и костяных наконечников метательных орудий (стрел и дротиков) от палеолита до эпохи палеометалла накоплен в рамках этого метода с XX по начало XXI в. в зарубежной археологии.

В настоящей статье представлены обзор наиболее интересных направлений исследований зарубежных (европейских, американских) специалистов и результаты собственных экспериментов, позволивших уточнить особенности процесса деформации костяных черешковых наконечников стрел после стрельбы в камень и кость, а также достоверность интерпретаций их применения в охотничьей практике, в качестве оружия и в ритуалах.

Диапазон и особенности зарубежных разработок

Экспериментальное изучение свойств наконечников из камня, вулканического стекла (обсидиана) и органических материалов (кость, рог, дерево, раковины) имеет давнюю традицию. Так, в одном из ведущих американских археологических журналов «American Antiquity» с 1935 по 2009 г. опубликована серия статей, так или иначе касавшихся процесса деформации каменных и костяных наконечников метательных орудий (стрел и дротиков).

Одно из первых экспериментальных исследований процесса деформации костяного наконечника стрелы было проведено еще в 30-х гг. XX в. Е.Е. Тайзером [Tuzzer, 1935–1936]. Оно подтвердило гипотезу о том, что т.н. простой костяной наконечник – одна из самых распространенных находок на восточном побережье США – является наконечником стрелы, а не фрагментом кости, появившимся в результате ее пищевой утилизации. При проверке своей гипотезы Е.Е. Тайзер опирался на сопоставление повреждений, известных по этим находкам, и экспериментальных образцов. Большое внимание им было уделено характеру повреждений и их возможным причинам. В ходе экспе-

римента стрелы, оснащенные простыми костяными наконечниками, выстреливались в каменистый суглинок и гравий. Общим повреждением оказались продольные сколы на «тяжелых» краях (центр тяжести каждого наконечника был смещен к одному из краев) и острие наконечника.

С. Арндт и М. Ньюкамер, а вслед за ними С. Бергман [Arndt, Newcomer, 1986; Bergman, 1987] провели скрупулезные исследования признаков деформации костяных наконечников и острий по археологическим коллекциям каменного века Британских островов, Северной Европы и Леванта. В частности, С. Бергман по материалам памятника Ксар-Акил (Ливан) отмечал, что наконечники из кости и рога представляются более практическими, быстрее изготавливаются, легче ремонтируются. При этом рог для древних обитателей поселения был более предпочтителен, чем кость (73 и 27 % соответственно) [Bergman, 1987, р. 125].

Разрушение каменного наконечника дротика описано в работе Дж. Фризона [Frison, 1989], посвященной экспериментальному применению орудий культуры кловис (ранняя палеоиндейская культура на территории Северной Америки, 11,5–10,8 тыс. л.н.): на африканских слонах проверялась возможность использования этих орудий в охоте на мамонтов. Еще одно интересное исследование было проведено Дж. Чеширом и Р. Килли, которые изучали влияние формы и веса каменного наконечника дротика на его проникающую способность [Cheshier, Kelly, 2006].

В 2009 г. появилась коллективная работа [Waguespack et al., 2009], посвященная изучению преимуществ каменных наконечников над остро заточенным древком стрелы. В ходе стрельбы из лука по пластиковой модели были получены следующие результаты: каменный наконечник проникает лишь на 10 % глубже остро отточенного древка, в то время как затраты на его производство и эксплуатацию значительно выше. Эти данные позволяют предположить, что каменные наконечники (в особенности из декоративных сортов сырья и гипертрофированных размеров) являлись иллюстрацией престижных технологий и выполняли ритуальную функцию [Табарев, 2005–2009].

Из числа недавно вышедших работ можно отметить, несомненно, сборник статей в серии BAR [Ancient..., 2010], в котором приведены разнообразные разработки по технологии, функциональному назначению (трасология) и культурной интерпретации костяных орудий; публикации аргентинской исследовательницы Н. Бук о вариантах макро- и микродеформации (например: [Buc, 2011]); а также работы Дж. Брэдфилда и его коллег, посвященные костяным наконечникам и остриям в археологических и этнографических коллекциях Южной Африки (например: [Bradfield, 2012]). В одной из последних, в частности, приводится подробная классификация вариантов де-

формации костяных наконечников, включая спиральную (spiral fracture), волнистую (hairline fracture), склонную (oblique fracture), наклонную (beveled fracture), трансверсальную (transversal fracture) и их многочисленные разновидности [Bradfield, Brand, 2015].

Деформация наконечника, по мнению большинства зарубежных специалистов-экспериментаторов, является одним из надежных признаков искусственного происхождения этого предмета, а также основанием для гипотез об особенностях функционального использования наконечников.

Экспериментальное моделирование процессов деформации костяных наконечников

Экспериментальное исследование проводилось А.П. Бородовским на основе анализа серии разрушенных костяных наконечников из отложений эпохи раннего железа в Денисовой пещере [Деревянко, Молодин, 1994, с. 46, рис. 39, с. 103]. У большинства этих изделий был поврежден кончик бойка, что интерпретировалось как последствия ритуальной стрельбы в стены пещеры [Там же, с. 44, рис. 37, 10; с. 46, рис. 39, 6; с. 103, 132]. В ходе экспериментов (стрельба велась по скальной поверхности из классического спортивного лука с силой натяжения, не превышавшей 15 кгс) такой характер разрушения бойков костяных наконечников действительно подтвердился (рис. 1–3). Другая особенность повреждений костяных наконечников при стрельбе в скальную поверхность, установленная экспериментально, – скальвание краев их пера (см. рис. 2). Такой характер разрушений также зафиксирован в рассматриваемой серии [Там же, с. 44, рис. 37, 11]. Тем не менее далеко не все обломки костяных наконечников стрел эпохи раннего железа из Денисовой пещеры можно соотнести с последствиями стрельбы в скальную поверхность [Там же, с. 46, рис. 39]. Прежде всего это касается наконечников с обломанными черешками [Там же, рис. 39, 11–14]. Эксперименты достаточно наглядно показали, что при стрельбе стрелой с костяным наконечником в скалу он при столкновении с ней разворачивается черешком в сторону удара о камень (рис. 4). Но это не приводит к разрушению

черешка, характерному для обломков наконечников из Денисовой пещеры. В ходе эксперимента воспроизводились два варианта крепления наконечников: жесткое с обмоткой (см. рис. 2, 3) и простое вкладывание в расщепленный насад (см. рис. 1, 1, 2). В первом случае после столкновения с каменной поверхностью наконечник несколько выворачивало на участке креп-

Рис. 1. Экспериментальные костяные наконечники стрел.

Рис. 2. Экспериментальный костяной наконечник (см. рис. 1, 6) после стрельбы в каменную поверхность.

Рис. 3. Экспериментальный костяной наконечник (см. рис. 1, 6) после стрельбы в каменную поверхность.

Рис. 4. Экспериментальный костяной наконечник (см. рис. 1, 1) без закрепления в древке стрелы после стрельбы в каменную поверхность.

1 – фиксация столкновения наконечника со скальной поверхностью; 2 – расположение наконечника после удаления с скальной поверхности.

ления к древку (см. рис. 3), а во втором – он почти полностью выскользывал из расщепленного насада (см. рис. 4, 2). Поэтому разрушения черешков наконечников из Денисовой пещеры вряд ли следует связывать с последствиями стрельбы в скалу. Тем более что среди таких находок есть образцы с явными следами подрезания металлическим лезвием [Там же, рис. 39, 13].

Характер повреждений костяных наконечников при столкновении со скальной поверхностью явно продиктован самой структурой костного вещества [Бородовский, 1997, с. 162, табл. 1]. При этом особое значение имеет плотность среды, с которой сталкивается костяной наконечник. В частности, эксперименты продемонстрировали, что при столкновении с близким по плотности материалом, например, с трубчатой костью в теле жертвы, костяной наконечник не разрушается, а древко стрелы ломается внутри мягких тканей. Поэтому стрела не может быть извлечена без хирургического вмешательства. При столкновении с менее прочной плоской костью (например, позвонком, лопаткой или костями черепа) наконеч-

ник глубоко входит в нее и, как показали эксперименты, может обламываться в верхней части (рис. 5, 6). По археологическим данным пример такого проникновения известен в погр. 15 объекта 4, расположенного у г. Суханиха в Минусинской котловине: в поясничном позвонке погребенного был обнаружен вонзив-

Рис. 5. Плоская кость черепа коровы с застрявшим в ней осколком острия экспериментального костяного наконечника.

Рис. 6. Экспериментальный костяной наконечник с разрушенным острием после стрельбы в череп коровы.

шийся костяной наконечник стрелы [Кони..., 2010, с. 109]. Такое расположение соответствует одной из типичных зон поражения металлическими наконечниками стрел, известных по изобразительным материалам Древнего мира и археологическим данным эпохи палеометалла на территории Юго-Западной Сибири [Бородовский и др., 2010, с. 44, рис. 11, 3, 16].

Образцы разрушенных острий костяных наконечников после стрельбы по менее прочной плоской кости демонстрируют совершенно иные особенности в сравнении с последствиями столкновения со скальной поверхностью. Главное отличие заключается в том, что в первом случае (удар о кость) на острие образуется длинный скол, захватывающий значительную часть широкой плоскости пера (рис. 6), а во втором (при столкновении с каменной поверхностью) разрушение острия бойка не всегда затрагивает перо (см. рис. 3). Другой особенностью повреждения костяных наконечников при стрельбе в достаточно плотную поверхность являются продольные сколы пера, прослеженные в свое время еще Е.Е. Тайзером [Tyzzer, 1935–1936] (см. рис. 2). Таким образом, можно констатировать, что при стрельбе в скальную поверхность стрелами с костяными наконечниками разрушения последних имеют достаточно определенные признаки. Кроме того, при интерпретации повреждений костяных наконечников следует учесть, что эти изделия относятся к универсальной категории орудий [Бородовский, 1997, с. 193, табл. 32]. Поэтому различные их деформации могли быть связаны еще с целым рядом вариантов использования.

Заключение

В целом экспериментальные разработки зарубежных специалистов и авторов статьи по изучению характера деформации костяных наконечников стрел, наряду с археологическими и этнографическими данными, позволяют оценить их реальные поражающие возможности при использовании в охотничьих, военных и ритуальных целях. Каждая из этих сфер представляет исключительно интересное поле для исследований и дискуссий.

Спектр применения костяных наконечников в промыслах очень широк. Это не только непосредственное поражение добычи, но и обработка продуктов охоты (кожи, шкур) и рыболовства [Бородовский, 1997, с. 193, табл. 32]. Полифункциональность части костяных наконечников сочетается с достаточно ранним выделением специализированных орудий. Так, среди упоминавшихся выше наконечников из Южной Африки (Намибия) вполне четко выделяются более тонкие и изящные, острия которых перед охотой смазывались ядом; а также более массивные, предназначенные

Рис. 7. Культовый объект в каньоне недалеко от г. Риверсаид (штат Калифорния, США). Фото из архива А.В. Табарева.

ные, по всей вероятности, для поражения другой добычи. Разница в морфологии изделий подтверждается и различным характером следов износа и деформации [Bradfield, Brand, 2015].

Продолжается дискуссия о времени появления и особенностях наконечников, применявшимся в ходе межгрупповых конфликтов, иными словами, предметов вооружения. Ряд европейских специалистов считают, что наконечники долго сохраняли полифункциональность, специализированные для ведения войны появились достаточно поздно. Так, Дж. Чапмен по материалам неолита и бронзового века Европы предлагал следующую последовательность: орудия для охоты с возможным использованием в военной сфере; орудия для ведения войны, сохраняющие и утилитарную функцию; и наконец, специализированные орудия для войны [Chapman, 1999]. Иную точку зрения высказывает Х. Луик: анализ наконечников, обнаруженных на стоянках и укрепленных поселениях бронзового века Прибалтики (I тыс. до н.э.), четко показывает, что притупленные наконечники из рога лося и мелкие костяные использовались для охоты, тогда как более крупные и тщательно оформленные

наконечники, с дополнительным шипом или без него, явно предназначались для военных целей [Luik, 2006].

Наконец, ритуальная сфера применения костяных наконечников и, соответственно, специфический характер деформации связаны с самыми разнообразными обрядами и церемониями в обществах охотников-собирателей, скотоводов и земледельцев. К таковым можно отнести, например, ритуальное поражение наскальных изображений перед охотой, стрельбу по специфическим целям или элементам ландшафта. В качестве примера приведем культовый объект в Калифорнии (США). А.В. Табарев, будучи в научной поездке, осматривал недалеко от г. Риверсайда каньоны, где сохранились культовые места индейцев. Одно из них – узкая горизонтальная расщелина на высоте ок. 10 м, в которую, по разъяснению американских коллег, нужно было выстрелить из лука так, чтобы стрела застряла в скале. До настоящего времени в расщелине сохранилось несколько десятков каменных, металлических и костяных наконечников самого разного возраста (рис. 7). Судя по многочисленным обломкам стрел у основания скалы, поразить цель было делом непростым. Скорее всего, изначально эта процедура имела именно ритуальный смысл, служила подтверждением мастерства исполнителя и его охотничьих навыков, а со временем приобрела чисто соревновательный характер.

Дальнейшая разработка данных сюжетов и аккумуляция опыта российских и зарубежных специалистов представляются весьма перспективными, предполагают широкое поле для экспериментов и археологических интерпретаций.

Список литературы

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Табарев А.В., Черемисин Д.В. Археология насилия (интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразительных комплексов): учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск: [б. и.], 2010. – 110 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. I. – 262 с.

Коны, колесницы и колесничие степей Евразии / В.С. Бочкарев, А.П. Бужилова, А.В. Епимахов, Л.С. Клейн, П.А. Косинцев, С.В. Кулланда, П.Ф. Кузнецов, Е.Е. Кузьми-

на, М.Б. Медникова, А.Н. Усачук, А.А. Хохлов, Е.А. Черленок, И.В. Чечушков. – Екатеринбург; Самара; Донецк; Челябинск: Рифей, 2010. – 370 с.

Табарев А.В. Дело о спрятанных наконечниках (клады-тайники каменных изделий на территории Северной Америки) // Stratum plus. – 2005–2009. – N 1: Middle Paleolithic: In Search for Dynamics. – C. 300–333.

Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: Cultural, Technological and Functional Signature. – Oxford: BAR, 2010. – 324 p. – (BAR Intern. Ser.; N 2136).

Arndt S., Newcomer M. Breakage Patterns on Prehistoric Bone Points: An Experimental Study // Studies in the Upper Paleolithic of Britain and Northwest Europe / ed. D.A. Roe. – Oxford: Oxbow, 1986. – P. 165–173. – (BAR; vol. 296).

Bergman C. Hafting and Use of Bone and Antler Points from Ksar Akil, Lebanon // La Main et l’Outil. Manches et emmanchements préhistoriques: Table Ronde C.N.R.S. tenue à Lyon du 26 au 29 novembre 1984, sous la direction de D. Stordeur. – Lyon: Maison de l’Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1987. – P. 117–126.

Bradfield J. Macrofractures on Bone-Tipped Arrows: Analysis of Hunter-Gatherer Arrows in the Fourie Collection from Namibia // Antiquity. – 2012. – Vol. 86. – P. 1179–1191.

Bradfield J., Brand T. Results of Utilitarian and Accidental Breakage Experiments on Bone Points // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2015. – Vol. 7, iss. 1. – P. 27–38.

Buc N. Experimental Series and Use-Wear in Bone Tools // J. Archaeol. Sci. – 2011. – Vol. 38. – P. 546–557.

Chapman J. The Origins of Warfare in the Prehistory of Central and Eastern Europe // Ancient Warfare: Archaeological Perspectives / eds. J. Carman, A. Harding. – Gloucestershire: Sutton Publ., 1999. – P. 101–142.

Chesher J., Kelly R.L. Projectile Point Shape and Durability: The Effect of Thickness: Length // Am. Antiquity. – 2006. – Vol. 71. – P. 353–363.

Frison G.C. Experimental Use of Clovis Weaponry and Tools on African Elephants // Antiquity. – 1989. – Vol. 54. – P. 766–783.

Luik H. For Hunting or For Warfare? Bone Arrowheads from the Late Bronze Age Fortified Settlements in Eastern Baltic // Estonian J. of Archaeol. – 2006. – Vol. 10, N 2. – P. 132–149.

Tyzzer E.E. The “Simple Bone Point” of the Shell-Heaps of the Northeastern Algonkian Area and Its Probable Significance // Am. Antiquity. – 1935–1936. – Vol. 1. – P. 261–279.

Waguespack N.M., Surovell T.A., Denoyer A., Dallow A., Savage A., Hyneman J., Tapster D. Making a Point: Wood-versus Stone-Tipped Projectiles // Antiquity. – 2009. – Vol. 83. – P. 786–800.

Материал поступил в редакцию 02.02.15 г.,
в окончательном варианте – 02.03.15 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.093-100
УДК 904

Т.Н. Глушкова¹, Ю.А. Сенюрина¹, С.Ф. Татауров², С.С. Тихонов²

¹Сургутский государственный педагогический университет

ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, 628417, Россия

E-mail: tam.g@mail.ru; senurina.july@yandex.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: TatSF2008@rambler.ru; st-57@mail.ru

Тканые, вязаные и плетеные изделия XVII–XVIII веков из Тарской крепости*

При раскопках Тарской крепости, ведущихся с 2009 г., в слоях XVII–XVIII вв. на глубине ок. 2,5–4,0 м были обнаружены остатки жилых и хозяйственных деревянных построек, множество предметов из органических материалов: кожаная обувь, деревянные шахматные фигуры, детские игрушки, остатки посуды из бересты и дерева, мутовки, поплавки из сосновой коры и бересты. Интересны тканые, вязаные и плетеные изделия из растительных волокон и конского волоса. Их можно разделить на несколько групп: ткани полотняного переплетения, саржевого плетения (в т.ч. с репсовым эффектом), веревки и шнуры, емкости для хранения сухих веществ. Изучение этих предметов позволило рассмотреть технологию их изготовления, соотнести их с подобными находками из других археологических памятников Западной Сибири, определить условия, в которых производили изделия, а также сделать выводы об уровне мастерства ткачих. Текстиль, найденный в раскопах, разнообразен и по характеристикам, и по происхождению. Это может говорить о разных центрах производства тканей. Поэтому логичен вывод, что часть текстиля, по всей видимости, высокого качества, была привозной. Производство грубых тканей было, вероятнее всего, местным. Интересно, что технология изготовления таких материалов хорошо известна в других районах Сибири. Ткани мануфактурного производства поступали сюда из европейской части России. Выращивание технических культур, прежде всего льна, способствовало развитию местного ткачества. Результаты исследований позволяют отчасти конкретизировать данные исторических источников о местном производстве текстиля и привозных тканях в Таре XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Тарская крепость, полотно, сукно, саржа, репс, веревки, жгуты, технологические характеристики текстиля.

T.N. Glushkova¹, Y.A. Senyurina¹, S.F. Tataurov², and S.S. Tikhonov²

¹Surgut State Pedagogical University,

50 let VLKSM 10/2, Surgut, 628417, Russia

E-mail: tam.g@mail.ru; senurina.july@yandex.ru

²Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: TatSF2008@rambler.ru; st-57@mail.ru

Woven, Knitted, and Wattled 17th–18th Century Textiles from Tara Fortress, Western Siberia

During the excavations of Tara Fortress, conducted since 2009, numerous structures and artifacts made of organic materials were revealed in 17th–18th century habitation levels at a depth of 2.5–4 m: remains of wooden dwellings and utility constructions, leather footwear; wooden chess figures, children's toys, wooden and birch-bark vessels, dashers, birch-bark and pine-bark floats. A number of artifacts woven, knitted, and wattled from vegetable fibers and horsehair were discovered. They fall into several categories: textiles

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

of linen, twill, and rep weave, ropes and cords, and vessels for storing solids. Their study allowed us to reconstruct the techniques of their manufacture, to compare these artifacts with similar finds from Western Siberia, to assess the conditions of manufacture, and to evaluate the weavers' skills.

Keywords: *Tara Fortress, linen, twill, rep, ropes, cords, textile, technologies.*

Введение

Одно из направлений исследований культуры человека по археологическим и этнографическим материалам – изучение одежды и тканей, из которых ее изготавливали. Об интересе исследователей к этой теме свидетельствуют материалы Североевропейского симпозиума по археологическим тканям (North European Symposium for Archaeological Textiles – NESAT). С 1981 по 2014 г. было проведено 12 научных форумов. Последний состоялся в Австрии в 2014 г. Ученые Университета Копенгагена издают «Обозрение археологического текстиля» («Archaeological Textiles Review»). К 2015 г. вышло 57 номеров. Отечественные исследователи не так интенсивно занимаются изучением тканей с археологических памятников. Как примеры приведем секцию «Проблемы изучения и реконструкции костюма традиционных культур» в рамках прошедшего в 2010 г. в Казани симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» [2010, с. 253–462], а также докторскую диссертацию Т.Н. Глушковой [2004]. Изучение данной темы способствует определению статуса человека, использовавшего те или иные виды тканей, технологии их изготовления, региональных особенностей, выявлению торговых связей и многих других аспектов.

К сожалению, ткани в археологических материалах встречаются не так часто. Однако в ходе раскопок Тарской крепости были найдены многочисленные ткани, вязаные или плетеные изделия из растительных волокон, шерсти домашних животных, конского волоса. Сохранность образцов довольно хорошая, что и позволило провести их анализ.

Тарская крепость как объект археологических исследований

С 2005 г. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН проводит раскопки Тарской крепости (основана в 1594 г.). Раскопана одна из крепостных башен – Княжья (XVII – начало XVIII в.), часть усадьбы в острожной части города (середина XVIII – начало XIX в.), придел Никольского собора (освящен в 1774 г.), завершены работы по исследованию усадьбы богатого горожанина (начало – середина XVII в.). В Таре сохранился культурный слой толщиной до 4 м. В связи с тем что во время многочисленных осад

крепости кочевниками ее жители вынуждены были держать внутри стен большое количество лошадей, сформировался слой навоза. Это способствовало сохранению изделий из органических материалов: оснований деревянных жилых и хозяйственных сооружений, настилов на улицах, фрагментов оград, а также предметов из дерева, коры, бересты, кожи, ткани, вязанных и плетеных изделий. Результаты исследований Тарской крепости отражены в трех монографиях [Адаптация..., 2014; Тара..., 2014; Храмы..., 2014].

Сведения письменных источников

Помимо археологических материалов, были изучены исторические сведения по ткачеству и торговле тканями в Таре. С момента основания до конца XIX в. здесь не было предприятий, которые бы занимались производством тканей, поскольку город долгое время являлся военно-административным центром, а ремесленное производство в нем было развито слабо. Так, в 1625 г. в Таре насчитывалось всего 10 ремесленников. Их малое число обусловлено тем, что практически все мужчины города относились к служебному сословию. Кроме того, полувоенное положение Тарской крепости на протяжении XVII в. диктовало развитие ремесел, связанных с военным делом (ремонт оружия, изготовление сбруи для лошадей, строительство и починка оборонительных сооружений и т.д.) [Татауров, 2014].

В начале XVIII в. в Таре появились портные. Так, в 1720 г. здесь было 113 ремесленников, в т.ч. восемь портных и шесть шапочников. К 1763 г. портных стало уже 49. В 1753 г. была основана шляпная фабрика тарского купца Василия Медовщикова, изготавливавшая поярковые и простые шерстяные шляпы. Но в 1773 г. она сгорела [Тара..., 2014, с. 101–103].

В конце XVIII – XIX в. в Тарском уезде развивались отрасли сельского хозяйства, связанные с производством сырья для ткачества, а затем собственно ткачество. Практически во всех деревнях уезда отмечено изготовление холста, веревок, ниток, скатерей и полотенец. Такие же изделия делали и татары [Там же, с. 133].

Иная ситуация наблюдается с шерстяными вязанными изделиями и предметами из войлока. С момента основания города его жители разводили овец, поэтому шерсти всегда было много, и вся шерстяная одежда горожан была самодельной. Среди населения Бу-

харской слободы (основана в начале XVII в.) в Таре имелись мастера по изготовлению войлока. Поскольку в перечне завозимых бухарцами из Средней Азии товаров войлок и шерстяные ткани не значатся, можно предположить, что, вероятнее всего, их привозили в Тару в качестве подарков, вместе с другим скарбом переселенцев, а также изготавливали на месте.

Первые полтора столетия существования Тары (примерно до 40-х гг. XVIII в.) служилое население не имело форменной одежды, поэтому нельзя определенно говорить о комплексе тканей, которые шли на ее изготовление. Пешие казаки и стрельцы одевались как могли. Поэтому государственных поставок тканей и одежды в Тару не было. Только к середине XVIII в. тарский гарнизон стали постепенно переодеваться в форму.

Одежду и покрова по государственной линии в Таре получала лишь церковь. Так, после пожара Пятницкого храма в 1631 г. [Строгова, Татауров, 2012] были доставлены «ризы дороги, зелены оплечье, бархот рытой по чревчатой земле, шолк чорной, патрахль да поручи того ж бархату, пуговицы серебряные, двои ризы миткалиные, оплечья бархатные цветные, две патрахели да двои поручи тот же бархат, стихарь подризной миткалной, оплечье бархатное цветное, два стихаря подризных полотняных, оплечье полубархатное, да три пояса ткани украшены шолк черевчат да зеленою с кистями, два пояса нитяных тканых... с кистями, да на трои сосуды покровцы и воздухи, и у них посеред камка кизилбашская, а около камка дамаска лазорева, да двои покровцы и воздухи камки кизильбашская, да на три престола на срачицы тридцать три аршина холсту, да на три индикции десять аршин с четью бархаты цветной, да двадцать шесть аршин крашенины лазоревой, да на три литона и на индикции на кресты четыре аршина без чети миткаля» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 31. Л. 181).

Тара являлась крупным транзитным пунктом в торговле с Китаем и государствами Средней Азии. Купцы везли сюда ткани, в т.ч. среднеазиатский и китайский шелк, на который имелся постоянный спрос. При раскопках татарских могильников XVII–XVIII вв. находки из этих тканей обычное явление [Татауров, Тихонов, 1996]. С развитием торговли к середине XVII в. тарский рынок стал ориентироваться на готовые изделия: порох, сукно, бумагу, медную проволоку, топоры, серпы, иглы, зеркала и др. Номенклатура русских товаров была представлена широким ассортиментом тканей, одежды, предметов домашнего хозяйства и пр. Большая часть этих товаров была промышленного производства [Башкатова, 1994].

Судя по письменным источникам, практически все ткани, найденные в культурных горизонтах XVI–XVIII вв., можно разделить на две категории: привезенные либо изготовленные в домашних условиях.

Коллекция образцов тканых, вязанных, плетеных и витых изделий из Тары

Образцы были получены при изучении усадьбы богатого горожанина. Находки залегали на глубине ок. 3 м от дневной поверхности (4-й и 5-й строительные горизонты, не позднее начала XVIII в.) в межжилищном пространстве. Дело в том, что все исследованные строительные комплексы усадьбы пострадали в ходе пожаров и вещи из органических материалов в них не сохранились. Зато пространство между объектами, особенно если по нему проходила дорога, в период его функционирования, как правило, было грязным и сырым. Поэтому вне жилых объектов сохранилось большое количество вещей из органических материалов. Особенностью этих предметов является то, что они были выброшены. Однако их вполне можно рассматривать как источник для изучения и описания текстильных образцов. Всего изучено 68 экз.: 31 – тканые, 7 – вязаные, 30 – плетеные и витые. В лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета было проведено технологическое исследование фрагментов текстиля (визуальный осмотр, материаловедческий и структурный анализ образцов, поиск технологических аналогий, реконструкция способов изготовления текстиля) по отработанной методике [Методика..., 2011]. Все текстильные материалы разделены на четыре категории.

Тканые материалы. Представлены шерстяные ткани полотняного (рис. 1, 2) и саржевого (рис. 3) переплетения. Последние преобладают. Все образцы саржевых тканей (равносторонняя саржа 2/2) в основе и утке имеют одинаковые нити (Z-кручение) тониной 0,8–1,0 мм и стабильную плотность от 7–8 до 10–11 нитей на 1 см. Эти ткани изготовлены из шерсти естественного цвета.

Среди шерстяных тканей полотняного переплетения встречается текстиль с тонкими и однородными нитями, который имеет признаки структуры, связанной с технологией производства сукна (рис. 4), когда в основе и утке используются разнонаправленно скрученные нити (Z/S). Часть образцов с такой структурой сделана из толстых грубых нитей домашнего изготовления. Однако имеются совсем простые ткани с одинаковыми нитями Z-крутки в основе и утке. Один фрагмент соткан из тонких ровных нитей S-крутки, образующих плотное и тонкое полотно. Имеется также образец полотняного переплетения с репсовым эффектом (рис. 5): нити в основе и утке одинаковые, но плотность по одной структуре выше, чем по другой.

Вязанные материалы. Изделия этого вида все однотипны. Они связаны одной иглой из двойных крученых нитей с усложненной структурой Z2S. Образцы

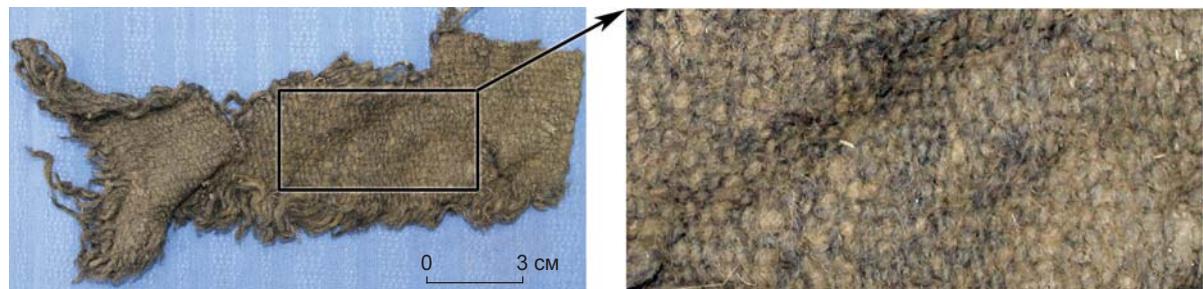

Рис. 1. Грубая шерстяная ткань полотняного переплетения.

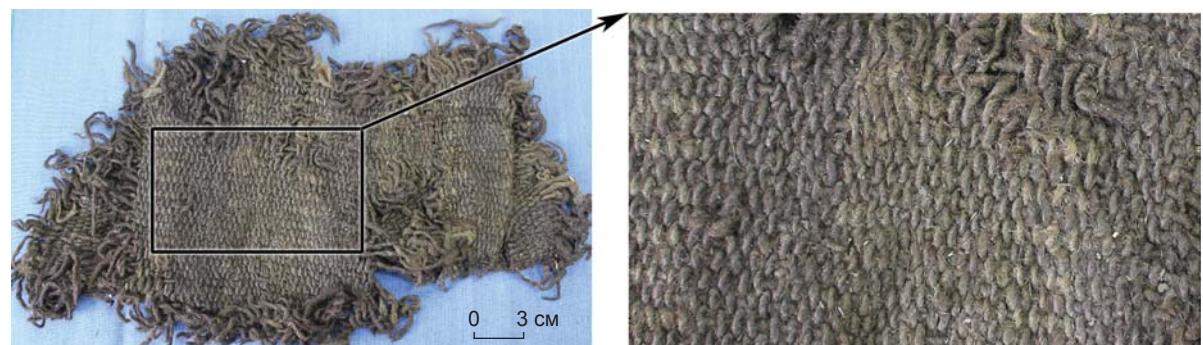

Рис. 2. Грубая полосатая шерстяная ткань полотняного переплетения.

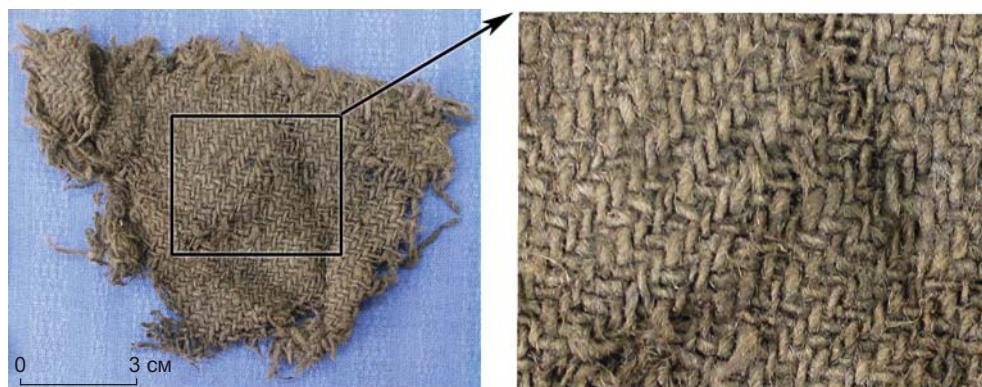

Рис. 3. Ткань саржевого переплетения (саржа 2/2).

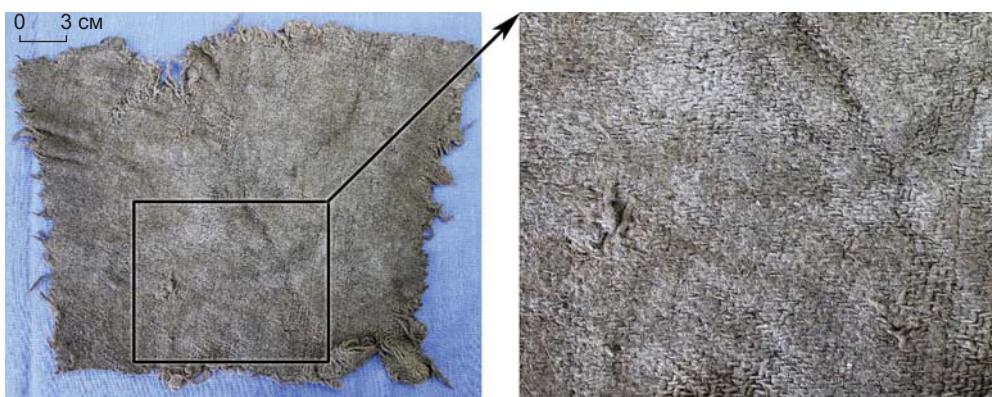

Рис. 4. Сукно с повреждениями настила на поверхности полотна.

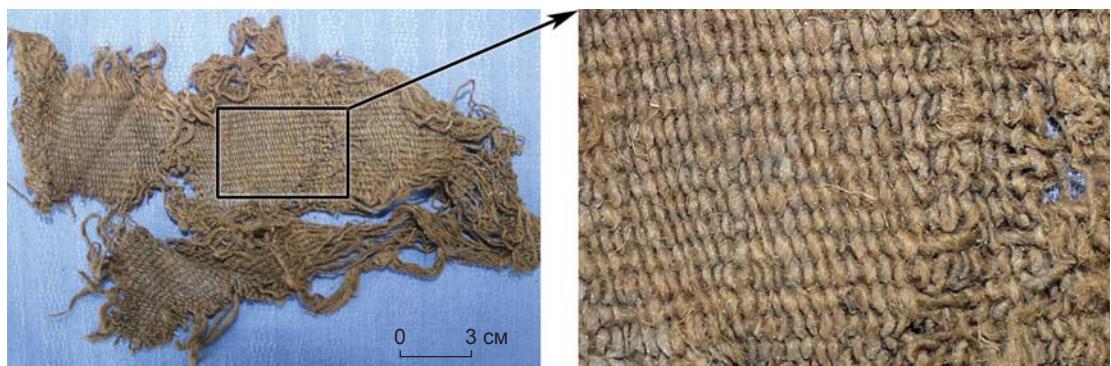

Рис. 5. Шерстяная ткань полотняного переплетения с репсовым эффектом.

Рис. 6. Вязаный одной иглой шерстяной чулок.

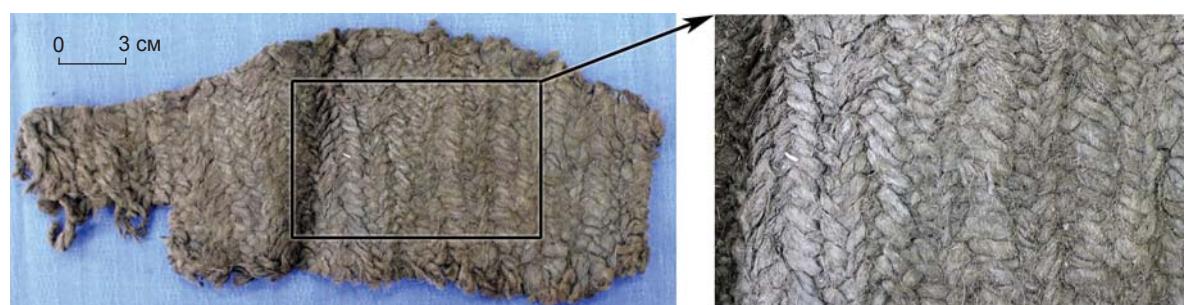

Рис. 7. Стелька, изготовленная из вязаного одной иглой шерстяного изделия.

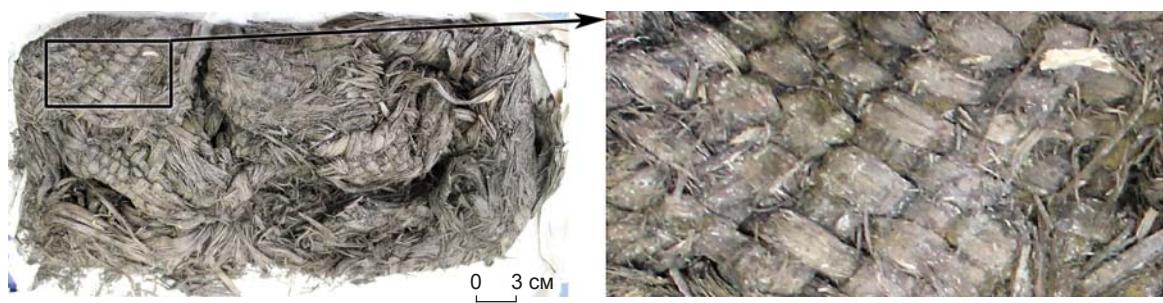

Рис. 8. Плетеная из лыка емкость.

Рис. 9. Веревка из растительного сырья.

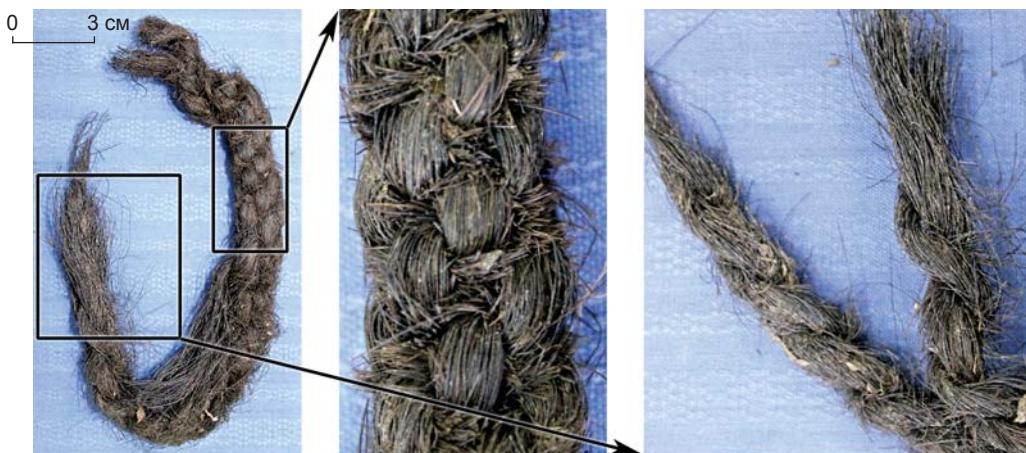

Рис. 10. Веревка со сложной структурой витья.

имеют утраты, порывы, разрезы, что дает возможность точнее выявить способы скрепления нитей, а значит, и изготовления полотна. Участки хорошей сохранности позволяют определить технологические характеристики. Среди изделий можно отметить шерстяные чулки (рис. 6), а также фрагмент разрезанного вязаного полотна в виде стельки (рис. 7) (вторичное использование текстиля).

Плетеные материалы. Это плетеная коробка из растительного сырья типа лыка шириной 5–7 мм (рис. 8) и четырехгранный жгут из конского волоса, изготовленный на пяти пальцах рук способом «дерганья».

Витые структуры: жгуты, веревки. Все они были изготовлены довольно простым способом витья двух «нитей» (рис. 9) или скручиванием нескольких прядей в разные стороны (Z2S, Z3S, Z4S) (рис. 10). Сырье для изготовления жгутов и веревок в основном растительное, но есть и шерсть, и конский волос.

Обсуждение

Описанные материалы демонстрируют явное разнообразие текстильных технологий.

Первая текстильная традиция – технология изготовления суконных тканей, известная в России

с XVI в. [Нахлик, 1963]. Она характеризуется использованием в основе и утке тканей полотняного переплетения разнонаправленно скрученных нитей (Z/S) и равномерной плотностью по обеим структурам. Такой прием позволяет получить плотный и равномерный настил из волокон на обеих сторонах текстильного полотна при валянии, что является обязательным условием для получения теплой непродуваемой одежды. Именно сукно более всего отвечает этим требованиям и, кроме того, практически не пропускает влаги, лишь намокаet. Не удивительно, что оно пользовалось в Сибири большой популярностью. Однако для производства сукна требуются особые условия: горизонтальный станок для получения равномерной плотности, отдельно изготовленные нити для основы и утка, приспособления для валяния поверхности полотна (специальное помещение или корыто, ванна, горячая вода), а главное – навык изготовления. Для производства тонких, часто окрашенных суконных тканей с ровными, равномерно пропряденными нитями и равномерной плотностью без ткацких ошибок необходима специализация, которая по понятным причинам отсутствовала какое-то время в Таре. Поэтому считается, что в Сибири XVII–XVIII вв. данная текстильная традиция отсутствовала, а основное количество этих тканей ввозилось из Европейской России [Бахрушин, 1952, с. 91–92]. Технология изготовления толстого

сукна невысокого качества (сермяги) распространялась в Западной Сибири уже к концу XVII в. [Вилков, 1967, с. 85], следовательно, оно могло производиться на месте. Низкокачественный текстиль вряд ли стали бы перевозить для торговли из-за нецелесообразности получения незначительной прибыли при высоких затратах.

Вторая текстильная традиция – изготовление тканей полотняного переплетения, имеющих в основе и утке нити одинаковой крутики. Известно несколько вариантов. Первый – простые шерстяные ткани регулярного полотняного переплетения с нитями Z-крутики. Как правило, это довольно толстый текстиль, изготовленный из нитей домашнего производства. Примером такой ткани может служить часть изделия, близкая по своим характеристикам и внешнему виду к портнянке. Второй вариант отличается от первого репсовым эффектом: плотность по одной структуре нитей в 2 раза или более превышает плотность по другой. Третий вариант – ткани очень хорошего качества с тонкими ровными, однородно скрученными нитями в основе и утке при равномерной и довольно высокой плотности по обеим структурам. Вероятнее всего, это текстиль мануфактурного производства или продукция из центров кустарных промыслов.

Для изготовления тканей полотняного переплетения использовались усовершенствованные станки в условиях развитой текстильной традиции (текстиль с тонкими равномерными нитями, большой плотностью по основе и утке, без ошибок в переплете нитей) и примитивные приспособления при наличии определенных ткацких умений и отсутствии специализации (ткани с толстыми, неравномерно пропряденными нитями, малой и нестабильной плотностью по основе и утке, нередкими ткацкими ошибками).

Третья текстильная традиция – изготовление тканей саржевого переплетения. Часть образцов саржи имеет ошибки в структуре полотна, которые свидетельствуют либо об изготовлении этих тканей неопытными мастерами, либо об использовании простых приспособлений. Однако устойчивые технологические признаки текстиля данного вида (в основе и утке нити Z-крутики примерно одинаковой тонины, стабильная структура равносторонней саржи) говорят о массовом его производстве и довольно простых условиях, приемлемых для крестьянского хозяйства. Стабильная плотность по основе и утку (от 7 до 10–11 нитей на 1 см) свидетельствует об использовании типового станка, скорее всего, горизонтального, а небольшие различия указывают на то, что использовались станки с разными бердами, близкими по конструкции. Ткани саржевого переплетения были широко распространены в России, в т.ч. в Сибири, в XVI–XIX вв., хронологическая разница в технологических показателях отсутствует (Новгород, Манга-

зя, Тобольск, Старотуруханск, памятники Томско-Нарымского Приобья) [Нахлик, 1963; Визгалов и др., 2006; Матвеев, Глушкова, Аношко, 2011; Глушкова, Шулаева, 2013]. Таким образом, анализ тканей саржевого переплетения свидетельствует о массовом их производстве и устоявшейся текстильной традиции в изготовлении равносторонней саржи.

Изделия, связанные одной иглой из шерстяных нитей разной тонины, имеют очень похожую структуру. Это может указывать на одинаковый способ их изготовления.

Бросается в глаза большое количество витых изделий из растительного сырья при отсутствии тканей из него. Это может быть объяснено особенностями структуры волокон льна, конопли, крапивы, хлопка, которые плохо сохраняются без пропитки окислами металлов, и многократным использованием такого текстиля в связи с его хорошими гигроскопическими свойствами (вторичное длительное использование как тряпок для хозяйственных целей), что приводит к большому износу и более быстрому разложению в почве в период археологизации.

При разнообразии растительного сырья можно отметить однотипность изготовления витых жгутов и веревок. Толщина и прочность этих изделий зависит от количества одинарных элементов структуры. Также имеет значение их функция.

Особенную находку – плетеный четырехгранный жгут из конских волос – представляется более правдоподобным связать с культурой кочевников и скотоводов южных районов.

Выходы

Текстиль, описанный по материалам раскопок, довольно разнообразен по характеристикам нитей, структуре, фактуре поверхности, но среди образцов отсутствуют дорогие импортные ткани, известные по историческим источникам XVII в. [Каталог..., 2013]. Разные текстильные традиции могут свидетельствовать о производстве тканей в различных центрах. Отсюда закономерно следует вывод, что часть текстиля из Тарской крепости была привозной. По всей видимости, это ткани более высокого качества полотняного и саржевого переплетения.

В коллекции встречаются материалы, хорошо известные в других районах Сибири (например, шерстяная равносторонняя саржа). Возможно, это свидетельствует об их производстве по единой технологии на разных территориях, где проживало русское население. Можно предположить местное изготовление толстых суконных тканей домашней выработки (сермяги) и толстой грубой полосатой ткани, по своим характеристикам близкой портнякам.

Полученные в результате раскопок Тарской крепости материалы позволяют говорить о том, что подавляющая часть тканей мануфактурного производства в XVII – первой половине XVIII в. поступала сюда из европейской части России. В то же время системных (государственных) поставок формы или другого обмундирования для служилого населения не осуществлялось. В силу того, что Тара до середины XVIII в. была военно-административным центром, развития местной ткацкой промышленности в ней не происходило, поэтому местные ткани кустарные, изготовлены в домашних условиях.

Костюм жителя Тары дополняли вязаные шерстяные изделия: носки, чулки, различные поддевки и т.д. Их могли связать на месте, и эта традиция сохранилась до современности. О.Н. Вилков среди привезенных в Тобольск в XVII в. предметов указывает большое количество суконных и вязанных чулок [1967, с. 103], но не уточняет, какой они имеют вид. Изделия, связанные одной иглой, в XVII в. бытовали в Мангазее, Старотуруханске. По материалам раскопок в Тобольске известны носки, связанные на пяти спицах [Визгалов и др., 2006; Глушкова, Шулаева, 2013; Матвеев, Глушкова, Аношко, 2011]. Чулки из Тары тонкие, аккуратно связанные из нитей хорошего качества, они могли быть импортными.

Распространение выращивания технических культур, прежде всего льна, в конце XVIII – XIX в. способствовало развитию ткачества в деревнях и селах Прииртышья, что нашло отражение в ассортименте местных ярмарок, одежде горожан и внутреннем убранстве их домов.

Таким образом, результаты исследования позволяют частично конкретизировать данные исторических источников о технологических признаках и атрибуции текстильных изделий, местном производстве текстиля и привозных тканях в Таре XVII–XVIII вв.

Список литературы

Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках (по материалам археологических исследований) / Л.В. Татаурова, С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров, К.Н. Тихомиров, С.С. Тихонов. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1: Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII в. – 263 с.

Башкатова З.В. Торговля города Тары в середине XVII в. // Таре – 400 лет: Проблемы социально-экономического освоения Сибири: мат-лы науч.-практ. конф. «История и краеведение. Тара и города Сибири и России». – Омск, 1994. – Ч. 1. – С. 189–192.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Глушкова Т.Н., Киреева Е.В., Сутула А.В. Текстиль Мангазеи (начало XVII века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1. – С. 117–131.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – М.: Наука, 1967. – 324 с.

Глушкова Т.Н. Археологический текстиль как источник по реконструкции ткачества Западной Сибири: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2004. – 57 с.

Глушкова Т.Н., Шулаева А.Н. Сравнительная характеристика текстильных материалов из Мангазеи и Старотуруханского городища (XVII в.) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 окт. 2013 г.). – Екатеринбург: Сургут: Магеллан, 2013. – С. 238–242.

Интеграция археологических и этнографических исследований. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – Ч. 1. – 468 с.

Каталог тканей, бытовавших в России и Сибири в XVII–XIX вв. (историко-технологическое описание) / сост. Т.Н. Глушкова, А.Н. Шулаева. – Тюмень: Аксиома, 2013. – 67 с.

Матвеев А.В., Глушкова Т.Н., Аношко О.М. Остатки текстильных изделий в материалах раскопок на Верхнем посаде Тобольска // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 218–220.

Методика исследования археологического текстиля (опыт обобщения): науч.-метод. пособие / Т.Н. Глушкова, А.К. Ёлкина, И.И. Ёлкина. – Сургут: Сургут. гос. пед. ун-т, 2011. – 149 с.

Нахлик А. Ткани Новгорода // МИА. – 1963. – № 123. – С. 228–253.

Строгова Е.А., Татауров С.Ф. История одного пожара // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: мат-лы VI регион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения А.В. Ваганова (г. Тара, 1–2 марта 2012 г.). – Омск: Амфора, 2012. – С. 72–77.

Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша / отв. ред. С.А. Алферов. – Омск: Амфора, 2014. – 332 с.

Татауров С.Ф. Город Тара как военно-административный, экономический и культурный центр развития Прииртышья в конце XVI – первой половине XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень: Екатеринбург: Караван, 2014. – Т. 1. – С. 176–180.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Археолого-этнографические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. 1. – С. 58–84.

Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары / О.Ю. Алферова, С.А. Алферов, Е.И. Кудряшова, С.Ф. Татауров. – Омск: Изд. дом «Наука», 2014. – 230 с.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.101-110
УДК 903.2 (571.150)

К.Ю. Кирюшин, Н.Ф. Степанова

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; nstepanova10@mail.ru

Керамика эпохи энеолита с поселения Новоильинка III (Северная Кулунда)*

Статья посвящена результатам изучения оригинального керамического комплекса с поселения Новоильинка III (Северная Кулунда), датируемого первой половиной III тыс. до н.э. Исследования велись по следующим направлениям: технико-технологический анализ, изучение способов нанесения орнамента и особенностей оформления рабочего края инструмента для нанесения узора. Выявлены культурные традиции в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс: характерным было использование низкопластичной ожелезненной глины с мелким речным песком, добавление пуха и органической примеси; необычным – использование пластичной глины, добавление минеральных примесей (дресвы и шамота), отсутствие пуха. Изучение орнамента также выявило две традиции: нанесение узора незубчатыми и зубчатыми инструментами. Большинство сосудов украшено незубчатыми штампами. Этой орнаментальной традиции (отступающе-накольчато-ямочной) соответствуют навыки добавления пуха в формовочные массы. Со второй традицией (гребенчатой) наряду с использованием низкопластичного сырья и пуха связаны необычные признаки: применение минеральных примесей, отсутствие пуха. Особенности состава формовочных масс керамики второй группы свидетельствуют о смешении культурных традиций и населения. Керамика, орнаментированная ямками, наколами, оттисками отступающих незубчатых инструментов и шагающих зубчатых штампов, имеет аналогии в керамических комплексах т.н. гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой, отступающе-накольчато-ямочной общинности, ареал которой протянулся от лесной зоны Восточной Европы до Верхнего Приобья. Наибольшее сходство отмечается с посудой байрыкского (Бараба) и кипринского (Верхнее Приобье) типов. Своеобразие керамики с поселения Новоильинка III, вероятно, определяется периферийным положением (восточным) памятника в ареале указанной общности.

Ключевые слова: энеолит, керамика, технико-технологический анализ, орнамент.

K.Y. Kiryushin and N.F. Stepanova

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
Altai State University,
Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; nstepanova10@mail.ru

Ceramics from Novoilyinka III, a Chalcolithic Site in Kulunda, Western Siberia

Chalcolithic ceramics from Novoilyinka III in Western Siberia (early 3rd millennium BC) was analyzed in terms of manufacturing technology and decoration techniques with special regard to tools for applying decoration. Two ornamental traditions relating to

*Работа выполнена на средства гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного Алтайским государственным университетом на реализацию проекта «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» (договор № 14.Z50.31.0010).

clay selection and fabric processing are described. The principal tradition was the use of low-ductile ferrous clay tempered with fine sand, down, and organic matter. The less common practice was to use high-ductile clay tempered with grit and grog but not down. In decoration as well, two traditions are evident. Most vessels tempered with down are decorated with non-comb imprints such as pits. Vessels made of low-ductile clay and tempered with grit and grog but not down are mostly decorated with comb imprints. The latter technology, evidently attesting to a blend of traditions, is unusual and is paralleled by ceramics with comb-pit, pit-comb, and dimple decoration distributed from the forest zone of Eastern Europe to the Upper Ob. The closest resemblance is seen with ceramics of the Bairyk and Kiprino types from Baraba and the Upper Ob, respectively. The distinctness of the Novoilyinka III pottery may be explained by the peripheral (easternmost) position of the site within this community.

Keywords: Chalcolithic, Western Siberia, ceramics, technological analysis, decoration.

Введение

Эпохи неолита и энеолита на юге Западной Сибири остаются одними из наименее изученных, поэтому открытие каждого нового памятника вносит существенный вклад в изучение этих периодов. Поселение Новоильинка III находится в Кулунде, в своеобразной буферной зоне между крупными ареалами культур лесостепного Алтая, Казахстана и Барабы. Это стратифицированный памятник, что встречается крайне редко. Его исследование имеет огромное значение для реконструкции этнокультурных процессов на территории юга Западной Сибири в эпоху энеолита.

Поселение Новоильинка III (рис. 1) открыто в 2004 г. С.М. Ситниковым, который в 2005–2006 гг. вскрыл на памятнике ок. 40 м² [Кирюшин К.Ю., Ситников, 2009, с. 101]. В 2010–2014 гг. исследовано 608 м². Найдены (керамика, каменные артефакты и кости животных) концентрировались на площади 360 м² в центральной части раскопа и около прокала в восточной. В центральной части они были связаны с «пятнами» гумусированной супеси, которые имели аморфные границы по горизонтали и вертикали. Фрагменты одних и тех же сосудов находились на глубине от 0,35 до 0,85 м, а обломки сосудов различных морфолого-орнаментальных групп залегали совместно. Каменная индустрия поселения Новоильинка III

носит ярко выраженный отщеповый характер (отсутствуют следы пластинчатой техники, характерной для энеолита). По костям животных, найденным на поселении, получена серия радиоуглеродных дат: $4\,270 \pm 170$ л.н. (Ле-7534), $4\,585 \pm 170$ (СОАН-8318), $4\,310 \pm 110$ (СОАН-8319), $4\,250 \pm 120$ л.н. (СОАН-8320), которые позволяют датировать его серединой – второй половиной III тыс. до н.э. Калибровка этих дат почти на 1000 лет удревняет культурный слой памятника. Разброс значений по 1σ (вероятность 68,2 %) от 3650–3600 до 2650–2630 гг. до н.э., по 2σ (95,4 %) – от 3700–2850 до 3500–2400 гг. до н.э. Таким образом, максимальный разброс составляет 1020–1300 лет, а минимальный 650–950 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, формирование культурного слоя памятника происходило в течение более короткого промежутка времени. С учетом калибровки радиоуглеродных дат материалы поселения можно отнести к первой половине III тыс. до н.э. [Кирюшин К.Ю., 2015, с. 26].

На поселении Новоильинка III обнаружен уникальный комплекс керамики, включающий несколько тысяч фрагментов не менее чем от 60 сосудов. Частично или полностью реконструирована форма 18 изделий. Диаметр венчика обычно немного меньше, чем туловища, дно приостренное или округлое (рис. 2). Стенки сосудов обрабатывались и заглаживались так, что минеральных примесей на поверхности практически не видно. Толщина стенок 6–7, реже 5 или 8–9 мм. Посуда изготавлялась способом лоскутного налепа (рис. 3). Необычность керамического комплекса для Алтая проявляется как в орнаментации посуды, так и в составе формовочных масс.

Одно из направлений в изучении материалов Новоильинки III – всестороннее исследование керамики, которая является важнейшим источником информации о древнем населении. Изучение технологии ее изготовления позволяет рассматривать вопросы, связанные с миграцией, адаптацией, контактами населения, освоением новых территорий, и многие другие. Исследования керамики с поселения Новоильинка III осуществлялись в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским

Рис. 1. Расположение памятника Новоильинка III.

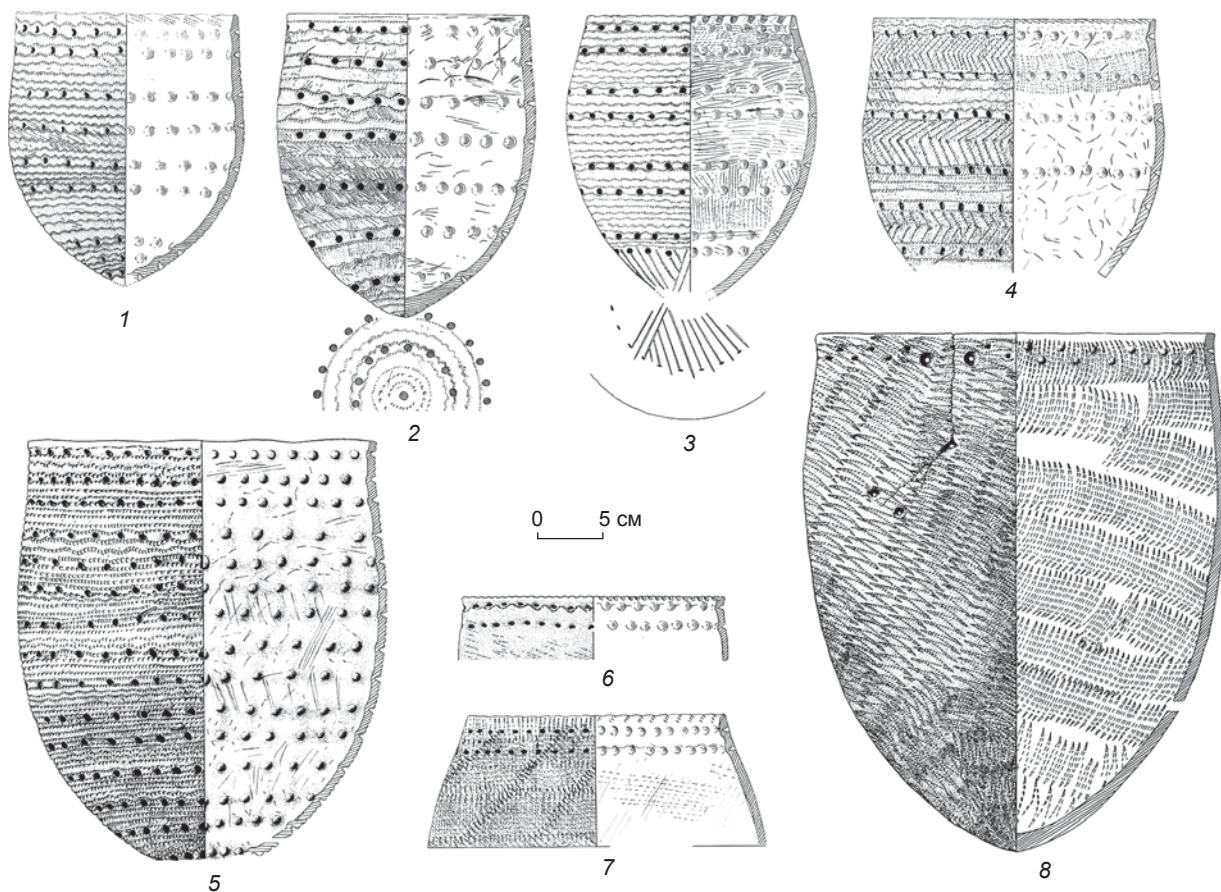

Рис. 2. Графические реконструкции сосудов с поселения Новоильинка III.

[1978, 1999]. Основная задача сводилась к выявлению специфики культурных традиций на таких ступенях производственного процесса, как отбор исходного сырья, подготовка формовочных масс, нанесение орнамента. В рамках поставленных задач рассматривались следующие вопросы: 1) выделение культурных традиций в на-выках отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс; 2) выявление среди них местных и неместных; 3) определение признаков смешения этих традиций; 4) изучение особенностей оформления рабочего края инструментов для нанесения орнамента, способов украшения посуды. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 исследовались свежие изломы и поверхности образцов. При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, случаи использования одного или двух видов глин. Для определения степени ожелезненности глин фрагменты сосудов дополнительно были нагреты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °C. При изучении орнамента основное внимание

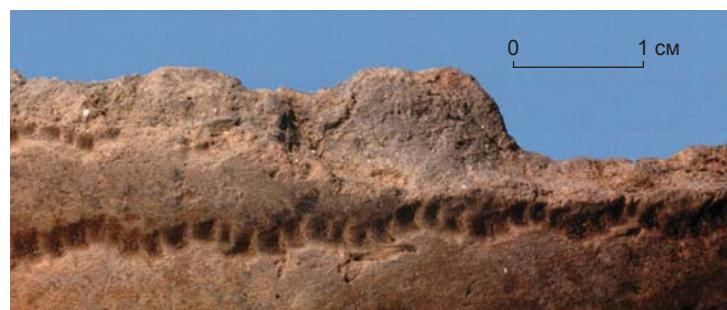

Рис. 3. Фрагмент сосуда со следами лоскутного налепа.

было сконцентрировано на реконструкции рабочего края инструмента по его отпечатку, особенностях оформления рабочего края, а также способов нанесения узора. Выводы апробированы экспериментами.

Результаты технико-технологического анализа

Для технико-технологического анализа были представлены фрагменты стенок и венчиков 19 сосудов,

различающихся по орнаменту и цвету, вероятнее всего обожженных на костре при низких температурах.

Исходное сырье. Для изготовления посуды использовалась ожелезненная глина, как правило, низкопластичная из-за большого содержания мелкого речного песка. Отмечены различия в концентрации и размерности примесей. Песок кварцевый, диаметр частиц меньше 0,5 мм, но иногда наряду с мелкими частицами присутствуют и более крупные до 1 мм. Обычно его содержание 1 : 2÷3, в отдельных случаях 1 : 4. Из пластичных глин изготовлено 10,5 % сосудов. Сравнительный анализ исходного сырья позволяет сделать вывод, что использовалось несколько залежей, которые незначительно различались по ожелезненности и более существенно по количеству естественных примесей. На поселении Новоильинка III основной (местной) традицией было использование ожелезненной низкопластичной глины с мелким речным песком.

Формовочные массы. Выделены три рецепта: глина + пух + органическая примесь (89 %), глина + шамот + дресва + пух + органическая примесь (5,5 %), глина + дресва + органическая примесь (5,5 %). Основным является первый, по пластичности сырья он разделяется на два вида: с использованием низкопластичной глины (84 %) и пластичной (5 %). Лишь в одном сосуде нет пуха (5,5 %) и только в двух (11 %) есть минеральные примеси (шамот и дресва). Дресва в обоих сосудах из гранита с большим содержанием слюды. Минеральные примеси введены в пластичные и среднепластичные глины. В одном случае дресва отмечена в шамоте, что свидетельствует о смешении культурных традиций. В целом искусственное введение минеральных примесей не характерно для данного памятника.

Несмотря на наличие нескольких рецептов, четко выделяются основные традиции в изготовлении гли-

няной посуды на поселении Новоильинка III, которые могут быть отнесены к местным [Бобринский, 1978, с. 67–113]. Таковой является использование низкопластичного сырья с добавлением в него пуха и органической примеси, вероятно, птичьего помета (рис. 4). К неместным традициям относится применение пластичного сырья, шамота и дресвы, а также отсутствие пуха в формовочных массах. Рецепт глина + шамот + дресва + пух + органическая примесь отражает смешение культурных традиций: неместной (использование минеральных примесей) и местной (применение органических примесей).

Орнамент

Орнаментированы все сосуды. Характерно сплошное заполнение поверхности от венчика до дна (см. рис. 2), исключение составляют три изделия. Керамика орнаментирована в основном горизонтальными рядами прямых и волнистых линий, выполненных преимущественно оттисками незубчатых инструментов (до 90 %). Изредка встречается вертикальное и диагональное их расположение (см. рис. 2, 7, 8). Обязательным элементом являются ряды ямок, в нескольких случаях двойные. Иногда ямки в параллельных рядах расположены таким образом, что образуют зигзаги. Днища некоторых изделий оформлены самостоятельными орнаментальными мотивами, например, лучевым (см. рис. 2, 3). Декор всех сосудов имеет линейное композиционное решение: ряды прямых и волнистых линий; геометрические фигуры, разделенные такими рядами; полосы из «елочки»; орнитоморфные фигуры и ряды прямых и волнистых линий. В единственном случае изделие было украшено треугольниками, расположенными в шахматном порядке [Кирюшин К.Ю., 2015].

Большинство сосудов покрыто оттисками незубчатых инструментов, зубчатые использовались редко. К отличительным чертам коллекции относится орнаментация стенок некоторых изделий изнутри отпечатками гребенчатого штампа (см. рис. 2, 4, 8). По-видимому, элементами декора внутренней стороны являются и отпечатки веревочки (см. рис. 2, 7; 5). Необходимо отметить, что 56 % венчиков также украшены с внутренней стороны: 1) короткими наклонными линиями (насечками), нанесенными предметами как с гладким рабочим краем, так и с зубчатым; 2) горизонтальными линиями разной длины в углублениях, сделанных в одних случаях палочкой, обмотанной веревочкой, в других, вероятнее всего, пальцем (см. рис. 2, 1, 3, 4, 6, 7) [Там же, рис. 22]. Из-за особенностей нанесения орнамента сосуды выглядят разнообразно украшенными. Нельзя не отметить мастерство гончаров, которое проявляется не только

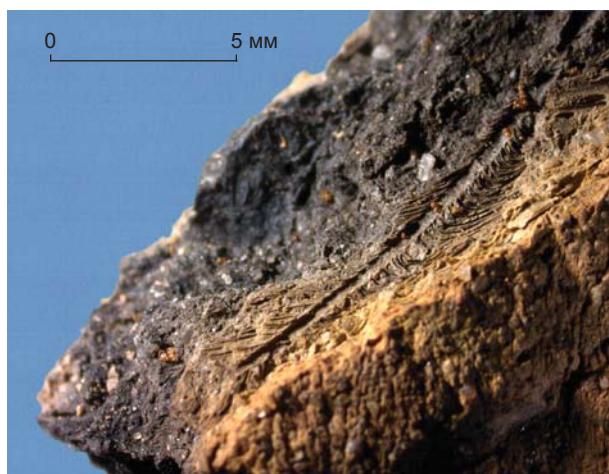

Рис. 4. Отпечатки пуха птицы в стенке сосуда.

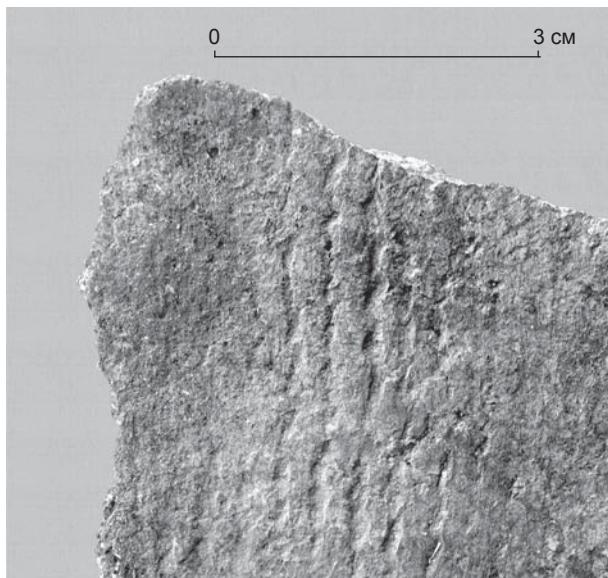

Рис. 5. Фрагмент керамики с отпечатками веревочки на внутренней стороне.

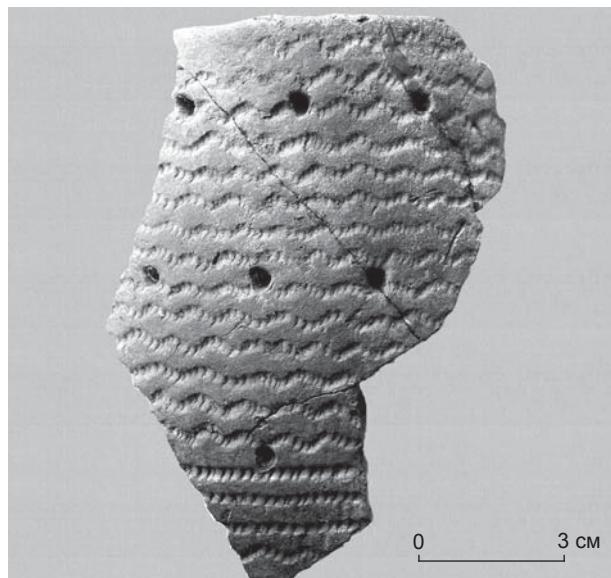

Рис. 6. Стенка сосуда, украшенная незубчатым штампом.

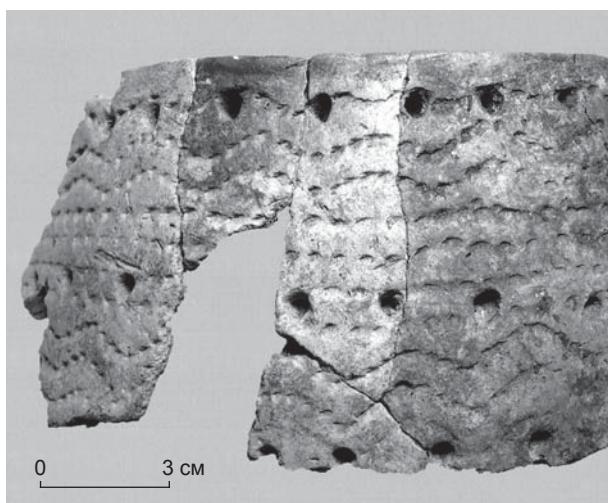

Рис. 7. Стенка сосуда, орнаментированная незубчатым инструментом с круглым рабочим краем.

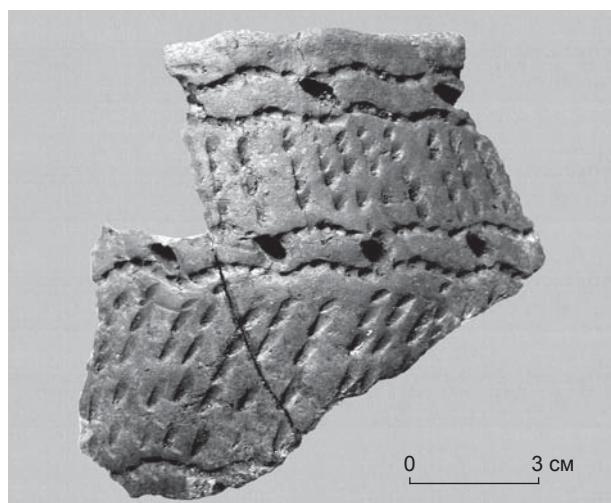

Рис. 8. Фрагмент сосуда с подовально- и приостренно-вытянутыми отпечатками.

в расположении рядов оттисков, но и в том, что размеры дуги, например, при выполнении волнистого орнамента, как правило, четко выдерживались, разница составляла 1–2 мм (рис. 6).

По отпечаткам орнаментиров реконструированы способы нанесения орнамента и частично рабочий край.

Незубчатые инструменты, судя по отпечаткам, обычно были размером 2–4 мм в поперечном сечении. По форме оттисков выделяется несколько вариантов оформления рабочего края:

1) круглые отпечатки – рабочий край соответствующей формы (рис. 7);

2) подовально- или приостренно-вытянутые – рабочая часть оформлена аналогично (рис. 8);

3) наиболее характерные для изучаемой коллекции серповидные отпечатки могут быть от преднамеренно обрезанного предмета, имевшего круглое сечение; отмечаются различия по глубине и диаметру оттисков (см. рис. 6, 9);

4) псевдозубчатые оттиски, вероятно, сделаны орнаментиром с неровным рабочим краем (рис. 10). Не исключено, что это отпечатки зубов животных, но в результате эксперимента с челюстями и зубами животных полных аналогий пока не получено [Калинина, 1991, 1998, 2009, с. 97; Казаков, Гальченко, Степанова, 1994].

Рис. 9. Фрагмент керамики, украшенный серповидными оттисками.

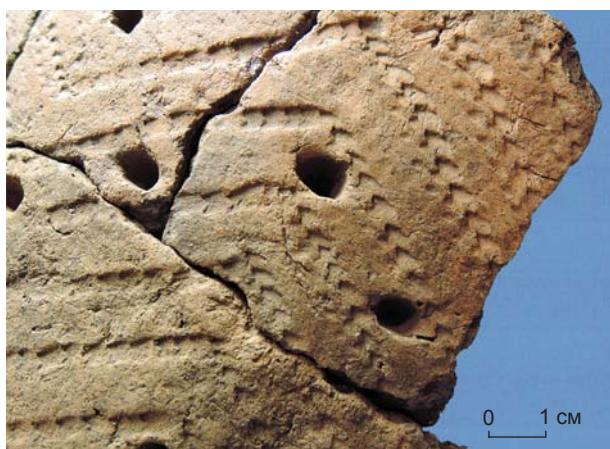

Рис. 10. Фрагмент сосуда с псевдозубчатыми отпечатками.

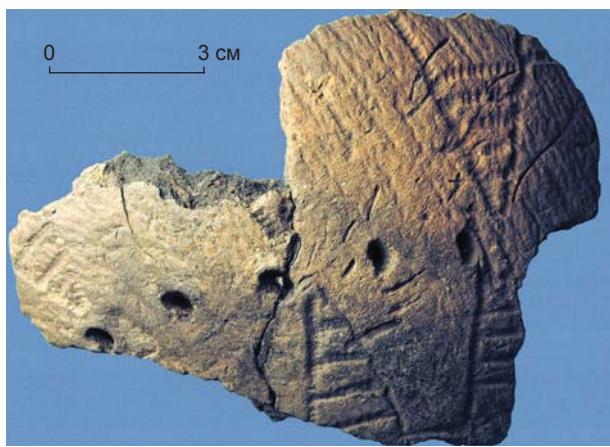

Рис. 11. Фрагмент сосуда, украшенный отпечатками веревочки.

Есть оттиски, напоминающие веревочку, но из-за повреждения поверхности сосудов однозначно определить их происхождение не представляется возможным (рис. 11).

Ямки выявлены на всех сосудах, за исключением одного. Они округлые, овальные, серповидные, размерами 5–6 мм, 5 × 4, реже 3 × 2 мм и др., глубиной до 5–6 мм, иногда сквозные, в вертикальном сечении, как правило, конусовидные. Выполнены разными предметами, чаще округлой формы в поперечном срезе, реже подовальной (см. рис. 2, 6–8, 11). Ямки наносились после того, как поверхность сосуда уже была покрыта узором.

Отмечены различия и в способах нанесения орнамента. Незубчатыми предметами выполнялось отступание и накалывание (см. рис. 6–8) [Калинина, Устинова, 1990, с. 15–18, рис. 5, 6]. Нередко наблюдается переход одного способа орнаментации в другой, например, накалывания в отступание. Различия выявлены и в том, в каком направлении выполнялось движение инструментом: рабочий край орнаментира в первом случае (см. рис. 7) был ориентирован параллельно срезу венчика, во втором – перпендикулярно (см. рис. 6), что преобладает. По оформлению рабочего края и способам нанесения орнамента выделяются группы из двух-трех сосудов, имеющих особое

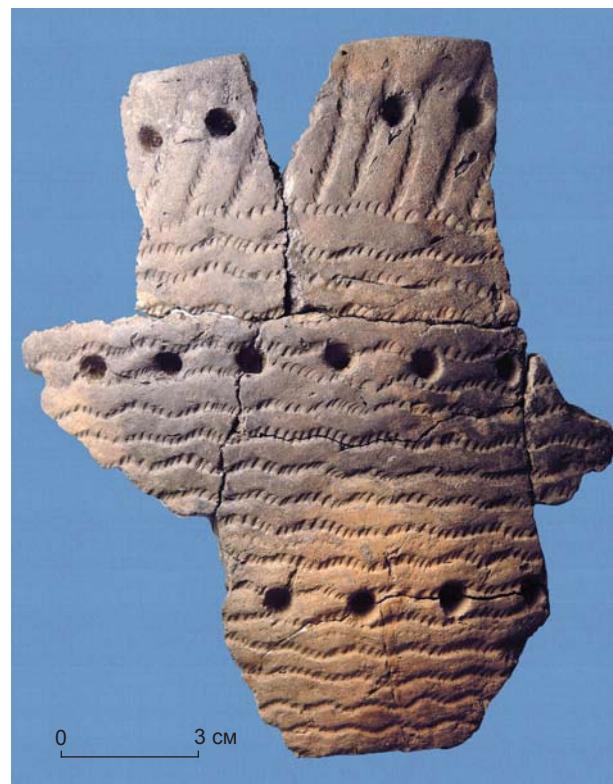

Рис. 12. Стенка сосуда, орнаментированная незубчатым штампом.

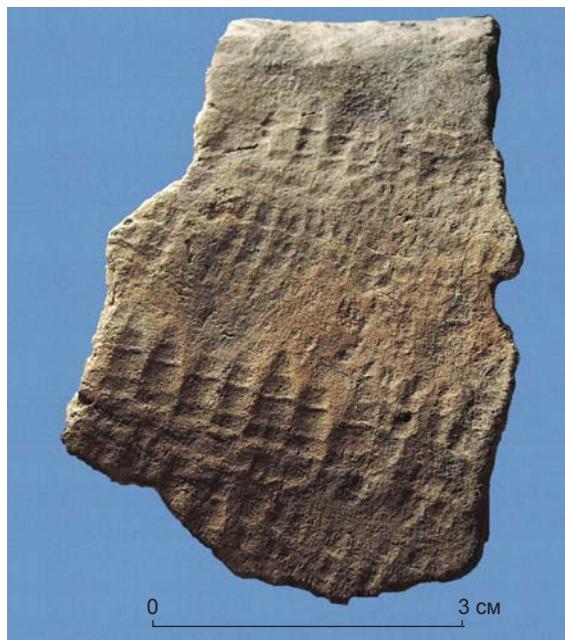

Рис. 13. Фрагмент сосуда, орнаментированный с внутренней стороны зубчатым штампом.

Рис. 14. Стенка сосуда, украшенная с применением двух зубча-тых инструментов (см. рис. 15, 16).

Рис. 15. Фрагмент, орнаментированный шаганием.

Рис. 16. Фрагмент, украшенный зубчатым штампом.

сходство (см. рис. 6, 12). Хотя по другим признакам, например, в выборе исходного сырья, изделия различаются.

Зубчатыми инструментами украшены шесть сосудов, в т.ч. внешняя поверхность у трех (см. рис. 2, 6–8), внутренняя у пяти (см. рис. 2, 4, 8; 13). Шаганием и качалкой орнаментированы четыре изделия (см. рис. 2, 6–8; 14), прокатыванием и шаганием с протаскиванием по одному (см. рис. 13). Длина отпечатков от 3 до 7 см. Один сосуд украшен двумя инструментами (или штампом с двумя рабочими краями) и разными способами (рис. 14). В одном случае зубцы расположены четко разделенными группами

(рис. 15), в другом – по отдельности приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга (рис. 16). Орнаментиры первого типа редки, хотя единичные относительные аналоги известны [Степанова, 2012]. Не исключено, что отмеченное сходство связано с тем, что для нанесения орнамента использовались аналогичные предметы естественного происхождения.

Обсуждение результатов исследования

Анализ полученных данных выявил характерные и необычные для керамики с поселения Новоильин-

ка III традиции в выборе исходного сырья, составлении формовочных масс, орнаментации, нетипичные сосуды; кроме того, позволил определить специфику этого керамического комплекса относительно других на территории Алтая в эпоху неолита – раннего бронзового века. По итогам проведенных исследований характерным для керамики с поселения Новоильинка III следует считать:

- 1) использование для изготовления посуды низко-пластичного ожелезненного исходного сырья с искусственным введением в него большого количества пуха;
- 2) конструирование горшков при помощи лоскутов;
- 3) орнаментацию всей поверхности сосуда;
- 4) обязательный элемент декора – ряды ямок;
- 5) нанесение орнамента преимущественно незубчатыми предметами;
- 6) линейное композиционное решение декора;
- 7) орнаментацию внутренней поверхности венчика и стенок сосудов отпечатками зубчатых штампов или веревочки (в общей сложности ок. 40 %).

К необычным чертам относится использование пластичного исходного сырья, добавление минеральных примесей (дресва и шамот) в формовочные массы, орнаментация внешней поверхности сосудов зубчатыми штампами и частичное заполнение ее узором. Особо следует выделить такие признаки, как отсутствие пуха в формовочных массах и декора из ямок.

Индивидуальные особенности имеет большинство сосудов, однако более других из всего комплекса выделяется несколько изделий, для которых характерно сочетание ряда необычных черт или наличие одного такого признака, но значимого. В частности, три сосуда отличает бедность орнамента (см. рис. 2, 6), но наличие пуха в формовочных массах, ямок, «качалки», нанесенной зубчатым штампом, оформление венчика с внутренней стороны указывает на то, что они составляют единовременный и единокультурный комплекс с основной серией.

Наиболее необычны два сосуда. Один из них (см. рис. 2, 8) отличает наличие минеральных примесей в формовочной массе, смешение культурных традиций (глина + шамот + дресва + пух + органическая примесь), орнамент, нанесенный двумя зубчатыми инструментами (или орнаментиром с двумя рабочими краями) разными способами (шаганием и качалкой). Ряды оттисков расположены диагонально. Нельзя не отметить специфику рабочего края одного инструмента: близкорасположенные зубцы составляют группы, четко отделенные одна от другой (см. рис. 14, 15). С основной коллекцией сосуд объединяет наличие пуха в формовочной массе и ямок по краю венчика. Изнутри он орнаментирован качалкой. Последний признак отмечен на нескольких сосудах, хотя и не является основным для этой коллекции.

Второй сосуд (см. рис. 2, 7) также выделяет орнамент, нанесенный зубчатым штампом, и состав формовочной массы (глина + дресва + органическая примесь). Это единственное изделие, при изготовлении которого не использован пух. С основным керамическим комплексом его объединяют ямки по венчику и отпечатки веревочки на внутренней стороне. Общее для этих двух сосудов – наличие дресвы в формовочной массе, орнамент, нанесенный зубчатым штампом, ямки, которые, в отличие от других изделий, расположены только в верхней части. От основной коллекции отличает способ орнаментации (качалка и шагание зубчатым штампом), диагональное расположение рядов, состав формовочных масс. Наличие необычной для данного памятника минеральной примеси в формовочной массе одного сосуда (шамота, в котором находилась дресва) и использование пуха, характерное для этого поселения, свидетельствуют о смешении культурных традиций и контактах населения, а также о переходе пришлого населения на новые для них традиции в изготовлении посуды. Наличие ямок по венчику, пуха в формовочной массе позволяет считать, что гончары изготовили данный сосуд уже на поселении Новоильинка III под влиянием местных жителей.

Керамика, орнаментированная шагающей гребенкой, имеет широкое распространение от Урала до Алтая и встречается в комплексах от неолита до эпохи бронзы. Вертикальными рядами «гладкой качалки» украшен сосуд из разрушенного энеолитического погребения Павловка III в Угловском р-не Алтайского края (Южная Кулуунда) [Кирюшин Ю.Ф., Казаков, 1996, с. 219, рис. 54, 1]. Однако больше других сосуды из Новоильинки III имеют сходство с большемысскими эпохи энеолита, для которых характерны орнамент, выполненный зубчатым штампом, добавление дресвы из гранита с высоким содержанием слюды и на которых иногда встречается диагональное и вертикальное расположение рядов «гребенчатой качалки» [Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 3, 1, 4; 4; 8, 1; 15, 3; Степанова, 2008].

В целом коллекция из Новоильинки III по особенностям технологии изготовления и орнаменту занимает особое место среди алтайских комплексов неолита и ранней эпохи бронзы. Необычно для степного и лесостепного Алтая использование низко- и среднопластичного сырья, но одна из наиболее своеобразных черт новоильинской керамики – добавление большого количества пуха в формовочные массы [Степанова, 2008, 2010]. Подобная культурная традиция в Южной Сибири пока не выявлена. Использование птичьего помета с примесью пуха известно по неолитическим материалам Восточной Европы [Бобринский, 1978, с. 102–103; Цетлин, 1991, с. 93–98; 2012, с. 254–255]. К основным отли-

чиям керамики из Новоильинки III относится нанесение орнамента преимущественно незубчатыми инструментами и наличие ямок как обязательного элемента декора. Глиняная посуда эпохи энеолита из Барнаульско-Бийского Приобья (большемыссская культура) и Горного Алтая (афанасьевская культура) украшена в основном оттисками зубчатых штампов, отпечатки незубчатых инструментов встречаются реже и, как правило, составляют только часть композиции, а ряды ямок как элемент декора отсутствуют. Необычна и такая черта новоильинской керамики, как орнаментация внутренней поверхности сосудов.

Традиция украшать полностью сосуды незубчатыми штампами, отмеченная на памятнике Новоильинка III, характерна для керамики «кипринского» типа Барнаульско-Бийского Приобья. Близкие аналогии прослеживаются также в материалах поселений Венгерово-3 в Барабе [Молодин, 1977, с. 33, табл. XXXIII, 1–4; XXXIV, 3; XXXV, 2; XXXVI, 8; 1985, с. 17–18; рис. 3, 1–6, 16, 19] и Ботай в Северном Казахстане [Зайберт, 1993, рис. 22; Мосин, 2003, рис. 45–46, 48, 51–56, 65]. Чертты сходства (орнаментальная схема) связаны с тем, что все эти комплексы относятся хотя и к разным археологическим культурам, но в рамках единой культурно-исторической общности переходного времени от неолита к эпохе бронзы (энеолита или раннего металла). Несмотря на то, что основная масса керамики с памятника Новоильинка III декорирована оттисками незубчатого штампа и рядами ямок, по композиционному построению орнаментов и орнаментальным мотивам она сходна с гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой посудой лесной зоны Зауралья и Северного Казахстана. Очевидно, это поселение располагалось на восточной периферии ареала культурно-исторической общности с гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой и отступающе-накольчато-ямочной керамикой, протянувшегося от лесной зоны Восточной Европы (Прибалтика) до Верхнего Приобья. Скорее всего, периферийным (восточным) положением и определяется своеобразие керамики с памятника Новоильинка III [Кирюшин К.Ю., 2015].

Заключение

Подводя итог, отметим, что основу населения Новоильинки III составляли носители двух орнаментальных традиций, которым соответствуют разные навыки в изготовлении сосудов. Отступающе-накольчато-ямочная орнаментальная традиция, основная и местная для данного памятника, связана с керамикой «кипринского» типа Барнаульско-Бийского Приобья. Для посуды этой группы из Новоильин-

ки III характерны добавление пуха птиц в формовочную массу и использование низко- и среднепластичного исходного сырья.

Гребенчатую орнаментальную традицию, к сожалению, прежде временно связывать с уже выделенными археологическими культурами или типами керамики. Особенности состава формовочных масс свидетельствуют о смешении культурных традиций. Можно предположить, что обычай добавлять дресву сформировался в районах, где есть выходы камня (Рудный Алтай, отроги Салаирского кряжа или Казахский мелкосопочник и др.). Эта группа пришлого населения уже начала перенимать навыки и традиции местных жителей как в изготовлении, так и в орнаментации посуды (добавление пуха, орнамент из ямок, отпечатки веревочки, оформление венчиков с внутренней стороны и др.). Наличие двух традиций в использовании минеральных примесей (дресва и шамот) указывает на то, что приток населения мог быть из разных ландшафтных зон, т.к. добавление шамота в формовочную массу характерно для территорий, где нет выходов камня.

В целом результаты изучения технологии изготовления и орнаментации керамики с поселения Новоильинка III подтверждают единовременность и единокультурность комплекса. Прослеживается смешение культурных традиций, отражающее процессы взаимодействия и начавшейся консолидации населения с разными традициями, сложившимися, вероятнее всего, в различных ландшафтных зонах, что соответствует расположению памятника между крупными ареалами культур лесостепного Алтая, Казахстана и Барабы.

Список литературы

- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – 233 с.
- Зайберт В.Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуоречья. – Петропавловск: Наука Респ. Казахстан, 1993. – 246 с.
- Казаков А.А., Гальченко А.В., Степанова Н.Ф.** Об особенностях орнаментации средневековой керамики // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 154–155.
- Калинина И.В.** Архаичные орнаменты (технологическая целесообразность и семантика) // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). – Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 34–35.
- Калинина И.В.** Семантика и технология древних орнаментов // Тверской археологический сборник. – 1998. – Вып. 3. – С. 116–123.

Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2009. – 272 с.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитическо-энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ. – 1990. – Вып. 30. – С. 7–19.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 1. – С. 25–36.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита Алтайского края // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2009. – № 4/4. – С. 101–110.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 215–223.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Юж.-Урал. гос. ун-т, 2003. – 220 с. – (Этногенез уральских народов).

Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследований исходного сырья и формовочных масс керамики неолита – бронзы Горного Алтая и его предгорий // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2008. – Вып. 7. – С. 23–31.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных комплексов из Горного Алтая) // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. науч. ст. – Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2012. – С. 43–50.

Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья: Методические проблемы. – М.: ИА РАН, 1991. – 195 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

Материал поступил в редакцию 02.04.15 г.

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.111-120
УДК 398.3

Д.В. Арзютов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
Абердинский университет, Великобритания
University of Aberdeen
Edward Wright Building, Aberdeen, AB24 4QY, United Kingdom
E-mail: darzyutov@gmail.com; arzyutov@kunstkamera.ru; d.arzyutov@abdn.ac.uk

Шатра и юрт: «обратный адрес» в ритуале у алтайцев*

Статья посвящена анализу алтайских ритуальных вотивных фигурок из сыра/толокна/хлебного мякиша/глины – шатра. Показаны их связи с магическими фигурками охотников и историей шахмат. Основная идея статьи заключается в анализе композиции шатра как отражении отношений между локальным сообществом, ландшафтом, животными, веющими и духами в одной деревне в Республике Алтай, где автор проводит исследования с 2005 г. В работе также использованы материалы музеев и архивов Санкт-Петербурга, Москвы и Горно-Алтайска. Анализ этноистории и культурных контактов позволил установить, что стоит за социальными отношениями, олицетворенными в шатре. Беря за основу интерпретацию ритуала, предложенную Э. Личем, автор показывает как шатра связаны с его коммуникативным характером, а выставленная на ритуальном месте композиция – с фигуристивным оформлением собственных притязаний на землю и идентичность. В статье вводится и применяется к ритуалу понятие «обратный адрес». Это понятие позволяет определить акторов в ритуале и связанных с ним социальных отношениях. Акторы переплетены сложными связями между собой и окружающим миром и замыкаются через создание фигуристивной композиции. Сами связи, их изменчивость описываются через понятие «agency» как действия, свободного от принуждения. Сделан вывод о том, что шатра являются своеобразным узлом в сети многообразных отношений между человеком, животными, ландшафтом, веющими, материалами и духами.

Ключевые слова: алтайцы, игра, ритуал, ритуальные предметы, коммуникация, agency, религиозное движение.

D.V. Arzyutov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya Nab. 3, Saint Petersburg, 199034, Russia
University of Aberdeen,
Edward Wright Building, Aberdeen, AB24 4QY, United Kingdom
E-mail: darzyutov@gmail.com; arzyutov@kunstkamera.ru; d.arzyutov@abdn.ac.uk

Shatra and Jurt: The “Return Address” in the Altaian Ritual

This article examines the shatra – ritual votive figurines made by Altaian hunters, and their relevance to the history of chess. Based on the field studies in an Altaian village, where the author has been conducting research since 2005, and on the museum and archival data collected in Saint Petersburg, Moscow, and Gorno-Altaysk, social relations mirrored by the shatra are examined through the lens of Altaian ethno-cultural history. Proceeding from Edmund Leech's interpretation of ritual, the study reveals the communicative function of shatra and its relationship to the land and identity claims of people participating in the ritual. The concept of “return address” is introduced and applied to Altaian ritual. The local community is not only an “addressee”; it has agency in communications between human and nonhuman beings. It is concluded that the shatra may be metaphorically interpreted as a knot in the relationship network connecting humans, spirits, landscape, things, and materials.

Keywords: Altaians, game, ritual, ritual objects, communication, agency, religious movement.

*Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (№ 14-18-02785), а также проекта Arctic Domus (ERC, AdG295458).

Введение

В мае 2010 г. мне посчастливило наблюдать за изготовлением фигурок из сыра (*шатра*) и участвовать в ритуале. Все это происходило в рамках религиозного движения *Ак-Жан*, которое разворачивается последние более чем 10 лет в Каракольской и Урсульской долинах Республики Алтай, в тех же местах, где еще в начале XX в. бурханистские обряды были весьма популярны (см.: [Тадина, Арзютов, Кисель, 2012]).

Было уже около десяти часов вечера. Дома у алтайского *ярлыкчы* (ритуального специалиста в движении *Ак-Жан*) и его супруги – моих знакомых – ждали парень, который должен был вырезать фигурки из сыра (*шатра*), чтобы ранним утром следующего дня во время коллективного моления *мүргүйл** выставить их на каждом из 10 каменных престолов (*тагылов*). Сыр *быштак* еще днем принесла одна из участниц ритуала, изготовленная ею рано утром**. Были подготовлены также ленты-*жалама* (их называют еще *кыира*) четырех цветов: белого, синего, желтого и зеленого. Наконец в дом вошел парень, которому было ок. 30 лет. Как сказала моя знакомая, резчиком должен быть именно молодой человек, имеющий семью. На столе уже стояли подносы, специально предназначенные для ритуала, сыр лежал на деревянной дощечке, а рядом с ним нож. Все это было накрыто белой тканью. Парень спокойно прошел, сел у стола и, перекинувшись парой фраз с хозяйкой дома, сняв белую ткань, начал резать…

В доме стояла тишина, и только хозяйка переносила и расставляла на кровати в этой комнате подносы с готовыми фигурками из сыра. Все пристально смотрели на мастера, следили за каждым его движением. Украдкой мне удавалось задавать вопросы хозяйке дома, которая была одним из основных знатоков всего происходящего. Она шепотом объяснила, что мастер вырезает фигурки домашних животных (*айыла*), мужчины и женщины и вся эта композиция целиком символизирует *յурт* (домохозяйство, т.е. семью, до-

Рис. 1. Шатра. 2010 г. Фото автора.

машний скот и постройки). Вырезание было окончено примерно к 12 часам ночи, когда глаза у всех, откровенно говоря, смыкались. На двух столах стояли 10 подносов с *шатра** (рис. 1). На каждом подносе были чакы («коновязь»), *оттын бажы чакы* («коновязь у изголовья очага»), *уй* («корова»), *ат* («конь»), *кой* («овца»), *туулар* («горы»), обозначения шести углов *айыла*, *очок* («очаг»), *эр-кижи* («мужчина»), *йү-кижи* («женщина»), *янгыртык* («настил для вещей»), *айак/салкыш* («посуда»), *бозогы* («порог»), *төрдин кайырчагы* («сундук, где хранятся ритуальные предметы»). Остатки сыра сложили в деревянную миску, которую, как и подносы, утром возьмут на *тагыл*. Все стали потихоньку расходиться, чтобы завтра с рассветом встретиться у подножия местного холма (*болчок*) и пойти на *мүргүйл*.

Фигурки *шатра* интересны по нескольким причинам. В горной тайге, районе проживания северных алтайцев, подобного рода фигуры ставились охотниками у ручья или на специальном помосте с ожиданием их воплощения в реальное животное – объект охоты. В монгольских степях нетрудно сопоставить *шатра* с историей *шатранг/шатрандж* – шахмат. Исследователи [Тюхтенева, 2009, с. 89, примеч. 1] усматривают в совпадении названия *шатра* как игры и ритуальных фигурок только омонимию (критику и использование в сибирской этнографии «doctrine of homonyms» Б. Малиновского см.: [Broz, Willerslev, 2012]). Взаимодействие этих традиций отразилось в ритуалах как в бурханизме, по сведениям на первую треть XX в., так и в рамках современного движения *Ак-Жан*, где *шатра* соотносится с идеей *յурт*.

* Такое моление совершается дважды в году: весной (называется *яжыл бүүр*) и осенью (*сары бүүр*).

** *Быштак* – прессованный мягкий сыр быстрого приготовления из кипяченого коровьего молока [Анохин, 2013, с. 98; Потапов, 1953; Муйтуева, 2007, с. 81]. Надо сказать, что некоторые информанты с осуждением говорили и о том, что иногда *шатра* вырезали из «магазинного сыра» для *яжыл бүүр* по причине слабости коров, еще не оправившихся после зимы и дающих очень мало молока.

* Точно такие же фигурки этого мастера были привезены мной в МАЭ РАН (кол. № 7589).

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать историю и место *шатра* в современных ритуалах (за основу берется весенний обряд – *јажыл бүйүр**). Для анализа таких фигурок из сыра** в современных ритуалах алтайцев вводится понятие «обратный адрес», при том что «прямой адресат» или тот, на кого обращено действие, участниками ритуала определяется как ээзи («хозяин»; имеется в виду дух-хозяин местности) или просто – Алтай. Более точно об этом написала С.П. Тюхтенева: «Адресатами благопожеланий являются, как следует из текстов, Алтай, солнце, луна, божество Ўч-Курбустан, Кайракан (божество неба), священные для населения данной местности горные вершины, деревья» [2009, с. 88]. В то же время «обратный адрес» – это проявление субъективности в ритуале, способ определить себя. Фигурки из сыра, их композиция, определенный порядок на ритуальном месте и есть такой способ. В англоязычной антропологической литературе подобные формы определения могут быть описаны через понятие «agency», аналога которого в русском языке, увы, нет. Я позволю себе перевести его в двух вариантах: как «действие, свободное от принуждения» и как «субъективность» свободы участников ритуала в создании композиции фигурок, определяющих их самих. Такой «адрес» в зависимости от названия (*кочкорлор*, *шатра*) и назначения фигурок (для расстановки в тайге, на ритуальном месте, для игры) может быть определен с трех точек зрения.

1. Взгляд из тайги. Здесь фигурки являются символическим изображением дикого животного, которое должно быть убито. Местом их создания и ритуального использования выступает тайга.

2. Взгляд из села. В данном случае можно говорить о своеобразной скотоводческой перспективе. Это фигурки домашних животных, модели материальных элементов домохозяйства, а также изображения, символизирующие «освоенное» пространство (фигурки, означающие ближайшие к селу и речной долине священные горы). Местом их создания и ритуального применения являются как поселения, так и ритуальные места, расположенные на родовых территориях.

3. Взгляд из-за игрового стола. Фигурки используются для игры в *шатра*.

**Јажыл бүйүр* («зеленая листва») и *сары бүйүр* («желтая листва») – два основных ритуала в движении *Ak-Jar* на Алтае, которые совершаются весной и осенью соответственно. Их смысл заключается в испрошении хорошего хозяйственного года (весной) и благодарности за него (осенью).

**Археологи при анализе подобных фигурок обычно используют концепцию вотивных предметов – как правило, уменьшенных копий, которые предназначаются для совершения ритуала (см., напр.: [Osborne, 2004]).

Определяя настоящие перспективы, я не располагаю их по хронологии. Это скорее способы наделения фигурок смыслом в различных местах, в которых может оказаться один и тот же человек. Более того, следует сказать, что в хозяйстве алтайцев существует охотниче-скотоводческая континуальность, или, как пишет А. Венцель, анализируя якутские материалы, охоту и скотоводство можно рассматривать как «комплементарные стратегии» [Ventsel, 2006].

Таким образом, основной целью предлагаемой статьи является анализ всех трех вариантов *шатра* и *кочкорлор* с точки зрения связи фигурок и окружающего ландшафта, а также выражения субъективности в ритуале.

Взгляд из тайги

Наиболее ранние упоминания о фигурках животных, выпленных из глины и других материалов, связаны с культурой северных алтайцев (*јии кижи*) – жителей горной тайги, которые изготавливали их перед охотой. Коллекция таких фигурок сохранилась в РЭМ (кол. № 597, предметы 12–16; опубликовано: [Иванов, 1979, с. 77; На грани миров..., 2006, с. 265]). О создании и применении аналогичных изображений животных писал С.В. Иванов со слов алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина (запись 1935 г.): «Алтайцы* называли их *кочкорлор* (“горные бараны” (архары (*Ovis ammon*). – Д. А.)). Всего их должно быть 27 штук. Такие фигурки лепили из толокна, хлебного мякиша, глины или творога. Затем вдали от жилья сооружали помост, покрывали его куском бересты и расставляли на нем выпленных животных. Жертва предназначалась белому духу Айсану (дух с таким именем неизвестен. – Д. А.), духам земли, иногда шаману-предку. Шею и рога баранов обвязывали желтой или мишурной ниткой» [1979, с. 77]. Описание этих же фигурок приводит Л.П. Потапов [1929, с. 131], а вслед за ним Д.К. Зеленин [1929, с. 46]. Л.П. Потапов пишет: «[Алтайцы] лепят фигурки козлов и маралов из ячменного толокна и расставляют их по тайге в уверенности, что Алтай превратит их в живых» [2001, с. 135]. Здесь угадывается магическая функция этих скульптурных изображений животных, видимо вполне сопоставимая с назначением образцов мелкой пластики, известных по археологическим материалам (см.: [Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000, с. 33]). Относительно Южной Сибири С.В. Иванов указывает на распространение сходных фигурок у бельтиров, шорцев, куман-

*Г.И. Чорос-Гуркин, скорее всего, имел в виду северных алтайцев или телеутов, культура которых была ему наиболее известна.

динцев, телеутов, алтай-кижи и теленгитов [1979, с. 156–157]. Аналогии можно найти у обских угров, у которых изображения птиц (тетерок), оленей, лосей и коней, выполненные из толокна, используются на медвежьем празднике. С.В. Иванов отмечает, что «вся эта пластика относительно позднего происхождения, заменила собой птиц, оленей или лосей, которых прежде убивали на празднике и мясо которых затем же съедали. На это указывает разбиение тестяных фигурок» [1970, с. 50]. Еще одной параллелью для *кочкорлор* могут служить *козульки/козули* у поморов – фигуруки, изготавливающиеся на Рождество и изображающие оленей, лошадей, коров и т.п. Делают их из муки, а потом дарят детям, когда те колядуют. Оставшиеся дома фигуруки хранят и используют как пасхальную пищу, а также, например, кормят скот в случае болезни (см.: [Зеленин, 1991, с. 401; Пропп, 1995, с. 38–39]).

Увы, мне не известно, что делали североалтайские охотники с фигурками (поедали, разбивали и т.п.). Представляет интерес материал для их изготовления. Охотничий и скотоводческие фигуруки различаются именно по материалу: первые делают из растительной пищи (хлеб, толокно), вторые – из молочной (сыр).

Растительная пища алтайцев очень разнообразна, особенно на севере региона (см.: [Потапов, 1953; Муйтуева, 2007, с. 100–146]), но ее статус был довольно высоким и в Центральном/Восточном, преимущественно скотоводческом, Алтае (Онгудайский и Усть-Канский р-ны), о чем свидетельствует очень красивое алтайское обращение: «Какие есть новости вперемешку с ароматом лука?» («*Солун-собур, согоно, јытту не бар?*»). Связь между охотой и растительной пищей видна и в традиционном инвентаре: «Большое значение для хранения мучных продуктов имели шкуры животных, особенно диких. Такие шкуры не пропускали влагу (*чык тарлас*). Алтай-кижи обрабатывали шкуры животных под замшу и изготавливали различные по размеру мешки (*баштык*). В них хранили *кочо*, готовый *талкан*. Из шкур архаров (*кочкор*) шили кожаные мешки “*теккий*”. Кроме того, в хозяйстве использовались мешки “*тулуп*” из шкур крупнорогатого скота и лошадей, в которых они хранили ячмень и другие продукты питания» [Муйтуева, 2007, с. 127].

Охотничий фигуруки фокусируются на диких животных (*ан*). Их расстановка определяет прежде всего тайгу*, и в наборе этих фигурок из известных описаний и полевых материалов автора нет иных изображений кроме диких животных.

*Тайга также имеет значение «гора, покрытая лесом», что и связано с местами охоты [Ойротско-русский словарь, 1947, с. 139].

Взгляд из села

Сопоставляя фигурки из растительной пищи (охотничьи) и из сыра, С.В. Иванов указывает, что, видимо, их следует различать и что последние могли выступать «украшениями» и «сценками из алтайской жизни» [1979, с. 76]. Противопоставление растительной и молочной пищи можно обнаружить в алтайском языке и ритуалах. Так, молочная пища (*ак аи* – «белая (священная) пища») тесно связана с бурханистскими ритуалами, а само религиозное движение в одном из вариантов носило название *сүт jan* – «молочная вера». В алтайской традиции корова принадлежит классу животных *соок тумчыкту мал* («скот с холодным дыханием») и соотносится с Нижним миром. Для производства сыра, из которого делают *шатра*, нужно именно коровье молоко. В.А. Муйтуева указывает в духе структуристской модели объяснения, что сама процедура изготовления сыра меняет статус продукта, «очищая» его [2007, с. 65]. Животные, представленные в композиции *шатра*, делятся на две группы: с холодным и горячим дыханием, поэтому фигурки коров располагаются с одной стороны от изображения коновязи, а овец и лошадей – с другой (рис. 1, слева на подносе; подробнее см.: [Броз, 2007]).

Композиция скотоводческих фигурок предполагает наличие изображений не только домашних животных, но и жилища, а сегодня еще и людей. Обычно исследователи бурханизма указывали, что эта композиция является свидетельством перехода к бескровным жертвоприношениям. С.П. Тюхтенева упоминает о *шатра* и его аналоге – *балын/балын** в связи с празднованием прежде всего на юге Алтая Нового года – Чага Байрам [2009, с. 89]. Согласно ее сведениям, ритуальные фигурки сжигают на *тагыле*. Алтайцы долин рек Каракол и Урсул не предают их огню, а просто оставляют на *тагыле* (об этом см. ниже).

Материалы, собранные А.Г. Данилиным, показывают состав *шатра*: фигурки лошадей, баранов, «пирамидки»**. Последние автор подразделял на два вида: простые (*шатра*) и ступенчатые (*сакъ****). Он отмечал и использование в этой композиции «косточек ног барана» [Данилин, 1932, с. 73]. Исчезновение «пирамидок» сегодня, возможно, связано с едва ли не основной идеей *Ак-Жан* – борьбой с буддизмом

*По всей видимости, данное слово известно только на юге Алтая. *Балын* встречается в монгольском языке в значении «жертвенные мучные фигурки, жертвенное печенье, подношение, жертвоприношение» [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001, с. 221].

**В тибетском буддизме такие «пирамидки» – модели субургана. Эти фигурки можно увидеть и в кинохронике, снятой на Алтае в конце 1920-х гг. (?) (РГАКФД. № 2724).

***Основное значение *чакы* – «коновязь».

[Тадина, Арзютов, Кисель, 2012, с. 409; Halemba, 2003]. Согласно полевым материалам А.Г. Данилина, фигурок всегда было четное количество: 2, 4, 20, 24, 40, 42 и 100 шт. (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 4 об., 5 об.; см. также: СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 40). Он отмечал незначительную вариативность самих фигурок в пределах Усть-Канского, Шебалинского и Онгудайского р-нов (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 5 об.). В материалах А.Г. Данилина есть схема, составленная, вероятно, со слов информанта К.И. Танашева (о нем см.: [Токарев, 1947, с. 144; Дьяконова, 1998; Козинцев, 2010]), где указано значение вершины и каждой ступени «пирамидки» (рис. 2). Примечательно, что здесь обозначены места как охоты (С), так и пастьбы скота (Д). Это может свидетельствовать об определенном смешении охотничьих кочкорлов и скотоводческих шатра.

А.Г. Данилин и Л.Э. Каруновская, собиравшие материал по бурханизму, привезли из экспедиции 1927 г. шатра для МАЭ, правда, не весь «комплект», а только «пирамидку» из сырчика (имеется в виде алтайский сыр – курут) и фигурку лошади – ат. Но, увы, оба эти предмета (МАЭ 3650-81, МАЭ 3650-82) были утрачены к 1951 г. (на основании описи МАЭ 3650; единственная иллюстрация: [Иванов, 1979, с. 76]). А.Г. Данилин и Л.Э. Каруновская, много работавшие с К.И. Танашевым, записали от него (?) и специальную «молитву» алтайцев при обращении к шатра (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 36), где используется эпитет «јорт желу кök шатра» (досл. «четырехсторонняя синяя шатра»). Примечательно определение кök. Я оставил здесь первоначальный перевод К.И. Танашева – «синий», в то время как семантика кök включает синий, голубой, серый, зеленый (особенно в применении к молодой зелени) цвета, что дало в свое время основание Н.А. Баскакову говорить о «туркском дальтонизме» (см.: [Майзина, 2006]). В «молитве» обращаются к Алтаю, которого просят дать детей и скот.

Несмотря на постепенное забывание семантики элементов шатра, сам ритуал расстановки фигурок продолжал существовать. В более позднее время один мой знакомый (ему сейчас 50 лет) рассказывал, что в детстве, когда ему было 10–12 лет (т.е. эти события приходятся примерно на начало 1970-х гг.), он заболел, и отец вырезал шатра (изображения он не помнит) и отнес к аржан-суу («роднику») недалеко от пос. Каракол Онгудайского р-на. Точно такое же назначение шатра в с. Кулады в Каракольской долине приводит Е.А. Окладникова: «Эти фигу-

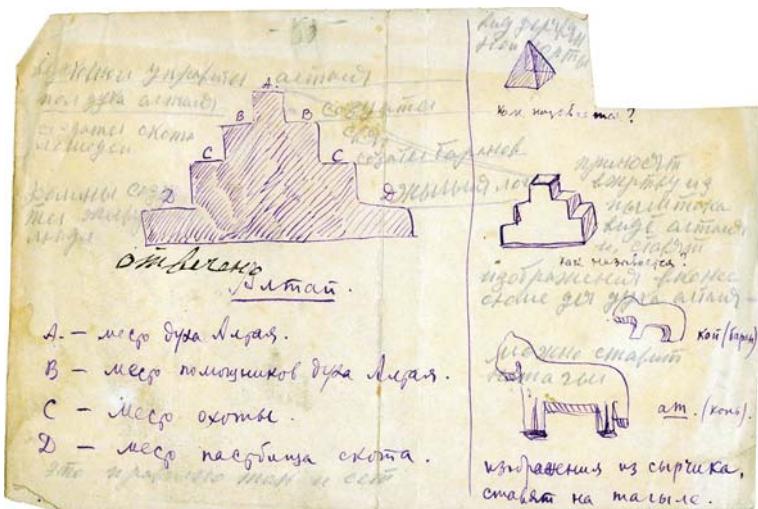

Рис. 2. Схема шатра. АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 76 об.

ки <...> рассматривались как своеобразное подношение духам гор и хозяину зверей данной местности» [1983, с. 173]*, а немного ниже уточняет, что они выступали в качестве заместителей настоящих животных, которые должны были вернуться к людям. Е.А. Окладникова в личной переписке со мной указывала на отсутствие в композиции шатра фигурок людей. В остальном она сходна с современной, описание которой приведено в начале статьи. Но, наверное, наиболее важным является то, что в конце ритуала фигуры сжигались (сообщение получено по электронной почте 14.10.2012 г.).

Л.В. Чанчибаева приводит сведения по Онгудайскому р-ну о посещениях аржан-суу. Она указывает, что шатра вырезали как из быштака, так и из курута и расставляли на жертвеннике из камней. «Эти фигуруки якобы олицетворяли действительных животных, приносимых в дар духу-хозяину аржана» [Чанчибаева, 1978, с. 95–96]. Важно то, что в данном случае таежные и скотоводческие стили фигурок остаются еще неразделенными.

А.И. Наева дает описание посещения в начале 2000-х гг. аржан-суу – целебных источников. Непременным атрибутом ритуала она называет шатра в виде людей, домашней утвари, юрты, животных [Наева, 2002]. Здесь наблюдается дальнейшее изменение идеи шатра и введение в их состав фигурок людей.

В 2012 г. перед началом курултая сёока тёлөс в урочище Темучин возле с. Ело совершался обряд, где шатра расставляли на плоском камне у березы с подвязанными к ней јалама/кыйра. Там были фигурки лошади (ат), горного барана (кочкор), изображение

*В названии статьи допущена ошибка. Следует читать не «кумандинских алтай-кижи», а «куладинских» (от названия поселка) или «каракольских» (от наименования реки).

коновязи (*чакы*) и «пирамидки». В целом такая модель напрямую соотносится с бурханистской. Можно сказать, что в разных ситуациях используют различные традиции вырезания фигурок.

Для понимания места *шатра* в бурханизме в начале ХХ в. и в современных ритуальных практиках алтайцев обратимся к *шатра* как игре.

Взгляд из-за игрового стола

В алтайском эпосе Козын-Эркеш [Улагашев, 1941, с. 219] есть упоминания об игре в *шатра*. В эту игру, которая только отдаленно напоминает шашки [Словарь..., 1884, с. 445; Ойротско-русский словарь, 1947, с. 185], продолжали играть еще в 1950-х гг. на юге нынешней Республики Алтай, а именно в Улаганском и Кош-Агачском р-нах [Пахаев, 1960]. На юге, где влияние монгольской культуры наиболее ощутимо, параллели с *шатра* связаны с огромной по охвату историей шахмат [Murray, 1913; Орбели, Тревер, 1936; Кочешков, 1972; Eales, 1985]. Она начинается в Индии, затем шахматы через Тибет проникают в Монголию и дальше на север в Южную Сибирь [Montell, 1939, р. 83; Вайнштейн, 1974, с. 180]. Лексический ряд во многом только подтверждает это. Так, санскритское *caturanga* («четыре ряда» / «четыре строя» [Montell, 1939, р. 82]) соотносится с древнетюркским *шатрандж/шатранж* [Древнетюркский словарь, 1969, с. 521]. Монгольские шахматы называются *шатыр/чатыр/шатар* [Савенков, 1905; АМАЭ РАН. Ф. К-И. Оп. 1. Ед. хр. 62], материалом для их изготовления могли служить камень, металл и кость [Кочешков, 1972, с. 134]. Название тувинских шахматозвучно монгольскому – *шыдыраа* [Murray, 1913, р. 311; Карапкин, 1971; Вайнштейн, 1974, с. 178–180; Sat Bril, 1987]. Их историю, как и алтайских *шатра*, связывают с распространением тибетского буддизма в регионе начиная с XVI–XVII вв. Основными игроками в *шыдыраа* были ламы [Савенков, 1905; Карапкин, 1971, с. 137–138; Montell, 1939; Kabzinska-Stawarz, 1991, р. 28].

История *шатра* в движении с юга на север наложила свой отпечаток и на внешний вид фигурок, в которых угадываются «монгольские черты», комбинирующиеся с местной традицией резьбы аналогичных фигурок. Такой синтез порой открывает интересные перспективы для интерпретации. Так, И. Самбу обратил внимание на то, что «тувинские игры “буга шыдыраа” и “тугул шыдыраа” напоминают охоту» [1974, с. 21]. Сопоставление с охотой может быть важным по двум причинам: сама игра, во-первых, предполагает не просто модель общества, а своеобразную модель батальи (на это наталкивает еще санскритская этимология); во-вторых, показывает, что набор фигурок животных от культуры к культуре менялся и был

связан с различием хозяйственных практик (см.: [Кочешков, 1972]). Уже в игре военная стратегия заменена пространственной метафорой. Приведу на этот счет суждение медиевиста С.И. Луцицкой при анализе трактата XIII в. об игре в шахматы: «Шахматы – прежде всего пространственная метафора общества (как, впрочем, и телесная метафора), и пространственная символика, играющая важную роль в размещении фигур на шахматной доске, здесь совпадает с социальной» [2007, с. 134].

Внешний вид фигурок также не был устойчивым и зависел от локальных традиций резьбы. В отличие от тувинских фигурок [Кисель, 2004], алтайские почти полностью утратили свой первоначальный облик. По словам информатора К.Н. Шумарова, сегодня используют три типа фигур: *баатыр*, *бий* и собственно *шатра* (по статусу приравнены к пешкам; в Кош-Агачском р-не называются еще *юуучылдар* – «воины»). Все они заменяются шашками с приклеенными к ним опознавательными значками.

На Алтае *шатра* как игра была восстановлена только в 1970–1980-е гг. В ее воссоздании принимали участие и сотрудники Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Большую роль в унификации правил сыграли В.Л. Таушканов и Б.Т. Самыков. Однако их реформирование не получило всеобщего признания, и сегодня вариантов *шатра* довольно много. Постепенно игра стала распространяться далеко за пределы южных районов Алтая, получила республиканский статус и с 1988 г. входит в список соревнований на национальном алтайском празднике Эл-Ойын (досл. «национальная игра»). В местной газете «Алтайдын Чолмоны» часто публикуются правила игры в *шатра*, результаты турниров и обзоры по стратегиям (см., напр.: [Ядагаев, 2004]). В с. Онгудай мне доводилось видеть огромный азарт местных жителей, активно участвовавших в соревнованиях по шахматам и *шатра*.

Как и фигурки из толокна/теста/сыра, шахматы встречаются и в Северной Азии как игры долган, якутов, эвенков, ненцев, ногасан, юкагиров, камчадалов, чукчей, а кроме того, в самом начале XVII в. они были известны русским арктическим мореплавателям, от которых, видимо, и попали к народам Севера (см.: [Замятин, 1951]).

«Обратный адрес»

Этнографы обращали внимание на коммуникативный характер ритуала установки *шатра* на *тагыле*. В начале статьи я приводил сведения С.П. Тюхтеневой о многообразии адресатов благопожеланий [2009, с. 88]. Важно то, что каждый из них связан со всей окружающей средой, а не с отдельными ее составля-

Рис. 3. Тагыл с шатра. 2010 г. Фото автора.

ющими. В алтайском языке для описания окружающего ландшафта вместе со всеми живыми существами (ср. англ. *environment*) используется понятие *арбүткөн*. Однако если взглянуть с другой стороны и постараться увидеть в этой коммуникации собственно людей, совершающих ритуал, то откроется немного иная картина. Предложенные описания можно сопоставить с понятием обратного адреса на почтовом конверте, где адресат локализует себя в культурно модифицированном пространстве городов/сел, улиц и домов. Однако когда нужно отправить письмо туда, где привычный порядок пространства нарушен, привязка к месту становится менее очевидной, а адресат начинает соотноситься с какими-то иными точками на карте.

Алтайские роды напрямую связаны с горами Алтая, что определяет взаимоотношения человека и ландшафта [Тюхтенева, 1995]. Сырные фигурки соединяются с «хозяином» местности (ээзи) за счет установки на ритуальном месте (*тагыле*), представленном несколькими каменными кладками, символизирующими родовые горы. Во время ритуала участники выбирают свой каменный престол, исходя из собственной родовой принадлежности. Сама же композиция фигурок является не жертвоприношением, а указанием точки на карте, куда должна снизойти благодать, выраженная в желаниях, артикулируемых или осмысливаемых во время ритуала. Композиция фигурок определялась моими информантами как *юрт*, т.е. как домохозяйство, но вместе с тем ими много-кратно подчеркивалось, что у *юрт* есть еще одно значение – «деревня»*, а для обозначения деревни/села в алтайском языке также используется *теремне* – за-

Рис. 4. Значение мест на тагыле.

Ээзиның жери – земля духа-хозяина, от – огонь, тагылдың бажы – вершина ритуального места; юрт – домохозяйство, шатра – фигурки из сыра, эдек – подножие (досл. «подол»).

имствование из русского (адаптированное слово «деревня»), и в случае с *шатра* это именно та деревня, где установлен *тагыл*.

В данном ритуале наблюдается совмещение «родовой» и «территориальной» логики. Причем последняя столь пластична, что впитала в себя советские преобразования по созданию, а затем укрупнению сел. Таким образом, каменные *тагылы*, символизирующие родовые горы, и фигурки из сыра, означающие и домохозяйство, и деревню, выстраивают перспективу, где «работают» обе системы «карографирования». Представленные фотография (рис. 3) и схема (рис. 4) показывают, как это переплетение осуществляется. Воссоздается многомерная композиция, в которой вершиной (в символическом смысле) *тагыла* является его западная часть, где разводится огонь, а подножием – восточная с фигурками из сыра как символ *юрт*. Кубическая форма *тагыла* трансформируется в пирамиду с вершиной и подножием, а также связывается со сторонами света и пространством села. Тут интересна перекличка с игрой в *шатра*, где доска, также как и поверхность *тагыла*, разделена надвое. Если в игре это стороны противников (модель битвы), то в ритуале – акторы. Расставленные *шатра* на *тагыле* становятся реципиентом будущей благодати и одновременно обозначают участников ритуала, в то время как место для огня символизирует донора и источник этой самой благодати. Здесь происходит визуализация связи между горами, духом-хозяином, поселением, родом и конкретным человеком, делающим подношение. Если вернуться к проблеме родственных связей, то само расширение контекста *шатра*, осмысление его как домохозяйства – деревни – территории дает возможность увидеть, что пространство является лишь способом визуализации родственности, т.е. создает видимую связь между окружающим пространством

*Замечу, что слово *юрт*, несмотря на многозначность, алтайцами Каракольской и Урсульской долин не употребляется в значении юрты – жилища.

и родством. Именно поэтому антропологи усматривают в шахматах логику родства [Wagner, 2011].

Выбор того, как и зачем поставить те или иные фигурки, не является механическим. Участники ритуалов (охотничих и скотоводческих) выбирают ту или иную композицию, исходя из собственных отношений с ландшафтом и животными, а также из социального опыта. Всякий раз, готовясь к охоте, отелу/окоту скота, человек создает модель пространства, где эти социально-экономические и экологические отношения наиболее актуальны (тайга или поселение). Пришедшая с «юга» игра стала важным фактором в оформлении композиции фигурок, придании ей структурного характера и явных социальных референций. Фигурки в ритуале как в тайге, так и во время *мүржү́ла* являются отражением отношений между локальным сообществом и ландшафтом, определяя, ради чего совершается моление, показывая «обратный адрес» послания, превращая ритуал в послание самим себе, как заметил Э. Лич [2001, с. 58].

Если вернуться к бурханистским фигуркам, то в них видна еще неразделенность охотничих и скотоводческих линий в конструировании символики. Постепенно охотничьи *кочкорлор* стали представлять исключительно диких животных, в противоположность скотоводческим *шатрам*, представляющим домашних. Это противопоставление оформилось в диалоге «село—тайга». Можно заметить, что «село—тайга» как маятник хозяйственной деятельности алтайца в западной (центральной) части республики накладывает отпечаток на ритуалы с использованием *шатра* и позволяет говорить об изменении отношений между человеком и ландшафтом, способов локализации в нем. Устойчивой частью *шатра* как в селе, так и в тайге являются фигурки, символизирующие скот/диких животных.

В исследованиях, посвященных охотничьим коллектикам в Сибири, отмечается, что в тайге охотник словно исчезает, начиная подражать миру животных [Willerslev, 2004]. В этом пространстве его обозначение могло бы разрушить тонкие связующие нити между человеком и животным. Поэтому магическое действие по установке фигурок из толокна или глины определяет не человека как охотника, а именно диких животных, которых он хотел бы убить. Такая логика связана не столько с конкретным местом или группой (например, северных алтайцев), сколько с отношением с ландшафтом. В этой ситуации охотник словно проясняет неопределенность, стараясь предугадать охотничий фарт (ср.: [Broz, Willerslev, 2012]).

При сопоставлении в охотничьих и скотоводческих *шатра* заметен еще один аспект. Если в тайге охотник осознанно «стирает» время, выходя за пределы социальности, то в фигурках для *мүржү́ла* само изображение и компоновка отсылают к вневременно-

сти: все фигурки людей и животных располагаются внутри/около *айыла*, который в повседневной жизни на протяжении уже довольно долгого времени служит не жилищем, а летней кухней (ср.: [Арзютов, 2013, с. 123–124]). Через интерпретацию *айыла* можно увидеть практики по «музеификации» природы, а также ритуальному управлению не только пространством, но и временем. Такой поворот к вневременности говорит об акценте на самих фигурках и их связях с пространством.

Игра в *шатра*, пришедшая из Тибета, претерпела изменение от логики баталии к пространственной метафоре ритуальных фигурок на Алтае. В самой игре, несмотря на стремление к пространственному упорядочиванию социальных ролей через фигуры, контекст утрачивается, ограничиваясь шахматной доской. В случае с ритуальными фигурками, напротив, модели стремятся к столь многообразным и многомерным контекстам, что словно присваивают окружающее пространство как в социальном, так и в мифологическом и географическом смыслах.

Заключение

Анализ *шатра* дает основания рассматривать их как своеобразный узел в сети многообразных отношений между человеком, животными, ландшафтом, вещами и духами. Достаточная свобода, с которой алтайец создает одну композицию, символизирующую *юрт*, а через некоторое время, отправляясь на охоту, другую из фигурок диких животных – *кочкорлор*, позволяет говорить о том, что выбор стратегий связан с необходимостью определить себя в ландшафте как скульптурной композиции, имеющей возможность быть увиденной сверху. Эта верхняя точка может располагаться на западной стороне *тагыла*, открывая простор для синтагматической цепочки, включающей как родство (родовые горы), так и пространственную локализацию (*тагыл той* или иной деревни), а может находиться на вершине горы в тайге, где установленные фигурки скорее напоминают модель стада. Сам факт наличия вотивных фигурок, в расстановке которых есть свой порядок, невольно наталкивает на мысль о присутствии богоподобного наблюдателя. Поскольку адресат благопожеланий, как точно заметила С.П. Тюхтенева [2009, с. 88], не вполне конкретный, наблюдается подвижность в отношении *шатра* и адресата, и «обратного адреса». Именно здесь можно увидеть agency, где свобода выбора и действия позволяют выстраивать множественные модели отношений, то устойчивые, то хрупкие, как и сами фигурки из сыра. На схеме, отображающей значение разных частей *тагыла* (рис. 4), пара «восток–запад» на каменной кладке определяет ось двух «адресов».

Наряду с *шатром* у алтайцев существуют и иные варианты игровых и вотивных фигурок, которые связаны с деятельностью людей и ландшафтом, где она осуществляется. Эта множественность использования фигурок дает представление о динамике социальной жизни алтайцев на протяжении последних более чем 100 лет.

Список литературы

- Анохин А.В.** Материальное производство ойротов и шорцев. – СПб.: Мост, 2013. – 224 с.
- Арзютов Д.В.** Алтайский ритуальный ковер и создание гетеротопии // Антропологический форум Online. – 2013. – № 18. – С. 85–133.
- Большой академический монгольско-русский словарь.** – М.: Academica, 2001. – Т. 1. – 520 с.
- Вайнштейн С.И.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 223 с.
- Данилин А.Г.** Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль // СЭ. – 1932. – № 1. – С. 63–91.
- Древнетюркский словарь.** – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- Дьяконова В.П.** К. Танашев: алтайский ярлычки или кам? // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1996–1997 гг. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – С. 132–134.
- Замятин С.Н.** О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. – С. 147–152.
- Зеленин Д.К.** Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть I. Запреты на охоте и иных промыслах // Сб. МАЭ. – 1929. – Т. VIII. – С. 1–151.
- Зеленин Д.К.** Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
- Иванов С.В.** Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Иванов С.В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар: XVIII – первая четверть XX в. – Л.: Наука, 1979. – 196 с.
- Каралькин П.И.** Тувинские шахматы // Этнография народов СССР. – Л.: Геогр. об-во СССР, 1971. – С. 136–145.
- Кисель В.А.** История камнерезного искусства Тувы // Сб. МАЭ. – 2004. – Т. 49. – С. 44–56.
- Козинцев А.Г.** История одного шаманского бубна // Наша книга из первых рук. – 2010. – № 3. – С. 76–87.
- Кочешков Н.В.** Шахматы у монголоязычных народов XIX–XX вв. // СЭ. – 1972. – № 1. – С. 132–138.
- Лич Э.** Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. – М.: Вост. лит., 2001. – 144 с.
- Лучинская С.И.** Шахматы как метафора средневекового общества // Одиссея: Человек в истории. – 2007. – № 1. – С. 127–147.
- Майзина А.Н.** Названия цвета в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком) // Алтай–Россия: Через века в будущее: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российской государства. – Горно-Алтайск, 2006. – Т. 2. – С. 249–252.
- Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А.** Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура: Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 23–36.
- Муйтуева В.А.** Традиционная пища алтай-кижи: обряды и представления. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – 154 с.
- На грани миров: Шаманизм народов Сибири:** (Из собрания Российского этнографического музея: альбом). – М.: Художник и книга, 2006. – 296 с.
- Наева А.И.** Обряды, посвященные целебным источникам аркан-сүу // В мире науки, культуры, образования. – 2002. – № 10/11. – URL: <http://e-lib.gasu.ru/MNKO/archive/2002/12/aspir/10.html>
- Ойротско-русский словарь** / сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тоцкова. – М.: ОГИЗ, 1947. – 312 с.
- Окладникова Е.А.** Ритуальные скульптурки животных из сыра кумандинских алтай-кижи // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 161–175.
- Орбелли И., Тревер К.** Шатранг: Книга о шахматах. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1936. – 198 с.
- Пахаев С.Я.** Шатра // Учен. зап. ГАНИИЯЛ. – 1960. – Вып. 3. – С. 147–156.
- Потапов Л.П.** Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. – Баку: Всесоюз. центр. комитет нового тюрк. алфавита, 1929. – Кн. V. – С. 123–150.
- Потапов Л.П.** Пища алтайцев (этнографический очерк) // Сб. МАЭ. – 1953. – Т. XIV. – С. 37–71.
- Потапов Л.П.** Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в охотничьем промысле алтайцев). – СПб.: МАЭ РАН, 2001. – 168 с.
- Пропп В.Я.** Русские аграрные праздники: (опыт ист.-этногр. исследования). – СПб.: Терра-Азбука, 1995. – 176 с.
- Савенков И.Т.** К вопросу об эволюции шахматной игры: Сравнительно-этнографический очерк // Этногр. обозрение. – 1905. – № 1. – С. 1–128.
- Самбу И.У.** Из истории тувинских игр: (ист.-этногр. очерк). – Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1974. – 32 с.
- Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка** / сост. В. Вербицкий. – Казань: Православ. миссионер. об-во, 1884. – 494 с.
- Тадина Н.А., Арзютов Д.В., Кисель В.А.** Ак-Ян на Алтае: дискурс и практики «религиозного возрождения» // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 407–414.
- Токарев С.А.** Пережитки родового культа у алтайцев // ТИЭ. – 1947. – Т. I. – С. 139–158.
- Тюхтенева С.П.** Об эволюции культа гор у алтайцев // Шаманизм и ранние религиозные представления. – М.: ИЭА РАН, 1995. – С. 173–179.
- Тюхтенева С.П.** Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. – Элиста: Изд-во Калмык. гос. ун-та, 2009. – 169 с.
- Улагашев Н.У.** Алтай-Бучай: Ойротский народный эпос. – Новосибирск: Обл. гос. изд-во, 1941. – 407 с.
- Чанчибаева Л.В.** О современных религиозных пережитках у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 90–103.

Ядагаев Г. Алтай шатра // Алтайдын Чолмоны. – 2004. – 10.04. – С. 4.

Broz L. Pastoral Perspectivism: A View from Altai // Inner Asia. – 2007. – N 9. – P. 291–310.

Broz L., Willerslev R. When Good Luck Is Bad Fortune: Between Too Little and Too Much Hunting Success in Siberia // Social Analysis. – 2012. – Vol. 56, iss. 2. – P. 73–89.

Eales R. Chess – The History of a Game. – N. Y.: Facts on File Press, 1985. – 240 p.

Halemba A. Contemporary Religious Life in the Republic of Altai: the Interaction of Buddhism and Shamanism // Sibirica. – 2003. – Vol. 3, iss. 2. – P. 165–182.

Kabzinska-Stawarz I. Games of Mongolian Shepherds. – Warsaw: Inst. of the History of Material Culture, Polish Acad. of Sci., 1991. – 154 p.

Montell G. Mongolian Chess and Chess-men // Ethnos: J. of Anthropol. – 1939. – Vol. 4, N 2. – P. 81–104.

Murray H.J.R. A History of Chess. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1913. – 900 p.

Osborne R. Hoards, Votives, Offerings: the Archaeology of the dedicated Object // World Archaeol. – 2004. – Vol. 36, iss. 1. – P. 1–10.

Sat Bril L. Pièces du jeu d'échecs tuva // Etudes Mongoles et Sibériennes. – 1987. – N 18. – P. 75–89.

Ventsel A. Hunter–Herder Continuum in Anabarski District, NW Sakha, Siberia, Russian Federation // Nomadic Peoples. – 2006. – Vol. 10, iss. 2. – P. 68–86.

Wagner R. The Chess of Kinship and the Kinship of Chess // HAU: J. of Ethnographic Theory. – 2011. – Vol. 1, iss. 1. – P. 165–177.

Willerslev R. Not Animal, not Not-Animal: Hunting, Imitation and Empathetic Knowledge among the Siberian Yukaghirs // J. of the Royal Anthropol. Inst. – 2004. – Vol. 10, iss. 3. – P. 629–652.

*Материал поступил в редакцию 19.03.14 г.,
в окончательном варианте – 05.02.16 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.121-129
УДК 930.23

В.А. Иванов

Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы
ул. Октябрьской революции, 3а, Уфа, 450000, Россия
E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Расселение башкирских племен накануне и в период вхождения Башкирии в состав Русского государства*

В статье рассматривается проблема исторической географии башкирских племен накануне и в период их вхождения в состав Русского государства. Проблема эта в историографии Южного Урала остается дискуссионной, прежде всего по причине отсутствия соответствующих письменных и археологических источников. Единственным надежным источником здесь выступают топонимия и гидронимия башкирских исторических преданий и родословных – шежере. Предания, по мнению исследователей, сложились на ранних этапах формирования у башкир феодальных отношений, а шежере – в период вхождения башкир в состав Русского государства. В последующем они выступали в качестве основного документа, обосновывавшего права башкир на земельные владения – вотчины. В башкирских преданиях и родословных – шежере, дошедших до наших дней, в общей сложности зафиксированы ок. 80 названий географических объектов – рек и гор, известных в современной географии Южного Урала и отражающих географические координаты расселения башкир в эпоху Средневековья. По результатам сравнительного анализа перечня географических объектов, приведенного в указанных источниках, в статье сделан вывод о том, что границы «Древней Башкирии» проходили между долиной р. Дема и западными предгорьями Южного Урала, а также по восточным предгорьям Южного Урала, от р. Миасс на севере до р. Сакмар на юге. В течение XV–XVI вв. они менялись незначительно – в основном в южном направлении за счет земель, освободившихся после вытеснения ногайцев из Южного Приуралья в результате завоевания Казанского ханства царем Иваном IV.

Ключевые слова: Казанское, Сибирское ханства, Ногайская орда, фольклор, шежере, топонимы, гидронимы, Бугульминско-Белебеевская возвышенность.

V.A. Ivanov

Bashkir State Pedagogical University,
Oktyabrskoy Revolutsii 3a, Ufa, 450000, Russia
E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

The distribution of Bashkir tribes before and during their integration into the Russian State

The ethnic geography of Bashkiria immediately before and during its absorption by the Russian Empire is a matter of debate because few of any relevant written or archaeological sources are available. The only reliable source is the toponymy and hydronymy of Bashkir historical legends and genealogies (shezhere). Ethnographers believe that legends originated at the early stage of feudalism whereas according to shezhere they are contemporaneous with the absorption of Bashkiria by the empire. Eventually, legends became the only documents proving Bashkirs' ownership of land. The preserved legends and shezhere jointly mention some eighty names of rivers and mountains matching modern toponyms of the southern Ural and mirroring ethnic geography of medieval

*Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.), проект № 2936.

Bashkirie. Our comparative analysis suggests that the boundaries of “Old Bashkirie” passed between the Dem River valley and the western foothill of the southern Ural, as well as along the eastern foothill of the southern Ural from the Miass River in the north to the Sakmara River in the south. During the 15th and 16th centuries, these borders remained relatively stable, shifting mainly southward because of the annexation of territories emptied after Ivan IV had conquered the Kazan Khanate and ousted the Nogais from southern Ural.

Keywords: Kazan Khanate, Siberian Khanate, Nogai Horde, folklore, shezhere, toponymy, hydronymy, Bugulma.

Введение

Тема социально-экономической и политической истории башкирских племен в период между распадом Золотой Орды и вхождением башкир в состав Русского государства имеет вполне обширную, хотя и достаточно однообразную историографию. В работах исследователей, обращавшихся к этой теме, рассматривается в основном социально-политическое и экономическое положение башкир через призму влияния таких факторов, как разделение территории башкирских племен между Казанским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой и распространение социально-политической и административной системы этих государств на башкир. Воплощением подобных подходов являются вышедшие с небольшой разницей во времени две большие монографии башкирских историков, которые освещают историю Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Авторы одной из них считают, что в рассматриваемое время основная часть территории современного Башкортостана была объединена под властью ногайского хана Акназара, установившего здесь «четкие принципы административного деления» [Мажитов, Султанова, 1994, с. 321]. По мнению авторов другой, «во второй половине XV – первой половине XVI в. башкиры находились под властью трех государственных образований. На Башкирию была распространена система феодальной эксплуатации, сложившаяся в Ногайской Орде, Казанском и Сибирском ханствах» [История..., 1997, с. 134]. Суть расхождений хотя и не значительна, но принципиальна, поскольку в первой работе подразумевается сохранение у башкир, пусть и в подчиненном виде, собственной государственности, якобы сложившейся еще до монгольского нашествия [Мажитов, Султанова, 1994, с. 208], а во втором исследовании – полный распад не только «башкирской государственности», но и этнogeографического образования, названного Р.Г. Кузеевым «Древней Башкирией» и сложившегося, по его мнению, в X в. с центром на Бугульминско-Белебеевской возвышенности [1974, с. 435–439, 486].

Столь широкий «разброс» мнений объясняется тем, что по периоду XV – первая половина XVI в. историки практически не имеют ни документальных (письменных), ни вещественных (археологических) материалов. Отсутствие письменных

источников объясняется очевидными обстоятельствами: государства, в состав которых попала территория современного Башкортостана, и племена, ее населявшие, по своей структуре и характеру представляли собой достаточно рыхлые этнополитические образования с весьма аморфными границами. В пределах этих границ территория современного Башкортостана всегда являлась периферией, объектом социальной эксплуатации и источником ясака. Поэтому в архивах, даже если такие были в средневековой Казани или Искере – столице Сибирского ханства, едва ли отложились сколько-нибудь подробные сведения о народах и племенах нашего региона, разве только о размерах налагаемого на них ясака. Кроме того, обстоятельства, при которых Казань и Искер со всеми своими служебными и административными зданиями оказались под властью «белого царя», были таковы, что рассчитывать на сохранение хоть каких-нибудь письменных документов просто не приходится.

Что касается археологических материалов по XV–XVI вв., то их накопление происходило под влиянием как объективных, так и субъективных факторов. К первым относится утверждение ислама в башкирской этнической культуре и, соответственно, искоренение язычества в погребальном обряде, которое влекло нивелировку каких-либо археологических признаков, указывающих на социальную или этническую принадлежность погребенного. Поэтому раскопки средневековых некрополей с точки зрения этнокультурной истории не перспективны. Раскопки поселений и крепостей того времени столь же малоперспективны, поскольку на их месте и по сей день стоят деревни и города, своей многовековой жизнью уничтожившие последние остатки седой древности. К сложностям второго, субъективного, порядка можно отнести отсутствие у современных исследователей должного интереса к получению эмпирических данных по указанному периоду.

Вместе с тем источниковедческая ситуация вокруг рассматриваемой проблемы не столь безысходна, как это может показаться на первый взгляд. Историческая память башкирского народа сохранила и донесла до наших дней обширный корпус фольклорных источников и родословных – шежере, которые, при всей неоднозначности их оценок как исторического источника, занимают «почетное

место» (Р.Г. Кузеев) в исторических построениях. Как считал Р.Г. Кузеев (и исследователи башкирского фольклора против этого не возражают), «героические сюжеты в башкирском творчестве (“Уралбатыр”, “Кузы-Курпэс и Маян-хылу”, “Кара Юрга”, “Кунгар буга”, “Кусяк-бий” и др.) в поэтических образах воспроизводят события, характерные для средневекового кочевого общества. Эти памятники дают значительный материал не только для восстановления некоторых картин этнической истории башкир, но и для характеристики внутренней социальной структуры и социальной жизни общества» [1974, с. 37]. Аналогичным образом оценивает исследователь и башкирские шежере: он (с известной долей условности) определяет их как «генеалогические летописи» [Там же, с. 33].

В настоящей работе рассматриваются сведения башкирских преданий и шежере, позволяющие составить представление о пространственно-географической среде, в которой находились башкирские племена в период создания этих произведений – носителей исторической памяти башкирского народа и без влияния которой процесс этногенеза вообще невозможен.

Топонимия и гидронимия башкирских исторических преданий и шежере

Список объектов, маркирующих историческую географию башкирских племен в эпоху Средневековья, достаточно обширен (табл. 1). Самый восточный географический пункт, фигурирующий в башкирском эпосе, – р. *Иртыш*, за которую Урал-батыр отгонял врагов (эпос Конгур-Буга) и в верховьях которой жил Карабай («почтеннейший в роде башкирском муж») до присоединения к нему нескольких башкирских семей (эпос Куз-Курпяч). Где дальше разворачивались события эпоса Куз-Курпяч, предполагать сложно. В нем упоминаются, например, гора Каараташ и оз. Каз-Куле – места становищ Карабая. Местоположение этих географических объектов не идентифицируется, но, как сказано в примеч. № 6 к эпосу Куз-Курпяч, гора под названием Каараташ известна в Абзелиловском р-не Башкортостана [Башкирское народное творчество, 1987, с. 512]. На *Иртыше* находились и кочевья Аккубяка – одного из батыров, освобожденных Алдаром из плена пэрия (Алдар и Зухра). Из контекста эпоса следует, что Аккубяк и Алдар принадлежали к разным племенам.

Из зауральских рек в фольклорных произведениях упоминается р. *Miass* как рубеж, за которым Сукем-батыр настиг и разбил войско Кусюм-хана (кубай Сукем-батыр).

Объекты башкирского Зауралья в эпических произведениях упоминаются чаще. Прежде всего это *верховья Агидели* – территория кочевий Масем-бая (эпос Кара-Юрга), гора *Иремель* у истоков Агидели, которую Тандыса увидела во время своих странствий по Уралу (Конгур-Буга); она же указана как место рождения отца Мамай-хана – Мусы (Сказание о Мамай-хане), расположенное в двух днях пути от кочевий Алдара на р. Яик (Алдар и Зухра), а также как место сбора батыров, поднятых Мэргэном на борьбу с Нугай-ханом (Ек-Мэргэн). В верховьях Агидели упоминается гора *Тюнгак-тау* – место кочевий башкир-семиродцев (Алдар и Зухра). В лесах у *истоков Яика* проводил свои яиляу отец Мамай-хана Муса (Сказание о Мамай-хане).

Долина Ирендыка – место, предлагаемое казахским ханом Абулхаиром башкирскому тархану Акмамбету для зимовья (Ерэнсэ-эссын), в качестве владения бия, принявшего подданство Золотой Орды (Идукай и Мурадым), а также местность, пройденная Тандысой по дороге к Алатау (Конгур-Буга).

Река Сакмар – один из водных потоков, русло для которого было прорублено в Уральских горах сыновьями Урал-батыра по его завещанию (Акбузат); место обитания охотника Кусяrbая и граница, перейдя которую Мактымхылу перестает быть женой Аблля (Кара-Юрга); родина Тандысы, о которой ей пропела старуха Гюльхылу (Конгур-Буга); владения Муйтэнбия (Муйтэн-бий).

Река Нуғуш – также один из водных потоков, русло для которого было прорублено сыновьями Урал-батыра (Акбузат); территория кочевий башкир-юрматынцев; просто одна из рек, текущих с Уралтау (Идукай и Мурадым), и т.д. (табл. 1).

Такие топонимы, упоминающиеся в эпических произведениях башкир, как реки *Бирь* и *Чолман-Идиль* (*Кама*), оз. *Кандра* (*Кандры-куль*) (эпос Алдар и Зухра) и *Аслыкуль* (Заятуляк и Хыухылу) позволяют определить западную границу ареала этноса. Это – территории башкирских кочевий: р. Чолман-Идиль и оз. Кандра означали границы кочевий Кидряса – отца Зухры, с берегов р. Бирь приезжали гости на свадьбу Алдара и Зухры; между оз. Аслыкуль и р. Дим располагались кочевья легендарного хана Сакмара.

Таким образом, географические реалии, зафиксированные в башкирских преданиях и легендах, маркируют пространство, отложившееся в исторической памяти народа, пространственно-географические координаты его мировоззрения и мировосприятия (рис. 1).

Формирование башкирского эпоса, по определению исследователей-фольклористов, происходило «начиная с эпохи разложения первобытно-общинного строя до зарождения капиталистических отношений

Таблица 1. Географические объекты, упоминаемые в башкирских преданиях и легендах

Объект	Предание	Упоминание в предании
1	2	3
Гора Иремель	Конгур-Буга	Тандыса увидела исток Идели у горы Иремель
	Алдар и Зухра	Гора на расстоянии двух дней езды от кочевий Алдара на р. Яик
	Сказание о Мамай-хане	Место рождения отца Мамая – Мусы
	Мэргэн и Маянхылу	Место сбора батыров на борьбу с Нугай-ханом
Ирендык	Конгур-Буга	Местность к югу от Алатау
	Идурай и Мурадым	Владения бия, принял подданство Золотой Орды
	Ерэнсэ-сэсэн	Пастбища, предлагаемые казахским ханом Абулхайром башкирскому тархану Акмамбету для зимовки
Сакмар	Акбузат	Одна из рек, прорубленных сыновьями Урал-батыра по его завещанию
	Кара-Юрга	На берегах Сакмара проживал охотник по имени Кусяrbай. Сакмар – граница, за которой Махтымылу перестает быть женой Абляя
	Конгур-Буга	Родина Тандысы, о которой ей пропела старуха Гюльхылу
	Муйтэн-бий	Владения Муйтэн-бия
Идель (Аидель)	Акбузат	Одна из рек, прорубленных сыновьями Урал-батыра по его завещанию
	Идурай и Мурадым	Места кочевий юрматынцев и табынцев
		Одна из шести рек, текущих с Уралтау («как у вымени шесть сосков»)
Верховья Аидели	Кара-Юрга	Кочевья Масем-бая
Верховья Ак-Идиля, гора Тюнгак-тау	Алдар и Зухра	Места кочевий башкир-семиродцев
Южная излучина Аидели	Ек-Мэргэн	Место летовки старухи Тугызак-эби с детьми
Яик	Акбузат	Одна из рек, прорубленных сыновьями Урал-батыра по его завещанию
	Идурай и Мурадым	Одна из шести рек, текущих с Уралтау («как у вымени шесть сосков»)
	Мэргэн и Маянхылу	Территории, подвластные Нугай-хану
У истоков Яика – дремучий лес	Сказание о Мамай-хане	Место летовок отца Мамая – Мусы
Нугуш	Акбузат	Одна из рек, прорубленных сыновьями Урал-батыра по его завещанию
	Идурай и Мурадым	Места кочевий юрматынцев и табынцев
		Одна из шести рек, текущих с Уралтау («как у вымени шесть сосков»)
Иртыш-река	Конгур-Буга	Урал-батыр отгонял врагов за Иртыш-реку
	Куз-Курпяч	В верховьях р. Иртыш жил почтеннейший в башкирском роде муж – Карабай
	Алдар и Зухра	Место кочевий Аккубяка – одного из батыров, освобожденных Алдаром из плена патрия
Ашкадар	Алдар и Зухра	Один из пунктов по маршруту следования Алдара и Зухры из кочевья Кидраса в кочевья Алдара
	Мэргэн и Маянхылу	Территория, подвластная Нугай-хану

Окончание табл. 1

1	2	3
Дим	Мэргэн и Маянхылу	Территория, подвластная Нугай-хану
	Заятуляк и Хыухылу	Местообитание хана Сакмара между оз. Аслыкуль и р. Дим
	Алдар и Зухра	Река, с берегов которой гости приехали на праздник к отцу Зухры
Асылыкуль, Аслыкуль	Заятуляк и Хыухылу	Местообитание хана Сакмара между оз. Аслыкуль и р. Дим
Карагас-гора на южном берегу оз. Асылыкуль		Гора, на которой конь-тулпар дождался своего хозяина Заятуляка
Озеро Кандра	Алдар и Зухра	По рассказу Зухры, ее отец Кидряс, кочуя по рекам Кармасан и Чермасан, в середине лета доходил до оз. Кандры
Гора Балкантау		Родная земля Заятуляка в ответе его водяному царю. Священное место придемских башкир, место успокоения Заятуляка и Хыухылу
Зилаир-река	Конгур-Буга	Река на пути Тандысы, которая пошла искать ушедшую корову Конгур-бугу
Мохак-река		Тандыса упомянула ее в своем ответе старухе Гульхылу
Алатау-гора		Гора на восток и запад от Урала
Горы Курташ, Ряз, Кагыташ		Расположены чуть правее (т.е. западнее по тюркской системе координат) от хребта Алатау
Гора Кыркты		Южнее хребта Алатау
Гора Сахра		Севернее хребта Алатау
Каралык и Иргиз		Конечный пункт миграции балабашняков (печенегов) из Приазовья на Урал
Гора Караташ	Куз-Курпяч	В окрестностях становища Карабая
Озеро Каз-Куле		Место летовки Карабая
Территория от устья р. Уфы, «впадающей в Ак-Идильт, и вниз по оной по обоим берегам до устья ее Чолман-Идильт. Не только берега реки сей занимают кочевья наши, но и на каждую сторону по пяти дней езды»	Алдар и Зухра	Рассказ Зухры о кочевьях ее отца Кидряса
Река Бирь		Река, с берегов которой гости приехали на праздник к отцу Зухры
Озеро Ачелы		Пункты по маршруту следования Алдара и Зухры из кочевья Кидраса в кочевья Алдара
Уршак		
Горький Узян, в Уршак впадающий		
Реки Узян, Касмарт, Ик	Идурай и Мурадым	Реки, текущие с Уралтау («как у вымени шесть сосков»)
Саелмыш	Муйтэн-бий	Владения Муйтэн-бия
Биштамак, Кизил, Ойсюк	Сказание о Мамай-хане	Место зимовок отца Мамая – Мусы
Река Танып	Егет-кыпсак и девушка-башкирка	Место, где егет-кыпсак встретил девушку-башкирку
Река Миасс	Сукем-батыр	За Миассом Сукем-батыр настиг врагов
Юрактау, Куксятау	Билал и Дусян	Горы, при виде которых тоскует старый башкир, потерявший сыновей
Аташ	Ерэнсэ-сэсэн	Пастбища, предлагаемые для зимовки Ерэнсэ

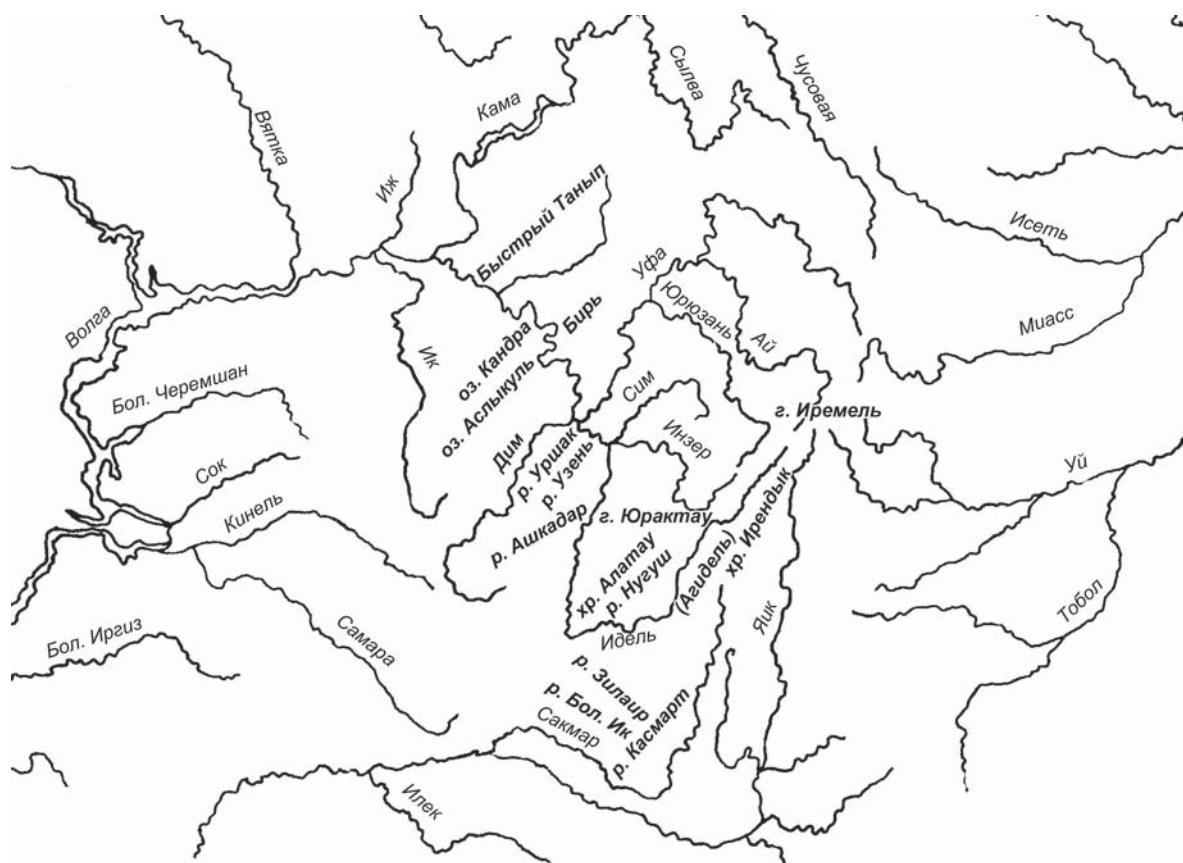

Рис. 1. Карта топонимов и гидронимов Южного Урала, упоминающихся в башкирских преданиях и легендах (выделены жирным курсивом).

в Башкирии». Самыми древними эпическими сказаниями башкир являются кубаиры «Урал-Батыр» и «Акбузат» [Там же, с. 15, 17]. В «Урал-Батыре» реальные топонимы, оронимы и гидронимы отсутствуют*, а в «Акбузате» они имеются: реки Яик, Сакмар и Нукус. Однако едва ли есть смысл сомневаться в том, что более поздние башкирские сказания складывались уже во время расселения древних башкирских племен на Южном Урале. Следовательно, картографировав упомянутые в них географические реалии, мы можем получить карту местностей, занимавших, как было сказано, центральное место в мировосприятии древних башкир. И эта карта практически полностью совпадает с картой расселения башкирских племен в XIII–XIV вв., реконструированной Р.Г. Кузеевым на основе данных исторической этнографии [1974, карты № 3–10]. В реальных географических координатах – это территории, расположенные к вос-

току и северо-востоку от Бугульминско-Белебеевской возвышенности, в западных и восточных предгорьях Южного Урала (рис. 1).

Сведения о территориях расселения башкирских племен в период их входления в состав Русского государства имеются в башкирских шежере, составленных, если исходить из содержания дошедших до нас родословных, именно в то время или чуть позже либо в период, когда башкирский народ стремился спасти родовой строй от внутреннего разложения и разрушения извне [Башкирские родословные, 2002, с. 28]. В них также приводятся реальные топонимы и гидронимы, обозначавшие территории обитания того или иного племени (табл. 2). При нанесении на географическую карту топонимы и гидронимы, указанные в шежере, совпадают с таковыми башкирского эпоса. Все географические пункты, отложившиеся в исторической памяти башкир и зафиксированные в родословных – шежере, находятся за пределами Бугульминско-Белебеевской возвышенности, в предгорьях Южного Урала или на степных территориях, прилегающих к ним с юга (рис. 2). Это говорит прежде всего о том, что в исторической памяти башкир Бугульминско-Белебеевская возвышенность

*Вообще эпос «Урал-Батыр» в качестве источника по исторической этнографии и географии башкир использовать очень сложно: неизвестно время его возникновения, в нем не отражены какие-либо исторические и географические реалии.

Таблица 2. Географические объекты, упоминаемые в башкирских шежере

Объект	Шежере	Упоминание в шежере
Реки Зай и Шешма	Юрматы № 2	Места ногайских кочевий и юрт предков юрматынцев
Кара-Елга (Черная речка)		Место, где в 1409 г. найдена могила святого
Река Шадлык (Шатлык)		Место юрматынских кочевий после 1409 г.
Реки Сакмара, Джайк (Урал), Идель		Места ногайских кочевий
Реки Нукус и Кукуш		Верхняя и нижняя межа бывших ногайских кочевий, занятых юрматынцами
Реки Ашкадар и Нукус		Первая тюба юрматынцев
Реки Тор и Селеук		Вторая тюба юрматынцев
Горы Туратау, Шахтау, Куштау от устья Стерли, верховья Куганака и Уршака, река Асава		Третья тюба юрматынцев
Устье рек Уршака, Асавы, гора Юрактау, долина Кратугай, Зиган, верховья Каламана, Тора, Шинеши		Четвертая тюба юрматынцев
Реки Сухайля, Тюрюшля, Ташлыир	Юрматы № 3	Места юрматынских кочевий
Среднее течение р. Джайк (Урал) от Сарымсака до Бузсавыла, реки Кизил, Сакмара, Зилаир, Аселе, Ускалык, Сурени, Саелмыш, Меню, Кривле, Иртюбяк, Сарлак, Мряущи, Калмак, Бишазы, Илимсат, Сакмара, Лаймберды, Таналык	Документ о разделении земель, выданный Иваном Грозным, шежере № 9	Владения тунгаур и усерган
Реки Сарымсак, Камелик, оз. Дюрткуль		Владения бурджан
Земли по р. Джайк от Сарайчика до Бузджавы (Бузсавыл), Сакмара, Аселе, Ускалык, Сурени, Меню, Иртюбяк, Чарлак, Мряущи, верховья Калмаша, Лаймберды, Таналык, Камышлау, Джим, гора Ук, оз. Дюрткуль	Документ о разделении земель, выданный Иваном Грозным, шежере № 10	Владения усерган, кыпчаков и тамьянцев
Река Миач (Миасс)	Ирятинские родословные (северо-западные башкиры)	Местожительство предка Ирякте
		Место, куда пришел и где жил сын Иштяка Бекатун
Река Ай	То же	Место, где проживали Янеш, Бабеш и другие родоначальники айлинцев
Устье р. Уфы	Родословная Юмран-Табынской вол.	Местообитание дуван-табынов, кичи-табынов и других 12 табынских родов
Река Самара и ее приток р. Ток		Место, где осел Туктар-бий, сын Хани Углана, пришедшего из Астрахани
Реки Чусовая, Чулман (она же Кама), Пермь, Оса, Оханская, Барда, Тулва	Ирятинские родословные (северо-западные башкиры)	Места странствий Абтал-бия – предка ирятинцев
Река Танып		Местообитание башкир тазлар
Река Буй		Местообитание башкир уран
Реки Тюй, Байки		Местообитание башкир ирятке
Устье р. Мелля	То же	Место, где Абдал-бий нашел свободные земли для будущего поселения

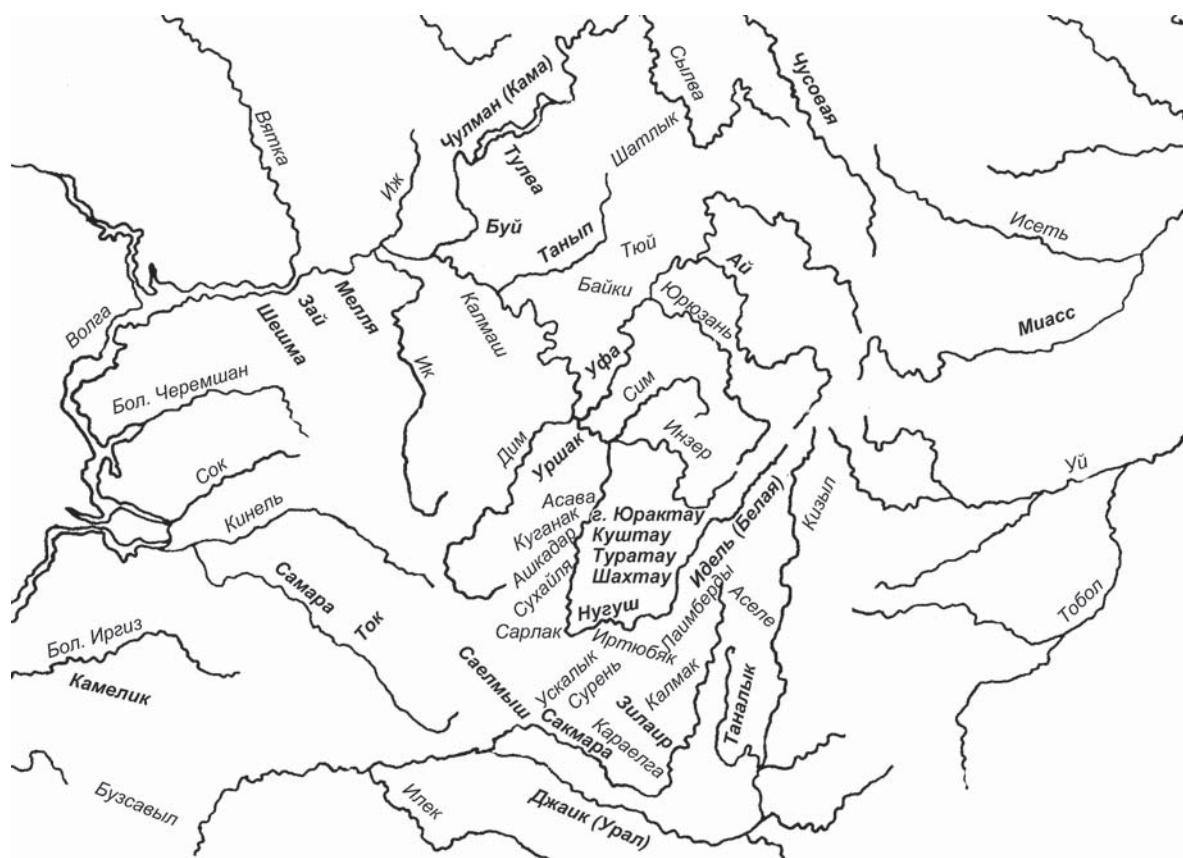

Рис. 2. Карта топонимов и гидронимов, упоминающихся в башкирских шежере (выделены жирным курсивом).

как центр «Древней Башкирии» [Кузеев, 1974, с. 438] не отложилась. Вероятно, потому, что таковой она и не была. И это вполне естественно, поскольку основой хозяйственно-культурного типа средневековых башкирских племен являлось кочевое скотоводство. Бугульминско-Белебеевская возвышенность – сильно эрозированная и расчлененная руслами стекающихся с нее рек форма рельефа, находящаяся на 200–480 м над ур. м., еще в середине XIX столетия представляла собой типичную лесостепь [Кузеев, 1978, с. 50, рис. 2]. Для нее характерна вертикальная дифференциация ландшафта: глубина врезания русла стекающихся с нее рек 100–150 м, склоны сыртов ступенчатые, вершины их покрыты лесом [Япаров, 2005]. Снежный покров, мощность которого составляет 40–60 см, сохраняется по склонам оврагов и речных русел 160–180 дней, до первых чисел мая. К середине августа травяной покров по склонам возвышенности выгорает, стекающие с нее реки пересыхают. Поэтому древние башкиры, если и использовали экологический потенциал Бугульминско-Белебеевской возвышенности, то очень ограниченное время, а зимовать уходили в степь, в заросшие камышом поймы Урала и Самары, или в прикаспийские и приаральские степи. Но так могли поступать и их потомки не позже чем

до завоевания монголами Восточной Европы и возникновения Золотой Орды. И опять-таки, очевидно, не случайно, именно в XIII–XIV вв., по данным Р.Г. Кузеева, территория расселения башкирских племен была довольно ограниченной: от верхнего течения Урала на востоке до низовьев Белой и Демы на западе; это реальная, а не мифическая «Древняя Башкирия». На формирование ее границ, безусловно, влияла административная политика первых золотоордынских ханов, направленная на освобождение степных пространств Восточной Европы от предшествующего половецко-кыпчакского населения путем переселения последнего на окраины Степи [Федоров-Давыдов, 1973, с. 35–36].

По сведениям башкирских шежере, накануне и в период вхождения башкир в состав Русского государства границы их этнической территории определялись несколькими этнополитическими факторами. Один из них – распространение в конце XV столетия ногайских кочевий вплоть до устья Камы [Трапавлов, 2002, с. 469], другой – переселение части башкирских племен (юрматы) на земли, которые освободились на левобережье Средней Белой после взятия русскими Казани и ухода ногаев [Башкирские родословные, 2002, с. 57].

Выводы

Сведения башкирских эпических и исторических преданий и родословных – шежере позволяют сделать ряд заключений относительно исторической географии башкирских племен в эпоху позднего Средневековья.

Территорию Бугульминско-Белебеевской возвышенности следует исключить из зоны консолидации и этнического формирования древних башкир.

Согласно данным, получившим отражение в башкирских исторических преданиях и шежере, граница «Древней Башкирии» проходила по территории между долиной р. Дема и западными предгорьями Южного Урала, а также по восточным предгорьям Южного Урала от р. Миасс на севере до р. Сакмар на юге.

Территория «Исторической Башкирии» в XV – первой половине XVI в. фактически была ограничена долинами Южного Урала и прилегающими к нему западными и восточными предгорьями. Расширению ее пределов за счет включения южных (степных) пространств мешали кочевья ногайцев, доходившие на западе до р. Ика и низовий р. Белой, на северо-востоке – до Зауральских озер, р. Уй, верховьев рек Урал и Белая [Трапавлов, 2011, с. 96–99]. Расширение на север и северо-запад было затруднено из-за миграции казанского-татарского населения, бежавшего от войск Ивана IV, а к концу XVI в. – из-за начавшейся военной и хозяйственной экспансии Московского государства (строительство Закамской линии, образование Строгановской вотчины) [Georgy, 1780, p. 18–20; Donnelly, 1968].

Список литературы

- Башкирские родословные** / сост., пер. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. – Уфа: Китап, 2002. – Вып. I. – 480 с.
- Башкирское народное творчество**. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1987. – Т. 1: Эпос. – 544 с.
- История** Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – Уфа: Китап, 1997. – 519 с.
- Кузеев Р.Г.** Происхождение башкирского народа. – М.: Наука, 1974. – 576 с.
- Кузеев Р.Г.** Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1978. – 264 с.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н.** История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа: Китап, 1994. – 360 с.
- Трапавлов В.В.** История Ногайской Орды. – М.: Вост. лит., 2002. – 752 с.
- Трапавлов В.В.** Ногаи в Башкирии (XV–XVI вв.) // Трапавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии: избр. тр. – Казань: Фолиант, 2011. – С. 95–120.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. – 179 с.
- Япаров И.М.** Бугульминско-Белебеевская возвышенность // Башкирская энциклопедия. – Уфа: Баш. энцикл., 2005. – Т. 1. – С. 553–554.
- Donnelly A.S.** The Russian Conquest of Bashkiria 1552–1740: A Case Study in Imperialism. – New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1968. – 214 p.
- Georgy J.** Russia: or, a Compleat Historical Account of all the Nations which Compose that Empire. – Vol. 2. – L., 1780. – 246 p.

Материал поступил в редакцию 25.07.14 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.130-138
УДК 398.3+398.4+81.411.2

О.К. Ансимова¹, О.В. Голубкова²

¹Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия
E-mail: ansimova-ok@yandex.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: olga-11100@yandex.ru

Мифологические персонажи домашнего пространства в народных верованиях русских (этнографический и лексикографический аспекты)*

Статья посвящена исследованию представлений о персонажах русской мифологии, связанных с домашним пространством. Работа основана на фольклорных, этнографических и лексикографических источниках. Междисциплинарный подход к исследованию (этнография, фольклористика, лингвистика и лексикография) позволил выявить ряд изменений в образах домового и кикиморы, провести сравнительный анализ локальных верований и сюжетов, связанных с домашними духами, у городских и сельских жителей различных регионов России, воспроизвести наиболее полную картину современных представлений о домовом и кикиморе у русских, а также на ее основе предложить лексикографическую интерпретацию данных единиц в аспекте концепции лингвокультурной грамотности. Результаты исследований показали, что в различных регионах России образ домового общеизвестный и популярный (даже горожане проявляли высокую осведомленность о домашнем духе), в основном он соответствует традиционным верованиям русского народа. Домовой считается защитником дома и семьи; его представляют невидимкой или в образе маленького лохматого человечка, старичка, кота; для домового оставляют угощение, его приглашают, переезжая в новый дом. Образ кикиморы, в отличие от домового, претерпел существенные изменения. Для современных горожан это прежде всего неопрятная, некрасивая женщина, которую могут назвать кикиморой болотной. Как следствие, многие считают кикимору лесным, болотным духом, а не домашним. В сельской местности сохранились верования о домашней кикиморе – нежити или заколдованным предмете («кукле»), который является причиной шума, беспокойства и неприятностей в доме. Таким образом, мифические персонажи домашнего пространства изменились, но не утратили своей актуальности.

Ключевые слова: русская мифология, лексикография, лингвокультурная грамотность, народные верования, домовой, кикимора, традиционная культура.

O.K. Ansimova¹ and O.V. Golubkova²

¹Novosibirsk State Technical University,
Pr. K. Marks 20, Novosibirsk, 630073, Russia
E-mail: ansimova-ok@yandex.ru

²Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: olga-11100@yandex.ru

Mythological Characters of the Domestic Space in Russian Folk Beliefs: Lexicographic and Ethnographic Aspects

Russian mythological characters relating to the domestic space are described on the basis on folkloric, ethnographic, and lexicographic sources. The integration of evidence has revealed transformations undergone by views of the male and female goblins

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

(*domovoy* and *kikimora*, respectively), allowing us to compare local beliefs and stories featuring them in urban and rural areas of Russia and to reconstruct common Russian ideas of goblins with reference to the notion of linguistic and cultural literacy. The results demonstrate that the idea of *domovoy* is quite popular even among urban dwellers, generally matching traditional Russian beliefs. The *domovoy* is believed to be a home and family patron, either invisible or small and shaggy, an old man or a tomcat, supposed to be entertained with food and invited for a housewarming. Unlike the image of *domovoy*, that of *kikimora* has undergone substantial changes. Modern urban residents view *kikimora* mostly as an untidy ugly woman, sometimes called *kikimora bolotnaya*, the second word being an adjective of *boloto*, ‘bog’, thus turning her into a forest rather than domestic spirit. The idea of *kikimora* as a home spirit is still held by villagers, who view her either as a ghost or as a poltergeist-like doll. Domestic mythical characters, then, have changed without losing their vigor.

Keywords: Russian mythology, lexicography, cultural literacy, folk beliefs, *domovoy*, *kikimora*, traditional culture.

Введение

В миропонимании русских дом представлялся не только жилищем людей, но и местом пребывания мифологических персонажей. По этнографическим и фольклорным источникам XIX – первой половины XX в. известны персонажи, связанные с домашним и дворовым пространством. Они различались по месту локализации, функциям, отношению к людям: *домовой*, *кикимора*, *дворовой*, *овинник*, *гуменик*, *банник*; существовали также половые модификации домашних духов: *домовиха*, *суседка*, *овинница*, *банница* (*обдериха*) и др. Некоторые из них (*домовой*, *кикимора*, *банник*) остались популярными в сюжетах устной несказочной прозы и этнографических материалах конца XX – начала XXI в., другие (*овинник*, *гуменик*) утратили актуальность в связи с исчезновением «мест обитания».

В статье пойдет речь о двух мифологических персонажах домашнего пространства – *домовом* и *кикиморе*. Выбор обоснован, во-первых, достаточно широкой известностью у городских жителей и в рассказах устной несказочной прозы; во-вторых, функциональной и оценочной противоположностью этих духов. Исследование построено на следующих источниках: полевых материалах (далее ПМА)*, результатах анкетирования**, толковых словарях, а также словарях лингвокультуры. Обращаясь к лексикографическому описанию домового и кикиморы, целесообразно рассмотреть: а) определение как мифологического персонажа, б) описание образа (внешность, типичные действия, отношение к человеку), в) употребление данной единицы в качестве характеристики человека. Такая последовательность позволяет сформировать

достаточно полное представление о *домовом* и *кикиморе* как о мифологических персонажах и проследить развитие образов в диахроническом аспекте.

Концепция лингвокультурной грамотности основана на идее Э.Д. Хирша об исчисляемости и доступности культурных знаний [Hirsch, 1988] и может быть сформулирована следующим образом: существует некий объем лингвокультурных знаний, известных носителям определенной лингвокультуры и необходимых для коммуникации, а следовательно, для изучения представителям иной и в отдельных случаях собственной лингвокультуры.

Междисциплинарный подход к исследованию позволяет выявить наиболее полную картину современных представлений о домашних духах у жителей России, а также предложить эффективную, с точки зрения коммуникации, лексикографическую интерпретацию данных единиц.

Домовой

По материалам этнографии и фольклора, *домовой* – домашний дух, родовой предок, оберегающий дом, людей и скотину от возможных несчастий, воров, колдовства и нечистой силы. Считалось, что *без домового в хате житья не будет*; *дом – не дом, а пустое помещение, если в нем нет домового; без хозяина в доме и людям худо, и скотина не живет* (ПМА, Новгородская, Новосибирская, Омская обл.). Домашнего духа было принято задабривать угощением, чтобы он был добр к домочадцам, способствовал умножению богатства и приплоду скота (подробнее о *домовом* в традиционных русских верованиях см.: [Даль, 2008, с. 166–197; Максимов, 1903, с. 31–50; Померанцева, 1975, с. 93–117; Власова, 1998, с. 139–159; Виноградова, 2000, с. 271–288; Левкиевская, 2000, с. 276–317; Криничная, 2004, с. 26–245]).

В русской народной традиции существовало множество наименований домашнего духа: *домовой*, *хозяин*, *дедушка*, *суседко*, *кормилец*, *большак*, *домовик*, *доможил*, *доможир*, *доброжил*, *домоседушко*, *жижарь*, *житель*, *избной*, *лизун*, *гнеток*, *сысой*, *батанушко* и др. [Даль, 2008, с. 166; Черепанова, 1983, с. 25,

*Материалы были собраны О.В. Голубковой в Новосибирской, Омской, Тюменской (ХМАО – Югра, ЯНАО), Ленинградской, Псковской, Новгородской, Вологодской, Кировской областях, Алтайском крае в 1999–2015 гг.

**Опрос жителей Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Томска, Барнаула и других городов, проведенный в 2015 г. О.К. Ансимовой и О.В. Голубковой с целью выявления представлений о мифологических персонажах у горожан.

58; Власова, 1998, с. 134, 139, 306]. По нашим данным, городские жители чаще всего называли его домовым или домашним хозяином. На Урале, в Тюменской обл., на Алтае и в Восточной Сибири у русских было распространено наименование *суседко*, в других регионах Западной Сибири (Новосибирская, Омская обл.) и Европейской России (Ленинградская, Новгородская, Псковская обл.) его обычно называли хозяином или домовым. В сельской местности люди старшего поколения нередко старались избегать слова «домовой», называя духа иносказательно: *он, сам, хозяин, дедушка. Сам-то у нас за печкой живет, оттуда выскакивал. Маленький, лохматый, толком не разглядели, выскочил и сразу назад убеж* (ПМА, Омская обл.).

Домовой представлялся в антропоморфном (маленький человечек, низенький лохматый мужичок, седой старичик, двойник хозяина) или зооморфном (кошка, мышь, змея, петух, собака, ласка, медведь) облике. Он мог иметьrudиментарные фитоморфные (завуалированный образ дерева: чурка, веник, хвойная ветка «матка»/«матошник» осмысливались как эманация домового) и огневые (красная рубаха или шапка, «огненные глаза», локализация за печью, в трубе, синий огонь – атрибут домового) признаки [Криничная, 2004, с. 119–139]. Однако чаще домашний дух оставался невидимкой и его присутствие в доме определяли по звукам. Если без видимых причин хлопали двери, звенела посуда, завывал ветер в трубе или тярялись, а потом неожиданно находились вещи, говорили, что это домовой шалит. Волосатость, шерстистость и бородатость являлись его постоянными признаками. Поскольку шерсть и волосы в народных верованиях осмысливались как сосредоточение жизненной и магической силы, волосатость домашнего духа-хозяина считалась залогом благополучия и богатства. Семантика волосатости домового наглядно раскрывалась в святочных гаданиях, имевших широкое распространение в различных регионах России.

В сельской местности (как в Сибири, так и в Европейской России) домовой считался покровителем дома и двора вместе с людьми и домашними животными. У него могло быть несколько мест обитания: за печкой, в трубе, на печурке (небольшая ниша в печной стенке), под голбцом (невысокий ящик у русской печи, имеющий вход в подполье), под полом, на чердаке, в пригоне со скотиной, дровяном сарае. При этом информанты говорили всегда только об одном персонаже – домашнем хозяине, следы которого они могли обнаружить в различных местах дома и двора. Разделение домашних духов на домового и дворового в наших полевых исследованиях не зафиксировано. В отдельную категорию были выделены банные духи (*банник, обдериха*), которые характеризовались как наиболее опасные и зловредные. Поскольку лока-

лизация этих персонажей связана с деревенскими ба-нями, они не актуальны для городских жителей.

Домашний хозяин повсеместно характеризовался как добный дух, защитник и покровитель, что соответствовало представлениям о домовом как о родовом предке. *Если кого суседко полюбит, он тому косички заплетает. Волосы запутает, что не расчесать, а состригать нельзя, он тогда может обидеться* (ПМА, Алтайский край).

Особая роль домового была связана с его способностью предсказывать человеческую судьбу, а возможно, и как-то влиять на нее. Считалось, что домовой появлялся (позволяя себя увидеть или осязать) накануне значимого события в жизни человека. Он мог проявить свое присутствие перед свадьбой: *Навалился на меня ночью медведь лохматый, душит. Это домовой из дома выживал. Я скоро замуж вышла* (ПМА, Новосибирская обл.); перед переездом в новый дом, напоминая, чтобы не забыли позвать: *Домового обязательно нужно позвать в новый дом, а то не пойдет, останется. Без приглашения только кикимора заезжает* (ПМА, Новгородская обл.). Люди верили, что он плачет, предвещая смерть кого-то из домочадцев, стучит в окно или звенит посудой накануне кончины родственников. Таким образом, предрекая события и влияя на судьбу членов семьи, домовой проявлял себя как неуспокоенная душа умершего родственника, предка (подробнее см.: [Голубкова, 2009, с. 21–260]). В общерусской традиции углы в доме, печь, подполье, порог так или иначе были связаны с погребением: будь то строительная жертва либо предок, восходящие к тотемным персонажам; домовой являлся воплощением души предка, ставшей душой дома и семьи [Криничная, 2004, с. 150–155, 175]. *Когда умер дед, до сорока дней домовой беспокоил. На кухне гремело, кастрюли падали, погreb обвалился* (ПМА, Новосибирская обл.). *Домовой самый главный в доме. Его нужно как родителей своих почитать. Когда покойным родителям поминку делаю, домовому тоже угощение ставлю* (ПМА, Псковская обл.).

Согласно полевым материалам и результатам анкетирования, наиболее распространенным зооморфным обликом домового является образ кота: *Хозяин превращается в кота и ночью по дому ходит, я уже не раз видела* (ПМА, Омская обл.). В традиционной русской культуре кошка – одно из наиболее сакрализованных животных домашнего пространства. Ее, как икону, не покупали, а выменивали [Балов, 1891, с. 218], убивать кошку считалось грехом [Афанасьев, 1865, с. 647–651]. Отождествление домашнего духа с котом, очевидно, связано с тем, что это животное, как и домовой, представлялось одним из образов перевоплотившейся души, своеобразной эманацией предка (подробнее см.: [Голубкова, 2009, с. 189–196]).

Домового было принято приглашать, переезжая в новый дом. «Транспортом» для него обычно служили веник, мешок, старый валенок или тапок (эквивалентная замена лаптя). В день переезда нужно взять новый веник и мести по всем углам, приговаривая: «Хозяин наши, батюшка, поехали с нами в новый дом жить». В новом доме веник нужно поставить за печку помелом вверх, этим веником уже не подметают (ПМА, Новосибирская обл.). Обряд с веником, очевидно, является отголоском жертвоприношения, одним из назначений которого было изгнание «лихого» (пришлого, чужого) домового, когда резали петуха, его кровь выпускали на голик и обметали все углы избы и двора. Голик, обмоченный кровью жертвы, осмысливался как усиленная и обновленная эманация домового, благодаря чему он был в состоянии изгнать приблудного «лихого» собрата [Криничная, 2004, с. 124]. Нередко в новый дом первой запускали кошку (иногда петуха), после этого входил хозяин с иконой, следом хозяйка вносила атрибуты, символизировавшие домового или выполнявшие роль его «транспорта» (веник, мешок, тапок). Бытовало также мнение, что домовой мог въехать в новый дом верхом на кошке (ПМА, Вологодская, Омская обл.). Кошке или петуху отводилась та же роль жертвы, но в бескровном исполнении, поскольку считалось, что вошедший первым в новый дом вскоре умрет (ПМА, Кировская обл., Алтайский край), соответственно, станет воплощением души дома, его мифическим хозяином – домовым.

Как известно, культура не способна к самоорганизации, поэтому фиксация ее единиц возможна только посредством языка, выступающего в этом случае, как принято говорить, в качестве «зеркала культуры». Обратимся к толковым словарям, а также словарям лингвокультуры, формирующими единое культурное пространство и способными выступать в роли такого «зеркала», с целью рассмотреть лексикографическое описание единицы *домовой*.

В словаре В.И. Даля информация о домовом является культурным комментарием словарной статьи «Дом» и содержит достаточно большой список его имен и типичных действий: «домовик, дедушка, постен, постень, лизун, доможил, хозяин, жировик, нежить… суседко, батанушка; дух-хранитель и обидчик дома; стучит и возится по ночам, проказит, душит, ради шутки, сонного; гладит мохнатою рукою к добру и пр. Он особенно хозяйствничает на конюшне, заплетает любимой лошади гриву в колтун…» [1880, с. 466–467]. Отмечено амбивалентное отношение домового к человеку. Предложена некая «классификация» домовых по месту обитания. Отмечено их родство с другими домашними и лесными духами. Указано, что «домового можно увидать в ночи на Светлое Воскресенье в хлеву; он космат, но более

этой приметы нельзя упомянуть ничего, он отшибает память» [Там же, с. 466].

В других рассматриваемых толковых словарях статьи «Домовой» минимальны по объему и информации: «по народному поверью – сверхъестественное существо, живущее в каждом доме» [Толковый словарь..., 1935, с. 762]; «в славянской мифологии: сказочное существо, обитающее в доме, злой или добрый дух дома» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 177]; «добрый или злой дух, живущий – по суеверным представлениям – в доме» [Ефремова, 2000, с. 217]; «по суеверным представлениям славянских и некоторых других народов: добрый или злой дух, живущий в доме» [Словарь..., 1985, т. 1, с. 427]. В этих словарях нет описания внешности домового, его типичных действий и отношения к человеку, что вызывает некоторое недоумение: как домашний дух, он наиболее близок и известен человеку, в т.ч. городскому жителю. Не описаны ситуации, когда люди начинают вспоминать домового, например, когда хозяин дома не может найти какую-нибудь вещь.

В лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство» единицы *домовой* и *кикимора* входят в раздел «прецедентные имена» [Брилев и др., 2004, с. 187–188, 207–208]), что кажется несколько странным, поскольку они не обладают основным признаком прецедентного имени («существование общенационального инварианта восприятия того феномена, на который это имя указывает», он включает: 1) дифференциальные признаки соответствующего феномена; 2) атрибуты, т.е. все то, что в сознании связывается с данным феноменом, но не является необходимым для его сигнификации, хотя бывает достаточным; 3) оценку, т.е. одну из точек на оси «хорошо–плохо» [Там же, с. 26]). Кроме того, данный раздел словаря содержит преимущественно имена сказочных персонажей и названия сказочных атрибутов (например, *волшебная палочка*, *золотой ключик*, *снежная королева* и др.), соседство которых затрудняет восприятие домового и кикиморы как мифологических, а не сказочных персонажей.

В лингвострановедческом словаре «Россия» нет статей «Домовой» и «Кикимора», хотя основанием для включения языковой единицы в словарь, как пишут авторы, является наличие у нее национально-культурного фона («некоторого набора дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем русским» [Россия..., 2007, с. IV]), т.е. данные статьи, по нашему мнению, должны быть в этом словаре.

Представления о домовом актуальны и сегодня. Они не утратили своей значимости как у сельских жителей, так и у горожан. Мы неоднократно наблюдали проявления веры в существование домового, которые выражались в том, что жители городов в своих квар-

тирах обустраивали «уголки домового»: в укромном месте оставляли для домашнего духа угощение (хлеб, молоко, сладости) и игрушки (банка с пуговицами, бусинами и прочими мелкими блестящими предметами), ставили в угол веник (ПМА, Новосибирск, Омск, Томск, Барнаул, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Псков, Киров). Необычные звуки в доме, неожиданную пропажу вещей горожане также приписывали проделкам домового (ПМА). Опрос выявил хорошую осведомленность городских жителей о домовом, в основном она соответствовала традиционным представлениям русских о домашнем духе.

Кикимора

По материалам этнографии и фольклора, кикимора – мифологический персонаж в женском облике, обитавший или появлявшийся в доме, во дворе, иногда в бане, хлеву, пустых строениях, кабаке [Зеленин, 1995, с. 60; Максимов, 1903, с. 62–69; Черепанова, 1983, с. 125]. Наименование *кикимора* могло относиться к персонажам или предметам, которые мы разделили на четыре группы: 1) домашняя/дворовая; 2) лесная/болотная; 3) кукла, сделанная из тряпок, щепок (иногда с использованием крови или предметов, бывших в соприкосновении с мертвым) в магических целях (чтобы в доме «чудилось», для «наведения порчи» на человека); 4) предмет (бутылочное горлышко, трещотка из щепок и т.п.), который печники, плотники, недовольные оплатой их труда, могли замуровать в печной трубе или в стене дома, чтобы отомстить хозяевам (ветер посредством этого предмета создавал в доме неприятный шум, «зывания», пугавшие жильцов дома). Последняя группа в отличие от остальных не связана с мифологическими представлениями и магией. В данном исследовании нас интересуют персонажи (первая и вторая группы) – домашняя/дворовая и лесная/болотная кикиморы.

Домашняя кикимора иногда считалась женой домового [Даль, 2008, с. 406; Максимов, 1903, с. 62–63; Власова, 1998, с. 221], однако преобладали верования, согласно которым они являлись антиподами, враждующими между собой духами. Кикимора представлялась маленькой, уродливой, скрюченной, неряшливой женщиной, безобразным карликом; танцующей куклой; девочкой; девушкой в белой или черной одежде, в красной рубахе; иногда ее видели голой; могла превращаться в кошку, собаку, утку, зайца, по-росенка, но чаще оставалась невидимой [Даль, 2008, с. 404–421; Зиновьев, 1987, с. 85–96]. В отличие от домового, домашнюю кикимору наделяли вредоносными качествами: она пугала, гремела, стучала, била посуду, портила хлеб, рвала и путала рукоделие, ощипывала кур, гоняла лошадей. Некоторые харак-

теристики этих духов совпадали: оба издавали шум, топали, гремели посудой, завывали, плакали; могли предсказывать судьбу, появляясь накануне значимых перемен в жизни домочадцев; превращались в кота или кошку; гоняли лошадей, мучали нелюбимую скотину; жили в одних и тех же местах (за печкой, около трубы, в подполье, на чердаке, в хлеву, курятнике). Постоянным признаком кикиморы являлась связь с прядением: она могла допрясть за хозяйственную, но чаще путала, рвала, мусолила, жгла кудель, оставленную на ночь без благословения [Черепанова, 1983, с. 124]. Этот признак нашел отражение во фразеологическом корпусе русского языка – в пословично-поговорочных выражениях, например: «Спи девушка, кикимора за тебя спрядет», «От кикиморы не дождешься рубахи» [Даль, 1881, с. 107]. Представления о прядущей кикиморе, распространенные по большей части на Русском Севере, были известны в Сибири. Они зафиксированы в наших полевых исследованиях: *Заглянула я в баню, а там кикимора сидит, коноплю тяпает* (ПМА, Новосибирская обл.). Опрос, проведенный среди городских жителей, подобных представлений не выявил.

Согласно народным верованиям русских, кикимора и домовой имели различную природу. Первая считалась нечистой силой, а второго к ней не относили. Происхождение кикимор нередко связывали с умершими некрещеными младенцами (мертворожденные, выкидыши) [Афанасьев, 1868, с. 113; Зиновьев, 1987, с. 85]. То есть, в отличие от домового (духа-предка), кикимора относилась к категории «заложных покойников» [Зеленин, 1995, с. 51, 60], среди которых умершие некрещеные дети считались одними из самых беспокойных и вредоносных духов. *Младенцы, которые не успели пожить на свете, особенно некрещеные, становятся нечистой силой. Их души на том свете не принимают. Они вредят, людей пугают. Если в доме кикимора заведется, то от нее только одно беспокойство, добра не жди, потому что это нечистая сила, некрещеная душа* (ПМА, Алтайский край).

Время появления кикимор – обычно ночное, но также считалось, что они появляются только на Святах [Черепанова, 1983, с. 124]. На Русском Севере один из элементов святочного ряженья был представлен образом кикиморы: «Старухи на святах являлись на беседу наряженными шишиморами – одевались в шболки (рваную одежду. – О. Ч.) и с длинной заостренной палкой садились на полати, свесив ноги с бруса, и в такой позе пряли... Девушки смеялись над шишиморой, хватали ее за ноги, а она била их палкой» [Там же, с. 124–125]. По нашим полевым материалам (воспоминания информантов, относящиеся к 1950-м гг.), в ряде мест Западной Сибири кикиморами рядились во время святочных маскарадов

и на Масленицу. Женщины надевали старую одежду («лохмотья»), мазали лица сажей, растрепывали волосы, создавая неряшливый образ. Ряженые «кикиморы» ходили колядовать вместе с другими карнавальными персонажами. Они несли шерсть или лен, веретено, чесалку; войдя в дом, изображали, что прядут кудель. *Под старый Новый год старухи в лохмотьях ходили, косматые, лица сажей перемазанные. Шли всей гурьбой по селу, песни похабные пели, а то и сматерятся.* За это их кикиморами называли. На Масленицу наряжались чертями, кикиморами. «Кикимора» несли в руках лен и трепали его, нитки крутили. Старые люди говорили, что так надо, от этого лен хороший уродится (ПМА, Новосибирская обл.). Таким образом, в некоторых сибирских селах как минимум до середины XX в. сохранялись представления о кикиморе как о домашнем духе, связанном с рукоделием и способном влиять на урожай льна.

Обратимся к словарному описанию единицы *кикимора*. В толковом словаре В.И. Даля она определяется как «род домового, который по ночам прядет; он днем сидит невидимко за печью, а проказит по ночам, с веретеном, прылькою, воробами и вьюшкою», однако с оговоркой, что «в Сибири есть и лесная кикимора». В словарной статье приводится пример употребления данной единицы в речи: «укорительное: домосед, нелюдим, невидимка, кто вечно сидит дома за работою, особенно кто очень прилежно прядет. От кикиморы не дождешься рубахи, хотя он и прядет». Так же есть практические сведения: «Чтобы кикимора кур не воровал, вешают над насестью, на лыке, отшибенное горло кувшина либо камень с природною сквозною дырою» [Даль, 1881, с. 107]. Обратим внимание на то, что *кикимора* имеет форму как женского, так и мужского рода.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова кикимора семантизируется несколько иначе: «1. нечистая сила в женском образе. 2. человек нелепого или смешного вида; смешно одетый и 3. сумрачный, нелюдимый, неприятный человек (простореч. неодобр.). Надулся, как кикимора, слова не скажет» [1935, с. 1354]. Мифологическое значение минимизируется, а возможное употребление по отношению к человеку расширяется. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой соответствующая словарная статья содержит перечень возможных мест обитания кикиморы: «маленькая невидимка, живущая за печкой, в лесу, в болоте. Кикимора болотная, лесная». Заметим, что в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова зафиксировано употребление слова *кикимора* как бранного, неодобрительного по отношению к человеку, тогда как в этом оно приобретает шутливый оттенок, конечно, не теряя отрицательную коннотацию: «перен., м. и ж. О человеке, имеющем смешной, нелепый вид (разг. шутл.)»

[Ожегов, Шведова, 1994, с. 274]. В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой статья «Кикимора» [2000, с. 504] повторяет статью словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой с той разницей, что кикиморой могут назвать только «женщину, имеющую смешной, нелепый вид» (ср. у С.И. Ожегова: «м. и ж.»). В Малом академическом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой *кикимора* – «по суеверным представлениям: нечистая сила в женском образе»; просторечное употребление этой единицы маркируется как бранное: «Об уродливой или некрасиво одетой женщине» [Словарь..., 1985, т. 2, с. 48].

Большинство опрошенных считали, что *кикимора* – бранное, пренебрежительное наименование неопрятной, неряшливой, неприятной (как внешне, так и в поведении, моральных качествах) женщины. При этом многие называли признаки кикиморы, типичные для ее традиционного образа (мелкие черты лица, писклявый голос, ощипывает кур). Итак, наименование и характеристики этого мифологического персонажа, отчасти утратившего свою актуальность, сохранились в русском языке и культуре.

Полевые материалы рубежа ХХ–XXI вв. отражают тенденцию «превращения» кикиморы из персонажа домашнего пространства в болотного духа. Согласно нашим исследованиям, о домашней кикиморе помнили наиболее пожилые информанты, представители уходящего поколения. Люди моложе (1940–1950-х и последующих годов рождения) считали кикимору лесным или болотным духом, иногда – женой лешего или болотного черта, но чаще говорили как о самостоятельном персонаже – зловредном духе женского пола, обитающем на болоте или в лесу. Городские жители также связывали кикимору с болотом и лесом (только двое респондентов называли ее домашней вредительницей и женой домового). Отметим, что представления о лесной, болотной кикиморе были известны и в XIX в. [Даль, 1881, с. 107]; избавляясь от домашней кикиморы, ее прогоняли в лес [Даль, 2008, с. 414; Максимов, 1903, с. 67–68]. Таким образом, локализация кикиморы вне домашнего пространства может быть связана с архетипическим восприятием этого полисемантического персонажа: нечистая сила выдворяется за пределы культурной среды.

Возможная лексикографическая интерпретация единиц *домовой* и *кикимора*

Рассмотренные статьи толковых словарей дают представление об образах кикиморы и домового (внешность, типичные действия, отношение к человеку), а также об употреблении единицы *кикимора* для характеристики человека. Но они в соответствии с ти-

пом словаря являются своего рода «сверткой» статей специализированных мифологических словарей и не отражают современное представление носителей языка об этих персонажах. Словари лингвокультуры в данном аспекте также не в полной мере реализуют актуальную для современной лексикографии задачу: не только способствовать изучению языка и культуры, но и ориентировать пользователя словаря на коммуникацию.

Считаем возможным предложить лексикографическую интерпретацию, используемую в конструируемом словаре лингвокультурной грамотности, как новый метод лексикографической фиксации этнографической информации. Словарная статья отражает обыденные значения, наиболее актуальные для носителей языка, а также некий комплекс представлений, связанных с данными языковыми единицами (подробнее об этой концепции, а также о разработке макро- и микроструктуры словаря см.: [Ансимова, 2014]). Она состоит из следующих зон: 1. Заголовочная единица; 2. Обыденное значение, наиболее актуальное для русских (★); 3. Реализация в речи (◎); 4. Распространенные ассоциации (*); 5. Минимальная справочная информация (⌚); 6. Дополнительная информация (✓); 7. Иллюстрация (о лингвострановедческой зрительной наглядности см.: [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 169–185]). Из них первые пять – основные.

Обратимся к опытному лексикографированию и продемонстрируем, как могут быть семантизированы единицы *домовой* и *кикимора* в словаре лингвокультурной грамотности. Мы провели анкетирование, чтобы определить: а) наиболее актуальные обыденные значения предложенных единиц, б) самые распространенные ассоциации носителей русской лингвокультуры, связанные с данными единицами, в) те компоненты значения этих единиц, которые обычно реализуются в речи, г) ситуативную характеристику их употребления. Заявленная цель обусловила определенную структуру анкеты и принципы анкетирования. При характеристике респондентов необходимо обозначить границы распространения анкетирования: 1) лица, для которых язык анкеты является родным; 2) городские жители (чтобы минимизировать влияние диалектов); 3) широкий территориальный охват испытуемых; 4) основной контингент респондентов – студенты всех специальностей из вузов России в возрасте 17–25 лет [Караулов, 2010, с. 53].

В опросе участвовало 317 чел. из разных городов России: Новосибирска (37 %), Москвы (22 %), Санкт-Петербурга (17 %), Томска (11 %), Омска (6 %), Барнаула (5 %), Тюмени (1 %), Салехарда (1 %). Информантами стали студенты разных факультетов вузов (21 %), представители разных специальностей, имеющие высшее образование (53 %), и разных сфер де-

ятельности, имеющие среднее специальное образование (19 %), пенсионеры (7 %). В анкете предлагалось ответить на вопросы относительно возможных ассоциаций, понимания и использования единиц *домовой* и *кикимора*. Исходя из ответов, мы выявили, какую информацию о данных единицах необходимо знать носителям языка и, следовательно, включать в словарь. На основе этнографических материалов и результатов анкетирования были сформированы словарные статьи, отражающие современное представление русских об исследуемых персонажах.

Домовой

★ Домашний добрый дух, хозяин дома. Живет за печкой или в темном углу. Появляется в образе маленького человечка, старичка или кота, может быть невидимкой, издает звуки: топает, стучит, завывает. Дружит с котом, домового видят кошки. «Хозяина» угощают хлебом, молоком, сахаром, конфетами; при переезде приглашают в новый дом. Домовой любит, чтобы в доме был порядок и помогает чистоплотным трудолюбивым хозяевам. Если в доме не убрано, грязно, домочадцы ругаются, домовой сердится, стучит, бьет посуду. Домовой «из озорства» может спрятать какую-нибудь вещь, а когда наиграется, возвращается. Расшалившегося домашнего духа можно занять игрушками, «подарив» ему несколько пуговиц или бусин – он любит перебирать мелкие блестящие предметы.

◎ За печкой шуршал *домовой*. *Домовой* воет. *Домовой* спрятал (говорят о вещи, которую не могут отыскать). *Домовой, домовой, поиграй и отдай!* (приговаривают, разыскивая пропавшую вещь). *Домовой, успокой мое дитя* (укладывая спать разбаловавшегося ребенка). *Вымоешь все углы в доме, домовой тебя полюбит*.

* Дом, печка, темный угол, веник, добрый, помощник, лохматый маленький человечек, бородатый старичок, мягкий, пушистый, в золе, кот, домовенок Кузя (из мультифильма).

⌚ В русской мифологии – хозяин дома. Родовой предок, покровитель семьи и домашних животных. Оберегает дом, людей и скотину от возможных несчастий, воров, колдовства и нечистой силы. Может появляться в различных образах: маленького лохматого человечка, седого старичка, кота, змеи, медведя, мыши, ласки. Но чаще остается невидимым, присутствие домового определяется по звукам: топает, хлопает дверями, гремит посудой, воет в трубу, смеется или плачет. Наваливается на спящих людей, душит. Появление домового предвещает значимое событие в жизни семьи – рождение, свадьбу, смерть, пожар или переезд. Живет за печкой, на чердаке, в подполье, во дворе, в хлеву. Домового принято угощать, чтобы был благосклонен к жильцам дома, охранял жилище,

приглядывал за скотиной. При переезде его приглашают с собой, чтобы новый дом не оставался «пустым», незащищенным от нечистой силы. «Хозяин» дома знает судьбу каждого члена семьи и может ее предсказывать, к нему обращаются во время гаданий. Домового обычно не относят к нечистой силе.

✓ Когда домовой показывается человеку или наваливается на спящего, он пытается сообщить о значимом событии в жизни семьи, грядущем в скором будущем. Домового можно спросить: «К худу или к добру?», и дух обязательно ответит.

✓ Переезжая в новый дом, приглашают домового. Заметают углы веником, приговаривая: «Хозяин, пойдем с нами в новый дом жить». Домовой переезжает в мешке, вместе с веником или старым башмаком (тапком). Считалось также, что его «транспортом» могла быть кошка, которую запускали в новый дом первой.

✓ На святках девушки гадали о женихах. Загадывали: если домовой погладит мохнатой рукой, то она выйдет замуж за богатого человека, если голой – за бедного, если ущипнет – муж будет драчливым, злым.

Кикимора

★ Зловредный дух, живущий в лесу или на болоте. Сказочный персонаж. Жена домового или лешего. Некрасивая, неопрятно одетая женщина. Грязная, нечесаная неряха. Пожилая невысокая женщина с мелкими чертами лица и писклявым голосом. Страшная, злая, пакостливая. Кикиморой пугали детей, чтобы они не ходили в лес.

◎ *Кикимора болотная. Страшная, как кикимора. Кикимора заморская (вычурно одетая, неприятная, вызывающе ведущая себя женщина). Кикимора ты противная, вот ты кто! Не ходи далеко, кикимора в лес утащит (пугали детей). Защекочет кикимора. Кикимора оципала кур.*

❖ Болото, трясина, лес, домашняя вредительница, пугает, пищит, пакостит, страшная, ехидная, неопрятная, некрасивая, женщина с нечесанными волосами, с зелеными волосами, страшно накрашенная девушка.

↳ В русской мифологии – домашний персонаж, представлявшийся в образе маленькой юркой уродливой женщины, девочки или девушки, преимущественно зловредной. Живет за печкой, около трубы, на чердаке, в подполье, курятнике. Может превращаться в кошку, собаку, поросенка, утку и других животных. По ночам шумит, шуршит, стучит, пугая жильцов дома. Любит прядь, вязать, плести кружево, но при этом портит рукоделие, рвет нитки, оставленные на ночь без благословения. Оципывает кур, гоняет лошадей, отстригает овец. Кикимору могли «напустить» в дом колдуны или обиженные строители, замуровав в укромном месте куклу, сделанную с использованием магических приемов. Появившись

в доме, кикимора доставляла беспокойство жильцам (в доме становилось страшно, все ломалось и портилось, люди болели, даже умирали), от нее старались избавиться. Происхождение кикиморы также связывали с неуспокоенными душами умерших некрещеными (или беззубыми) младенцев, которых было принято хоронить под порогом дома или во дворе.

Кикимора также могла быть лесной или болотной. Избавляясь от домашней кикиморы, ее прогоняли в лес.

✓ Помимо мифологического персонажа и сделанной колдуном куклы, кикиморой назвали предмет (бутылочное горлышко, берестяную трещотку), который плотники или печники, обиженные на хозяев, могли замуровать в стене дома или в печной трубе. Этот предмет (кикимора) усиливал звуки ветра, и в доме казалось, что кто-то шуршит, завывает, стонет.

✓ Против кикиморы использовались обереги: можжевельник, папоротник, «куриный бог» – камень с естественно образовавшимся в нем отверстием, который также называли «кикимора одноглазый».

✓ На Русском Севере на святках старухи изображали кикимор. Они одевались в лохмотья, забирались на печь и пряли, громко стучали прядками, веретенами. Девушки хватали «кикимору» за ноги, а она била их палкой. В некоторых сибирских селах в канун старого Нового года и на Масленицу ходили маскарадные процессы, в составе которых были ряженые кикиморами женщины. Они изображали, что теребят и прядут шерсть или лен. Могли исполнять похабные песни.

Заключение

Анализируя фольклорные, этнографические и лексикографические источники, мы выявили ряд различий в представлениях о мифологических персонажах домашнего пространства у городских и сельских жителей, обнаружили некоторые специфические региональные черты, а также проследили динамику развития данных мифологических образов. На примере словарных статей «Домовой» и «Кикимора» нами предложена лексикографическая интерпретация, используемая в конструируемом словаре лингвокультурной грамотности, как новый метод лексикографической фиксации этнографической информации.

Результаты эмпирических исследований (ПМА 1999–2015 гг. и опрос 2015 г.) показали, что в различных регионах России образ домового являлся общеизвестным, популярным у разных возрастных и социальных групп респондентов. Современные представления о нем в основном соответствовали традиционным верованиям русского народа. Отметим, что горожане проявили достаточно высокую осведомленность о домашнем духе. Домового считали добрым

помощником, защитником дома и семьи; его представляли невидимкой или в образе маленького лохматого (волосатого) человечка, старишка, кота; большинству респондентов известны обычаи оставлять для домового угощение, «игрушки» и приглашать его в новый дом, многие практиковали это сами. Появление домашнего духа часто расценивалось как предзнаменование важного события в жизни семьи. Согласно полевым материалам, в ряде мест еще сохранились представления о домовом как о душе умершего предка; опрос, проведенный среди городских жителей, подобных воззрений не выявил.

Образ кикиморы, в отличие от домового, претерпел существенные изменения. Для опрошенных горожан это прежде всего неопрятная некрасивая женщина, которую могут назвать кикиморой болотной. Как следствие, кикимора чаще всего воспринималась как лесной, болотный дух, а не домашний. В сельской местности сохранились представления о домашней кикиморе – прядущем духе, а также персонаже, который является причиной шума, беспокойства и неприятностей в доме; в кикимору рядились женщины во время святочных и масленичных маскарадов.

Таким образом, мифические персонажи домашнего пространства не утратили своей актуальности. Представления о них известны городским и сельским жителям различных областей России и являются одним из элементов традиционной культуры русских. Следовательно, они должны быть описаны в словаре с позиции обыденных значений, наиболее актуальных для носителей языка, а также комплекса представлений, связанных с этими языковыми единицами.

Список литературы

Ансимова О.К. Лингвокультура и ее отражение в словарях. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2014. – 216 с.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М.: Изд-во К. Солдатенкова, 1865. – Т. I. – 800 с.; 1868. – Т. II. – 784 с.

Балов А. Следы древних верований в народном иконо-поклонении // Живая старина. – 1891. – Вып. III. – С. 218–222.

Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство: лингвокультуролог. словарь. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.

Власова М.Н. Русские суеверия: энцикл. словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 672 с.

Голубкова О.В. Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 304 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.; СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1880. – Т. I. – 724 с.; 1881. – Т. II. – 807 с.

Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. – М.: Дрофа: Рус. яз., 2000. – 1233 с.

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.

Зиновьев В.П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – 400 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический проект: Гаudeamus, 2004. – 1008 с.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. – М.: Астрель, 2000. – 528 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 530 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1994. – 928 с.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – 192 с.

Россия: Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2007. – VIII, 727 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985. – Т. I. – 696 с.; Т. 2. – 736 с.

Толковый словарь русского языка: в 2 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935. – Т. I. – 1566 с.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1983. – 169 с.

Hirsch E.D., Jr. Cultural literacy: What every American needs to know. – N.Y.: Random House, 1988. – 253 p.

Материал поступил в редакцию 15.07.15 г.,
в окончательном варианте – 27.08.15 г.

АНТРОПОЛОГИЯ

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.139-149
УДК 572

А.В. Зубова

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru

Состав мезолитического и неолитического населения лесостепной полосы Восточно-Европейской равнины по одонтологическим материалам*

В статье представлены результаты проверки на одонтологическом материале двух гипотез: о вхождении в состав мезолитического и неолитического населения Восточно-Европейской равнины монголоидного антропологического компонента; о длительном сохранении на изучаемой территории протоморфных морфологических комплексов, восходящих к верхнепалеолитическим популяциям. Исследование проводилось на основе анализа частот признаков стандартных программ, используемых в этнической одонтологии, и фенов, относящихся к т.н. маркерам генерализованной архаики. Материалом послужили одонтологические серии из могильников Южный Олений Остров (мезолит), Васильевка-3 (мезолит), Фомино (рязанская культура общности с ямочно-гребенчатой керамикой), Караваиха (каргопольская культура той же общности), Вовники-1 (киево-черкасская культура днепро-донецкой культурной общности), Вовники-2 (азово-днепровская культура той же общности). Дополнительно использовались данные по могильникам Звеничики (мезолит, культура кунда), Ясиноватка, Никольское (днепро-донецкая культурная общность), Сахтыши-2а (льяловская культура общности с ямочно-гребенчатой керамикой). Частоты одонтологических признаков в каждой серии были сопоставлены между собой и с аналогичными характеристиками верхнепалеолитического населения Европы. Полученные результаты свидетельствуют о многофакторности процесса формирования изученных палеоантропологических серий. В составе мезолитического населения севера Восточно-Европейской равнины присутствовал монголоидный компонент, одновременно здесь сохранилась и связь с верхнепалеолитическими популяциями. На территории Украины в эпоху мезолита был распространен более специализированный европеоидный комплекс, также имевший некоторые характеристики палеолитических групп. В неолите различия между северными и южными популяциями сохранились, однако наблюдается постепенное снижение удельного веса монголоидного и архаичного комплексов признаков, которые в большинстве серий уже не представлены в полном объеме. Тем не менее как в составе носителей культур с ямочно-гребенчатой керамикой, так и у представителей днепро-донецкой общности присутствует архаичный компонент. Наиболее ярко он выражен в серии из могильника Вовники-2.

Ключевые слова: верхний палеолит, мезолит, неолит, протоморфность, одонтология, маркеры архаики.

A.V. Zubova

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: zubova_al@mail.ru

Dental Anthropology of the Mesolithic and Neolithic Populations of the Eastern European Forest-Steppe Zone

Dental data are used to test two hypotheses as to whether the “eastern” traits of the Mesolithic and Neolithic populations of the Russian Plain are due to Mongoloid admixture or to evolutionary conservatism, specifically to the retention of features peculiar to the Upper Paleolithic groups. Frequencies of nonmetric traits, both those used in standard population studies and so-called markers of generalized conservatism, were studied in dental samples from Yuzhny Oleniy Ostrov and Vasilyevka-3 (Mesolithic), Fomino (Ryazan variant of Pit-Comb Ware culture), Karavaikha (Kargopol variant of the same culture), Vovnigi-1 (Kiev-Cherkassy variant of

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

the Neolithic Dnieper-Donets culture), and Vovnigi-2 (Azov-Dnieper variant of the same culture). Published dental data on Zvejnieki (Mesolithic Kunda culture), Yasinovatka and Nikolskoye (Dnieper-Donets culture), Sakhtysh-2a (Lyalovo variant of the Neolithic Pit-Comb Ware culture), and Upper Paleolithic samples from Europe were used for comparison. Both A.A. Zubov's standard protocol and C.G. Turner's ASUDAS were employed. The results suggest that multiple evolutionary processes were involved. Northeastern European Mesolithic dentitions indicate both Mongoloid admixture and continuity with Upper Paleolithic groups. Mesolithic series from Ukraine are more specialized in the Caucasoid direction while also showing certain Upper Paleolithic traits. In the Neolithic, the dental differences between northern and southern Caucasoids decrease, and there is a gradual reduction of both Mongoloid and Upper Paleolithic characteristics. Nonetheless, people of the Pit-Comb Ware culture, like those of Dnieper-Donets culture display certain Upper Paleolithic traits, which are the most evident in Vovnigi-2.

Keywords: *Upper Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, dental anthropology, evolutionary conservatism.*

Введение

Проблема генезиса антропологического состава мезолитического и неолитического населения Восточно-Европейской равнины является одной из самых обсуждаемых в российской антропологии. Она традиционно рассматривалась с двух позиций. Первая предполагала формирование краинологических особенностей изучаемых групп в результате метисации европеоидов и монголоидов [Беневоленская, 1984; Денисова, 1997; Жиров, 1940]. Вторая объясняла их принадлежность к особой антропологической формации, которая характеризуется «протоморфным» или «недифференцированным» краинологическим типом, сохраняющим черты палеолитических форм [Гохман, 1986, с. 219; Якимов, 1958, с. 90]. Довольно долго в антропологической литературе доминировала первая гипотеза. На данный момент большей популярностью пользуется концепция формирования европеоидов и монголоидов на основе общего бореального ствола, недифференциованности морфологических характеристик неолитического населения по отношению к современным большим расам и его протоморфности [Чикишева, 2012, с. 179].

В последнее время появились обстоятельства, заставляющие вновь обратиться к анализу факторов, повлиявших на формирование состава населения лесной полосы Восточно-Европейской равнины. Прежде всего это усиление в антропологической литературе тенденции к использованию в качестве синонимов терминов «недифференциированность» и «протоморфность», хотя между ними есть существенная разница. Первый можно трактовать достаточно широко и применять к любой группе, характеристики которой не вписываются в современную расовую классификацию. В отличие от него, понятие «протоморфность» обязательно подразумевает сохранение в группе некоторого комплекса признаков, присущих более ранней форме, предковой по отношению к обоим поздним таксонам, относительно которых определяется ее статус. Применительно к населению эпохи мезолита – неолита Восточно-Европейской равнины важность корректного употребления этих терминов очевидна, поскольку «недифференцированными» морфологи-

ческие комплексы в его составе могут быть признаны даже в том случае, если они сформировались в результате древней метисации компонентов, не имеющих близкого общего предка, например, при включении в его состав протомонголоидов, характеристики которых во многом отличаются от современных морфологических вариантов в рамках монголоидной большой расы. Для признания же протоморфности этого населения необходимо доказать факт присутствия в составе мезолитических или неолитических популяций морфологических комплексов, генезис которых напрямую связан с верхнепалеолитическим населением Европы.

Второе обстоятельство – появление данных популяционной генетики. Они свидетельствуют о довольно широком распространении на территории Восточно-Европейской равнины в эпоху мезолита – неолита вариантов митохондриальной гаплогруппы С. Ее варианты обнаруживаются как минимум в трех сериях: мезолитической из могильника на Южном Оленьем острове в Онежском озере [Der Sarkissian et al., 2013] и неолитических из Никольского и Ясиноватки [Newton, 2011, tab. 4] в Днепровском регионе. Гаплогруппа С считается восточно-евразийской по происхождению, и максимальные ее частоты наблюдаются у современного населения Средней и Южной Сибири [Балановская, Балановский, 2007, с. 142]. В верхнепалеолитических образцах из Восточной Европы она пока не встречена, соответственно, вопрос о миграции с востока вновь вышел на повестку дня.

Методы исследования

В задачи исследования входила проверка двух гипотез: о наличии в составе мезолитического или неолитического населения лесной полосы Восточно-Европейской равнины монголоидного суперстрата и о присутствии здесь протоморфного антропологического компонента, связанного с населением эпохи верхнего палеолита. Соответственно, необходимо было, во-первых, изучить динамику частот признаков, маркирующих одонтологические комплексы монголоидного происхождения; во-вторых, проследить

возможную связь изучаемых групп с верхнепалеолитическим населением Европы. В качестве маркеров монголоидности традиционно используется комплекс признаков, включающий лопатообразность верхних центральных резцов, дистальный гребень тригонида и шестибугорковые нижние первые моляры. Он входит в стандартный набор, применяющийся в российской одонтологии для межпопуляционных сопоставлений. Этот набор также включает частоты четырехбугорковых нижних первых и вторых моляров, коленчатой складки метаконида на нижних первых и редукции гипоконуса на верхних вторых молярах, одонтографического варианта 2med(II), когда дистальная борозда метаконида впадает в фиссуру, разделяющую метаконид и протоконид [Зубов, 1968, 2006].

Для изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов древних групп и диагностики возможной связи последних с палеолитическим населением существует специальная программа [Зубова, 2013]. В нее входит набор фенов, которые часто встречаются в антропологических материалах эпохи палеолита и редко в современных популяциях. В современных популяциях Евразии их частоты варьируют мозаично и каждый признак в отдельности практически не имеет таксономической ценности. Однако в верхнем палеолите в разных географических районах эти фены формируют уникальные по составу комплексы, имеющие большое значение при изучении непосредственной межпопуляционной преемственности.

В данном исследовании в число учитываемых маркеров архаики были включены вестибулярная выпуклость, лингвальная ямка, пальцевидные выступы и лингвальный наклон коронок верхних резцов; дополнительные дистальные и мезиальные гребни верхних и нижних клыков; ромбовидная форма, косой гребень, метаконуллюс, впадение дистальной борозды протоконуса в фиссуру, разделяющую протоконус и параконус (вариант 1Pr(II)); передняя и задняя ямки верхних и нижних моляров; лопатообразность нижних резцов; дополнительные бугорки нижних премоляров; дериваты цингулума на премолярах и молярах; средний гребень тригонида нижних моляров. Балловые шкалы для каждого признака, применяемые в различных системах учета, приведены в табл. 1.

Материалы*

Основным материалом для исследования послужили одонтологические серии эпох мезолита и неолита с территории лесостепной зоны Восточно-Европей-

ской равнины: мезолитические из могильника на Южном Оленьем острове в Карелии (онежская культура, VII–VI тыс. до н.э., коллекция МАЭ РАН № 5773) и Васильевки-3 в Днепровском регионе (коллекция МАЭ РАН № 6462); неолитические из могильников Черная Гора (Фомино) рязанской культуры общности с ямочно-гребенчатой керамикой (IV–III тыс. до н.э. [Археология..., 1996, с. 378], коллекция НИИ и МА МГУ № 89: № 2–6, 10, 13, 14, 16–18), Караваиха каргопольской культуры этой же общности (IV – середина III тыс. до н.э. [Там же], коллекции НИИ и МА МГУ № 8622–8625, 8761, 9788) и Вовниги-1, -2 соответственно киево-черкасской и азово-днепровской культур днепро-донецкой культурной общности (коллекции МАЭ РАН № 6204, НИИ и МА МГУ б/н). Они были обследованы как по стандартной программе, так и по программе учета маркеров архаики (табл. 2).

В качестве дополнительных источников информации использовались мезолитическая серия из могильника Звейниеки в Латвии, неолитические выборки из могильников Днепровского надпорожья (Ясиноватка, Никольское), относящиеся к днепро-донецкой культурной общности, и серия льяловской неолитической культуры общности с ямочно-гребенчатой керамикой (Сахтыш-2а). Они были обследованы только по стандартной программе (табл. 2) и привлекались для обсуждения вопроса о наличии или отсутствии монголоидной примеси в составе неолитического населения Восточной Европы.

В качестве эталонного комплекса, по отношению к которому анализировалась динамика частот одонтологических признаков, были взяты суммарные характеристики верхнепалеолитических находок Костёнки XIV, XV, XVIII и Сунгирь 2, 3 (табл. 3). Сведения о морфологии зубов черепа Костёнки XVIII опубликованы Н.И. Халдеевой [2006], характеристика зубов погребенных на Сунгирской стоянке – А.А. Зубовым [2000], индивиды Костёнки XIV (МАЭ РАН, № 6463-1) и XV (МАЭ РАН, № 6109-1) обследованы мной. Дополнительно привлекались опубликованные данные, суммарно характеризующие население зарубежной Европы ранней и поздней поры верхнего палеолита [Manni, Vargiu, Coppa, 2007] (табл. 3).

Результаты и обсуждение

Верхний палеолит. Ранее уже было отмечено, что одонтологические находки с территории лесостепной зоны Восточно-Европейской равнины относятся к одному морфологическому комплексу. Его отличительными характеристиками являются отсутствие выраженной лопатообразности верхних центральных резцов, повышенная частота бугорка Карабелли и дополнительных дистальных бугорков на первых верх-

*Автор выражает благодарность сотрудникам МАЭ РАН, НИИ и МА МГУ за предоставленную возможность работы с коллекциями.

Таблица 1. Признаки, использованные в анализе, и шкалы их учета

Признак	Ключевой зуб	Одонтологическая система А.А. Зубова	Система учета маркеров архаики	ASUDAS	Источник (описание признака и балловых шкал)
<i>Верхняя челюсть</i>					
Лопатообразность	I ¹	2–3	–	2–7	[Зубов, 1968, 2006; Turner, Nichol, Scott, 1991]
Вестибулярная выпуклость	I ¹	–	2–4	2–4	[Turner, Nichol, Scott, 1991]
Лингвальная ямка	I ¹	–	+	–	[Зубова, 2013]
Пальцевидные гребни	I ¹ , C	+	1–3	+	[Зубов, 1968; Зубова, 2013]
Лингвальный наклон коронки	I ¹	–	+	–	[Зубова, 2013]
Редукция гипоконуса	M ²	3, 3+	–	0–3	[Зубов, 1968; Turner, Nichol, Scott, 1991]
Бугорок Карабелли	M ¹	2–5	–	2–7	[Зубов, 1968, 2006; Turner, Nichol, Scott, 1991]
Ромбовидная форма моляров	M ¹	–	+	–	[Bailey, 2004]
Косой гребень	M ¹	+	3	+	[Зубов, 1968; Зубова, 2013]
Метаконулюс	M ¹	+	+	–	[Зубов, Халдеева, 1993]
1Pr(II)	M ¹	+	+	–	[Зубов, 1974]
Передняя ямка	M ¹	+	+	+	[Scott, Turner, 1997]
Задняя ямка	M ¹	+	+	+	[Ibid.]
<i>Нижняя челюсть</i>					
Дополнительный мезиальный гребень клыка	C	+	2–3	2–3	[Зубов, Халдеева, 1993; Turner, Nichol, Scott, 1991]
Дополнительный дистальный гребень клыка	C	1–5	1–5	1–5	[Scott, 1977]
Асимметричные премоляры	P ₁ , P ₂	+	+	+	[Bailey, 2002]
Мезиостилиды	P ₁ , P ₂	–	+	–	–
Дистостилиды	P ₁ , P ₂	–	+	–	–
Цингулюм	M ₁	–	+	–	[Зубов, 1960]
Гипоконулид	M ₁	5M ₁ + 6M ₂	–	1–5	[Зубов, 1968; Turner, Nichol, Scott, 1991]
Четырехбугорковые M ₂	M ₂	+	–	+	[Там же]
Шестибугорковые M ₁	M ₁	+	–	+	»
Дистальный гребень триго-нида	M ₁	+	–	+	»
Средний гребень тригонида	M ₁	+	+	+	[Zubov, 1992]
Коленчатая складка метако-нида	M ₁	+	–	2–3	[Зубов, 1968; Turner, Nichol, Scott, 1991]
Передняя ямка	M ₁	+	+	+	[Turner, Nichol, Scott, 1991]
Задняя ямка	M ₁	+	+	+	–
Центральный бугорок	M ₁	–	+	–	[Халдеева, Харламова, Зубов, 2010]
2med(II)	M ₁	+	–	–	[Зубов, 2006]
2med(III)	M ₁	+	–	–	[Там же]
1med/1prd	M ₁	1, 2, 3	–	–	»

Таблица 2. Частоты одонтологических признаков в мезолитических и неолитических сериях

Признак	Южный Олений Остров		Звейники*		Фомино		Караванаха		Сахтыш-2а		Васильевка-3		Бовниги-1		Вовниги-2		Ячиноватка**		Никольское**		
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	
<i>Верхняя челюсть</i>																					
Глопатообразность	...	12*	...	26,7	0 (7)	0	0 (3)	0	0 (7)	0	0 (5)	0	0 (2)	0	0 (14)	7,14	0 (12)	0	0 (2)	0	0 (2)
Вестибулярная выпуклость	1 (7)	14,3	...	...	0 (4)	0	1 (3)	33,3	...	...	0 (5)	0	0 (2)	0	0 (21)	0	...	...	...	...	...
Лингвальная ямка	0 (9)	0	...	...	0 (4)	0	0 (3)	0	...	...	0 (5)	0	0 (1)	0	0 (20)	0	0 (20)	0	...	...	...
Лингвальный на-клон коронки	0 (5)	0	...	...	0 (4)	0	0 (3)	0	...	...	0 (5)	0	0 (2)	0	0 (21)	0	0 (21)	0	...	...	...
Гальцевидные гребни I1	2 (7)	28,6	...	...	1 (4)	25	0 (3)	0	...	...	1 (5)	20	0 (1)	0	3 (19)	15,79	...	...	...	...	...
Гальцевидные гребни C	0 (9)	0	...	...	1 (4)	25	0 (4)	0	...	...	0 (5)	0	0 (1)	0	3 (21)	14,3	...	...	...	...	...
Дистальный до-полнительный гребень	0 (9)	0	...	...	0 (4)	0	0 (4)	0	...	...	2 (5)	40	0 (2)	0	4 (21)	19,05	...	...	...	...	...
Мезиальный до-полнительный гребень	0 (9)	0	...	...	0 (4)	0	0 (4)	0	...	...	0 (5)	0	0 (2)	0	0 (21)	0	0 (21)	0	...	...	...
Ромбовидная форма моляров	1 (24)	4,2	...	...	0 (8)	0	0 (4)	0	...	...	0 (8)	0	0 (11)	0	3 (42)	7,1	...	...	...	...	...
Бугорок Карап-белли	...	30,8*	...	64,7	6 (8)	75	1 (4)	25	4 (12)	33,3	1 (7)	14,3	2 (8)	25	8 (21)	38,1	8 (23)	34,8	3 (15)	20	
Косой гребень	0 (9)	0	...	...	2 (6)	33,3	1 (4)	25	...	...	0 (4)	0	0 (5)	0	2 (16)	12,5	...	...	...	...	...
Метаконулюс	0 (2)	0	...	...	1 (6)	16,7	0 (4)	0	...	...	0 (2)	0	0 (6)	0	0 (12)	0	0 (12)	0	...	...	...
Передняя ямка	0 (6)	0	...	...	0 (6)	0	0 (4)	0	...	...	0 (2)	0	0 (3)	0	0 (20)	0	0 (20)	0	...	...	...
Задняя ямка	0 (7)	0	...	...	0 (6)	0	0 (3)	0	...	...	0 (5)	0	0 (4)	0	1 (22)	4,54	...	...	...	...	...
1Pr(II)	...	...	...	...	2 (3)	66,7	...	...	...	...	0 (3)	0	0 (3)	0	0 (3)	0	0 (3)	0	...	...	...
Редукция гипо-конуса	...	26,2*	...	18,2	3 (11)	27,3	4 (5)	80	3 (8)	37,5	6 (9)	66,7	3 (13)	23	15 (27)	55,56	2 (19)	10,5	2 (14)	14,3	

Окончание табл. 2

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
<i>Нижняя челюсть</i>																					
Лопатообраз- ность	0 (13)	0	...	...	0 (3)	0	0 (3)	0	...	...	0 (7)	0	0 (3)	0	0 (22)	0	...	...	...	...	...
Долопинтальный дистальный ребенок	0 (12)	0	...	...	0 (5)	0	0 (4)	0	...	...	1 (10)	10	0 (6)	0	0 (23)	0	...	...	...	...	...
Долопинтальный мезиальный ребенок	0 (12)	0	...	...	0 (5)	0	0 (4)	0	...	...	0 (10)	0	0 (6)	0	0 (23)	0	...	...	...	...	...
Долопинтальные мезиальные бугорки Р1	0 (20)	0	...	...	0 (4)	0	0 (4)	0	...	...	0 (8)	0	0 (8)	0	1 (26)	3,84	...	...	...	...	...
Долопинтальные бу- горки Р1	0 (20)	0	...	...	0 (4)	0	0 (4)	0	...	...	0 (8)	0	0 (8)	0	0 (26)	0	...	...	...	...	...
Циркулупом М1	0 (29)	0	...	...	0 (8)	0	0 (4)	0	...	...	0 (12)	0	0 (12)	0	0 (35)	0	...	...	...	...	...
6M1	...	12,5*	...	...	11,5	1 (7)	14,3	0 (4)	0	...	3 (13)	27	1 (12)	8,33	0 (9)	0	0 (23)	0	2 (22)	9,1	1 (11)
4M1	...	3,5*	...	0	0 (7)	0	0 (4)	0	0 (13)	0	0 (12)	0	0 (12)	0	0 (24)	0	0 (22)	0	0 (11)	0	0
Дистальный тре- бень тригонида	...	10,9*	...	0	2 (8)	25	0 (4)	0	2 (11)	18,18	0 (6)	0	0 (9)	0	0 (16)	0	0 (14)	0	0 (10)	0	0
Эпикристид	0 (19)	0	...	...	0 (7)	0	0 (3)	0	0 (11)	0	0 (6)	0	0 (9)	0	0 (35)	0	...	...	...	...	...
Коленчатая складка мета- конида	...	15,4*	...	10,6	1 (5)	20	0 (4)	0	1 (5)	20	0 (2)	0	0 (4)	0	0 (6)	0	0 (6)	0	0 (6)	0	0
Передняя ямка	0 (8)	0	...	...	0 (6)	0	0 (2)	0	...	...	0 (5)	0	0 (5)	0	0 (25)	0	0 (21)	0	...	...	...
Задняя ямка	0 (14)	0	...	...	0 (6)	0	0 (3)	0	...	...	0 (5)	0	0 (5)	0	1 (28)	3,57	...	...	...	...	...
Центральный буторок	0 (7)	0	...	...	0 (7)	0	0 (3)	0	...	...	0 (6)	0	0 (8)	0	0 (3)	0	0 (3)	0	...	...	...
1med/1prd1	0 (1)	0	...	...	0 (1)	0	0 (2)	0	...	...	2 (2)	100	0 (1)	0	0 (3)	0	0 (3)	0	...	...	...
1med/1prd2	1 (1)	100	...	...	1 (1)	100	2 (2)	100	...	...	0 (2)	0	0 (1)	0	3 (3)	100	...	...	...	...	...
1med/1prd3	0 (1)	0	...	...	0 (1)	0	0 (2)	0	...	...	0 (2)	0	1 (1)	100	0 (3)	0	0 (3)	0	...	...	...
2med(I)	1 (4)	25	...	...	2 (5)	40	1 (2)	50	...	...	1 (2)	50	...	...	1 (6)	16,7	0 (7)	0	1 (6)	16,7	...
2med(II)	2 (4)	50	...	...	3 (5)	60	0 (2)	0	...	...	1 (2)	50	...	...	0 (6)	0	6 (7)	85,7	3 (6)	50	...
4M2	...	55,5*	...	80,8	5 (8)	62,5	4 (4)	100	...	...	8 (11)	72,72	8 (9)	88,88	19 (24)	79,17	20 (23)	86,9	12 (15)	80	...

*Данные по: [Денисова, Граудонис, Гравере, 1985].

**Данные по: [Сегеда, 2013].

Таблица 3. Частоты некоторых одонтологических признаков у верхнепалеолитического населения Европы

Признак	Костёнки и Сунгирь		Ранний верхний палеолит Европы		Поздний верхний палеолит Европы	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
<i>Верхняя челюсть</i>						
Лопатообразность	0 (4)	0	1 (20)	5	0 (19)	0
Вестибулярная выпуклость	2 (4)	50	10 (23)	43,5	8 (19)	42,1
Лингвальная ямка	0 (3)	0	...	...	...	...
Лингвальный наклон коронки	2 (4)	50	...	...	...	...
Пальцевидные гребни I1	1 (3)	33,3	...	31,2	6 (16)	37,5
Пальцевидные гребни C	1 (3)	33,3	9 (10)	90	14 (24)	58,3
Дополнительный дистальный гребень	0 (3)	0	2 (5)	40	10 (20)	50
Дополнительный мезиальный гребень	0 (3)	0	0 (7)	0	0 (22)	0
Ромбовидная форма моляров	1 (5)	20	...	...	...	...
Бугорок Карабелли	2 (5)	40	9 (21)	42,9	21 (37)	56,8
Косой гребень	0 (4)	0	...	...	...	...
Метаконулюс	0 (4)	0	...	...	...	...
Передняя ямка	0 (4)	0	...	...	...	...
Задняя ямка	2 (4)	50	...	...	...	...
1Pr(II)	0 (2)	0	...	...	...	...
Редукция гипоконуса	2 (4)	50	...	40	15 (45)	33,3
<i>Нижняя челюсть</i>						
Лопатообразность	0 (3)	0	...	9,1	0 (31)	0
Дополнительный дистальный гребень	0 (3)	0	8 (15)	53,3	8 (26)	30,8
Дополнительный мезиальный гребень	0 (3)	0	...	...	...	...
Дополнительные мезиальные бугорки P1	0 (2)	0	...	...	...	...
Дополнительные дистальные бугорки P1	0 (2)	0	...	...	...	...
Цингулум M1	1 (4)	25	...	...	...	...
6M1	0 (5)	0	...	6,1	3 (44)	6,8
4M1	1 (5)	20	...	...	...	...
Дистальный гребень тригонида	0 (4)	0	...	...	...	...
Эпикристид	0 (4)	0	4 (17)	23,5	7 (22)	31,8
Коленчатая складка метаконида	1 (4)	25	1 (2)	50	2 (13)	15,4
Передняя ямка	0 (4)	0	...	...	6 (12)	50
Задняя ямка	1 (5)	20	...	...	...	...
Центральный бугорок	1 (3)	33,3	...	...	...	...
1med/1prd1	1 (2)	50	...	...	...	...
1med/1prd2	0 (2)	0	...	...	...	...
1med/1prd3	1 (2)	50	...	...	...	...
2med(II)	0 (2)	0	...	...	...	...
2med(III)	2 (2)	100	...	...	...	...
4M2	4 (4)	100	30 (37)	81,1	40 (49)	81,6

них молярах, заметная редукция гипоконуса верхних вторых моляров, отсутствие шестибуторковых нижних моляров, там же и дистальный гребень тригонида на первых нижних молярах. Также в число особенностей входят доминирование на последних «Y»-узора коронки и высокая частота четырехбуторковых нижних вторых моляров [Зубова, Чикишева, 2015, с. 143]. При сравнении этих характеристик с данными зарубежных исследователей по большинству показателей они совпадают (табл. 3), хотя по полному набору признаков сопоставить находки из России с западно- и центрально-европейскими не удалось из-за различий исследовательских программ. Основные отличия образцов из Сунгиря и Костёнок заключаются в отсутствии наблюдаемых на некоторых европейских находках шестибуторковых нижних первых моляров, дополнительных дистальных гребней верхних и нижних клыков и лопатообразности нижних резцов (табл. 3). Кроме того, на российских образцах отсутствует эпикристид на нижних молярах.

Имеющиеся данные позволяют говорить о присутствии на территории лесостепной полосы Восточно-Европейской равнины двух морфологических вариантов, один из которых представлен на стоянке Сунгирь, а другой – в костёнко-борщевском археологическом районе. Сунгирский вариант отличается большей макуризованностью зубной системы и наличием коленчатой складки метаконида на нижних молярах [Там же], костёнковский – выраженной грацилизацией зубной системы. Набор архаичных признаков, общих для большинства верхнепалеолитических находок, включает выпуклость эмали на вестибулярной поверхности медиальных резцов, лингвальный наклон вершин их коронок, полные задние ямки или их элементы на верхних первых молярах. У погребенного Костёнки XVIII дополнительно присутствовали задние ямки на нижних молярах. На черепе Костёнки XIV было отмечено необычное строение нижних премоляров, отличающееся как от неандертальских, так и от современных форм. На сунгирских находках дополнительно зафиксирована гипертрофия гипоконуса, пальцевидные гребни верхних резцов и клыков, сложная, «неандерталоидная» форма нижнего премоляра, цингулум нижних моляров и центральный бугорок, а также тип 3 хода первой борозды эконуса (параконуса), чаще рассматриваемый как маркер восточного одонтологического ствола [Зубов, 2006, с. 50]. Нужно отметить, что распределение и других одонтоглифических фенов, которые традиционно используются в качестве дифференцирующих признаков, разделяющих популяции восточного и западного ствола, на верхнепалеолитических находках не соответствует современному. Соотношение точек впадения первых борозд метаконуса и эконуса на первых верхних молярах представлено вариантами 2 и 3; здесь отсутствует тип 1, чаще встречающийся у европеоидов [Там же, с. 56]. Ана-

логичную картину показывает распределение вариантов впадения второй борозды метаконида на нижних первых молярах. В обоих случаях, когда можно было установить направление ее хода (Сунгирь 2, Костёнки XV), она впадала в межбуторковую борозду III, демонстрируя, таким образом, отсутствие фена 2med(II), характерного для европеоидных групп. Первые борозды метаконида и протоконида на этих находках впадают в фиссуру II одновременно, образуя нейтральное с точки зрения расовой диагностики сочетание.

Мезолит. Мезолитические серии из могильника на Южном Оленьем острове и Васильевки-3 заметно различаются. В первой сохраняются свойственные палеолитическим группам повышенная частота бугорка Карабелли, коленчатая складка метаконида, преобладание пятибуторковых форм нижних первых моляров. Из-за сильной стерности зубов говорить о распределении одонтоглифических фенов можно лишь в общих чертах. Фен 2med(II) в серии присутствует, но встречается реже, чем вариант 2med(III). Соотношение точек впадения первых борозд метаконида и протоконида в межбуторковую фиссуру, также как и в палеолитическое время, представлено исключительно вариантом 1. Одновременно здесь, хотя и с низкими частотами, появляется полный комплекс признаков, маркирующих восточный одонтологический ствол: выраженная лопатообразность верхних резцов, шестой бугорок на нижних первых молярах, повышенная частота пятибуторковых вариантов строения нижних вторых моляров, дистальный гребень тригонида (см. табл. 2). Несмотря на это, на зубах верхней челюсти в серии сохраняются архаичные элементы, зафиксированные на палеолитических черепах: вестибулярная выпуклость центральных резцов, задние ямки верхних моляров, пальцевидные гребни верхних резцов и клыков, отмечен один ромбовидный верхний моляр, похожий на зафиксированный у индивида Сунгирь 2.

Серия из Васильевки-3 демонстрирует заметно более выраженную европеоидную специфику. Здесь отсутствуют два наиболее важных «монголоидных» признака – лопатообразность верхних резцов и дистальный гребень тригонида; реже встречается шестой бугорок на нижних молярах и чаще – четырехбуторковые нижние вторые моляры. Набор маркеров архаики в этой серии заметно редуцирован. Из всего комплекса признаков, отмеченных на верхнепалеолитических черепах, здесь присутствуют только пальцевидные гребни верхних резцов и клыков (см. табл. 2). Варианты 2med(II) и 2med(III) были встречены каждый в одном случае.

Мезолитическая серия из могильника Звейниеки по частотам признаков стандартной программы занимает промежуточное положение между первыми двумя сериями. Набор маркеров восточного ствола здесь представлен лопатообразностью верхних рез-

цов и шестибуторковыми нижними молярами. Дистальный гребень тригонида отсутствует (см. табл. 2).

Неолит. У носителей рязанской культуры общности с ямочно-гребенчатой керамикой (Фомино) из маркеров восточного компонента зафиксированы шесть бугорки на нижних первых молярах, дистальный гребень тригонида, повышенная частота пятибуторковых нижних вторых моляров при отсутствии лопатообразности центральных резцов (см. табл. 2). Отмечено несколько случаев слабовыраженных краевых гребней лингвальной поверхности на этих зубах, но ни разу их развитие не достигало балла 2 стандартной шкалы. В данной группе сохраняются отсутствие грацильных форм нижних первых моляров, повышенная частота бугорка Карабелли и коленчатая складка метаконида, наблюдаемые у мезолитического населения Балтийского региона. Маркеры архаики, фиксируемые на палеолитических находках, в рязанской серии отсутствуют (хотя отмечен один случай мезиостилида на нижнем втором премоляре). Из одонтоглифических фенов зафиксированы два случая впадения первой борозды протоконуса в фиссуре II, вариант 2 соотношения точек впадения 1med и 1prd и повышенная частота «восточного» варианта 2med(III) по сравнению с 2med(II).

У носителей каргопольской культуры той же общности (Караваиха) не встречен ни один восточный маркер, а из архаичных признаков отмечена только вестибулярная выпуклость верхних резцов (см. табл. 2). В серии повышенна частота бугорка Карабелли, отсутствует коленчатая складка метаконида. Из одонтоглифических фенов представлен 2med(II) и не встречен 2med(III). Соотношение точек впадения первых борозд метаконида и протоконуса удалось зафиксировать только в одном случае, когда 1med впадала в межбуторковую фиссуру ниже, чем 1prd. По признакам стандартной программы похожий состав имеют носители льяловской культуры этой общности (Сахтыш-2а). У них также отсутствуют лопатообразные формы верхних центральных резцов, но повышенна частота шестибуторковых нижних первых моляров и понижена четырехбуторковых вторых, а также встречены дистальный гребень тригонида и коленчатая складка метаконида.

Что касается неолитического населения на территории Украины, то в его составе, несмотря на более раннюю датировку, по сравнению с северным неолитом, маркеры восточного ствола практически отсутствуют. Серии из могильников Ясиноватка, Никольское, Вовниги-1 днепро-донецкой культурной общности очень похожи на мезолитическую из Васильевки-3. Во всех трех доминирует общий морфологический комплекс, в котором отсутствие лопатообразности верхних резцов сочетается со средней частотой бугорка Карабелли, низким уровнем редукции верхних моляров, отсутствием четырехбуторковых нижних первых моляров, дистального гребня тригонида,

коленчатой складки метаконида (см. табл. 2). Из набора признаков, характеризующих монголоидные группы, здесь представлены только шестибуторковые нижние моляры, причем они встречаются с очень умеренной частотой, допустимой для современных европеоидных популяций (см. табл. 2). По программе учета маркеров архаики была обследована только серия из могильника Вовниги-1, в которой ни один из них на ключевых зубах не встречен.

Группа из могильника Вовниги-2 несколько отличается по составу одонтологического комплекса от остальных украинских. Во-первых, здесь отмечен один случай выраженной лопатообразности верхних резцов, во-вторых, главным ее отличием от других является заметно более выраженная архаичность строения зубной системы. В этой серии зафиксированы пальцевидные гребни верхних резцов и клыков, дополнительный дистальный гребень верхних клыков, несколько случаев гипертрофированного развития гипоконуса и задняя ямка на верхних первых молярах. На нижних премолярах встречен дополнительный мезиальный бугорок, на нижних молярах – дополнительный центральный. Это сближает группу, оставившую могильник Вовниги-2, с верхнепалеолитическими популяциями Европы.

Наблюдаемая картина наглядно продемонстрировала, что обе гипотезы относительно факторов формирования морфологической специфики мезолитического и неолитического населения Восточно-Европейской равнины имели под собой реальную основу. Однако соотношение различных факторов морфогенеза, реконструируемое для изученных групп по одонтологическим данным, несколько отличается от результатов краниологических исследований.

Для мезолитической серии онежской культуры полученные одонтологические данные позволяют приумирить две контрастные точки зрения – Е.В. Жирова [1940], Г.Ф. Дебеца [1956], Ю.Д. Беневоленской [1984] и Р.Я. Денисовой [1997], с одной стороны, и В.П. Якимова [1958] – с другой. Они свидетельствуют о сохранении архаичного морфологического комплекса, родственного верхнепалеолитическому. В этой серии присутствует большинство маркеров архаики, которые отмечены на европейских находках, относящихся к верхнему палеолиту. Одновременно, как и предполагалось ранее, распределение маркеров восточного ствола подтверждает и наличие здесь комплекса мигрантного происхождения, связанного с древними монголоидными группами [Зубова, 2012]. Одонтологические характеристики серии из Васильевки-3 выглядят более специализированными. Как архаичный, так и монголоидный комплекс признаков здесь очень редуцированы. В целом распределение частот большинства фенов соответствует характеристикам современного среднеевропейского одонтологического типа.

В неолитических сериях сохраняются тенденции, наметившиеся в мезолитическую эпоху. Популяции неолита делятся на две группы, соответствующие их культурно-хронологической принадлежности. В первую входит население лесной зоны, носители культур с ямочно-гребенчатой керамикой, во вторую – представители днепро-донецкой культурной общности.

В большинстве северных популяций сохранялись некоторые маркеры восточного одонтологического ствола, однако корреляции между ними нарушены. Так, ни в одной из неолитических серий не зафиксирована лопатообразность верхних резцов, хотя дистальный гребень тригонида и шестибуторковые нижние первые моляры встречаются. Можно предполагать, что в состав носителей культур с ямочно-гребенчатой керамикой напрямую монголоидный компонент не был включен, а появление восточных фенов обусловлено связью со смешанными популяциями мезолитической эпохи. Эта связь проявляется в разной степени. Хотя Ю.Д. Беневоленская писала о сходстве двух из трех неолитических черепов из могильника Караваиха с «низколицым олениестровским типом», который она считала восточным по происхождению [1984, с. 50], в одонтологических характеристиках каргопольской серии монголоидные признаки, отмеченные в мезолитической группе, отсутствуют. Из маркеров архаики здесь представлена только вестибулярная выпуклость верхних резцов. Хотя данный признак и наблюдается вне комплекса, он может свидетельствовать о сохранении слабой связи с более древними архаичными группами. У носителей рязанской культуры иная ситуация: заметно выражены маркеры восточного одонтологического ствола (без лопатообразности верхних резцов), но отсутствует вестибулярная выпуклость резцов. Маркеры архаики представлены здесь только пальцевидными гребнями верхних фронтальных зубов, косым гребнем и метаконулюсом на верхних молярах. Таким образом, оба морфологических компонента, и архаичный, и монголоидный, консолидировано присутствовавшие в составе мезолитического населения севера Восточно-Европейской равнины в неолите, по всей видимости, частично элиминируются под влиянием генетико-автоматических процессов.

Состав носителей культур днепро-донецкой общности мало изменился по сравнению с эпохой мезолита. В большинстве серий нет маркеров восточной направленности, единственный систематически присутствующий признак – шестибуторковые нижние моляры, но при низкой частоте встречаемости они не имеют самостоятельного таксономического значения. Комплекс маркеров архаики в большинстве серий также представлен очень слабо, единственное исключение – группа из Вовниги-2, в которой он практически полностью соответствует характеристикам верхнепалеолитического населения Европы.

Выводы

Из наблюдаемого распределения одонтологических признаков можно сделать вывод о том, что формирование антропологического состава населения Восточно-Европейской равнины эпохи мезолита – неолита было сложным процессом, на результат которого повлияло несколько факторов. Одонтологические данные предоставляют весомые свидетельства в пользу миграции с востока на эту территорию в период существования онежской культуры или ранее. В одонтологическом комплексе мигрантов были повышенены частоты лопатообразности, дистального гребня тригонида, шестибуторковых нижних первых моляров и понижен уровень грацилизации нижних вторых моляров.

Одновременно подтверждается гипотеза о сохранении в некоторых мезолитических и неолитических популяциях автохтонного протоморфного компонента, восходящего к местным верхнепалеолитическим группам. В наибольшем объеме он фиксируется в составе носителей онежской мезолитической культуры и азово-днепровской неолитической. Отдельные архаичные элементы наблюдаются в каргопольской и рязанской группах.

Присутствие в серии из могильника на Южном Ольнем острове одновременно маркеров архаики и восточного одонтологического ствола позволяет говорить о том, что длительное сохранение характеристик палеолитического населения здесь не было обусловлено биологической изоляцией. В определенной степени это снимает вопрос о возможном формировании недифференцированных расовых комплексов под влиянием исключительно генетико-автоматических процессов. По крайней мере на севере Восточно-Европейской равнины длительная консервация протоморфных элементов могла быть связана с палеоэкологическими факторами, сохранившими значимость адаптивных комплексов верхнепалеолитического времени, поскольку проникновение мигрантов с востока не привело к полному вытеснению архаичного компонента из состава населения данной территории. Его «размытие» скорее было обусловлено процессом расселения постпалеолитических групп по Восточно-Европейской равнине и связанным с этим вытеснением некоторых генетических линий на окраинах их ареалов.

Список литературы

Археология: Неолит Северной Евразии / Т.Д. Белановская, В.В. Бжания, Л.Н. Гурина, Г.И. Зайцева, М.П. Зимина, М.В. Константинов, М.Ф. Косарев, Д.А. Крайнов, Л.Я. Крижевская, С.В. Ошибкина, М.Ф. Потушняк, А.С. Смирнов, Д.Я. Телегин, В.И. Тимофеев, Л.П. Хлобыстин, Н.А. Хотинский, Е.К. Черныш. – М.: Наука, 1996. – 379 с.

- Балановская Е.В., Балановский О.П.** Русский генофонд на Русской равнине. – М.: Луч, 2007. – 416 с.
- Беневоленская Ю.Д.** К вопросу о морфологической неоднородности краниологической серии из могильника на Южном Оленьем острове // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Европы. – Л.: Наука, 1984. – С. 37–54.
- Гохман И.И.** Антропологические особенности древнего населения севера европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 216–222.
- Дебец Г.Ф.** Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас // СЭ. – 1956. – № 4. – С. 74–94.
- Денисова Р.Я.** Проблема наличия монголоидного компонента в составе древнего населения Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы: (Антропология Сахтышских стоянок). – М.: Науч. мир, 1997. – С. 42–54.
- Денисова Р.Я., Граудонис Я.Я., Гравере Р.У.** Кивут-калинский могильник эпохи бронзы. – Рига: Зинатне, 1985. – 165 с.
- Жиров Е.В.** Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленевого острова // КСИИМК. – 1940. – Т. VI. – С. 51–54.
- Зубов А.А.** Зубная система // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. – М.: Наука, 1960. – С. 360–382.
- Зубов А.А.** Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 199 с.
- Зубов А.А.** Одонтографика // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 11–42.
- Зубов А.А.** Морфологическое исследование зубов детей из сунгирского погребения 2 // HOMO SUNGIRIENSIS: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Науч. мир, 2000. – Гл. 19. – С. 256–270.
- Зубов А.А.** Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-онлайн, 2006. – 72 с.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в антропофенетике. – М.: Наука, 1993. – 224 с.
- Зубова А.В.** Одонтологические данные к проблеме «монголоидности» населения Восточной Европы в мезолитическую эпоху // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2012. – № 1. – С. 44–53.
- Зубова А.В.** Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии // Вестн. антропологии. – 2013. – № 4. – С. 107–127.
- Зубова А.В., Чикишева Т.А.** Морфологический комплекс зубов человека со стоянки Афонтова Гора II и его положение в системе одонтологической дифференциации верхнепалеолитического населения Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 4. – С. 135–143.
- Сегеда С.П.** Некоторые вопросы происхождения славян в свете данных антропологии // Вестн. антропологии. – 2013. – № 4. – С. 128–137.
- Халдеева Н.И.** Результаты одонтологического исследования черепа Костенки-18 // Доисторический человек: Биологические и социальные аспекты. – М.: Оргсервис-2000, 2006. – С. 171–185.
- Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Зубов А.А.** Сравнительное одонтологическое исследование «классических» западноевропейских неандертальцев // Вестн. антропологии. – 2010. – № 18. – С. 60–87.
- Чикишева Т.А.** Динамика антропологического состава населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.
- Якимов В.П.** О древней «монголоидности» в Европе // КСИЭ. – 1958. – Вып. 28. – С. 86–91.
- Bailey S.E.** Neandertal Dental Morphology: Implication for Modern Human Origins: Diss. PhD. – Tempe: Arizona State Univ., 2002. – 238 p.
- Bailey S.E.** A Morphometric Analysis of Maxillary Molar Crowns of Middle-Late Pleistocene Hominins // J. Hum. Evol. – 2004. – Vol. 47. – P. 183–198.
- Der Sarkissian C., Balanovsky O., Brandt G., Khartanovich V., Buzhilova A., Koshel S., Zaporozhchenko V., Gronenborn D., Moiseyev V., Kolpakov E., Shumkin V., Alt K., Balanovska E., Cooper A., Haak W., The Genographic Consortium.** Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe // PLOS Genetics. – 2013. – Vol. 9, iss. 2. – URL: <http://journals.plos.org/plosgenetics/article?id=10.1371/journal.pgen.1003296>
- Manni F., Vargiu R., Coppa A.** Neural network analysis by using the Self-Organizing Maps (SOMs) applied to human fossil dental morphology: A new methodology // Dental Perspectives on Human Evolution: State of the Art Research in Dental Paleoanthropology / eds. Sh.E. Bailey, J.-J. Hublin. – N. Y.: Springer, 2007. – P. 81–101.
- Newton J.R.** Ancient Mitochondrial DNA from Prehistoric Southeastern Europe: The Presence of East Eurasian Haplogroups Provides Evidence of Interactions with South Siberians Across the Central Asian Steppe Belt: Masters Theses. – Allendale (MI): Grand Valley Univ., 2011. – 78 p. – URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/theses/5/>
- Scott G.R.** Classification, Sex Dimorphism, Association and Population Variation of the Canine Distal Accessory Ridge // Hum. Biol. – 1977. – Vol. 49, N 3. – P. 453–469.
- Scott G.R., Turner C.G.II.** The Anthropology of Modern Human Teeth: Dental Morphology and its Variation in Recent Human Populations. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. – 382 p.
- Turner C.G. II, Nichol C.R., Scott G.R.** Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System // Advances in Dental Anthropology. – N. Y.: Wiley-Liss Inc., 1991. – P. 13–31.
- Zubov A.A.** The Epicristid or Middle Trigonid Crest Defined // Dental Anthropology Newsletter. – 1992. – N 6. – P. 9–10.

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.150-157
УДК 572

**Т.А. Чикишева¹, С.М. Слепченко², А.В. Зубова¹, В.С. Славинский¹,
А.А. Цыбанков¹, Н.И. Дроздов¹, Д.Н. Лысенко³**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: chikisheva@ngs.ru; zubova_al@mail.ru; slavinski@yandex.ru; tsybankov@yandex.ru; klapss80@mail.ru

²Институт проблем освоения Севера СО РАН

ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, Россия

E-mail: s_slepchenko@list.ru

³ООО «Красноярская Геоархеология»

пр. Мира, 25, стр. 1, Красноярск, 660049, Россия

E-mail: krasgeo@gmail.com

Антropологическая характеристика нижней челюсти и первого шейного позвонка (атланта) с местонахождения Афонтова Гора II*

В работе дана антропологическая характеристика нижней челюсти и первого шейного позвонка человека, обнаруженных при раскопках палеолитического местонахождения Афонтова Гора II. На памятнике выделено несколько культуроодержащих горизонтов, представляющих кратковременные охотничьи стоянки афонтовской археологической культуры, которые датированы 16–12 тыс. л.н. Исследование нижней челюсти позволило сделать вывод, что она принадлежала индивиду женского пола в возрасте 14–15 лет. Ряд антропоскопических особенностей является характерным для морфологии нижних челюстей современных людей. По данным антропометрии они ближе к характеристикам современных подростков, чем к верхнепалеолитическим образцам. Сходная по биологическому возрасту и идентичная по половому принадлежности челюсть Прежедмости 5 имеет значительно большую проекционную длину от мышцелков и более высокую и широкую ветвь. Детские нижние челюсти из Сунгира массивнее, характеризуются большей межмыщелковой шириной и более высокой и широкой ветвью. Это наблюдение можно связать с эпохальной тенденцией к грацилизации, достигшей в данном случае практически современного уровня. Измерительные характеристики атланта четко указывают на его принадлежность индивиду женского пола не моложе 20–25 лет. Из-за скучности доступного нам сравнительного материала по атланту у людей палеолита невозможно дать исчерпывающую его характеристику. Однако накопление подобных данных в последующем позволит определить место этой кости в ряду изменчивости у палеолитических людей.

Ключевые слова: нижняя челюсть, атлант, морфология, верхний палеолит, афонтовская культура, Афонтова Гора II.

**T.A. Chikisheva¹, S.M. Slepchenko², A.V. Zubova¹, V.S. Slavinsky¹,
A.A. Tsybankov¹, N.I. Drozdov¹, and D.N. Lysenko³**

¹Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: chikisheva@ngs.ru; zubova_al@mail.ru; slavinski@yandex.ru; tsybankov@yandex.ru; klapss80@mail.ru

²Institute of Northern Development, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Malygina 86, Tyumen, 625026, Russia

E-mail: s_slepchenko@list.ru

³ООО “Krasnoyarsk Geoarchaeology”,

Pr. Mira 25, bldg. 1, Krasnoyarsk, 660049, Russia

E-mail: krasgeo@gmail.com

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

An Upper Paleolithic Human Mandible and a First Cervical Vertebra from Afontova Gora II

Remains of two individuals, a mandible and an atlas, from a stratified Upper Paleolithic site Afontova Gora II, dating to 16–12 ka BP, are described. The mandible was of a 14–15-year-old female. Certain nonmetric traits indicate its anatomical modernity, whereas the dimensions are closer to those of modern adolescents than to those of Upper Paleolithic individuals of similar age. The mandible of the Předmostí-5 female, while being close in biological age, shows a much greater projective length and a higher and wider ramus. Mandibles of Upper Paleolithic children from Sungir are more robust and show a larger intercondylar width and a higher and wider ramus. The fact that the dimensions of the Afontova Gora specimen match the modern standards can be due to a diachronic tendency toward gracilization. Dimensions of the atlas suggest that it belonged to a female aged 20–25. The paucity of data on the first cervical vertebrae of Upper Paleolithic humans makes it impossible to evaluate the taxonomic status of that find.

Keywords: Mandible, atlas, morphology, Upper Paleolithic, Afontova culture, Afontova Gora II.

Введение

Афонтова Гора II – один из наиболее известных памятников позднего палеолита Сибири. При охранно-спасательных раскопках 2014 г., связанных со строительством четвертого моста г. Красноярска через Енисей [Деревянко и др., 2014; Славинский и др., 2014], на второй и третьей надпойменных террасах выделено несколько культуросодержащих горизонтов, представляющих серию кратковременных охотничьих стоянок. Археологический материал, включающий фаунистические остатки, каменные, роговые и костяные артефакты, позволяет отнести полученные комплексы к афонтовской археологической культуре, существовавшей в верхнем палеолите на Енисее 16–12 тыс. л. н.

В ходе работ на раскопе № 24, врезанном в борт третьей террасы, в культурном горизонте 2, приуроченном к кровле тела оползневого образования, были обнаружены первый шейный позвонок, челюсть и пять зубов, лежавшие согласно уклону геологического слоя. Сопутствующие им археологические находки представлены отщепами, сколами и фаунистическими остатками. Исключительная сохранность костного материала указывает на высокую скорость археологизации находок. Залегание в том же культурном горизонте черепов крупных млекопитающих (северного и благородного оленей, волка) позволяет предположить механизм его формирования. Образование геологического тела происходило в древнем понижении рельефа с сезонным водотоком, обеспечивающим постоянное поступление и сортировку осадков (в т. ч. и разрушение блоков отложений, содержащих культурные остатки), и стабильным стоянием воды, формирующим закисные формы ожелезнения.

Основной целью данного исследования являются морфологическое описание нижней челюсти и первого шейного позвонка и их половозрастная идентификация.

Материал и методы

Исследованы нижняя челюсть и зубы молодого индивида. В правой половине челюсти *in situ* находились

первый и второй моляр (M_1, M_2), также присутствовали оба M_3 в начальной стадии прорезывания. Несколько позже нам были переданы принадлежащие этой же челюсти изолированные левые второй премоляр (P_4) и первый моляр (M_1).

На момент обнаружения челюсть имела неплохую сохранность (рис. 1). Посмертные повреждения были связаны с незначительной трансверзальной деформацией ее тела под давлением грунта, сопровождавшейся множественными трещинами в этом направлении. При высыхании челюсть распалась на две половины. Линия слома проходит наискосок от середины альвеолы правого медиального резца до основания тела челюсти на уровне между правыми вторым премоляром и первым моляром, огибая подбородочный выступ. Данное нарушение целостности не только не спровоцировало ошибок в антропометрических параметрах, но даже позволило избежать тех, которые были бы неминуемы при измерении деформированной кости.

В статье дано подробное описание обнаруженной нижней челюсти. Были учтены не только ее основные размеры, измеренные по стандартной методике Р. Мартина в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964] (см. таблицу), но и особенности деталей

Рис. 1. Нижняя челюсть.

Размеры и указатели нижней челюсти с местонахождения Афонтова Гора II и сравнительные материалы

Признак	Афонтова Гора II	Сунгирь	Современные дети			
			Преждемости	12–14 мес	14–15 мес	15–17 мес
65. Мышцелковая ширина	107,0	113,0	88,0	—	100,0	101,0
66. Угловая ширина	85,0	89,0	77,0	95,0	76,0	82,0
67. Передняя ширина	45,0	45,0	50,0	41,0	—	—
68. Длина от уолов	74,0	88,0	68,0	61,0	—	72,0
68 (1). Длина от мыщелков	95,0	106,0	88,0	81,0	—	99,0
69. Высота симфиза	30,0	35,0	29,0	25,0	—	—
69 (1). Высота тела на уровне подбородочного отверстия	25,5	24,0	26,8	27,2	23,0	20,0
69 (2). Высота тела на уровне вторых моляров	22,0	21,4	—	—	—	21,5
69 (3). Толщина тела на уровне подбородочного отверстия	11,4	11,3	11	15	10,5	14,5
70. Высота ветви	43,0	48,0	57,0	58,0	50,0	42,0
71а. Наименьшая ширина ветви	33,0	30,0	37,0	34,0	30,0	27,0
79. Угол наклона ветви	124,0	119,0	—	—	128,0	—
С. Угол подбородка	71,0	80,0	69,0	62,5	—	—
Makr-2, 5–8 мес (11–10 ТБС. Н.Н.)						
Kostchekin XVII, 9–11 мес (21 ТБС. Н.Н.)						
Telenk-Tau, 9–10 мес (nos3hinn)						
Lebara nomobnha heimotcn						
Lebara nomobnha heimotcn 2/3, AEBOKA, 9–11 мес						
№ 7, 12–14 мес (27–25 ТБС. Н.Н.)						
№ 5, KEMUNHAA, (27–25 ТБС. Н.Н.)						
№ 2, 6–7 мес (27–25 ТБС. Н.Н.)						
Makr-2, 5–8 мес (11–10 ТБС. Н.Н.)						
Kostchekin XV, 5–7 мес (25–21 ТБС. Н.Н.)						
Kostchekin XVIII, 9–11 мес (21 ТБС. Н.Н.)						

Примечания. Источник данных по Сунгири, Телик-Ташу, Костёлкам и Маяку – [Герасимова, Астахов, Величко, 2007], по Пржедмости и современным детям – [Алексеев, 1978]. В публикациях сравнивательного материала отсутствует указание на сторону нижней челюсти, на которой проводились измерения.

рельефа наружной и внутренней поверхности. В качестве сравнительного материала по размерным характеристикам были использованы суммированные В.П. Алексеевым литературные данные о вариациях информативных для антропологического анализа размеров нижней челюсти в детских возрастных группах современного человека [Алексеев, 1978, табл. 43, с. 229] и данные, полученные при изучении верхнепалеолитических находок Сунгирь 2 и 3, Пржедмости 5. Для интерпретации особенностей рельефа, наблюдавшихся у индивида из Афонтовой Горы II, в основном использовались морфологические характеристики нижних челюстей в современных популяциях, опубликованные в стоматологической литературе [Персин, Елизарова, Дьякова, 2003; Тарасенко, Дыдыкин, Кузин, 2013; Тарасенко, Кузин, Микоян, 2014]. Возраст погребенного индивида, которому принадлежала нижняя челюсть, определялся на основании анализа стадии формирования зубов постоянной смены по шкале Д. Убелакера [Ubelaker, 1978, рис. 62].

Еще одной интересной находкой, обнаруженной при раскопках памятника Афонтова Гора II, является первый шейный позвонок (атлант) человека. Сохранность кости хорошая, отсутствует лишь небольшой участок правой верхней суставной поверхности и передне-верхней части дуги позвонка. Губчатое вещество в этом месте обнажено (рис. 2).

Для определения пола индивида, которому принадлежал атлант, мы использовали данные Л. Дюброй-Шамбарделя, обнаружившего существенные различия ширины первого шейного позвонка у мужчин и женщин [Dubreuil-Chamardel, 1907], а также разработанный Е.А. Марино метод, учитывающий большее количество размеров и позволяющий определить половую принадлежность с точностью 75–85 % [Marino, 1995]. Все измерения позвонка проводились согласно описанной методике [Huggare, 1989, 1991; Huggare, Kylamarkula, 1985a, b; Gómez-Olivencia et al., 2007].

Для определения возраста использовались данные по времени появления ядер окостенения и синостозирования атланта [Schintz et al., 1951; Standards..., 1994].

Рис. 2. Первый шейный позвонок (атлант).

Характеристика антропологических особенностей нижней челюсти

Нижней челюсти в палеоантропологических исследованиях уделяется незаслуженно мало внимания. Американский антрополог А. Грдличка посвятил ей большую статью, в которой подчеркнул уникальные возможности нижней челюсти как объекта антропологического изучения [Hrdlička, 1940]. По его мнению, это филогенетически и онтогенетически одна из самых интересных частей человеческого скелета. Она сохраняет большое эволюционное значение в наше время, демонстрируя инволюционные исторические процессы, имеет четкую корреляцию с верхней челюстью, остальной частью лица и основанием черепа, предоставляет уникальные данные о возрастных изменениях и характерных особенностях для обоих полов, несет или воспроизводит периодически черты давних предков и способна к функциональным адаптациям [Ibid., p. 281].

Тем не менее на современном этапе развития антропологической науки нижние челюсти человека являются объектом пристального внимания только в аспекте эволюционных исследований, и оно направлено в основном на комплекс морфологических признаков, обслуживающих речь. Их способность отражать внутривидовую дифференциацию сформированвшегося во всей полноте вида *Homo sapiens* используется в краинологии весьма поверхностно. Публикуются данные о размерах и форме нижней челюсти взрослых индивидов, но описания морфологических особенностей редко содержат сведения о вариациях основных элементов рельефа и асимметрии. Детские и ювенильные экземпляры в основном игнорируются, поскольку типологические комплексы принято выделять в возрастном интервале *adultus – maturus*, вследствие чего в палеоантропологической литературе практически отсутствуют данные о возрастных изменениях размеров и формы нижней челюсти, расположения на ней питательных отверстий, каналов и бугристостей.

Определение возраста. Возрастную принадлежность погребенного индивида можно довольно точно определить на основании характеристик его зубной системы. В данном случае прорезались все зубы постоянной смены, за исключением третьих моляров, которые находятся в стадии выхода из альвеол, что происходит в возрасте ок. 15 лет. Корень второго премоляра полностью сформирован, что соответствует возрасту 15 ± 3 года [Ubelaker, 1978, рис. 62], т.е. 12–18 лет. Учитывая отсутствие следов стертости на окклюзивной поверхности коронки и слабую выраженную дистальную контактную фасетку, можно ограничить возможный биологический возраст индивида интервалом 14–16 лет. Корни первых моляров

также полностью сформированы, и на обоих зубах наблюдается начальная стадия износа эмали – легкая сошлифованность верхушек бугорков и стертость некоторых мелких деталей рельефа. На вершине протоконида правого зуба намечается едва заметная точка обнажения дентина. В современных группах такая картина наблюдается в возрасте 14–15 лет. Этому интервалу соответствует состояние вторых моляров, у которых полностью сформированы корни и отсутствует стертость окклюзивной поверхности. Таким образом, в целом совокупность характеристик зубной системы позволяет предполагать биологический возраст индивида в интервале 14–15 лет.

Определение пола. Морфологические особенности строения нижней челюсти могут быть использованы в качестве критерии для определения половой принадлежности индивида. В целом рост нижнечелюстной кости завершается с окончанием прорезывания зубов постоянной смены. Это позволяет предполагать, что размеры нижней челюсти индивида из Афонтовой Горы II близки к характеристикам взрослого представителя популяции, к которой он относился. Учитывая визуально наблюданную грацильность челюсти, сочетающуюся с хорошо выраженным местами прикрепления мимической мускулатуры в области симфиза, что свидетельствует о ее большой подвижности, можно предполагать женский пол индивида.

Измерительная характеристика. О справедливости заключения о половой принадлежности индивида свидетельствуют антропометрические характеристики изучаемой челюсти (см. таблицу). Переходя к их обсуждению, отметим, что близкий по биологическому возрасту презентативный сравнительный материал, который мог бы быть использован для статистического анализа, в литературе фактически отсутствует. Нижние челюсти взрослых людей не могут быть использованы с этой целью. Несмотря на то, что рост нижнечелюстной кости из Афонтовой Горы II почти завершен, окончательную дифференциацию морфологических характеристик определяет функциональная адаптация нижней челюсти к жевательной нагрузке в возрасте *adultus* [Holmes, Ruff, 2011], которого погребенная не достигла*.

Изучаемая нижняя челюсть характеризуется заметной асимметрией строения правой и левой стороны (см. таблицу). Левая ветвь выше правой на 5 мм, уже на 3 мм и имеет меньший угол наклона. Размеры тела челюсти больше на правой половине. Асимметрия тела челюсти могла быть компенсирована в процессе дальнейшей функциональной адаптации к жевательной нагрузке, но асимметрия ветви сохранилась бы на протяжении всей жизни.

*Возрастная категория *adultus* подразумевает этап онтогенеза от 16–18 до 30–35 лет [Алексеев, Дебец, 1964].

Что касается поперечных (мыщелковая и угловая ширина) и продольных (длина от мыщелков и от углов) размеров челюсти (см. таблицу), они соответствуют аналогичным параметрам современных детей в возрастном интервале 14–17 лет*. Тело челюсти чуть более массивное и ветвь более широкая по сравнению с современными данными.

Челюсть из Афонтовой Горы II заметно отличается от верхнепалеолитических образцов Сунгирь 2 (мальчик 11–14 лет) и 3 (девочка 9–10 лет), которые имеют больший межмыщелковый диаметр, более высокую и широкую ветвь. В еще большей степени, но в том же направлении, она отличается от челюсти неандертальского ребенка из Тешик-Таша (разумеется, мы учтем видовые различия, заключающиеся в отсутствии подбородочного выступа у последнего и, соответственно, низкого угла выступания подбородка). Близкая по биологическому возрасту и идентичная по половой принадлежности челюсть Пржедмости 5 (Чехия) характеризуется значительно большей проекционной длиной от мыщелков и более высокой и широкой ветвью. Учитывая, что погребения в Сунгире и Пржедмости имеют приблизительно одинаковую древность в интервале 28–23 тыс. л.н., а Афонтова Гора II на 10 тыс. лет моложе, отмеченные различия можно связать с эпохальной тенденцией к грацилизации челюсти, в данном случае практически достигшей современного уровня.

Антропоскопические особенности. На внутренней поверхности тела нижней челюсти сохранена борозда в медиальной плоскости на месте синостоза двух ее половин, формирующегося в течение первого года постнатального развития ребенка. Подбородочная ость (*spina mentalis*) имеет сложное строение: ее верхняя часть выражена в виде шероховатости, нижняя представляет собой хорошо развитый бугорок (рис. 3, а). В области шероховатости расположено крупное питательное отверстие. На современных челюстях оно наблюдается в 100 % случаев при сохранении фронтальных зубов [Тарасенко, Дыдыкин, Кузин, 2013], его локализация варьирует, но с наибольшей частотой отмечается именно в верхней части *spina mentalis* [Гладилин, 2013, с. 74]. Хорошо заметное питательное отверстие имеется на левой половине тела челюсти чуть латеральнее ямки двубрюшной мышцы (рис. 3, б).

Ямки парной двубрюшной мышцы (*fossa digastrica*) ярко выражены, что свидетельствует об очень хорошем развитии ее передних брюшечек. На поверхностях ямок наблюдаются энтеоспатии – пограничные с патологией следы реакций костной ткани в местах прикрепления мышц и соединительной ткани (рис. 3, в). Вызвавшая их причина не ясна для нас, прежде всего

*К сожалению, данные по современным детям, позаимствованные нами из работы В.П. Алексеева [1978, табл. 43, с. 229], опубликованы без их дифференциации по полу.

из-за отсутствия сравнительных данных по нормальной изменчивости *fossa digastrica*.

Подъязычная ямка (*fovea sublingualis*) – место прилегания подъязычной слюнной железы – заметно шире и глубже на правой половине челюсти, где к тому же заметна небольшая порозность на ее поверхности. Поднижнечелюстная ямка (*fovea submandibularis*), которая также является местом прилегания одной из слюнных желез (поднижнечелюстной), имеет следы порозности на левой половине челюсти.

Челюстно-подъязычная линия (*linea mylohyoidea*) – место прикрепления челюстно-подъязычной мышцы (*m. mylohyoideus*) – выражена слабо и асимметрична относительно двух половин челюсти. На левой половине она имеет вид гребня и разорвана на уровне корней первого моляра. Прерывистый характер данной морфологической структуры на современных челюстях отмечен в 16 % случаев [Там же, с. 39]. На правой половине линия непрерывная, в нижнем отделе она представляет собой шероховатость, встречающуюся на современных челюстях с частотой 48 % [Там же].

Асимметрия наблюдается также по отношению к местам прикрепления медиальной и латеральной клиновидных мышц, обеспечивающих функцию жевания. Бугристость медиальной крыловидной мышцы (*tuberositas pterygoidea*) на внутренней поверхности угла нижней челюсти заметно сильнее выражена на правой половине. Крыловидная ямка (*fovea pterygoidea*) – место прикрепления латеральной крыловидной мышцы – также более выражена на шейке правого суставного отростка. Одностороннее сокращение этих мышц сдвигает нижнюю челюсть в противоположную сторону, и можно предположить, что жевать данный индивид предпочитал на левой стороне.

Нижнечелюстные отверстия (*foramen mandibulae*) (рис. 4), в которые входят нервы и сосуды, питающие челюсть, очень крупные, как и прикрывающие вход в них язычки (*lingula mandibulae*).

Нижнечелюстной валик (*torus mandibularis*) развит слабо. Подбородочный выступ (*protuberantia mentalis*) и подбородочные бугорки (*tuberculum mentale*) хорошо выражены, но асимметричны – правый развит сильнее (рис. 5). От основной части тела челюсти они отделены довольно глубокими ямками, из которых левая выражена сильнее и имеет два точечных питательных отверстия. Подбородочные отверстия (*foramen mentale*) овальной формы, расположены в промежутках между первым и вторым премоляром, что является преобладающим положением у современного человека. Наружная косая линия (*linea obliqua*) слажена на обеих сторонах челюсти, не доходит до подбородочного отверстия, проекционно начинаясь на уровне середины альвеолы первого моляра.

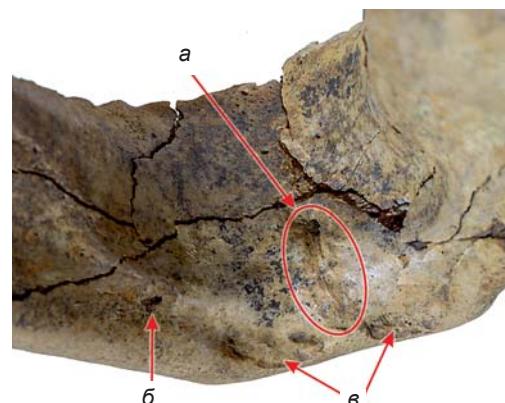

Рис. 3. Внутренняя поверхность тела нижней челюсти.
а – подбородочная ость; б – дополнительное питательное отверстие; в – ямки двубрюшной мышцы.

Рис. 4. Нижнечелюстные отверстия.

Рис. 5. Область подбородочного выступа нижней челюсти.

Жевательная бугристость (*tuberositas masseterica*) – место прикрепления жевательной мышцы (*m. masseter*) на наружной поверхности угла нижней челюсти – на обеих сторонах выражена весьма умеренно. Углы слабо развернуты кнаружи. Места прикрепления височных мышц (*m. temporalis*) на обоих венечных отростках выражены одинаково умеренно. Сокращаясь, обе мышцы поднимают нижнюю челюсть, и у данного индивида они функционировали симметрично, в отличие от мышц, сдвигающих ее в поперечном направлении.

Характеристика антропологических особенностей первого шейного позвонка (атланта)

Антрапоскопические особенности и определение возраста. Передний бугорок атланта значительного размера, задний развит слабо. Кзади от верхних суставных поверхностей имеются выраженные борозды позвоночных артерий. Отверстия поперечных отростков одиночные.

Ямка зуба овальной формы, длинная ось овала располагается параллельно передней дужке атланта. Верхние суставные поверхности гладкие, при этом левая разделена бороздой на две части. Бугристость места прикрепления поперечной связки выражена умеренно. На нижней суставной поверхности отмечаются слабые явления пороза. По периметру суставной поверхности ямки зуба, верхних и нижних суставных поверхностей имеются краевые костные разрастания до 1 мм.

На основе данных о времени возникновения ядер окостенения и синостозировании атланта возраст индивида был определен как старше 20 лет. Именно в этом возрасте и на протяжении последующих нескольких лет происходит полное прирастание эпифизов поперечных отростков к телу позвонка, что мы и наблюдаем на атланте из Афонтовой Горы II [Schintz et al., 1951]. Еще одним подтверждением высказанного является полное синостозирование нижнего эпифизарного кольца тела позвонка, прирастание которого начинается в 17–19 лет и заканчивается к 25 годам [Buikstra, Gordon, St. Noyme, 1984]. Косвенно о вышеуказанном возрасте свидетельствует и наличие слабых краевых костных разрастаний по периметру как нижних, так и верхних суставных поверхностей позвонка. Таким образом, можно сделать вывод, что индивиду было не менее 20–25 лет.

Измерительные характеристики и определение пола. Следует отметить, что репрезентативного сравнительного материала по палеолитическим первым шейным позвонкам *Homo sapiens* пока недостаточно, это затрудняет применение методов статистического анализа для их сравнения. Накопление измерительных данных в дальнейшем позволит определить место атланта с местонахождения Афонтова Гора II в ряду изменчивости этой кости у людей палеолита. Мы приводим все антропометрические характеристики первого шейного позвонка (мм):

Максимальный дорсовентральный диаметр	39,4
Максимальный трансверзальный диаметр	67,0
Верхний трансверзальный диаметр	47,3
Нижний трансверзальный диаметр	41,9?
Сагиттальный диаметр позвоночного отверстия	30,3
Ширина позвоночного отверстия	26,3
Расстояние между бугристостями места прикрепления поперечной связки	17,3

Максимальный краинокаудальный диаметр переднего бугорка	10,5
Максимальный дорсовентральный диаметр (толщина) переднего бугорка	5,7
Максимальный трансверзальный диаметр фасетки ямки зуба	11,0
Максимальный краинокаудальный диаметр (высота) латеральной массы	17,4
Максимальный краинокаудальный диаметр задней бугристости	6,8
Максимальный дорсовентральный диаметр задней бугристости	3,1
Краинокаудальный диаметр отверстия позвоночной артерии	6,4
Верхняя суставная фасетка: сагиттальный диаметр	22,7
Верхняя суставная фасетка: трансверзальный диаметр	11,7
Нижняя суставная фасетка: сагиттальный диаметр	13,8
Нижняя суставная фасетка: трансверзальный диаметр	13,1

Пол индивида, которому принадлежит атлант, может быть достаточно уверенно определен исходя из его измерительных характеристик. Максимальный трансверзальный диаметр исследуемого позвонка равен 67,0 мм, что соответствует значениям, характерным для женщин (65–76 мм), и меньше нижней границы размеров у мужчин (74–90 мм) [Dubreuil-Chambardel, 1907].

Мы также использовали метод определения пола, предложенный Е.А. Марино. Исследователь, проанализировав восемь размеров атланта с применением уравнения множественной регрессии и дискриминантного анализа, установил, что при итоговых значениях $\geq 0,5$ пол должен быть определен как женский, а при результате $< 0,5$ – как мужской [Marino, 1995]. В нашем случае результаты вычислений с привлечением вышеуказанных способов анализа оказались более 0,5. Таким образом, мы с большой долей уверенности можем констатировать, что пол исследуемого индивида женский.

Заключение

Палеоантропологический материал, обнаруженный при раскопках местонахождения Афонтова Гора II, представляет элементы скелета двух индивидов. Исследование нижней челюсти позволило сделать вывод, что она принадлежала девочке 14–15 лет. Ряд антропоскопических особенностей (сложное строение подбородочной ости, крупное питательное отверстие в ее верхней части, слабое развитие низнечелюстного валика, хорошо выраженные подбородочный выступ и подбородочные бугорки, степень выраженности и форма челюстно-подъязычной линии) являются

характерными для морфологии нижних челюстей современных людей. Антропометрические параметры челюсти из Афонтовой Горы II ближе к характеристикам современных подростков, чем к верхнепалеолитическим образцам. Близкая по биологическому возрасту и идентичная по половой принадлежности челюсть Преждомсти 5 имеет значительно большую проекционную длину от мыщелков и более высокую и широкую ветвь. Образцы меньшего биологического возраста из Сунгиря массивнее, характеризуются большей межмыщелковой шириной и более высокой и широкой ветвью. Поскольку погребения в Сунгире и Преждомсти на 10 тыс. лет древнее слоя Афонтовой Горы II, содерявшего нижнюю челюсть, отмеченные различия можно связать с эпохальной тенденцией к грацилизации, достигшей в последнем случае практически современного уровня.

Измерительные характеристики атланта четко указывают на его принадлежность индивидуу женского пола. Степень синоностозирования первого шейного позвонка, наличие слабых краевых костных разрастаний по периметру суставных поверхностей свидетельствуют о возрасте не моложе 20–25 лет. Скудность материала по атланту у людей палеолита препятствует применению методов статистического анализа для сравнения. Однако накопление подобных данных в последующем позволит определить место этой кости в ряду изменчивости у палеолитических людей.

Список литературы

Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. – М.: Наука, 1978. – 285 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 240 с.

Гладилин Ю.А. Морфология нижней челюсти человека. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. мед. ун-та им. В.И. Разумовского, 2013. – 200 с.

Деревянко А.П., Славинский В.С., Чикишева Т.А., Зубова А.В., Слепченко С.М., Зольников И.Д., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Цыбанков А.А., Деев Е.В., Рыбалко А.Г., Стасюк И.В., Харевич В.М., Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Степанов Н.С., Дудко А.А., Ломов П.К. Новые антропологические находки эпохи палеолита со стоянки Афонтова Гора II (предварительное описание, краткий стратиграфический и археологический контекст) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 431–434.

Персин Л.С., Елизарова В.М., Дьякова С.В. Стоматология детского возраста. – М.: Медицина, 2003. – 640 с.

Славинский В.С., Акимова Е.А., Лысенко Д.Н., Томилова Е.А., Кукса Е.Н., Дроздов Н.И., Анойкин А.А.,

Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Степанов Н.С., Гревцов Ю.А., Ломов П.К., Дудко А.А. Костяная индустрия стоянки Афонтова Гора II (по результатам раскопок 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 435–437.

Тарасенко С.В., Дыдыкин С.С., Кузин А.В. Анатомо-топографическое и рентгенологическое обоснование проведения дополнительных методов обезболивания зубов нижней челюсти с учетом вариабельности их иннервации // Стоматология. – 2013. – № 5. – С. 44–48.

Тарасенко С.В., Кузин А.В., Микоян А.С. Повышение безопасности оперативных вмешательств на нижней челюсти с учетом топографии питательных отверстий и микроканалов // Российский стоматологический журнал. – 2014. – № 6. – С. 33–36.

Buikstra J.E., Gordon C.C., St. Hoyme L. The Case of Severed Skulls: Individuation in Forensic Anthropology // Human Identification: Case Studies in Forensic Anthropology / eds. T. Rathbun, J.E. Buikstra. – Springfield: Ch.C. Thomas Publ. Ltd, 1984. – P. 121–135.

Dubreuil-Chambardel L. Variations sexuelles de l'atlas // Bull. et Mém. de la Soc. d'Anthropol. de Paris. – 1907. – N 8. – P. 399–404.

Gómez-Olivencia A., Carretero J.M., Arsuaga J.L., Rodríguez-García L., García-González R., Martínez I. Metric and Morphological Study of the Upper Cervical Spine from the Sima De Los Huesos Site (Sierra De Atapuerca, Burgos, Spain) // J. Hum. Evol. – 2007. – Vol. 53. – P. 6–25.

Holmes M.A., Ruff C.B. Dietary Effects on Development of the Human Mandibular Corpus // Am. J. Phys. Anthropol. – 2011. – Vol. 145. – P. 615–628.

Hrdlička A. Lower Jaw // Am. J. Phys. Anthropol. – 1940. – Vol. 27. – P. 281–308.

Huggare J. The First Cervical Vertebra as an Indicator of Mandibular Growth // Eur. J. Orthod. – 1989. – Vol. 11. – P. 10–16.

Huggare J. Association Between Morphology of the First Cervical Vertebra, Head Posture, and Craniofacial Structures // Eur. J. Orthod. – 1991. – Vol. 23. – P. 435–440.

Huggare J., Kylamarkula S. Head Posture and the Morphology of the First Cervical Vertebra // Eur. J. Orthod. – 1985a. – Vol. 7. – P. 151–156.

Huggare J., Kylamarkula S. Morphology of the First Cervical Vertebra in Children with Enlarged Adenoids // Eur. J. Orthod. – 1985b. – Vol. 7. – P. 93–96.

Marino E.A. Sex Estimation Using the First Cervical Vertebra // Am. J. Phys. Anthropol. – 1995. – Vol. 97. – P. 127–133.

Schintz H.R., Baensch W.E., Friedl E., Uehlinger E. Roentgen Diagnostics. – N. Y.: Grune and Stratton, 1951. – 1190 p.

Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains: Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History / eds. J. Buikstra, D.H. Ubelaker. – Fayetteville AK: Arkansas Archeol. Survey, 1994. – 218 p. – (Arkansas Archeol. Rep. Res. Ser.; N 44).

Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. – Chicago: Aldine publ. co, 1978. – 116 p.

- АМАЭ РАН – Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
- АМБ – Ассоциация малого бизнеса
- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
- ВКОИКМ – Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей
- ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
- ИА КН МОН РК – Институт археологии Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
- ИА РАН – Институт археологии РАН
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- ИГУ – Иркутский государственный университет
- ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
- ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
- ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
- МАЭ РАН (АН СССР) – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (АН СССР)
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НГУ – Новосибирский государственный университет
- НИИ и МА МГУ – Научно-исследовательский институт и Музей антропологии Московского государственного университета
- РГАКФД – Российский государственный архив кино-фотодокументов
- РЭМ – Российский этнографический музей
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
- СЭ – Советская этнография
- ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
- УрО РАН – Уральское отделение РАН

Адаев В.Н. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: whitebird4@yandex.ru

Ансимова О.К. – кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета, пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия. E-mail: ansimova-ok@yandex.ru

Арзютов Д.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3. Санкт-Петербург, 199034, Россия; научный сотрудник Абердинского университета, Великобритания. University of Aberdeen, Edward Wright Building, Aberdeen, AB24 4QY, United Kingdom. E-mail: darzyutov@gmail.com; arzyutov@kunstkamera.ru; d.arzyutov@abdn.ac.uk

Бесетаев Б.Б. – лаборант-исследователь Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: besetaev86@mail.ru

Бородовский А.П. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Вебер А.В. – профессор Университета Альберты, Канада. University of Alberta, 13-15 HM Tory Building, T6G 2H4, Edmonton, AB, Canada; исследователь университета Экс-Марсель, Франция. Aix-Marseille University, 5 rue du Château de l'Horloge – B.P. 647, 13094 Aix-en-Provence Cedex 2, France. E-mail: aweber@ualberta.ca

Глушкова Т.Н. – доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного педагогического университета, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, 628417, Россия. E-mail: tam.g@mail.ru

Голубкова О.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: olga-11100@yandex.ru

Горюнова О.И. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; старший научный сотрудник Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: as122@yandex.ru

Деревянко А.П. – академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Дроздов Н.И. – доктор исторических наук, заведующий лабораторией Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: klapss80@mail.ru

Дураков И.А. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: idurakov@yandex.ru

Зимина О.Ю. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: o_winter@mail.ru

Зубова А.В. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru

Иванов В.А. – доктор исторических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, ул. Октябрьской революции, За, Уфа, 450000, Россия. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Кариев Е.М. – младший научный сотрудник Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана, пр. Республики, 24, Астана, 010000, Казахстан. E-mail: eldos.82@mail.ru

Кириюшин К.Ю. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

Кобелева Л.С. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; младший научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Лозей Р.Дж. – профессор Университета Альберты, Канада. University of Alberta, 13-15 HM Tory Building, T6G 2H4, Edmonton, AB, Canada. E-mail: rlosey@ualberta.ca

Лысенко Д.Н. – научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология», пр. Мира, 25, стр. 1, Красноярск, 660049, Россия. E-mail: krasgeo@gmail.com

Молодин В.И. – академик РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; главный научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Мыльников В.П. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Новиков А.Г. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; научный сотрудник Иркутского государственного университета, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия. E-mail: as122@yandex.ru

Номоконова Т.Ю. – доктор наук, преподаватель Университета Британской Колумбии, Канада. University of British Columbia, 1147 Research Road, V1V 1V7, Kelowna, Okanagan, BC, Canada. E-mail: tatiana.nomokonova@gmail.com

Сенюрина Ю.А. – аспирант Сургутского государственного педагогического университета, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, 628417, Россия. E-mail: senurina.july@yandex.ru

Славинский В.С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: slavinski@yandex.ru

Слепченко С.М. – младший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, Россия. E-mail: s_slepchenko@list.ru

Степанова Н.Ф. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; старший научный сотрудник Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: nstepanova10@mail.ru

Табарев А.В. – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: olmec@yandex.ru

Татауров С.Ф. – кандидат исторических наук, заведующий сектором Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: TatSF2008@rambler.ru

Тихонов С.С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: st-57@mail.ru

Тишкун А.А. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: tishkin210@mail.ru

Фролов Я.В. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Алтайского государственного университета, ул. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: frolov_jar@mail.ru

Цыбанков А.А. – кандидат исторических наук, заведующий отделом Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: tsybankov@yandex.ru

Чикишева Т.А. – доктор исторических наук, заведующая сектором Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: chikisheva@ngs.ru